

Материк льда

Советская историография 1920-х - 1940-х годов, посвященная ходу, основным результатам и итогам Первой русской антарктической экспедиции (1819-1821 гг.) являет собой картину удивительно противоречивую. Несмотря на господствующую в стране моноидеологию, исследовательские подходы, интерпретационные модели, трактовки и оценки советских специалистов - историков и географов - в отношении факта открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена - Лазарева, не были "унифицированы" после проведения Общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград). Многие из этих специалистов в явной или скрытой форме оспаривали факт первооткрытия Антарктиды Первой русской антарктической экспедицией. Попытка найти причины и мотивационные основы этого осуществлена в настоящей монографии.

Материк льда

Александр Овлащенко

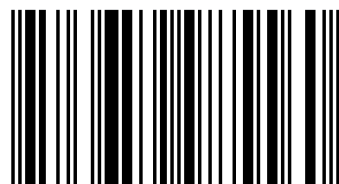
Материк льда

Первая русская антарктическая экспедиция и
ее отражение в советской историографии
(1920-е - 1940-е годы)

Александр Овлащенко

Доктор права, ассоциированный профессор Балтийской Международной Академии (Рига, Латвия). В середине - конце 80-х годов работал в Государственном историческом архиве Латвии (старший хранитель фондов, архивист II и I категории). Автор более 90 научных публикаций в области международного права, истории международных отношений, военно-морской истории.

978-3-659-98556-0

Овлащенко

Palmarium
academic publishing

Александр Овлащенко

Материк льда

Александр Овлащенко

Материк льда

**Первая русская антарктическая
экспедиция и ее отражение в советской
историографии (1920-е - 1940-е годы)**

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-98556-0

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2013 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2013

Оглавление

Введение: «...Вот тебе и <i>South Continent!</i> ...».....	3
Глава I. 1917– 1938 годы «...Замечательное плавание в больших южных широтах...»: ранняя советская историография открытия Антарктиды.....	17
Глава II. 1939 год «...На берегу был оставлен небольшой балаган... и поднят норвежский флаг...»: остров Петра I в советской историографии.....	49
Глава III. 1940 – 1945 годы «...Антарктида осталась неувиденной...»: экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева в советской историографии накануне и в период Великой Отечественной войны	69
Глава IV. 1946 – 1948 годы «...На это мы имеем историческое право первооткрывателей...»: Русская антарктическая экспедиция в советской историографии в первые послевоенные годы.....	111
Глава V. 1949 год «...Во всяком случае Беллинсгаузен и Лазарев еще 16 января и 5 февраля 1820 года видели берег антарктического материка»: советская историография после проведения общего собрания Всесоюзного географического общества.....	169
Глава VI. 2011 – 2013 годы «... <i>In 1949 a reassessment of the Imperial Russian Navy's Antarctic expedition of 1819–1821 was promulgated in the Soviet Union...</i> »: полемические заметки на статью Рипа Балкли.....	267
Вместо заключения: заблуждения, эклектизм или предумышленность советской историографии?.....	275
Библиография.....	287

Введение: «...Вот тебе и *South Continent!*...»

«...Правительства великих морских держав и в первую очередь Англии и Франции были неприятно задеты успехами русских исследований в Антарктике. ...Англия боялась возросшего могущества России и ясно, что в этой стране старались всячески умалить значение и успехи русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева...»

Дм. Голубев (1949)

В январе 2020 г. исполнится 200 лет с момента открытия русской военно-морской кругосветной экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева Антарктиды. Той, «*Terra Australis Incognita*» – загадочной южной земли – легенды о которой занимали умы людей еще со времен древности и переходя из поколения в поколение просуществовали вплоть до начала XIX в.

Как известно, слова «*Terra Australis*» впервые применены на глобусе Шенера 1523 года для обозначения нового материка – воображаемой южной земли [Алейнер 1949(б): 491]. Предпринимавшиеся ранее поиски не давали определенного ответа на давно волновавший географов вопрос о существовании в южном полушарии континента.

Догадку о том, что земли в районе Южного полюса покрыты толстым слоем льда, высказал еще М.В. Ломоносов задолго до открытия Антарктиды. Ее открыватели и основоположники научного исследования южнополярного района капитан 2 ранга Ф.Ф. Беллинсгаузен и лейтенант М.П. Лазарев на парусных шлюпах «Восток» и «Мирный» в течение 1819–1821 гг. вплотную подошли к берегам континента (наблюдали, описали и картировали эти берега), обошли его вокруг, сделав при этом ряд других важных географических открытий (о. Петра I, о. Александра I и др.).

Они же установили главную особенность – это «материк льда», что было природным феноменом, неизвестным ранее. В своем

предварительном донесении, посланном в Россию из Порт-Жаксона, Ф.Ф. Беллинсгаузен сообщает о событиях с 5 на 6 февраля 1820 г.: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда (! – *А.О.*), коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212].

Читая и анализируя сегодня труды участников экспедиции – отчетную работу ее руководителя Ф.Ф. Беллинсгаузена [Беллинсгаузен 1949], письма М.П. Лазарева [Лазарев 1952: 150–151, 198–200] (в современной российской историографии упоминается тот факт, что, «к сожалению, оригиналов рукописей Беллинсгаузена и Лазарева до сих пор не удалось обнаружить; поэтому первое издание, вышедшее в 1831 г., стало эталонным при последующих переизданиях» [Беллинсгаузен 2008: 959] – *А.О.*), речь астронома-наблюдателя экспедиции, профессора Казанского университета И.М. Симонова, произнесенную им на торжественном заседании в этом университете после окончания путешествия [Плавания 1949: 37, 47–48], наконец, книги (без указания авторства изданные в России в 50-х гг. XIX в. [Южный 1853; Шестой 1854]) члена экипажа шлюпа «Мирный» мичмана П.М. Новосильского – с их описаниями открытия Антарктиды, невольно вспоминается адмирал С.О. Макаров, который приводил знаменитое изречение старого штурмана: «...Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, не пишем...» [Орлов 1948: 14].

Инициированная и проводимая под личным патронатом императора Александра I, желавшего, чтобы «Россия, прославленная военными и гражданскими доблестями, принесла свои дары в сокровищницу человеческих знаний» [Южный 1853: 1], экспедиция проводила тщательные исследования высоких южных широт: уточнялись географические карты, систематически производились океанографические, метеорологические, другие естественнонаучные наблюдения. Результаты всего комплекса работ южнополярной экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, приведшие к выводам о природе сплошных льдов Антарктиды, явились ценнейшим вкладом русской исследовательской мысли в изучение нашей планеты.

Главная цель экспедиции состояла в том, чтобы подойти как можно ближе к южному полюсу и отыскать предполагаемый «новый

материк». При этом экспедиция преследовала и вполне прагматичные, конкретные внешнеполитические цели – укрепление позиций России как морской державы.

Один из организаторов и консультантов южнополярной экспедиции, участник первого русского кругосветного плавания адмирал И.Ф. Крузенштерн писал 31(12) марта 1819 г. морскому министру И.И. Траверсе: «Славу такого предприятия не должны мы допускать отнять другим у нас, она в продолжении краткого времени достанется непременно в удел англичанам или французам. По сим-то причинам почитаю я сие предприятие одним из важнейших, как когда-либо предначинаемы были. ...Итак, новая экспедиция... может только иметь ту цель, чтобы... сделать последний конец исканию земли у Южного полюса» [Лазарев 1952: 98].

Русская правительственная экспедиция 1819–1821 гг. полностью справилась со своей основной задачей – последний неизвестный континент был открыт.

В опубликованном в 1881 г. в «Русском архиве» очерке, написанном на 30-летие кончины адмирала М.П. Лазарева, автор этого очерка, писал, что исследования экспедиции 1819–1821 гг. «впервые заслужили внимание к Русскому флоту всего Европейского ученого мира» [В. И. 1881: 350].

А вот какой комментарий в конце XIX в. дал француз В. Фонвиель: «Прекрасного примера, данного русским правительством другим державам, считавшими Россию полудикой страной, было недостаточно – Франция, Англия и Соединенные Штаты еще долго не решились бы снарядить экспедиции в южные полярные страны, если бы на их глазах не совершалось ежегодных плаваний к полюсам промышленников-китоловов» [Фонвиель 1896: 81–82].

Открытия и исследования русской экспедиции заставили географов пересмотреть основные положения в науке о земле, и после окончания экспедиции южный континент (правда, для многих, все еще только лишь предполагаемый) сразу же привлекает к себе пристальное внимание различных стран. Правительства великих морских держав – Англии и Франции, были неприятно задеты успехами русских исследователей в Антарктике. Англия традиционно настороженно отнеслась к морским успехам России. «Владычица морей» старалась

всячески умалить значение и успехи экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева [Голубев 1949: 60–61].

Достаточно привести лишь один, относящийся к хронологическим рамкам настоящей работы, пример. В 1945 году в Англии был издан перевод книги Ф.Ф. Беллинсгаузена. Редактор этого издания, директор Полярного института им. Скотта в Кембридже Ф. Дебенхэм, в качестве «наивысшей» оценки результатов русской экспедиции процитировал слова известного английского географа и метеоролога, бывшего вице-президента Лондонского географического общества Х. Милля, который, в свою очередь, считал эту экспедицию «достойной быть поставленной в один ряд с экспедицией Дж. Кука» [Шведе 1947: 357]. Как хорошо известно – Антарктиды не открывшей.

Подобные оценки и «интеллектуальные влияния» старательно и терпеливо корреспондировались английской дипломатией в Россию (буквально с самого момента открытия, но, главным образом, на протяжении второй половины XIX – первой трети XX в.), а затем, когда эту «эстафету» продолжили соответствующие структуры заинтересованных в Антарктике США, и в Советский Союз, находя здесь в ряде случаев весьма «благоприятную почву».

Ведь ставки были очень и очень высокими. Неслучайно известный западный специалист, профессор Лондонского университета Клаус Доддс охарактеризовал десятилетие, предшествовавшее заключению Договора об Антарктике 1959 г. – «большой игрой» [Dodds 2008: 43–66]. Для ряда заинтересованных государств, включая Советский Союз, это действительно была «большая антарктическая игра».

Осенью 1948 года в ряде заявлений представителей министерств иностранных дел США, Великобритании и некоторых других стран, а также в сообщениях мировой печати, указывалось на переговоры об Антарктике, начатые по инициативе Государственного департамента США между Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, Норвегией, Австралией, новой Зеландией, Аргентиной и Чили по вопросу о режиме Антарктики. Причем, Госдепартамент США заявил, что СССР не был приглашен для решения вопроса об Антарктике потому, что «ни одно правительство России, ни при советском, ни при царском режиме, никогда не выдвигало никаких требований в отношении Антарктики».

И если Антарктиду называли, еще и в 50-х годах XX века, «большим белым пятном», то историческое освещение факта открытия этого континента русской экспедицией – в самой стране-инициаторе этой экспедиции, следует признать в современной российской историографии «белым пятном» во всяком случае не меньшим. Исходя из этого, в книге предпринята попытка проследить внутренние механизмы развития историографического процесса в Советском Союзе в 1920-е – 1940-е годы.

Говоря об историографии следует очевидно отметить, что вести речь о собственно советской историографии Первой русской антарктической экспедиции, в 20-е – 40-е годы прошлого столетия, можно лишь с изрядной долей условности. Поскольку никаких исторических, историко-географических исследований в отмеченные годы в этой области в Советском Союзе практически не проводилось. Даже в более поздние годы, чаще всего, практиковалась подмена первичного описания материала исследуемого текста описаниями, данными по его описаниям.

В более широком аспекте на это обращают внимание современные российские историки. Например, на «образование глубоких линий разрыва в источниковедческой практике» обращает внимание профессор, доктор исторических наук Г.М. Ипполитов. «Если дореволюционная историография, – пишет он, – отличалась тщательным и глубоким отношением к историческому источнику и хорошие источниковедческие знания являлись во многом критерием историко-научного профессионализма, то после революции изначально побеждает тенденция оттеснения источников и подчинение их обществоведческим схемам и установкам» [Ипполитов 2012].

Однако даже это последнее положение, казалось бы, во многом бесспорное, применительно к советской историографии открытия Антарктиды не всегда выдерживает проверку (в смысле подчинения обществоведческим схемам и установкам).

В августе 1821 г. «Отечественные записки» так отозвались о прибытии 24 июля шлюпов «Восток» и «Мирный» на Кронштадский рейд: «Со времени первого предприятия соотечественников наших вокруг света, мы почти ежегодно встречаем их – совершающими сей подвиг с необыкновенной скоростью, успехом и отличной честью для

Российского флага; но ни одно из сих путешествий незамечательно столько в отношении мореплавания и не было увенчано столь важными открытиями, как экспедиция, отправленная в 1819 году к южному полюсу» [Кронштадские 1821: 233].

При описании хода этой экспедиции, автор заметки в «Отечественных записках» отмечал, что, находясь в «больших широтах», 4 января 1820 г. суда были совершенно окружены льдом, но несмотря на это, продолжали идти дальше к югу. 16 января 1820 г. шлюпы встретили «сплошной лед» [Кронштадские 1821: 236].

Во время похода судов в антарктических водах в 1821 г., «в больших широтах под 69° нашли они два острова, из коих один назвали они именем Зиждителя Российского флота – Петра Великого, а другой берегом Александра I». Отсюда корабли «прошли по южную сторону Шетландии, которая предполагается была Англичанами за матерую землю» [Кронштадские 1821: 237], то есть принята ими за Антарктиду.

Именно с последним эпизодом путешествия непосредственно связана вынесенная в подзаголовок введения книги цитата. Слова эти принадлежат лейтенанту М.П. Лазареву, командиру, участвовавшего в Первой русской антарктической экспедиции шлюпа «Мирный», впоследствии адмиралу и основателю российского Черноморского флота.

Описывая перипетии антарктического плавания в письме к своему другу капитан-лейтенанту А.А. Шестакову, М.П. Лазарев заключил такой простой фразой повествование о прохождении их судов южнее, открытой в 1819 г. капитаном Смитом, Южной Шетландии (современное географическое название – Южные Шетландские острова). Русская экспедиция развенчала таким образом миф о том, что это была окраина предполагаемого антарктического континента, – «матерая на юге земля» [Из письма 1952: 199].

На наш взгляд однако, это же высказывание М.П. Лазарева – «Вот тебе и *South Continent!*» – можно рассматривать в качестве метафоры, своеобразного эпитафия ко многим из последующих оценок, высказанных советскими специалистами (анализ оценок зарубежных авторов, за редким исключением не входит в число задач настоящего исследования), в первую очередь, географами и историками в

отношении основного результата экспедиции 1819–1821 гг. – открытия Антарктиды.

Важность таких оценок в прикладном плане определяется по выражению известного российского специалиста в области антарктической проблематики, тем, что «исторически вся эволюция геополитики России по отношению к Антарктике была основана на приоритете русских в открытии южного материка» [Лукин 1999: 80].

Кстати, как уже стало понятно выше, в одном из самых первых сообщений о возвращении шлюпов «Восток» и «Мирный» в Кронштадт, факт открытия «Южного материка» (при упоминании других достижений экспедиции – открытии острова Петра Великого, берега Александра I, множества других островов) отмечен не был. На это были как свои объективные, так и вполне субъективные причины. На многие из этих причин обращалось внимание в советской историко-географической науке, в частности, М.И. Беловым [Белов 1969: 42].

В двух словах суть проблемы заключается в следующем. В апреле 1820 г. в рапорте морскому министру И.И. Траверсе Ф.Ф. Беллинсгаузен заявил, что экспедиция обнаружила «материк льда». В России это открытие не произвело впечатления, так как ожидали иного – открытия суши (в трактовке Дж. Кука, так называемой «Южной земли», или же, как ее еще иногда называли, «куковой земли»).

Следовательно, по мнению М.И. Белова, речь должна идти о непонимании большинством современников существования этого географического открытия. Главная причина – это низкий уровень науки о льдах, это признание географическим открытием только обнаружение участков суши. Ведь еще и в конце XIX – начале XX века ученые задавались вопросом: что же представляет собой та, покрытая снегом и льдом земля, которую наблюдали в стольких пунктах вокруг Южного полюса?

«Безусловно, – писал советский географ И.М. Забелин (1927–1986), – что историю географии невозможно представить себе без истории географических открытий, но далеко не все из них имели значение для развития географической мысли, теории науки» [Забелин 1989: 3].

Очевидно, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева в наибольшей степени, помимо самого главного своего практического

результата – открытия Антарктиды, сыграла роль в деле развития географической мысли, в выработке фундаментальных теоретических представлений о южнополярном регионе.

Очень важным свидетельством первооткрытия следует считать работы участника экспедиции, члена экипажа шлюпа «Мирный» мичмана П.М. Новосильского. В ходе плавания он вел почти ежедневно краткие записи о том, «что случалось видеть и испытывать». В изданных в Петербурге в 1853 году (без указания его авторства) записках о путешествии, подчеркивалось, что русская экспедиция 1819–1821 гг. под руководством капитана 2 ранга Ф.Ф. Беллинсгаузена «по блистательным успехам принадлежит к числу самых замечательных».

«Отважный мореплаватель, – писал П.М. Новосильский, – шесть раз проникал за южный полярный круг, почти на параллели 69° южн. шир. открыл земли, которые не гадательно, а действительно доказали существование нового южного материка» [Южный 1853: 6/с].

Уже в записи от 4 января 1820 г. мичман П.М. Новосильский пишет: «...Около полудня... дошли до сплошного льда, который решительно преградил нам дорогу. С салинга не видно было нигде ни малейшего к югу отверзтия. Погода в это время была совершенно ясная...» [Южный 1853: 25].

В день открытия Антарктиды – 16 января 1820 года – появилась такая запись: «...В 9 часов утра уже находились в широте 69°17', и впереди льда еще не видно! Каждая миля, вперед пройденная, чрезвычайно радует нас. Почему знать, может быть дойдем до широты самой близкой к полюсу? ...В полдень, в широте 69°25', долготе 2°15' западной, сквозь шедший снег открылся впереди сплошной лед; ...шли этим курсом еще две мили и достигли до обширного ледяного поля, усеянного пригорками и простиравшегося от востока чрез юг на запад...» [Южный 1853: 28–29].

В другой своей работе, мичман П.М. Новосильский писал об этом дне так: «Шлюпы достигнув до 69°25' ю. ш. и 2°15' з. д. остановлены были в дальнейшем на юг плавании неподвижным ледяным берегом, усеянным бесчисленными кусками льда, один на другой взгроможденными, и поэтому должны были поворотить на север» [Шестой 1854: 8].

Именно так относились к главному результату экспедиции ее непосредственные участники. А как оценивали в дальнейшем наши соотечественники факт открытия Антарктиды русскими военными моряками?

Сразу необходимо оговориться: со времени окончания этой экспедиции и вплоть до окончания Великой отечественной войны, то есть на протяжении века с четвертью, антарктическим вопросам в стране уделялось чрезвычайно мало внимания. Государство не было заинтересовано ни в научном изучении, ни, тем более, в практическом освоении открытого русской экспедицией континента. Естественно, что это не могло не отразиться и на отношении к самому факту географического открытия.

Проведенный в настоящей книге анализ позволяет говорить о существовании в рамках советской географической и исторической науки (и их околонаучных кругов) своеобразного, но весьма последовательного, активного, по-своему изобретательного лобби, объединяющего в себе противников признания факта открытия Антарктиды русской военно-морской экспедицией.

Похоже, что основные усилия (побудительные причины в основном остались за рамками исследования) этого лобби были направлены на создание ситуации своеобразного *circulus vitiosus* – «порочного круга». Иными словами, создания в национальном и международном научном и общественном мнении впечатления того, что для обоснования и отстаивания своих антарктических интересов Советским Союзом приводится в качестве доказательства то, что само нуждается в доказательстве. И в первом, и в последнем случае – это открытие русской экспедицией Антарктиды.

Весь материал по советской историографии основных итогов и результатов Первой русской антарктической экспедиции, открытию Антарктиды разбит в данной работе на следующие основные периоды или этапы ее развития (а также отдельные, наиболее важные годы): 1) 1917–1938 гг.; 2) 1939 г.; 3) 1940–1945 гг.; 4) 1946–1948 гг.; 5) 1949 г.

Несмотря на известную долю условности, Впрочем, как и в любой периодизации (ведь обсуждаемой продолжает оставаться проблема периодизации самой советской исторической науки), она имеет свою внутреннюю логику.

Развитие советской историографии в анализируемой области идет от практически полной исследовательской индифферентности, от подобного, этой же индифферентности полного равнодушия государства к Антарктике, затем через нечастые, но предельно некомпетентные, а то и просто фальсифицированные оценки 30-х годов, к постепенному нарастанию – на протяжении военных и первых послевоенных лет – интереса к антарктической тематике (в том числе связанному с проблемами урановой руды и с практическим освоением Антарктики Советским Союзом – началом ведения китобойного промысла, осуществлением сопутствующих научных наблюдений) и, вплоть до «кульминации» такого интереса в 1949 г., – году проведения общего собрания действительных членов Географического общества СССР, не избавившего впрочем советскую историографию теперь уже от «вала» все таких же эклектичных, далеких от объективности оценок, относящихся к результатам и научным итогам Первой русской антарктической экспедиции.

Такая периодизация допустима, но не избавляет от учета того очевидного факта, что «привязка» нового историографического этапа к тому или иному событию не всегда является правомерной. Хотя бы в силу пролонгированности научного поиска и последующего за таким поиском конечным оформлением, конкретизацией (материализацией) научного труда.

В этой связи вполне справедливым является замечание И.М. Забелина по поводу того, что «некоторые тенденции развития географической мысли (а значит, и историко-географической мысли. – *А.О.*) в СССР, формально приходящиеся... на 1933–1945 гг., свою законченность обрели уже в послевоенные годы» [Забелин 1989: 232]. Кстати, эта его мысль (и даже указанные им хронологические рамки) в значительной степени применима как раз к советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Научный анализ советской историографии Первой русской антарктической экспедиции потребовал от автора обращения к большому числу самых разнообразных источников (например, из области истории международных отношений, дипломатии, международного права), но, в первую очередь, к собственно

исследовательским материалам по истории экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Как писал Г.С. Тихомиров во «вступительном замечании» к своей работе 1948 года: «Историк географической науки прежде всего должен обратиться к тому, что изложено в книгах, статьях и заметках по предмету его исследования. Это безусловно первое и необходимое условие на пути серьезного занятия наукой» [Тихомиров 1948: 9]. Очевидно, что в еще большей степени это относится к историографическому исследованию, среди основных задач которого, составление историографических портретов/биографий ученых для избранного сегмента историографического анализа.

В работе широко использованы биографические (биографии, характеристики научной деятельности и значения трудов данного ученого (например, Ю.М. Шокальского, и др.), юбилейные статьи, сборники, посвященные отдельным ученым, некрологи), библиографические и биобиблиографические источники (включая итогово-обзорную литературу по отдельным отраслям науки и научным учреждениям, обычно связанную с отмечаемыми годовщинами или юбилеями), научно-популярная и художественная литература (в том числе, изданная для детей и молодежи), литературоведческие источники, рецензии, справочники, картографический материал (атласы, предназначенные для офицерского состава, школьные и учебные атласы, отдельные материалы зарубежной картографии), охватывающие соответствующий советский период.

Автор не рассматривал как «потерявшие ценность» материалы информационного характера, хронику, краткие сообщения, статьи и заметки по Антарктике, опубликованные в советских газетах и журналах. Все только что перечисленное в известной степени позволяет реконструировать культурно-исторический контекст развития советской историографии.

Безусловно автору не удалось, и, прежде всего, в силу причин объективного характера, задействовать все источники советской историографии 1920-х – 1940-х годов, относящиеся к экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Исследовательский поиск, совершенствование науковедческих изысканий, обнаружение и последующее введение в научный оборот

историографического, как и собственно исторического материала необходимо продолжать. Исследователей ожидает в этой области еще немало интересных научных находок, к примеру, при изучении региональных (местных) специальных и общественно-политических изданий.

Многого можно ожидать от введения в научный оборот архивных материалов.

Желательно проложение научной дискуссии вокруг 1949 года, когда «решением ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 г. было признано целесообразным заявить, сначала в неофициальной форме, о заинтересованности Советского Союза в вопросе о режиме Антарктики...» [Докладная 1950].

«В соответствии с этим» [Докладная 1950] состоялось общее собрание действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград). Однако это мероприятие повлекло за собой не некую «унификацию» (а именно такой точки зрения придерживаются сегодня зарубежные историки и историографы, например, Рип Балкли [Bulkeley 2013: 9–25]) исследовательских подходов при освещении основных результатов и итогов Первой русской антарктической экспедиции, самого факта открытия этой экспедицией Антарктиды, а, напротив, повлекло за собой, как это будет показано дальше, «дискуссионный всплеск» в советской историографии, а чаще, скрытое оппонирование этому факту.

Автор выражает благодарность всем специалистам и сотрудникам Латвийской Национальной Библиотеки (*Latvijas Nacionālā bibliotēka*, Рига) за их высокий профессионализм и неизменную помощь на протяжении последних пяти лет, в тот период, когда шла работа над настоящей монографией.

Особые слова признательности старшему библиографу *LNB* Рудите Озолине (*Rudīte Ozoliņa*).

Автор искренне благодарит доктора философии, члена *SCAR History Expert Group* Ирину Ган (*Irina Gan*, Австралия), доктора географических наук, заведующего лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы (Российская Федерация) Л.А. Безрукова и британского историка, члена *SCAR History Expert Group* Рипа Балкли (*Rip Bulkeley*) за

предоставленные ими и использованные в настоящей книге отдельные материалы.

Кроме того, автор считает необходимым выразить благодарность Марии Овлащенко, взявшей на себя рутинный, но необходимый труд по оформлению списка использованных в работе источников (292 названия).

Наконец, автор с благодарностью примет все пожелания и замечания по настоящей работе, указания на пробелы в ней, неточности, противоречия, несоответствия, а также несогласие с ней в постановочно-концептуальном плане (с автором можно связаться по электронной почте: *ovlalex@yandex.ru*).

Глава I. 1917 – 1938 годы

«...Замечательное плавание в больших южных широтах...»: ранняя советская историография открытия Антарктиды

*«...В феврале 1820 г. были поблизости
Земли Эндерби (38° в. д.)...»*

Л.С. Берг (1929)

*«...В 1819 году вышел в кругосветное
плавание русский военный фрегат
«Надежда» под командой Ф.Ф.
Беллинсгаузена...»*

М.А. Дьяконов (1932, 1934)

В 1917 году известный океанограф, метеоролог, географ, видный деятель Императорского русского географического общества, впоследствии президент Государственного географического общества СССР Ю.М. Шокальский (1856–1940) писал в своей работе, что благодаря снаряженной в 1819 г. Морским ведомством экспедиции, «русские моряки и ученые оказались причастны к изучению... отдаленнейшей области земного шара, возбуждающей столь большой интерес в настоящее время».

Согласно Ю.М. Шокальскому, Ф.Ф. Беллинсгаузен, совершив «замечательное плавание в больших южных широтах, где он доходил во многих местах до 69° ю. ш., и обследовал гораздо большее пространство за пределами полярного круга, нежели его знаменитый предшественник Кук в 1772–1775 гг.», открыл остров Петра I и Землю Александра I, и, «составил замечательное описание физико-географических условий южной полярной области, имеющее значение и до сих пор» [Шокальский 1917: 33–34].

Таким образом ученый не указал на факт первооткрытия русскими континента. Вполне понятно, что отмеченную «причастность к изучению» навряд ли можно истолковывать как открытие континента, с прямо следующими отсюда правами первооткрывателя.

Правда, гораздо позднее, в 1954 г. полярный исследователь, профессор, контр-адмирал Н.Н. Зубов (1885–1960) в одной из своих работ внес (отчасти полемизируя с советским историком географии И.П.

Магидовичем (1889–1976), давшим свое определение «географического открытия» [Магидович 1949: б/с]), внес, с «морской» точки зрения, некоторые исправления в такое определение.

Н.Н. Зубов считал, что географическим открытием надо называть не только первое посещение, но и первое положение на карту на основании собственных наблюдений географических объектов, которые до того на карте показаны не были, а также и первое описание их.

Так, писал Н.Н. Зубов, Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев положили на карту (т. е. картировали) часть берега Антарктиды, остров Петра I и Землю Александра I, и «совершили этим величайшее географическое открытие XIX в.» – открытие «шестого материка» – Антарктиды, «хотя они эти земли не посетили, а только видели» [Зубов 1954: 7]. С этого открытия началось картографирование и изучение континента, формирование его топонимии – совокупности географических названий. Поэтому со значительной степенью условности можно, все-таки, упомянутое Ю.М. Шокальским, «описание физико-географических условий южной полярной области», отнести к области открытия.

При анализе наиболее ранней советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, нельзя обойти вниманием издание в 1923 году русского перевода книги профессора Дрезденского политехникума (Германия) К. Гассерта. Советским специалистам эта книга безусловно была знакома, и они, судя по тексту их работ (что будет показано ниже) следовали ей. Сам К. Гассерт, в свою очередь опирался на труды известных зарубежных, в первую очередь немецких, ученых (полярного исследователя и географа А. Петерманна, географа и геополитика Ф. Ратцеля и др.).

Вот, как в интерпретации немецкого профессора, происходили поиски Антарктиды в XVIII – первой трети XIX в.: «Сказочный континент таким образом все уменьшался в размерах, пока, наконец, Кук не установил его подлинных очертаний. ...Кук первый трижды пересек полярный круг и этим положил начало исследованию южной полярной области в тесном смысле слова. Его также окрыляла надежда открыть новые богатые области и сделать их полезными родине. ...Кук впервые доказал с полной очевидностью преобладание моря над сушей в южном полушарии и отсутствие больших континентов. ...Экспедиции

второго периода, относящиеся уже к 19-му столетию, и работавшие внутри полярного круга либо вблизи него, дали ряд ценных открытий и еще более ограничили размеры южного материка.

Английские охотники на моржей Вильям Смит и Брансфильд открыли сперва Ново-Южно-Шетландские острова, совершенно покрытые льдом, и дальше к югу целый архипелаг. Богатство и разнообразие морской фауны, замеченное еще Куком, привлекало множество промышленников, из которых иные производили географические открытия. Джеймс Веддель, Пальмер, Пауэлль (здесь и при дальнейшем цитировании имена и фамилии, а также географические названия приведены так, как они даны в оригинале. – *А.О.*) и ряд других открыли покрытые снегом и льдом скалистые Южно-Оркнейские острова и Землю Пальмера, которая лишь недавно при ближайшем изучении оказалась целым рядом островов. Вскоре среди китоловных судов появилась русская правительственная экспедиция Фабиана Готтлиба фон Беллинсгаузена и Лазарева, которая считается фактически первой научной антарктической экспедицией. Во время своего плавания вдоль южного полярного круга, она открыла погребенные под снегом и льдом острова Петра I и Землю Александра I – первую сушу, открытую за полярным кругом... (здесь у К. Гассерта шла ссылка на немецкое издание книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, опубликованную в 1902 г. в Лейпциге. – *А.О.*).

...Сопоставляя результаты последнего периода исследования южно-полярных стран с предыдущим, закончившимся путешествием Росса, мы заметим значительный прогресс. До 1843 года выяснялись лишь отдельные побережья, между тем как в последующие годы началось исследование внутренней части страны. Существование южного континента, именуемого Антарктикой (так в тексте в переводе Г. Ефрона. – *А.О.*), доказано неопровержимо» [Гассерт 1923: 127–129, 156].

Интересными были рассуждения К. Гассерта о существующем и потенциальном хозяйственном использовании антарктических пространств и территорий, природных ресурсов Антарктики и связанных с этим политико-правовых притязаниях государств.

В частности, он писал: «...Приходится выискивать новые, еще неизвестные... области охоты в Антарктике. В настоящее время

китобойный промысел особенно сильно развит между землей Бэнкса и устьем Мэкензи, а также и в западной части Южного Ледовитого океана, где в различных пунктах построены заведения для выварки ворвани и склады. Отсюда становится понятным, почему в 1909 году Англия тайком захватила Землю Грэхэма и группы островов к югу от Южной Америки... Открытие богатых месторождений каменного угля на Шпицбергене послужило причиной созыва интернационального Конгресса для выяснения прав на владение этими островами. Полярные области, которые до сих пор, вследствие своей ничтожной ценности, не имели хозяев, приобретают, таким образом, в качестве политических владений все большее и большее значение.

Итак, наука, торговля и политика заинтересованы в деле исследования полярных стран, хотя наперед можно сказать, что практические результаты изучения этих областей будут значительно уступать научным. ...Арктика и Антарктика дадут еще много идеальных и материальных ценностей» [Гассерт 1923: 12–13]. Особо подчеркивал К. Гассерт, что Антарктика представляет обширное поле деятельности для геологов.

Историографический интерес представляет собой замечание (вероятно, принадлежащее редактору этой книги К. Угринскому) предваряющее список литературы. «В трудах с более или менее подробным описанием полярных путешествий, – говорилось в тексте, – недостатка не ощущается (?! – *А.О.*)». При этом по южнополярным исследованиям приводилось пять зарубежных источников. Среди источников на русском языке была указана книга Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831) [Гассерт 1923: 159–160].

Очевидно стоит упомянуть, что в 1912 г. в Одессе издательством «*Mathesis*» уже издавалась эта книга К. Гассерта. Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения книга была «признана заслуживающей внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений». К достоинствам этого издания можно отнести выполненную в 1911 г. Г.Г. Шохом цветную литографическую карту Антарктиды, или, как она была названа «Карта Южного полюса» (выполнена в эквивалентной полярной проекции Ламберта; масштаб 1 : 25 000 000).

Перевод с немецкого для первого издания был сделан под редакцией и с дополнениями ботаника, почвовед и географа, профессора Г.И. Танфильева (1857–1928). Вот как выглядело в первом издании описание хода и итогов русской экспедиции: «...Неожиданно (*sic!* – *A.O.*) среди промысловых судов появилась русская правительственная экспедиция под начальством Фабиана Готлиба (Фаддея Фаддеевича пр. ред.) ф.-Беллинсгаузена и Лазарева. Преследовавшая исключительно научные цели, экспедиция, одна из наиболее замечательных южно-полярных экспедиций, натолкнулась в 1819–21 годы, во время своего продолжительного плавания вокруг полярного круга, впервые на похороненный под снегом и льдом остров Петра I, а также на недоступную Землю Александра I, чем впервые с несомненностью установлено было существование за полярным кругом значительных пространств суши» [Гассерт 1912: 173].

В примечании, редактор этой книги профессор Г.И. Танфильев писал: «Эта первая и единственная пока русская антарктическая экспедиция, должна была, согласно инструкции тогдашнего нашего министра, маркиза де Траверсе, «пуститься к югу на шлюпах «Восток» и «Мирный» и продолжать свои изыскания до отдаленнейшей широты, какой только они могут достигнуть», чтобы пройти «сколько возможно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли»... и «имея целью приобретение полнейших познаний о нашем земном шаре»... «производить полезные для наук наблюдения по геометрической, астрономической и механической части»..., определять «изменения тягости»... «испытывать магнитную силу», «вести записку о высоте барометра в разные часы дня» и т. д.».

После ссылки на работу Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831) Г.И. Танфильев отметил, что «Беллинсгаузену воздвигнут в 1870 г. памятник в Кронштадте» [Гассерт 1912: 173–174 (сноска 2)].

В 1925 году увидел свет третий том работы историка, географа, а также активного деятеля анархистского и рабочего движения Н.К. Лебедева (1879–1934). Книга, по словам ее автора, была написана большей частью во Франции и Бельгии (до 1917 года Н.К. Лебедев находился в эмиграции), где была возможность «использовать богатые материалы по истории географии и путешествий, находящиеся в

Национальной французской библиотеке в Париже и в Географическом институте Элизе Реклю в Брюсселе» [Лебедев 1923: 3].

Описывая «третью русскую научную кругосветную экспедицию» Н.К. Лебедев (как и первые два тома его работы, третий том издания был допущен Научно-Педагогической Секцией Государственного Ученого Совета в качестве пособия для преподавателей) отмечал, что Беллинсгаузен «проник в совершенно неизвестные до того времени области и сделал много важных открытий» [Лебедев 1925: 10].

Н.К. Лебедев писал: «10 января (1821 г. – *А.О.*) мореплаватели увидели перед собой большой остров, который Беллинсгаузен назвал островом Петра I, создателя русского флота. 17 января Беллинсгаузен открыл берег другого большого острова, названного им Землей Александра I, как инициатора экспедиции» [Лебедев 1925: 14–15]. В сноске к этому предложению было указано, что «позднейшие (чьи? – *А.О.*) исследования установили, что открытая Беллинсгаузенем земля Александра I представляет не остров, как думал Беллинсгаузен, а берег Антарктического материка».

Упомянув в другом месте своей работы итоги экспедиции, Н.К. Лебедев писал так: «Первой экспедицией, снаряженной в XIX в. в южно-полярную область с чисто научными целями, является русская экспедиция 1819–1821 гг. под начальством Беллинсгаузена и Лазарева. Беллинсгаузену и Лазареву удалось открыть целый ряд островов и островных групп, в том числе остров Петра I, Землю Александра I и т. д.» [Лебедев 1925: 342].

В изданной в том же 1925 году небольшой книге «Шестая часть света» ее автор, географ-страновед, профессор Московского университета С.Г. Григорьев (1874–1931; результатом его работы по истории исследования Антарктики явилась книга «Шестая часть света» и выдержавшая несколько изданий книга «Вокруг Южного полюса» [Сергей 1959: 654]) упомянул, что «первый видел сушу за южным полярным кругом наш соотечественник – Ф. Беллинсгаузен» [Григорьев 1925: 8].

Однако согласно интерпретационной модели С.Г. Григорьева, Беллинсгаузен и Лазарев в течение 1819–1821 гг. обошли «вокруг самую южную часть земного шара, у самой границы сплошного пловучего (! – *А.О.*) льда».

Григорьев писал, что Беллинсгаузен «увидел одетую снегом и льдом высокую землю – «Землю Александра I», а еще дальше, также покрытый снегом и льдом остров, который он назвал островом Петра Великого (на самом деле, порядок открытий был обратным. – *А.О.*); но добраться до обоих этих кусков суши он не мог из-за пловучих льдов, хотя правильно определил их положение на карте и даже дал рисунок виденного» [Григорьев 1925: 8–9].

В последнем случае очевидно были упомянуты рисунки острова Петра I и Земли Александра I выполненные участником экспедиции, художником П. Михайловым.

Описывая дальнейшие антарктические исследования С.Г. Григорьев подчеркивал, что «особенно повезло» английской экспедиции 1839–1843 гг. на судах «Эребус» и «Террор» под командованием Дж. Росса. «Тем не менее, – продолжал С.Г. Григорьев, – даже после этих открытий о каком-нибудь материке, лежащем за южным полярным кругом, и не думали (? – *А.О.*); а открытые до тех пор участки суши считались, в лучшем случае, большими островами, разбросанными среди Южного Ледовитого океана» [Григорьев 1925: 12].

Оценивая уровень научных знаний об Антарктиде, в 1925 году С.Г. Григорьев писал, что «во всяком случае, мы знаем теперь уже очень много, так много, что природа новой (вернее, только теперь открытой) (! – *А.О.*) части света в главных своих чертах может считаться выясненной» [Григорьев 1925: 16].

Гораздо позднее, в 1968 году, комментируя этот же абзац из работы С.Г. Григорьева, авторы книги «География Антарктиды» обращали внимание, что после открытий экспедиций Дюрвиля, Уилкса и Росса в некоторых атласах XIX века ненадолго появились очень неуверенно нанесенные надписи: «Антарктический континент» (обычно в одном и том же атласе на одной и той же карте помещалась надпись «континент», а на другой – «океан» или надпись «океан» помещалась внутри границы, обозначенной надписью «континент») [География 1968: 22].

Весьма примечательно, что в предыдущей книге С.Г. Григорьева – «Вокруг южного полюса», изданной в 1906 г. с целью ознакомить «русскую публику» с событиями происходившими и происходящими «в области, лежащей вокруг южного полюса», ее автор, посвятил Первой

русской антарктической экспедиции... всего лишь один небольшой абзац!

Приведем его полностью: «В июле... 1819 года из Кронштадского порта вышли два корабля, «Восток» и «Мирный», со специальной задачей проникнуть как можно дальше на юг, и узнать, что находится в неведомом южно-полярном океане; командовал этими судами наш соотечественник Беллинсгаузен (о М.П. Лазареве, как видим, не было упомянуто вообще. – *А.О.*). В 1819–21 годах он объехал в два приема антарктические страны кругом, стараясь по возможности держаться южнее; во многих местах на пути встречались сплошные массы плавучего льда, а в одном месте, к юго-востоку от Огненной Земли, Беллинсгаузен натолкнулся на небольшие участки суши, названные им в честь Петра Великого и Александра I» [Григорьев 1906: 7].

Вот так знакомили «русскую публику» с великим открытием, совершенным их соотечественниками...

Известный географ и зоолог, впоследствии академик и президент Географического общества СССР Л.С. Берг (1876–1950), в опубликованном в 1926 году по распоряжению Академии Наук СССР сборнике, посвященном истории изучения Тихого океана, уделил некоторое внимание «первой и последней русской антарктической экспедиции» [Тихий 1926: 19].

Согласно заявленной тематике сборника, географ указал, что экспедиция «произвела открытия в тихоокеанской части Антарктики». Отмечены были открытия острова Петра I и Земли Алесандра I. Л.С. Берг писал: «17 января (1821 г. – *А.О.*), под 68°29' ю. ш., 75°40' з. д., увидели высокую матерую землю, которой дали название Земли Александра I».

Это был материк (! – *А.О.*) Антарктики, – продолжал Л.С. Берг, – которого до сих пор не видел ни один из мореплавателей. Таким образом, честь открытия (обратим внимание на использование Л.С. Бергом этого фразеологизма. – *А.О.*) Антарктики принадлежит экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева» [Тихий 1926: 22].

Затем, у Л.С. Берга шла цитата из работы Ф.Ф. Беллинсгаузена изданной в России в 1831 г.: Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света, в продолжение 1819, 20 и 21 годов. Совершенные на шлюпах Востоке и Мирном под начальством

капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа Восток. Шлюпом Мирный начальствовал лейтенант Лазарев. Изданы по Высочайшему повелению. Ч. 2. Санктпетербург, в типографии Ивана Глазунова, 1831.

Правда, самый простой фразеологический анализ наводит здесь на мысль об использовании Л.С. Бергом труда участника экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева мичмана П.М. Новосильского «Шестой континент...». При этом в разделе «Библиография» упоминание этой книги у Л.С. Берга отсутствует...

Надо заметить, что словосочетание – «честь открытия» – стало затем достаточно устойчивым оборотом в работах советских авторов (см., например, следующие источники: [Боднарский 1947: 203; Якубович 1948: 59]), посвященных факту первооткрытия Антарктиды. Применительно к другим географическим открытиям это словосочетание ими практически никогда не использовалось.

В 1926 году в серии «Очерки по истории естествознания», издаваемой под редакцией академика В.Л. Комарова, была издана книга Ю.М. Шокальского «Из истории географии». Автор очерков писал: «В 1819–1821 гг. было совершено замечательное плавание на шлюпах «Восток» и «Мирный» под командою Беллинсгаузена и Лазарева. В течение этого плавания была обследована обстоятельнейшим образом вся приполярная полоса океана, прилегающая к Антарктическому материку, и притом много обстоятельнее, нежели это было выполнено Куком пятьдесят лет ранее. Беллинсгаузенем были открыты первые антарктические земли: Александра I и о-в Петра I. Обстоятельнейшие наблюдения над льдами и их распространением и другие собранные материалы делают это путешествие чрезвычайно ценным и до сих пор» [Шокальский 1926: 23–24].

Как видно, Ю.М. Шокальский в очередной раз повторив свой же тезис о «замечательности плавания» Первой русской антарктической экспедиции и внося, на этот раз, своеобразную новеллу о «чрезвычайной ценности» этого путешествия, причем «и до сих пор», ни словом не обмолвился об открытии этой самой экспедицией целого континента.

В изданном в 1926 году третьем томе «Большой Советской энциклопедии» были размещены статьи об Антарктиде, Антарктике и Антарктической области. История открытия Антарктиды в них не рассматривалась [Антарктида 1926: ст. 32–35], что, само по себе, не

может не вызвать вопросов. Редактором географического отдела «Большой Советской энциклопедии» (БСЭ) на тот момент являлся экономикогеограф, страновед и картограф, доктор географических наук (1935), профессор (1929), член-корреспондент АН СССР (1939) Н.Н. Баранский (1881–1963).

Одним из основателей и главным редактором БСЭ (в 1924–1941 гг.) был «народный академик» О.Ю. Шмидт (1891–1956). В 1930–1932 гг. О.Ю. Шмидт – директор Арктического института, в 1932–1939 гг. – начальник Главсевморпути. В 1932–1933 гг. был одним из организаторов проводимых в Советском Союзе научных исследований по программе II Международного Полярного года [Шмидт 1985: 300–301].

В самом начале февраля 1927 года увидел свет пятый том «Большой Советской энциклопедии». В статье о Ф.Ф. Беллинсгаузене, следующим образом был описан ход и охарактеризованы результаты русской экспедиции: «В течение трех летних и двух зимних периодов Б. (Беллинсгаузен. – *А.О.*) объехал весь земной шар в южных широтах, шесть раз пересек южный полярный круг, доходя до 69° ю. ш., dokonчил съемку берегов Южной Георгии, показал, что Сандвичева Земля, открытая за 45 лет до него Куком, представляет архипелаг небольших вулканических островов, открыл остров Петра I и Землю Александра I, лежащие к югу от мыса Горн, обследовал много других островов и составил замечательное описание физико-географических условий южно-полярных морей, не утратившее значения и до настоящего времени. Плавание Б., по справедливости, считается одним из самых важных и трудных из всех когда либо совершенных. Б. обследовал за полярным кругом гораздо большие пространства, чем его предшественник, знаменитый английский мореплаватель Кук. Написал книгу «Двукратные изыскания в Южно-Полярном океане», в 2 тт., с атласом, СПб, 1831» [Беллинсгаузен 1927: ст. 330–331].

Совершенно очевидно, что приведенный фрагмент (в котором, опять-таки, ни слова не сказано об открытии Антарктиды) текстуально совпадает с описанием хода и итогов Первой русской антарктической экспедиции, вошедшим в книгу Ю.М. Шокальского «Океанография» [Шокальский 1917: 33–34]. Редактором географического отдела

«Большой Советской энциклопедии» был Н.Н. Баранский, учеными секретарями И.А. Витвер (1891–1966) и Э.М. Давидов.

Об открытиях русских в Антарктике не забывало русское зарубежье. В январском, за 1928 год, номере издаваемого в Праге «Морского журнала», в рубрике «Памятные дни из истории Российского Флота» было отмечено: «Капитаном 2 ранга Беллинсгаузен, плававшим в Южном Полярном океане с лейтенантом Лазаревым на шлюпах «Восток» и «Мирный», открыты: ...1821 года: 10-го января... остров, покрытый снегом. Назван он – островом Императора Петра I. 17-го января – берег, ...названный берегом Императора Александра I» [Памятные 1928: 5–6].

Правда, не забывало в весьма своеобразных трактовках. Так, уже через несколько номеров, в этом же журнале при описании возвращения экспедиции в Кронштадт, авторы подборки отметили в качестве основных заслуг экспедиции, исключительно «открытие 29 островов и 1 коралловой мели» [Морской 1928: 8(112)].

В 1929 году в своем «Очерке истории русской географической науки» (книга была написана по поручению Академии Наук в 1918 г., дополнена в 1923 г., опубликована в 1929 г. в серии «Труды Комиссии по истории знаний» и, должна была, служить справочником по вопросам истории географической науки в России) Л.С. Берг отметил уже и другой факт, а именно, что Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев «в феврале 1820 г. были по близости Земли Эндерби (38° в. д.)».

Далее Л.С. Берг писал: «10 января 1821 г. ...открыт высокий остров Петра I, а затем, 17 января... матерой берег, которому дали название Земли Александра I» [Берг 1929: 47]. Подводя итог краткого описания экспедиции, Л.С. Берг снова упомянул «честь открытия». Ну, а поскольку, точка зрения на этот же факт самого Л.С. Берга – одной из ключевых фигур в советской географии, была, если так можно выразиться, «подвижной», ниже придется неоднократно возвращаться к этому вопросу.

Народнохозяйственные интересы Советского Союза были связаны в те годы с Арктикой. В одном из своих выступлений О.Ю. Шмидт говорил: «Всемирно известный «Пятилетний план развития народного хозяйства СССР», включал в себя особую главу – «Пятилетний план изучения Арктики», выработанный в Правительственной комиссии под

председательством С.С. Каменева, с участием виднейших полярных ученых. Этот план начал осуществляться в 1929 г. ...» [Шмидт 1934: 6].

В 1930 году в журнале Управления Военно-Морских Сил РККА «Морской сборник» было опубликовано небольшое сообщение о состоявшихся за последние годы зарубежных антарктических воздушных экспедициях. Интерес для автора заметки представляли прежде всего потенциальные возможности авиации в Антарктике, при сопоставлении их с уже известными результатами использования авиационной техники в деле изучения арктических территорий и морских пространств. Основываясь на публикации одного из номеров «*The Geographical Journal*» за тот же год, автор обзора писал, что «после ряда удачных и смелых по замыслу полетов аэропланов в Арктике этот способ передвижения с большим успехом был применен для исследований в Антарктике» [Антарктические 1930: 172].

В сентябре 1931 года, в уже упомянутом выше, издававшемся в Праге «Морском журнале», передовая заметка была посвящена адмиралу М.П. Лазареву. Автор заметки писал, что «за двухлетнее плавание кап. 2 р. (капитана 2 ранга. – *А.О.*) Беллинсгаузеном и лейт. (лейтенанта. – *А.О.*) М.П. Лазаревым в южных морях открыты многие острова и земли; результаты этой экспедиции известны всему ученому миру» [Адмирал 1931: 1(169)].

Важные события 1931 года – подготовка советских специалистов к экспедиции в Антарктику – не стали в то время достоянием сколько-нибудь широкой научной общественности, а, тем более, советской общественности в целом. Свет на эти события был отчасти пролит только лишь в середине 60-х годов. Именно тогда, по словам доктора исторических наук М.И. Белова, «в бумагах одного из основателей Всесоюзного арктического института... и его первого директора Р.Л. Самойловича был обнаружен интересный документ – проект Советской экспедиции в Антарктику, составленный в 1931 г. группой сотрудников этого института».

Согласно М.И. Белову, в 1966 г. было не ясно как зародилась и конкретизировалась сама идея о необходимости экспедиции в Антарктику, но из содержания проекта было видно, что экспедиция мыслилась как органическая часть намеченных Советским Союзом мероприятий по программе Второго Международного Полярного года

(1932–1933). М.И. Белов особо подчеркивал, что «само появление мысли о такой экспедиции и горячее обсуждение ее программы свидетельствовали о возросшем в те годы интересе советских ученых к далекому южному континенту...» [Белов 1966: 64].

Согласно документу, хранившемуся в архиве Р.Л. Самойловича, Советский Союз планировал создать станцию в Антарктике на острове Петра I. В связи с намечавшимся в 1931 г. походом китобойной флотилии «Алеут» в Антарктику, Всесоюзный арктический институт предложил послать с ней группу ученых. Первая советская антарктическая экспедиция должна была подойти к ледяному континенту и следовать в море Росса, ведя широкий комплекс океанографических и гляциологических исследований, а также аэрофотосъемку побережья. Главной задачей являлось определение границы распространения айсбергов, плавучего льда и мощности материкового щита Антарктиды, общее изучение физических свойств морского и материкового льда. Однако эта экспедиция не состоялась. Самыми крупными научными экспедициями в период Второго МПП стали экспедиции Р. Бэрда и Л. Кристинсена [Белов 1969: 69–70].

События развивались следующим образом. В августе 1930 г. в Ленинграде состоялась первая организационная конференция Комитета МПП, сыгравшая значительную роль в выработке единой программы наблюдений. В сентябре 1931 г. в Инсбруке (Австрия) на второй конференции Комитета МПП особое внимание было уделено обсуждению программы наблюдений в Арктике и Антарктике. После возвращения советской делегации из Инсбрука, подготовка в СССР к МПП развернулась с новой силой. На рассмотрение Советского национального комитета было вынесено несколько новых проектов и в их числе упоминавшийся проект советской экспедиции в Антарктику, предварительно обсужденный в ряде научных учреждений Ленинграда. В Антарктику предполагалось отправить Р.Л. Самойловича, А.Ф. Лактионова и М.М. Ермолаева.

Авторы проекта Первой советской антарктической экспедиции писали: «Осенью текущего года (1931 г. – *А.О.*) АКО (Акционерное Камчатское Общество. – *А.О.*) организует китобойную экспедицию в моря южного полушария, в районы китобойного промысла у ледяного барьера Антарктиды. По поводу этого последнего плавания следует

сказать несколько слов, так как первое и последнее посещение этих вод русскими судами относится к 1820–1821 гг., когда экспедицией под командой Беллинсгаузена были открыты остров Петра I и Земля Александра, только в феврале этого года (1931 г. – *А.О.*) аннексированные (! – *А.О.*) Норвегией» [Белов 1966: 65].

После этой цитаты у М.И. Белова шло указание на то, что «норвежское правительство в феврале 1931 г. объявило, что оно берет под свою юрисдикцию остров Петра I» [Белов 1966: 65 (сноска 1)].

Отметив наиболее значительные антарктические мероприятия последних лет (австралийца Д. Моусона, экспедиции норвежцев и Уилкинса), авторы проекта акцентировали внимание на том, что «любая хорошо организованная и имеющая аэропланы экспедиция может сделать не мало чрезвычайно ценных как в научном, так и практическом отношении открытий». По мнению специалистов из Всесоюзного арктического института, изложенном далее в проекте, «было бы совершенно непростительно и преступно не использовать предполагаемого рейса советских судов в антарктические воды и по возможности тщательного изучения Антарктики». «При этом следует иметь в виду, – считали они, – что такие научные работы не только не идут вразрез с промысловыми целями предполагаемого рейса, но и подведут под него прочную научную базу и помогут в дальнейшем развить советские промыслы в этой части света».

Авторы проекта считали целесообразным спланировать поход так, чтобы исследовать еще малоизученные районы Антарктики – от западной части Восточной Антарктиды до восточной половины моря Росса, где работала американская экспедиция Р. Бэрда. Там, с их точки зрения, имелись наибольшие возможности сделать новые географические открытия, а это «придает экспедиции большое политическое значение» (! – *А.О.*).

По плану работ предполагалось в ходе всей экспедиции, начиная от Земли Эндерби на восток, с помощью бортового самолета проводить тщательную разведку побережья с одновременной аэрофотосъемкой [Белов 1966: 65–66].

Согласно задуманным планам намечались самые разнообразные научные исследования: океанографические (гидрологические разрезы, гидрохимические анализы, промер морских глубин, гидробиологические

сборы), гляциологические, метеорологические и аэрологические. Были предусмотрены геологические и геоморфологические исследования с целью поисков топлива (каменного угля) для судов китобойного промысла.

На экспедицию «испрашивалось» 40 тыс. рублей. В середине 60-х годов М.И. Белов не располагал, согласно его словам, точными данными о том, как проходило продвижение проекта в советских «правительственных инстанциях». По всей вероятности, считал он, проект в целом был одобрен, ибо сотрудники Всесоюзного арктического института приступили к подготовке антарктического плавания, обсуждали его программу, вели переписку с рядом научных учреждений. При этом М.И. Белов ссылаясь на ряд зарубежных источников 1930–1932 гг., в частности, на материалы Международной метеорологической организации [Белов 1966: 67].

В заключении проекта говорилось следующее: «Особый интерес Первая советская экспедиция в Антарктику приобретает потому, что она приходится на время Второго международного полярного года, в проведении которого СССР принимает, пожалуй, наиболее активное участие из всех стран культурного мира».

Однако у «культурного мира» была своя, несколько отличная точка зрения на потенциальный рост активности СССР в южнополярном регионе. Подобная активность не могла устроить прежде всего Англию, с ее «агрессивно-активной» территориальной антарктической политикой последних десятилетий, а также традиционно важным для «владычицы морей», необычайно прибыльным китобойным промыслом в Антарктике.

Согласно М.И. Белову, «в разгар всей этой подготовки с дальнего Востока пришла нерадостная весть: китобойной флотилии «Алеут», вместе с которой должна была пойти научная экспедиция, власти Южно-Африканского Союза отказались предоставить элементарную, но совершенно необходимую помощь, в частности выдать топливо» [Белов 1966: 67].

Конечно нельзя забывать, что Южно-Африканский Союз (ЮАС) в те годы – это королевство-доминион. В 1931 г. был принят так называемый Вестминстерский статут, закрепивший за ЮАС статус государства Содружества наций. Этот акт парламента Великобритании

от 11 декабря 1931 г. установил правовое положение доминионов и их взаимоотношения с Великобританией. Вестминстерский акт ввел в силу решения конференций Британской империи 1926 и 1930 годов о полной самостоятельности доминионов во внутренней и внешней политике и об их равенстве с Великобританией в государственно-правовом плане. При этом Великобритания еще сохраняла за собой фактический контроль над внешней политикой доминионов, что и было продемонстрировано в случае с отказом осуществить бункеровку топливом советской китобойной флотилии.

Англофильски настроенный и, одновременно, интернационально ориентированный «литвиновский» Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) СССР, не помог советским китобойцам и ученым-полярникам преодолеть неуступчивость ЮАС. Ни этому государственному образованию, ни его могучему политическому патрону – Англии, не нужны были конкуренты в китобойном промысле, тем более, из страны с «обобщественными» средствами производства, где такие традиционно капиталоемкие отрасли как рыболовство и китобойный промысел могли получать дотации от государства широкие дотации (интересно, но именно эту версию фактически подтвердил в 1950 году советский автор К. Осипов (Куперман) [Осипов 1950: 3–4].

Как полагают некоторые зарубежные исследователи, немаловажным моментом, проливающим свет на рассматриваемые события, может являться то, что «в 1920-30-х гг. евреи по-прежнему занимали ведущие позиции в южноафриканской экономике» (и, якобы, именно они воздействовали по своим «каналам» на советский, тогда «литвиновский» НКВД). Ряд из них (потомки сефарда из Великобритании) распоряжались крупными капиталами в каботажном судоходстве, рыболовстве, китобойном промысле, судоремонтной промышленности ЮАС [Южно-Африканская].

Согласно оценке историка и журналиста П. Джонсона, «евреи участвовали в китобойном промысле вблизи обоих полюсов» [Джонсон 2001: 70]. В 1949 г. советский географ, профессор С.В. Калесник констатировал, что «в Антарктике ведется грандиозный тюлений и китовый промысел, приносящий огромные выгоды» [Калесник 1949(в): 568].

В дальнейшем Англия (естественно, снова в своих политико-экономических и стратегических интересах) умело подпитывала «антарктические потуги» ЮАС, начавшего, через исторически небольшой отрезок времени, закреплять свои антарктические владения.

По соглашению с английским правительством в декабре 1947 г. южноафриканская экспедиция поднимает национальный флаг на острове Марион и основывает здесь постоянную базу. Через месяц церемония поднятия флага проводится на другом острове этой группы – Принс-Эдуард. 30 января 1948 г. Южно-Африканский Союз официально провозглашает суверенитет над этими островами [Слевич 1968: 52].

К очередному юбилею, правда не связанному с деятельностью русской экспедиции в 1821 г., а в связи с «двадцатой годовщиной открытия Южного полюса Амундсенем (14 декабря 1911 г. – 14 декабря 1931 г.)», была опубликована одноименная статья в январском – за 1932 год – выпуске журнала «Морской сборник». Ее автор, М.А. Дьяконов со ссылкой на «Большую Советскую Энциклопедию» кратко знакомил военно-морского читателя с физико-географическими характеристиками Антарктиды.

Говоря об острове Бувэ М.А. Дьяконов писал: «1 декабря 1927 г. о-в Бувэ был объявлен норвежской территорией, а в следующем году норвежцами была предпринята тщательная попытка построить там постоянную метеорологическую станцию. Воды вокруг Бувэ изобилуют китами, и норвежская промысловая флотилия уже на следующий год после присоединения острова добыла там китового жира и других продуктов китобойного промысла на 28 миллионов крон» [Дьяконов 1932: 107].

О Дж. Куке М.А. Дьяконов писал так: «...Англичанин Джеймс Кук положил начало серьезному изучению Антарктики. ...Кук трижды пересек южный полярный круг и на 106°54' з. д. спустился к 71°10' ю. ш. Здесь его остановил ледяной барьер, тянувшийся на сотни километров в обе стороны» [Дьяконов 1932: 107–108].

А так, в описании М.А. Дьяконова, проходила экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева: «В ...1819 году в кругосветное плавание вышел русский военный фрегат «Надежда» (так в тексте. – *А.О.*) под командой Ф.Ф. Беллинсгаузена, дошедший до 69° южной ширины (так в тексте. – *А.О.*). «Наежда» (*sic!* – *А.О.*) тоже трижды пересекала

южный полярный круг и совершила кругосветное плавание в тех же высоких южных широтах, в которых плавал Кук. Это было первое в истории географического исследования антарктическое кругосветное плавание. ...Беллингсгаузен установил возможность плавания в море Росса и открыл остров Петра I и берег Александра I» [Дьяконов 1932: 108].

Затем М.А. Дьяконов весьма буднично информировал советского военно-морского читателя об «изменении юрисдикции» острова Петра I Норвегией: «Остров Петра I, присоединенный к норвежским владениям 2 февраля 1929 года, лежит на 68°50' ю. ш. и 90°35' з. д. Доступ к нему не всегда возможен и, по данным норвежской экспедиции 1931 года, в тот год к нему нельзя было подойти ближе, чем на 36 морских миль. Беллингсгаузен открыл этот остров в 1821 г. и 22 января подходил к нему на расстояние 15 морских миль» [Дьяконов 1932: 108].

Демонстрируя хорошую осведомленность в норвежских экспедициях, М.А. Дьяконов писал дальше: «Что касается берега или Земли Александра I, то Беллингсгаузен открыл ее 17 января 1821 г. (ст. стилия) на 69° ю. ш. и 71° з. д. В ноябре 1893 года норвежский капитан Эвенсен на судне «Герта» проходил мимо северного берега этой земли и видел, что она окружена сплошными льдами. Со времени Беллингсгаузена никто не подходил к Земле Александра I так близко, как это удалось Эвенсену. В феврале 1924 года норвежец Матисен, плававший в этом районе на одном из мелких китобоев, обслуживавших плавучие салотопки «Севилья» и «Руал Амундсен», хорошо видел Землю Александра I и вынес впечатление, что это остров» [Дьяконов 1932: 108] (весьма показательно, что академик Л.С. Берг еще и в 1948 году, в только ему известных целях утверждал, что это часть антарктического материка [Берг 1948(а): 1355]. – *А.О.*).

В изданный в 1933 году сборник статей, посвященный вопросам изучения Севера, вошел материал Р.Л. Самойловича об истории полетов в Арктике и Антарктике. При описании хода норвежских экспедиций 1928–29 и 1930–31 гг. Р.Л. Самойлович, отмечая их «замечательный успех», ни словом не обмолвился о действиях Норвегии в отношении острова Петра I [Самойлович 1933: 45–46].

Полярный исследователь, доктор географических наук (1934), профессор (1928) Р.Л. Самойлович (1881–1940) окончил Саксонскую

горную академию во Фрейбурге (1905). С 1910 г. в Архангельске – секретарь Общества по изучению Севера. С 1920 г. – начальник Северной научно-промысловой экспедиции. В 1925 г. Северная научно-промысловая экспедиция преобразована в НИИ по изучению Севера (позже Всесоюзный Арктический институт), который он возглавлял до 1938 г. Создатель и первый заведующий кафедрой полярных стран Ленинградского университета (1934–1937 гг.). принимал участие в двадцати одной научно-исследовательской экспедиции. Был репрессирован [Самойлович 1993: 288–289].

В 1933 году в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) была издана книга литератора В.Н. Владимирова (Долгорукова) (1899–1966) об английском мореплавателе Дж. Куке. Какое бы то ни было упоминание русской экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в книге отсутствовало. Интересными на этом фоне выглядели сентенции автора книги о том, что «в екатерининской России тоже читали о Куке» [Владимиров 1933: 161].

Действительно, в России сочинения Дж. Кука и книги о нем переводились с конца XVIII в. Интересно, что в беллетристике XIX века имя Кука встречается чаще всего в юмористическом контексте. Так, входящий в «Записки одного молодого человека» (1840) журнал «Патриархальные нравы города Малинова» А.И. Герцен посвящает «памяти Кука и его (вероятно) превосходительству Дюмон-д'Юрвиллю, *capitaine de vaisseau*...». Упоминается Кук и в повести Е.П. Гребенки «Перстень» (1841), в «Селе Степанчикове и его обитателях» Ф.М. Достоевского (1859) и др. Использование этого исторического имени зачастую носило каламбурный характер [Капитан 2012].

Среди прочего, В.Н. Владимиров писал: «Увидев... ледяные громады, плавающие в океане, Кук первый заявил, что он убежден в их образовании на твердой земле и что такая земля должна быть у Южного полюса, покрытая снегом и льдом. Вид этих гор только подтверждал его прежние предположения. Столь простая, как кажется нам теперь, догадка, полностью оправдавшаяся через полтора столетия отважными поисками Роальда Амундсена и капитана Скотта, утвердившего взгляд своего знаменитого соотечественника, почему-то упорно не принималась учеными, всячески старавшимися доказать ее несостоятельность» [Владимиров 1933: 65].

«Эти четыре месяца небывалого в истории путешествий плавания вдоль границ Антарктиды, – писал далее В.Н. Владимиров, – в условиях полной непригодности кораблей и экипажей, при отсутствии карты и каких бы то ни было указаний, были истинным героизмом» [Владимиров 1933: 66].

Давая оценку второму плаванию Кука, советский автор-англофил отметил: «...На этих скромных наблюдениях и данных наука построила все дальнейшие свои изыскания, открывшие навигации важнейшие пути к достижению Южного полюса, к точному географическому изучению Южного полярного моря и Антарктики... . Человечество двинулось к новым научным завоеваниям, оглядываясь на эту отважную горсть людей, одной своей волей пробившихся сквозь льды неведения... . Результаты, достигнутые Куком, были огромны. ...Все главнейшие отрасли знаний приобрели ценнейший и обширный материал, наука – огромное поле для новых исследований. ...Кук одержал величайшую победу и встал в почетный ряд замечательных людей XVIII века» [Владимиров 1933: 66–67, 160–161].

Самое же главное, как подчеркивал В.Н. Владимиров, задача второго кругосветного путешествия Кука была решена: есть (! – *А.О.*) Южный Материк, но подступы к нему заграждены льдом [Владимиров 1933: 98].

В 1934 году, в рубрике «Хроника» периодического издания «Известия Государственного русского географического общества» была опубликована заметка Ю.М. Шокальского «Управление островами Бувэ и Петра I в Антарктических водах».

«Хроника» сообщала: «Норвежское правительство 24 марта 1933 г. приняло в свое владение остров Петра I, остров же Бувэ объявлен норвежским еще 27 февраля того же года. Согласно сему к этим землям применяются норвежские законы. Все земли, не переданные частным лицам, объявлены государственной собственностью. Острова находятся в ведении Министерства торговли; полицейская власть возложена на министра юстиции и остров Петра I подведомствен юрисдикции особого суда в Осло» [Шокальский 1934: 728].

Оправдывая свою принадлежность к рубрике «Хроника», заметка не отражала отношения ее автора к происходящим событиям. Обладавшим действительно высокой научной трудоспособностью, Ю.М.

Шокальским написано огромное количество подобных заметок, рефератов, рецензий и пр.

Вот, например, что вспоминала дочь этого географа З.Ю. Шокальская: «Времени для просмотра всей современной литературы у него часто нехватало, и многие книги он прочитывал уже за обеденным столом. Какое количество литературы он просмотрел и даже прочел в своей жизни таким образом, между первым и вторым блюдом и за вечерним чаем..., ...он выпивал свои два, иногда три стакана чая «с книгой»! Почти вся периодическая литература, – а он получал очень много журналов, – просматривалась им за обеденным столом. Садясь затем за письменный стол, он нередко писал о прочитанном в течение получаса или часа прежде, чем перейти к очередной работе, – и две-три рецензии для «Известий Географического общества» или «Морского сборника» были готовы» [Шокальская 1946: 58].

В 1934 году Всесоюзным арктическим институтом был издан дневник Р. Скотта. Нас, в данном случае, будет интересовать редакционное предисловие к этому изданию. Поскольку сам раздел «От редакции» подписан не был, позволю себе предположить, что автором его выступил М.А. Дьяконов (1885–1938) – ответственный редактор книги. Известно, что работавший с 1929 г. в «Экспортлесе» М.А. Дьяконов, затем переменял свою деятельность на издательское дело: он был принят на должность заведующего издательством Всесоюзного арктического института, где работал до октября 1936 года (в 1938 г. он был арестован и расстрелян; реабилитирован в 1956 г.).

Интересны места редакционного предисловия, где описано путешествие Дж. Кука: «После Буве в южных водах плавали французские моряки Дюфрен и Кергелен, но лишь знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук положил начало серьезному изучению Антарктики. Во время своего второго кругосветного плавания (1772–75 гг.) он проплыл 115 долготных градусов к югу от 60° ю. ш. и трижды пересек южный полярный круг. Кук доходил до 71°54' ю. ш. и здесь был остановлен ледяным барьером, тянувшимся на сотни километров в обе стороны. То был знаменитый ледяной барьер, получивший позднее наименование «барьера Росса» и неизменно описываемый всеми полярными путешественниками, плававшими в антарктических водах» [Дневник 1934: 6].

Далее автор предисловия писал, что «антарктические области почти исключительно изучались и изучаются иностранцами: в этих водах побывала всего лишь одна русская экспедиция (в 1820–21 гг.)» [Дневник 1934: 6].

Дальнейшее описание М.А. Дьяконова можно рассматривать в качестве своего рода «кульминационной точки» некомпетентности (невежества) и откровенного небрежения советских авторов 20-х – 30-х годов при описании ими хода Первой русской антарктической экспедиции.

М.А. Дьяконов снова, как и в 1932 г., писал: «...В 1819 году вышел в кругосветное плавание русский военный фрегат «Надежда» (?! – А.О.) под командой Ф.Ф. Беллинсгаузена, дошедший до 60° ю. ш. «Надежда» тоже трижды пересекала южный полярный круг (экспедиция Беллинсгаузена–Лазарева шесть раз пересекала Южный полярный круг. – А.О.) и совершила кругосветное плавание в тех же высоких широтах, в которых плавал и Кук. Это было первое в истории географического исследования антарктическое кругосветное плавание. Позднее его повторил «Фрам» во время экспедиции Амундсена в 1910–1912 гг. Экспедиция Беллинсгаузена считается первой научной экспедицией, проведенной в Антарктиде» [Дневник 1934: 7].

Таким было разъяснение ответственным редактором дневника Р. Скотта, «смысла» и «результатов» Первой русской антарктической экспедиции.

Упомянутый уже выше «справочник» Л.С. Берга не оказал также никакого влияния на Н.Н. Урванцева (1893–1985) – советского геолога и географа, доктора геолого-минералогических наук (1935) (в 1937 г. был назначен заместителем директора Арктического института, в 1938 г. – репрессирован, после смерти И.В. Сталина реабилитирован; профессор (1961), заслуженный деятель науки и техники России (1974)), написавшего предисловие к изданной в 1935 году в СССР книге американского полярного исследователя Ричарда Бэрда «Над южным полюсом» (в 1930 г. книга Бэрда была издана в Нью-Йорке под названием «*Little America. Aerial Exploration in the Antarctic. The Flight to the South Pole*»).

Начиналось предисловие Н.Н. Урванцева так: «Шестая и последняя часть света, материк Антарктики, открытый около ста лет

тому назад (1840 г.) (?! – *А.О.*), до сих пор принадлежит к наименее изученным областям земного шара» [Бэрд 1935: 5].

Вполне можно было бы, вести речь об «опечатке», если бы не следующее высказывание, но, теперь уже, самого Р. Бэрда. «Собственно говоря, – писал он, – континент был открыт тремя экспедициями: француза Дюрвиля, американца Уилкса и англичанина Росса» [Бэрд 1935: 63].

Исходя из подобного деления «на троих» факта открытия континента (как видно, в таком «факте» Первой русской антарктической экспедиции уже просто «не осталось места». – *А.О.*) и была корреспондирована в предисловие Н. Урванцева (будучи доктором геолого-минералогических наук он являлся ученым секретарем Арктического института) «дата открытия» Антарктиды – 1840 год.

Страницей раньше, в авторском тексте Р. Бэрд в очередной раз протиражировал распространенную в США, фальсифицированную версию встречи в Антарктике Ф.Ф. Беллинсгаузена и американского капитана-промышленника Пальмера. Бэрд, в частности, писал: «В этом негостеприимном крае русский путешественник адмирал Беллинсгаузен, совершавший в поисках материка кругосветное плавание, в одно туманное утро 1821 г. неожиданно встретился с почтенным капитаном Памером из Стоунингтона в штате Коннектикут и к своему удивлению узнал, что эта мало известная часть света хорошо знакома американскому моряку» [Бэрд 1935: 62–63].

Этим, по Берду, очевидно и ограничились «заслуги» русской экспедиции.

О том, что в СССР, при соответствующей научной добросовестности и подкрепляющей ее политической воле, вполне возможно было выявить действительные результаты Первой русской антарктической экспедиции – еще в 20-е – 30-е годы XX в., свидетельствуют результаты подобных исторических исследований, проведенных в те же годы советскими исследователями в отношении Арктики.

Вот, например, что писал автор заметки о материалах для истории северополлярных исследований XVIII–XX веков: «Грандиозное развертывание советских полярных работ не может не усилить интереса к прошлым научным исследованиям Севера. Исходя из этого,

Архивом Академии Наук предпринято выявление среди его фондов материалов, относящихся к истории полярных экспедиций и путешествий, которые организовала или в которых участвовала Академия Наук с XVIII в. до революции. В результате просмотра многих материалов составлена картотека документов с общим числом до 500 карточек. В процессе работы выявлены материалы свыше чем по 20 экспедициям и путешествиям...» [П. С. 1935: ст. 65].

В случае Антарктиды, от советских специалистов требовалось полно выявить материалы лишь по одной экспедиции – Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. Однако как для выявления, равно как и для объективного отображения действительных результатов этой экспедиции, по-прежнему существовали немые препятствия, зачастую непреодолимые...

В изданном в 1937 году тридцать пятом томе «Большой Советской энциклопедии», о командире шлюпа «Мирный» М.П. Лазареве можно было узнать следующее: «...Адмирал, гидрограф, ...в 1819–21 участвовал в антарктической экспедиции Беллинсгаузена...» [Лазарев 1937: ст. 668]. Как и в статье о Ф.Ф. Беллинсгаузене, размещенной в изданном десять лет назад – в 1927 году – пятом томе БСЭ, об открытии этими мореплавателями Антарктиды сказано не было.

Историками отмечено, что уже к концу 30-х годов в Советском Союзе созрели предпосылки для пробуждения русского патриотизма и национального самосознания народа, которым к тому времени два десятилетия кряду правили, от имени которого беззастенчиво выступали откровенные русофобы – по большей части инородцы, превратившиеся в настоящий привилегированный, «эксплуататорский класс» [Митрополит Иоанн (Снычев) 1995: 318].

В сентябре 1937 года в органе Центрального Комитета и Московского Комитета ВКП(б) газете «Правда» была опубликована передовая статья под заголовком «Отлично знать географию». Помимо распространенных в те годы призывов к борьбе с «антисоветскими «левацкими» теориями», имевшими целью лишить молодежь знаний, в статье, в контексте этого, обращалось внимание на явное преобладание в освещении географических заслуг иностранцев.

В частности, в статье говорилось: «Общеизвестно, как увлекаются школьники книгами о различных путешествиях, биографиями

знаменитых исследователей природы. Но о русских путешественниках они, как правило, ничего не читают. О своих соотечественниках преподаватели географии им ничего не рассказывают. Ценнейшее орудие воспитания советского патриотизма остается не использованным. Наши школьники с удивлением слышат фамилии Миклухи-Маклая (так в тексте. – *А.О.*), Пржевальского, Козлова и других известных русских географов и путешественников.

Русская географическая наука, открытия и деяния известнейших русских путешественников забыты не только преподавателями, но также и нашими писателями и издательствами. Пренебрежение к истории русской географической науки, к жизни и творчеству ее виднейших талантов и тружеников – наглядное доказательство непонимания воспитательной роли географии для нашего юного поколения.

...Значительная вина за то положение, какое создалось с преподаванием географии, несет и Государственное географическое общество. Оно не ведет никакой массовой пропагандистской работы, не привлекает внимания широкой советской общественности к вопросам страноведения и краеведения, забывая, видимо, их огромное политическое значение» [Отлично 1937].

«Правдинская» статья (даже исходя из вышеприведенных примеров) безусловно имела под собой почву, однако в реальной жизни, пусть и определяя некий новый «идеологический вектор», сразу изменить конечно же ничего не могла.

Так, в очередном томе «Большой Советской Энциклопедии» (том был подписан к печати 17 ноября 1937 года) в приложенной к статье «Кругосветные плаванья» карте, среди шести обозначенных на этой карте «важнейших кругосветных плаваний», ни одного русского не было. В тексте можно было обнаружить лишь упоминание о «Беллингсгаузене», который «проник в совершенно неизвестные до того времени области Южного Ледовитого океана» [Кругосветные 1937: ст. 249].

В изданной в 1937 году в серии «Жизнь замечательных людей» биографии Руала Амундсена, ее автор, пользовавшийся прежде всего норвежскими источниками, уже знакомый нам литератор-переводчик М.А. Дьяконов (с 1934 года редактор иностранного отдела Гослитиздата) не упоминая факт первооткрытия, писал однако (как и в

редакционном предисловии к изданному в 1934 году Всесоюзным арктическим институтом русскому переводу дневника Р. Скотта), что русская правительственная экспедиция 1819–1821 гг. стала «первой научной экспедицией в Антарктику» [Дьяконов 1937: 9].

Однако факт «научности» экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева мало интересовал зарубежных политиков. Им требовались совсем иные политико-правовые аргументы. Неудивительно поэтому, что на открытый в 1821 г. русской антарктической экспедицией остров Петра I, в 1931 г. (не иначе, как решив «по-своему» отметить 110-летний юбилей этого события) распространила свой суверенитет Норвегия. Правительственная нота со стороны Советского Союза последовала лишь 27 января 1939 г. (т. е. через 8 лет! – *А.О.*), когда Норвегия заявила уже о распространении своего суверенитета на конкретные участки континента [Овлащенко 2010: 20].

В упомянутом только что предисловии к дневнику Р. Скотта, М.А. Дьяконов писал: «В 1739 г. французский моряк Буве открывает остров, позднее названный его именем». «Кстати сказать, – обращает он далее внимание, – этот остров в 1927 году был объявлен норвежской территорией, а на следующий год норвежцы устроили на нем постоянную радиометеорологическую станцию» [Дневник 1934: 6]. Упоминает М.А. Дьяконов и «принцип секторов», и взгляды «о принадлежности той или иной территории», и, о «фактическом владении» в Антарктике [Дневник 1934: 12], что, само по себе, было ново для крайне малочисленной советской антарктической литературы.

Тем не менее, факт распространения Норвегией своего суверенитета на остров Петра I, в совершенстве владевший норвежским языком М.А. Дьяконов (с 1921 по 1926 г. бухгалтер советского торгового представительства в Норвегии, с апреля 1928 г. ведал экспортной работой в торгпредстве в Норвегии) теперь уже никак не комментирует и даже не упоминает.

Следует подчеркнуть, что на протяжении 30-х годов прошлого столетия можно наблюдать определенный рост интереса в Советском Союзе к Антарктике и, соответственно, повышение интереса у советских исследователей – географов и историков (до возникновения аналогичного интереса у советских юристов-международников было еще далеко [Овлащенко 2009(а): 194–209; 2009(б): 34–39; 2010(б): 17–

24)) – к антарктической тематике в целом, а также к вопросам, относящимся к истории ее открытия и изучения, в частности.

В связи с этим можно отметить осуществленный на протяжении этого десятилетия в СССР перевод целого ряда книг зарубежных авторов – антарктических путешественников и исследователей, таких как Р. Амундсен, Р. Скотт, Э. Шеклтон, Д. Моусон.

Подготовкой и проведением Второго Международного полярного года (МПГ) (1932–1933 гг.) открылся новый этап исследований Антарктики. Вопреки ожидаемому и, во многом действительно осуществляемому научному сотрудничеству в южнополярном регионе, межгосударственные противоречия (которые в Антарктике стали особенно ощущаться после окончания Первой мировой войны) проявились с еще большей силой. План Комитета Второго МПГ удалось осуществить только частично.

Отражением упомянутого роста интереса к Антарктике в СССР, причем не только исследовательского – в области общественных наук, а чисто прикладного, практического характера стала, в частности, опубликованная в конце 1937 года в органе Государственного географического общества реферативная статья Ал. Максимова (материал был подготовлен автором в феврале 1936 г. в Уфе). Речь в этой статье шла о работах принимавшего участие в антарктической экспедиции Р. Бэрда (экспедиция 1928–1930 гг.) геолога и заместителя начальника этой экспедиции Лоуренса М. Гулда. Отдавая должное уровню подготовки экспедиции, автор материала указывал на то, что результаты работы последней «были во всех областях весьма плодотворны» [Максимов 1937: 467].

Автор реферата писал, что исследование коллекций пород, собранных Л. Гулдом, и сравнение их с более ранними сборами, указали, что основной породой выделенной географами и геологами формации *Beacon* (впервые была описана в 1907 г. Х. Фарраром) в окрестностях залива Мак-Мердо, являются не песчаники, а аркозы или аркозные сланцы [Максимов 1937: 469].

В этом же номере «Известия Государственного географического общества» Ю.М. Шокальский аннотировал книгу Р. Бэрда о его антарктической экспедиции.

В частности, советский географ писал: «Эта книга представляет в общедоступном изложении очень интересное описание несомненно выдающейся экспедиции и по ее смелости, и по удаче ее, и, наконец, по тем новым приемам исследования, какие еще не применялись в полярных странах.

...Название земли Марии Берд, данное адмиралом в его первую экспедицию сравнительно небольшому пространству Антарктиды на карте в его книге «*Little America*», теперь распространено на все пространство между Тихим океаном, морем Росса и морем Уэдделя.

...Общая сумма исследований (в смысле достигнутых результатов. – *A.O.*) очень значительна, и в этом отношении задача адмирала Берда выполнена вполне» [Шокальский 1937(а): 475–477].

В следующем же выпуске «Известия Государственного географического общества» за 1937 год была опубликована совсем небольшая, но, чрезвычайно интересная для анализа советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, еще одна заметка Ю.М. Шокальского. Начиналась заметка так: «Как известно, первооткрывателем антарктических земель был русский мореплаватель Ф. Беллинсгаузен в 1821 г. Им открыта была Земля Александра I» [Шокальский 1937(б): 667].

Ниже, Ю.М. Шокальский писал: «Впоследствии эту часть Антарктического материка посещали многие экспедиции, и, до полета Уилькинса, вся эта... часть суши считалась неразрывно связанною с материком Антарктиды. После полета Уилькинса на самолете в 1928 г. была издана карта всей земли Грээма, которая, согласно фотографическим снимкам с самолета, была изображена в виде архипелага, на юге отделенного от материка Антарктиды широким проливом... .

Английская экспедиция под руководством Д. Римиля, ...нашла действительное положение в совершенно ином виде. Эта экспедиция не только работала с самолета, но и обошла значительное пространство по суше, пешком. ...Земля Александра I оказалась островом очень значительного размера, притом почти вплотную прижатом к матерiku. От последнего ее отделяет очень узкий пролив, очевидно чисто тектонического происхождения.

...Экспедиция прошла вдоль тихоокеанского побережья Земли Грэма далеко на юг. ...Земля Грэма составляет одно целое с материком Антарктиды» [Шокальский 1937(б): 667].

В следующем же выпуске печатного органа Государственного географического общества за 1937 год была опубликована реферативная заметка Д.Г. Панова, посвященная одной из зарубежных антарктических экспедиций. Автор заметки считал, что напечатанные в 1937 г. в американском географическом журнале *«The Geographical Review»*, статьи американского географа Л. Джорга «о научных результатах трансантарктического перелета Эльсворта..., представляют выдающийся интерес для познания географии Антарктики» [Панов 1937: 1016–1017].

Надо заметить, что самому Д.Г. Панову предстоит сыграть довольно значительную роль в ходе ключевого события, оказавшего (по крайней мере внешне, поскольку первопричиной самого этого события, стали соответствующие решения высших партийно-государственных органов Советского Союза [Докладная 1950]) самое существенное влияние на генезис и последующую эволюцию антарктической политики Советского Союза, а именно, состоявшегося 10 февраля 1949 г. в Ленинграде общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР.

В конце 1937 года «Известия Государственного географического общества» оповестили своих читателей, о планируемом на июль 1938 года проведении в Амстердаме Международного Географического Конгресса [С. К. 1937: 832]. Примечательно, что в ходе именно этого мероприятия, в рамках заседания секции истории географических знаний было сделано сообщение о приоритете открытия Антарктиды американским промышленником Пальмером.

В 1938 году Генеральным штабом Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) был издан «Атлас командира РККА». Отдельным листом в атласе была представлена карта Антарктики (масштаб 1 : 30 000 000). В легенде карты даны были обозначения британских и французских «владений», а принадлежность британских секторов была обозначена следующим образом: «О-вам Фалькленд, Австралии, Новой Зеландии» [Антарктика 1938: Лист 7].

Изданный 7-м Отделом Генерального штаба РККА, Атлас создавался «учитывая запросы начальствующего состава РККА». В

редактировании карт атласа принял участие ряд научных работников в области географии. На карте Антарктики (карта 7; масштаб 1 : 30 000 000) были выделены: «Квадрант Ведделя (американский)»; «Квадрант Росса (тихоокеанский)»; «Квадрант Виктории (австралийский)»; «Квадрант Эндерби (африканский)». В целом обозначались «Владения Британские» и «Владения Французские» (Земля Адели). Земля Александра I «находилась» в соответствии с этой картой в Британском секторе, «принадлежащем» Фолклендским островам (и, одновременно, в «Квадранте Ведделя (американском)»; остров Петра I находился точно на границе «Квадранта Ведделя» и «Квадранта Росса» и не попадал в «Британский сектор».

В предисловии к атласу было указано: «Коллектив работников Военно-Топографической Службы РККА, учитывая запросы начальствующего состава РККА, поставил перед собой задачу издать наглядное пособие в виде Атласа Командира. ...Для построения карт атласа избраны наиболее употребительные... проекции; ...карты Арктики и Антарктики в полярных проекциях. ...Атлас Командира РККА является результатом длительного упорного труда картографов Московской Картографической Части Военно-Топографической Службы РККА и коллектива рабочих и инженерно-технического состава Картографической фабрики им. Дунаева. В редактировании карт атласа принял участие ряд научных работников в области географии» [Антарктика 1938: б. с.].

Известно, что в этой работе принимал участие Ю.М. Шокальский. «В 1937 г., – вспоминала его дочь доктор географических наук З.Ю. Шокальская, – Юлий Михайлович начал участвовать в большой работе, предпринятой Картографической частью Штаба РККА – в составлении «Атласа командира РККА». Он был не только составителем карт всех океанов, как и в Большом Советском Атласе Мира (карты не представляли собой повторения последних), но принимал участие в редактировании всех карт атласа» [Шокальская 1960: 110–111].

Имеющееся в легенде карты Антарктики примечание («Во время печатания карты было получено извещение о результатах работы английской экспедиции Римилля. Экспедиция выяснила, что земля Грэма является непосредственным продолжением Антарктиды и что никаких проливов Стефенсона и Кэзи, по крайней мере, со стороны

Тихоокеанского побережья не существует») практически дословно воспроизводило текст из заметки Ю.М. Шокальского, опубликованной в 1937 году [Шокальский 1937(б): 667].

Около изображений островов на карте Антарктике была указана их государственная принадлежность: «О-ва Тристан да Кунья (Бр.)»; «О. Фальклэнд (Бр.)»; «О-ва Макквари (Бр.)»; «О-ва Крозэ (Фр.)»; «О. Кергуэлен (Фр.)»; «О. Буве (Норвегия)» и пр. Примечательно, однако, что государственная принадлежность острова Петра I обозначена не была.

На некоторые из указанных в настоящем разделе работы вопросов, уже обращалось внимание в современной российской историографии. Вот, что писал в своей вводной статье к российскому переизданию книги Ф.Ф. Беллингаузена почетный полярник, доктор географических наук, участник 14-й Антарктической экспедиции В.С. Корякин (в целях понимания вопроса целесообразно привести достаточно длинную цитату из его работы): «...Действительно, в книгах, изданных в нашей стране в 30-е гг. прошлого века и посвященных исследованиям на материке Антарктида, открытию самого южного континента не уделялось особого внимания, поскольку в ту пору эта проблема не выглядела актуальной (так считает В.С. Корякин. – *А.О.*), ибо страна находилась в ожидании неминуемой схватки с фашизмом, создавала тяжелую промышленность, новую военную технику.

Кроме того, в силу идеологических причин (издание литературы на антарктические темы пришлось в советской стране на годы Большого террора) (здесь с В.С. Корякиным очень сложно согласиться: никакой «литературы на антарктические темы», за исключением воспоминаний зарубежных южнополярных исследователей, в годы упомянутого им «Большого террора» в Советском Союзе не издавалось; очень непросто проследить и проводимую им корреляцию антарктической тематики с «Большим террором». – *А.О.*) такие видные советские полярники, как В.Ю. Визе или Н.Н. Урванцев предпочитали в своих предисловиях сосредоточиться на преимуществах советского опыта в Арктике – к чему, конечно, были реальные основания.

Когда же за дело брались не столь образованные и компетентные комментаторы (вот, кстати, что писал в своем предисловии к книге Ричарда Бэрда «Над южным полюсом», «образованный и

компетентный», упомянутый В.С. Корякиным Н.Н. Урванцев: «Шестая и последняя часть света, материк Антарктики, открытый около ста лет тому назад (1840 г.) (! – *А.О.*), до сих пор принадлежит к наименее изученным областям земного шара» [Бэрд 1935: 5]. – *А.О.*), история открытия Антарктиды приобретала весьма странный характер.

Так, автор предисловия к книге Дугласа Маусона «В стране пурги» (вышедшей в издательстве Главсевморпути в 1936 г.) утверждал: «В двадцатых годах XIX в. в южных водах, совершая свое кругосветное плавание, побывал и русский адмирал Беллинсгаузен. Антарктический континент, открытый в 50-х годах прошлого столетия тремя экспедициями: француза Дюрвиля, американца Уилкса и англичанина Росса...» и т. д. (скорее всего, автор предисловия к русскому изданию книги Дугласа Маусона «В стране пурги. История Австралийской антарктической экспедиции 1911–1914 гг.» (1935), или, как его характеризует В.С. Корякин, «не столь образованный и компетентный комментатор», попросту воспроизводил, только что показанные выше подходы доктора геолого-минералогических наук, ученого секретаря (! – *А.О.*) Арктического института Н.Н. Урванцева, с его, вслед за Р. Бэрдом, точкой зрения об открытии Антарктиды «на троих». – *А.О.*).

А ведь еще в Географическом атласе Товарищества «Просвещение», изданном на рубеже XIX и XX столетий на карте «Южные полярные земли» маршрут кораблей Беллинсгаузена вдоль Гринвичского меридиана упирается в берег ледяного континента с пометкой «Ледяная стена». Не знал этот деятель (*sic!* – *А.О.*) и о словах самого Дж. Росса о том, что «честь открытия (? – *А.О.*)» наиболее южных земель принадлежит неустрашимому Беллинсгаузену и на протяжении двадцати лет остается за русскими (1847, с. 188)» [Корякин 2008: 6–7].

Этот современный российский специалист считает, что «со временем интересы страны, независимо от господствующей в ней идеологии, заставили обратиться к реальной истории открытия шестого континента...» [Корякин 2008: 7]. Однако проведенный в настоящей работе дальнейший анализ показывает, что советская историография на самом деле была весьма далека от отражения реальной истории, действительного хода, результатов и итогов Первой русской антарктической экспедиции.

Глава II. 1939 год

«...На берегу был оставлен небольшой балаган... и поднят норвежский флаг...»: остров Петра I в советской историографии

«...Прилагая... рассуждение к открытию острова Петра I Беллинсгаузеном, очевидно надо заключить, что остров давно уже принадлежал нашей стране, слишком на 100 лет ранее занятия его норвежцами...»

Ю.М. Шокальский
(1939)

С одной стороны, немногочисленные публикации 1939 года демонстрируют, уже становившийся достаточно устойчивым для советской географической науки, интерес к зарубежным экспедициям в Антарктику. Об этом, в частности, свидетельствует опубликованная в этом году совсем небольшая заметка Г. Моора о новой американской антарктической экспедиции [Моор 1939: 9].

Или же привычную, фактически признающую зарубежные правопритязания на антарктические земли, подачу и трактовку картографического материала, когда, в изданных в 1939 году географических картах для начальной школы, на политической карте мира были указаны «сильнейшие капиталистические государства и их владения», с обозначением последних в том числе и на континенте («владения» Англии и Франции) [Политическая 1939: 8–9].

С другой стороны, не будет преувеличением сказать, что в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, 1939 год занимает совершенно особенное место. Возможно впервые, открытие антарктических земель русскими, в данном, конкретном случае – открытие острова Петра I в 1821 году, позволило одному из авторитетнейших советских географов (правда, пока еще в весьма осторожной форме) вести речь о политико-правовой обоснованности потенциальных антарктических провопритязаний Советского Союза.

Первопричиной такого исследовательского подхода, в свою очередь явилось вполне конкретное внешнеполитическое событие:

произошло это событие в 1929 году; получило свое дальнейшее развитие и политико-правовое наполнение в 1931, 1933 и 1939 годах.

Выше уже было отмечено, что в 1934 году «Известия Государственного русского географического общества» опубликовали заметку Ю.М. Шокальского «Управление островами Бувэ и Петра I в Антарктических водах».

Без каких-либо комментариев самого Ю.М. Шокальского, его же «хроника» сообщала: «Норвежское правительство 24 марта 1933 г. приняло в свое владение остров Петра I, остров же Бувэ объявлен норвежским еще 27 февраля того же года. Согласно сему к этим землям применяются норвежские законы. Все земли, не переданные частным лицам, объявлены государственной собственностью. Острова находятся в ведении Министерства торговли; полицейская власть возложена на министра юстиции и остров Петра I подведомствен юрисдикции особого суда в Осло» [Шокальский 1934: 728].

Через пять лет, в 1939 году «Известия Государственного географического общества» опубликовали материал Ю.М. Шокальского под таким заголовком: «Остров Петра I в восточной части Тихоокеанской Антарктиды, в море, по справедливости наименованном «морем Беллинсгаузена».

Вот как выглядели события в трактовке автора этой, согласно рубрикации издания, «мелкой статьи»: «После длинного пути во льдах южного Тихого океана 10 января 1821 г. наконец корабли русской антарктической экспедиции впервые за свое двухлетнее плавание к югу от 60° ю. ш. увидели в тумане темную массу, которую сперва можно было принять за огромную ледяную гору, но, подойдя ближе, удостоверились, что они действительно открыли первую антарктическую землю» [Шокальский 1939(а): 1393].

Собственно, сама небольшая статья Ю.М. Шокальского, как и размещенная в этом же номере «Известий» его реферативная заметка [Шокальский 1939(б): 1400], были связаны с изложением содержания опубликованной в Лондоне в 1935 году, книги директора одной из крупнейших норвежских китобойных компаний Ларса Кристенсена «Такова Антарктика» (*Lars Kristensen. Such is the Antarctic. Translated by E. Jayne. London: Hodder and Stoughton, 1935*).

«За последние десятки лет, – писал Ю.М. Шокальский, – норвежские китобойные компании развили огромную деятельность в антарктических водах, и хотя изобретение огромных плавучих факторий до 12 000–14 000 т водоизмещением позволило разделять добычу кита, находясь в море, все-таки норвежцы пытались где-нибудь в антарктических водах разыскать остров, у которого можно было бы найти более или менее спокойную стоянку» [Шокальский 1939(а): 1393].

Коротко охарактеризовав некоторые этапы такой деятельности норвежцев, Ю.М. Шокальский писал далее: «В своих поисках пристанища для китобойного флота норвежские компании вспомнили и об острове Петра I. Известный норвежский богатый китобой, Ларс Кристенсен, в 1926 г. отправил на поиски острова небольшого искателя китов, пароход «*Ogg I*»... После 14-дневного плавания с острова Южная Георгия утром 17 января 1927 г. «*Ogg I*» увидел остров Петра I. То обстоятельство, что остров не пришлось искать, а корабль прямо к нему подошел, еще раз доказывает точность места острова на карте, данного Беллинсгаузеном» [Шокальский 1939(а): 1394].

Несмотря на проведенные норвежцами гидрографические работы вокруг острова, посещение этих мест небольшим китобойным судном не было признано успешным и в 1929 г. Л. Кристенсен отправляет туда же корабль «Норвегия».

Ю.М. Шокальский писал: «1 февраля корабль подошел к острову, и 2-го числа, когда погода очень благоприятствовала, было решено сделать высадку. Корабль держался около острова со 2 по 8 февраля и произвел ряд исследований вокруг острова... Высадка удалась, и на берегу был оставлен небольшой балаган с запасами провизии и других предметов...; поднят норвежский флаг в знак принятия острова во владение Норвегии, на что имелось согласие норвежского правительства» [Шокальский 1939(а): 1394].

Далее, вновь опираясь на текст Л. Кристенсена, Ю.М. Шокальский делает своеобразную попытку по обоснованию прав Советской России в Антарктике.

Он отмечает: «Нельзя обойти молчанием интересные рассуждения автора труда... по вопросу о том, что необходимо сделать, чтобы открытая земля могла называться собственностью той или другой страны. На стр. 173 своей книги он (Л. Кристенсен. – А.О.) пишет, что

англичанин Биско не высаживался на берег Земли Эндерби, когда он увидел ее в 1831 г. Однако англичане считают, что Земля Эндерби есть их собственность по праву первооткрытия. Очевидно, это равносильно утверждению, что для объявления занятия земли нет надобности на нее высаживаться, достаточно ее увидеть. Отсюда, говорит Ларс Кристенсен, получается очень выгодный вывод для открытий земель с самолета. Прилагая его рассуждение к открытию острова Петра I Беллинсгаузеном, очевидно надо заключить, что остров давно уже принадлежал нашей стране, слишком на 100 лет ранее занятия его норвежцами» [Шокальский 1939(a): 1395].

Если рассматривать события вокруг острова Петра I в контексте внутриполитической ситуации в Норвегии, то, в целом, картина складывается следующая. Установка норвежского флага и принятие решения Стортингом решения об этом острове произошли в период трехгодичного правления (1928–1931 гг.) правительства во главе с крупным судовладельцем Ю.Л. Мувинкелем. Наибольшим влиянием среди крупной буржуазии пользовался антисоциалистический «Отечественный союз», основанный в 1925 г. поляриком Ф. Нансеном.

С другой стороны, вполне определенное место во внутриполитической амальгаме Норвегии тех лет занимали коммунисты, опиравшиеся на марксистские лозунги о революционном, социалистическом преобразовании общества. Однако к 1929 г. популярность и, соответственно, численность Коммунистической партии Норвегии значительно уменьшились. Вполне понятно, что по линии Интернационала норвежские социалистические и коммунистические группировки были тесно связаны с Советским Союзом.

Выборы в Стортинг в октябре 1930 г. привели к улучшению позиций буржуазных партий, сообща выступивших против Рабочей партии. Либеральное правительство Мувинкеля предприняло ряд мер по стабилизации экономического положения. Для спасения банков был получен кредит из Великобритании. Надо заметить, что разгар экономического кризиса в Норвегии пришелся именно на 1931–1933 гг. Так, в начале 1932 г. безработицей было охвачено 42% организованных рабочих.

После 1935 г. деятельность норвежских коммунистов была направлена на создание антифашистского единого фронта, в поддержку усилий Советского Союза на международной арене. Коммунисты явились инициаторами широкой кампании помощи испанским коммунистам. Именно они, в частности, взяли на себя дело вербовки и отправки в Испанию норвежских добровольцев в нарушение принятого Стортингом запрета. Первые норвежцы прибыли в Испанию в конце 1936 г.

Что касается Норвежской рабочей партии (НРП) (в 1938 г. НРП вступила в Социалистический Интернационал), то после прихода к власти ряды ее, естественно, выросли. В ноябре 1939 г. состоялся 31-й съезд Рабочей партии, на котором были приняты некоторые существенные поправки «правого толка» к ее программе, в частности снято положение о том, что партия основывается на марксизме [История 1980: 356–370].

Внешняя политика Норвегии между двумя мировыми войнами обуславливалась, в том числе тем, что у молодой норвежской буржуазии при всей ее слабости было явное желание принять участие в империалистическом переделе мира, чтобы укрепить свои позиции, расширить сферу своего влияния. В первую очередь в этом были заинтересованы владельцы крупных судоходных, китобойных и зверобойных компаний, а также горнопромышленники. Поэтому далеко не случайно, по мнению автора, что первые инициативные шаги Норвегии по взятию под свой суверенитет острова Петра I были осуществлены в период правления правительства Ю.Л. Мувинкеля – крупного судовладельца.

С другой стороны, преувеличивать значение этого фактора тоже не стоит, поскольку с лета 1920 г. и до весны 1935 г. в Норвегии сменилось девять кабинетов, ни один из которых не продержался у власти более двух лет. Слабость позиций в парламенте у таких правительств означала, в частности, что голос Комитета Стортинга по международным делам стал решающим в том, что касалось направленности и осуществления внешнеполитического курса страны [Ристе 2003: 150].

Притязания на получение новых владений Норвегия собиралась удовлетворить без применения силы, поскольку это малое государство

не могло состязаться в военной области с крупными державами (желая «подать пример» другим державам, скандинавы на протяжении 20-х годов существенно сократили свои и без того скромные вооруженные силы). Предметом норвежских правопритязаний были необитаемые земли на севере – в арктических областях и на юге – в Антарктике. Однако в первую очередь норвежское правительство сосредоточило свои политико-правовые и дипломатические усилия на получение «ничьей» земли – архипелага Шпицберген (норв. Свальбард) [История 1980: 371].

Несмотря на подобные, только что приведенные утверждения советских историков, «ползучие» норвежские правопритязания получали свое конкретное наполнение и в других географических регионах. Известно, например, что «в 1928 г. норвежское правительство предложило своими силами организовать исследования мало изученного Кольского полуострова» [Рихтер 1947: 9].

История норвежских правопритязаний на Шпицберген (этот, находящийся в западной части Северного Ледовитого океана архипелаг, был открыт русскими поморами, которые создавали на нем постоянные поселения, многие годы зимовали на его островах, занимались рыбной ловлей и промыслом, т. е. осваивали архипелаг и вели там активную хозяйственную деятельность) и аналогичных притязаний на остров Петра I имеет как свои сходные, так и отличительные черты.

Статус и международно-правовой режим архипелага определяются Договором о Шпицбергене, заключенным на конференции в Париже 9 февраля 1920 г. между 9 странами (РСФСР не участвовала в обсуждении и подписании договора). Норвежский суверенитет, имеющий существенные договорные изъятия и, таким образом, носящий по существу ограниченный характер (следует отметить, что договор был заключен не между Норвегией, с одной стороны, и всеми остальными его участниками – с другой, а между участниками, находящимися в равном положении к предмету договора [Словарь 1985: 248]) над Шпицбергенем и островом Медвежий был признан нашей страной лишь в 1924 г., одновременно с фактическим и юридическим признанием СССР Норвегией и установлением между этими двумя странами дипломатических отношений. Только после этого, а также после подписания договора Норвегии с Германией

архипелаг в 1925 г. был официально объявлен составной частью королевства.

Интересно, что в 1931 и 1932 гг. Советский Союз купил на Шпицбергене два каменноугольных участка с правом на добычу угля и других ископаемых. Перед второй мировой войной СССР добывал здесь ежегодно около 400 тыс. т угля при общей ежегодной добыче на архипелаге 600–650 тыс. т. Добытым в этом районе углем снабжались северные районы СССР и находившиеся на севере суда морского флота. 27 февраля 1935 г. СССР присоединился к Парижскому договору [Военно-морской 1966: 306].

В дальнейшие годы неоднократно подчеркивалось, что советские рыболовные суда постоянно занимаются промыслом вблизи архипелага и пользуются его бухтами для укрытия во время сильного шторма. На архипелаге впервые был создан советский полярный геофизический институт, деятельность которого связана с глубоким и систематическим изучением и исследованием Арктики [Военно-морской 1966: 309].

По воспоминаниям дочери Ю.М. Шокальского, этот ученый в 20-е годы выступил с «несколькими предложениями, имевшими целью обратить внимание мирового общественного мнения на научные достижения нашей родины и поставить их на должное место». В 1920 г. Ю.М. Шокальский представил Совету Географического общества рукописную статью инженера Сабанина о Шпицбергене; статья была напечатана по рекомендации Географического общества в «Вестнике НКВД» и оказала влияние на основание в 1931–1932 гг. на Шпицбергене советского промышленного предприятия «Арктикуголь» [Шокальская 1960: 82–83].

В изложении другого советского географа, этот факт выглядит следующим образом: «В 1920 г. к Ю.М. Шокальскому в Географическое общество поступила одобренная им рукописная статья инж. Сабанина о Шпицбергене и его политическом положении. За стесненностью Общества в отношении печатания поступающих к нему материалов статья была в следующем году опубликована в «Вестнике НКВД» и впоследствии оказала известное влияние на основание в 1931–1933 гг. на Шпицбергене советского промышленного предприятия «Арктикуголь» с поселением Беренцбургом» [Семенов-Тянь-Шанский, Герасимов, Орлов 1946: 124].

В отличие от исторически сложившихся и объективных прав России в отношении Шпицбергена (открытие архипелага и его многовековое хозяйственное использование), аналогичные права применительно к острову Петра I могут возникать лишь только на основании одной причины – первооткрытия этого острова правительственной Русской антарктической экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева 1819–1821 гг..

Поскольку еще и в 1939 году Ю.М. Шокальский писал: «Знать тот внешний вид, какой имеет остров, открытый нашими мореплавателями и к тому же носящий имя Петра I, конечно, географам нашей страны очень интересно, и потому наше Географическое общество в своих «Известиях» и помещает оба снимка, опубликованные в книге Ларса Кристенсена *«Such in the Antarctic»*» [Шокальский 1939(а): 1394].

Согласно доступным источникам советское судно впервые подошло к острову Петра I 25 марта 1959 г., в ходе осуществления первого кругосветного плавания советской китобойной флотилии «Слава». Это было научно-поисковое судно «Иван Носенко» [Кириллов, Рыбников 1962: 298].

Представляется, что именно ситуация в советско-норвежских отношениях по поводу архипелага Шпицберген, сложившаяся в 1920-х годах, лучше всего помогает понять суть внешнеполитических подходов СССР к проблеме острова Петра I.

Например, как отмечают современные российские специалисты (работавшие прежде всего с документами из Архива внешней политики Российской Федерации) суверенитет над Шпицбергенем, против которого первоначально категорически выступала Советская Россия, был получен Норвегией при активнейшем участии дипломатических служб РСФСР. Причем главенствующую роль в принятии такого решения принадлежит А.М. Коллонтай [Федоров, Злобин, Слободяник 2005: 14].

Нота министра иностранных дел Норвегии Мишле полномочному представителю СССР в Норвегии А.М. Коллонтай о признании СССР *de jure* Норвегией была направлена 15 февраля 1924 г. А.М. Коллонтай сообщила своей нотой на имя Мишле о признании Правительством СССР суверенитета Норвегии над Шпицбергенем, включая остров

Медвежий, и о том, что в будущем, оно не будет выдвигать возражений против Договора о Шпицбергене от 9 февраля 1920 г.

Подобная «дипломатическая перверсия» со стороны этого советского дипломата, а, до этого, активного деятеля международного и российского революционного социалистического движения, вряд ли может вызвать большое удивление.

Во время эмиграции А.М. Коллонтай (1872–1952) посетила целый ряд стран Европы (Бельгию, Великобританию, Германию, Данию, Норвегию, Францию, Швейцарию, Швецию), где налаживала связи с местным социал-демократическим движением, одновременно принимая в нем активное участие. Уже после 1917 года, А.М. Коллонтай активно работала в секциях Коминтерна. С 1923 года находилась на дипломатической службе. Причинами назначения послужили прочные связи А.М. Коллонтай с европейским социалистическим движением, а также опыт работы на должности секретаря Международного женского секретариата при Коминтерне в 1921–1922 гг. В 1923–1926 и 1927–1930 годах она работала советским полпредом и торгпредом в Норвегии, и, как считается в официальной советской историографии, «во многом поспособствовала» политическому признанию СССР этой страной.

Предшественником А.М. Коллонтай, полпредом в Норвегии на протяжении ряда лет был дипломат «литвиновской школы» Я.З. Суриц (1882–1952; 1902 г. – член Бунда, 1917 г. – РСДРП(б)).

В так называемую «литвиновскую школу» дипломатов входили, в частности: К. Уманский (1902–1945), Б. Штейн (1892–1961), Е. Гнедин-Гельфанд (1898–1983; сын международного авантюриста А.Л. Гельфанда (Парвуса), предложившего германскому МИДу и генеральному штабу «план вывода» России из мировой войны путем поддержки русского революционного движения).

Сам М.М. Литвинов (1876–1951), революционер, советский дипломат и государственный деятель, в 1930–1939 гг. занимал пост наркома иностранных дел Советского Союза. Позиционирован сегодня, как «выдающийся дипломат международного масштаба, игравший ведущую роль в налаживании отношений Советского Союза с Западом», «блестящий оратор и теоретик», англофил (учет последнего обстоятельства важен. – *А.О.*) [Литвинов].

Вероятно именно в рамках подобного «налаживания отношений с Западом», только и можно объяснить пассивность советского «литвиновского» НКВД, на протяжении без малого десяти лет никак не реагировавшего на действия Норвегии в отношении острова Петра I. Участок суровой антарктической территории, скорее всего, стал во внешнеполитических торгах Норвегии и Советской России тактической уступкой со стороны последней, если вообще обсуждался (вполне понятно, что в советской «биографической» историографии, даже поздней [Шейнис 1987; Шейнис 1989], мы не найдем об этих вопросах ни слова).

Исследователями высказывалась точка зрения, согласно которой в ходе долгого процесса, завершившегося признанием советского правительства Норвегией, советскую сторону волновали не столько двусторонние отношения с не слишком влиятельным малым соседом, сколько более масштабная задача – пробить брешь в «едином фронте» западных государств, отказывавшихся признать новую власть в России [Ристе 2003: 10].

Понятно, что в такой «игре» пожертвовать далекими, мало кому известным «антарктическим островом» было вполне допустимо. Однако в любом случае за «спиной» Норвегии проглядывает Великобритания, с ее тогда, в 20-е – 30-е годы XX века практически неограниченной внешнеполитической и дипломатической мощью.

Кстати, на последнее в 1939 году обращал внимание и сам Ю.М. Шокальский. Комментируя книгу Л. Кристенсена он, в частности, писал: «В книге этого автора очень много говорится об открытии им и его судами значительного протяжения берега Антарктиды в Индийском океане, между меридианами 20 и 70° в. д. Здесь столкнулись интересы норвежцев и англичан (собственно австралийцев – сэр Дуглас Маусон, известный исследователь Антарктиды – австралиец). Ларс Кристенсен в своем труде упорно настаивает, что норвежские китобои открыли эти берега несколькими неделями ранее англичан, которые между тем многие места на побережье называли английскими именами и подняли на них свой флаг. Недавно, однако, норвежское правительство признало эти берега принадлежащими Норвегии. Очевидно какое-то соглашение с Англией по этому предмету было достигнуто» [Шокальский 1939(а): 1395].

Только исключительной пассивностью «литвиновского» НКВД, его (в том числе и в первую очередь лично М.М. Литвинова, с его «англофильской ориентацией») предпочтением интересов космополитично-интернациональных, можно объяснить ситуацию, сложившуюся в отношении острова Петра I.

По признаниям самих современных норвежских историков, дипломатическая неопытность норвежской администрации 20-х – 30-х годов была обусловлена тем, что Норвегия по существу не имела опыта самостоятельной внешней политики с XIV в. до 1905 г. – времени расторжения Стортингом Норвегии унии со Швецией, последующего референдума о разрыве унии и заключения Карлстадской конвенции о расторжении шведско-норвежской унии [История 1980: 374].

Однако и такую «неопытность», преодолеть на протяжении целого десятилетия – с 1929 по 1939 г. – советскому НКВД было не под силу?!

Лишь только в ответ на норвежскую ноту от 14 января 1939 г., в которой говорилось о том, что правительство Норвегии объявило антарктические пространства «между восточной границей Фолклендской зоны» (20° з. д.) и 45° в. д. своими владениями, последовала советская нота от 27 января 1939 г. (несомненно, что написанная Ю.М. Шокальским в августе 1939 г. его небольшая статья об острове Петра I, была реакцией на это дипломатическое событие. – *А.О.*) по поводу норвежских правопритязаний в Антарктике.

В дипломатическом документе, подписанном М.М. Литвиновым (через три месяца он будет освобожден от своей должности) и адресованном послу Норвегии в Москве А.Т. Урбюе, в частности говорилось, что «Советское Правительство считает необходимым зарезервировать его позицию по вопросу о суверенитете этой территории, которая была открыта русским мореплавателем Беллинсгаузеном во время его экспедиции в 1819–21 гг.» [Bush 1982: 152].

Прецедент противодействия норвежским полярным правопритязаниям, причем, весьма успешный, в практике международных отношений того десятилетия все-таки был. Речь идет о норвежских притязаниях на восточное побережье Гренландии. Как известно, суверенитетом над этим островом обладала Дания. После ряда двусторонних действий дипломатического и правового характера,

весной 1931 г. так называемый Совет Ледовитого океана при норвежском правительстве, рассматривая Восточную Гренландию как ничейную землю, организовал частную экспедицию для ее захвата.

Возникший спор, по обоюдному согласию Дании и Норвегии был передан на рассмотрение Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Тем временем, норвежское правительство задним числом одобрило оккупацию, а в 1932 г. расширило ее. Интересно, что норвежское рабочее движение, как писали советские историки, «решительно осудило эту затею как империалистическую, как происки правых сил» [История 1980: 374] (не менее интересно и то, осудило ли норвежское рабочее движение подобную акцию Норвегии в отношении острова Петра I? – *А.О.*). Суд в Гааге, в 1933 году решил дело в пользу Дании.

Эти же советские историки указывали, что в сравнении с ситуацией 1929 г., когда Норвегия провозгласила свой суверенитет над островом Ян-Майен, к северу от Исландии, и это не встретило никаких возражений, «норвежские притязания на отдельные части Западной Антарктики – острова Буве (1928) и Петра I (1931), а позже на сектор «материковой Антарктиды» – Землю Королевы Мод (1939) – не получили признания других заинтересованных стран» [История 1980: 375] (здесь у советских историков шла ссылка на работу юриста-международника С.В. Молодцова (1954).

«В частности, СССР, – писали далее авторы «Истории Норвегии», – в начале 1939 г. особой нотой зарезервировал свою точку зрения относительно этих норвежских притязаний» [История 1980: 375].

Однако на самом деле, упомянутая «особая нота» никоим образом не касалась правопритязаний Норвегии в отношении острова Петра I.

В подготовленной в Институте права Академии наук СССР и опубликованной в 1954 году, работе советского юриста-международника С.В. Молодцова утверждалось следующее: «В 1931 и 1939 гг. норвежское правительство заявило о «присоединении» к Норвегии острова Петра I, открытого в 1821 году русской экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, а также антарктического района, расположенного между австралийским и английским (фолклендским) «секторами». Советское правительство в ноте от 27 января 1939 г. сообщило норвежскому правительству о непризнании за этой акцией Норвегии законного характера и резервировало свою точку зрения о

государственной принадлежности земель, открытых русскими мореплавателями» [Молодцов 1954: 19].

Как известно, однако, 1 мая 1931 г. [Bush 1982: 135] правительство указом короля Норвегии Хокона VII провозгласило суверенитет над островом Петра I (который находится в той части Тихоокеанского «сектора» Антарктики на который никто формально не претендовал и не претендует), а закон, которым была закреплена принадлежность Норвегии этого острова, был принят Стортингом 24 марта 1933 г.

За этот период никаких протестов со стороны советского НКВД не последовало, как не последовало их и в дальнейшем, вплоть до 27 января 1939 г. Но, в данном случае, речь шла естественно уже о не о норвежских правопритязаниях в отношении острова Петра I, а, о ее притязаниях в отношении континентальных территорий и антарктических океанических пространств. Другими словами, объединять в одну «акцию» действия Норвегии в 1931 (1933) году и такие же действия этой страны в 1939 году, юридически некорректно (хотя, строго говоря, из текста С.В. Молодцова нельзя вывести односложное утверждение, что он не имел в виду только лишь события 1939 года) .

Среди возможных ответов на вопрос о том, почему СССР никак не отреагировал на события вокруг острова Петра I, можно рассматривать то, что в широком контексте «советское правительство придавало большое значение... политическим отношениям с Норвегией и заботилось об их развитии» [История 1980: 377].

Советский Союз стремился содействовать независимой внешней политике Норвегии, «помешать ее вовлечению в лагерь империалистических противников СССР». Советскому Союзу был важен нейтралитет Норвегии и подобные заверения со стороны северного соседа регулярно поступали.

Так, в апреле 1936 г. в Москве наркоминдел М.М. Литвинов имел с министром иностранных дел Норвегии Х. Кутом «беседы по широкому кругу вопросов». Норвежский министр заявил себя убежденным противником участия Норвегии в любых антисоветских военно-политических комбинациях [История 1980: 385].

А как видят и оценивают ситуацию, сложившуюся в 30-е годы прошлого века, современные норвежские специалисты. Например,

авторы (сотрудники Исторического института Университета в Бергене) популярного в Норвегии учебника по истории этой страны «от викингов до наших дней», пишут, что «так называемый «Арктический океанский империализм» межвоенных лет принес Норвегии новые территории в Арктике и Антарктике» [Даниельсон, Дюрвик, Гренли, Хелле, Ховланн 2003: б. с.].

Известный норвежский историк, специалист по международным отношениям, основатель и на протяжении многих лет директор Норвежского института оборонных исследований (затем – заместитель директора Института по научно-исследовательской работе) У. Ристе писал, что, после 1917 года, для Норвегии «более непосредственное значение имел факт», что «Россия, превратившаяся к этому времени в Советский Союз и опустошенная революцией и гражданской войной», утратила, «хотя бы в краткосрочной перспективе – роль потенциальной угрозы национальной безопасности страны» [Ристе 2003: 152].

К тому же, правительство Норвегии считало, что огромные потери норвежских торговых судов, оказывавших для стран Антанты «услуги» по перевозкам во время первой мировой войны, дают стране право на какую-то компенсацию. Предложения норвежского посланника в Париже о расширении территории «за счет России» ни к чему не привели. Поэтому главной целью Норвегии, как это уже было показано, было получение суверенитета над архипелагом Шпицберген. Франция, США и Италия фактически поддерживали эти притязания Норвегии. Англия и Швеция выступали в этом вопросе более осторожно.

Как отмечал У. Ристе, и Северный Ледовитый океан и Антарктика еще до первой мировой войны были намечены в качестве «естественных зон» расширения норвежского рыболовства, китобойного и тюленьего промысла. Осуществляя ряд шагов, впрочем, не всегда успешных в отношении промысловой экспансии в северных полярных владениях РСФСР, а затем СССР, территориальных захватов в отношении острова Ян-Майен и Восточной Гренландии (по последнему факту У. Ристе признает, что в ретроспективе действия Норвегии в гренландском вопросе во многих отношениях выглядят «явным отклонением от нормы» по целому ряду параметров [Ристе 2003: 162]), Норвегия, «обращает взор на Антарктику».

Вот, как в трактовке этого норвежского историка-международника, развивались события. У. Ристе пишет: «После Первой мировой войны китобойный промысел в антарктических водах с использованием крупных плавучих фабрик быстро расширялся. Процесс подачи заявок на провозглашение суверенитета в этом районе возглавила Англия – начав с создания так называемой Зависимой территории Росса в тихоокеанской части Антарктики в 1923 г.

После этого у Норвегии появились опасения, что подобные случаи аннексии могут привести к лишению ее китобоев не только права высадки на сушу, но и к изгнанию из постоянно расширяемой зоны территориальных вод вокруг аннексированных территорий. Поскольку акты аннексии во многом основывались на том, кто первым (! – *A.O.*) открыл и изучил данный район, и с учетом того, что норвежские полярные исследователи, такие, как Руаль Амундсен, были среди пионеров освоения Антарктики, Норвегия также пустилась на поиски территории, на которую еще никто не претендовал.

Первым актом аннексии с ее стороны стало присоединение в 1928 г. крохотного острова Буве, лежащего между Южной Африкой и Антарктидой. Английское правительство сначала высказало возражения, но в конце концов признало норвежский суверенитет над островом при условии, что Норвегия введет правила и ограничения для своего китобойного промысла. В 1929 г. Норвегия пошла дальше и приобрела плацдарм в южной части Тихого океана, выдвинув претензии на небольшой остров Петра I. Но попытка норвежской экспедиции занять один из районов материка Антарктиды, расположенный в пределах сектора, незадолго до того объявленного сферой британских интересов, вызвало бурю протестов в английской и южноафриканской прессе» [Ристе 2003: 162–163].

Вполне понятно, что эта «буря протестов» была инспирирована самим правительством Англии, а отнюдь не ее «свободной» и «демократической» прессой.

Далее У. Ристе пишет: «Новый этап гонки за антарктические владения начался в 1933 г., когда англичане заявили о том, что они выдвинули претензии на очень большой сектор – почти треть всего континента – со стороны Индийского океана – и что он будет отныне находиться под управлением Австралии. Норвежское правительство не

стало официально оспаривать британские притязания. Взамен английское Министерство иностранных дел путем обмена нотами недвусмысленно заявило, что с пониманием относится к обозначенным Норвегией «особым интересам» в до того времени ничейной зоне между австралийским и фолклендскими секторами. Норвежское правительство некоторое время не форсировало этот вопрос, частично из-за деликатной ситуации в англо-норвежских отношениях, вызванной конфликтом из-за ограничения норвежской зоны рыболовства...

Но в декабре 1938 г. норвежскому правительству стало известно об отправке в Антарктиду секретной германской экспедиции. Теперь Норвегии нужно было действовать без промедления, и 14 января 1939 г. правительство королевским указом объявило норвежским владением весь сектор между фолклендской и австралийской зависимыми территориями – примерно одну пятую всего континента. Германия и Советский Союз отвергли норвежские притязания (вообще, с учетом тогдашних советско-германских отношений, не исключено, что именно с подачи Германии и осуществил «литвиновский» НКВД свой демарш против норвежских правопритязаний в Антарктике. – *А.О.*), а США и Чили высказали оговорки, касавшиеся их собственных эвентуальных прав в этом районе.

Однако правительство Великобритании, получившее в то же самое время от Норвегии признание созданной в 1933 г. Австралийской зависимой территории, официально согласилось с норвежской аннексией. Таким образом, в Антарктике было достигнуто англо-норвежское временное урегулирование, завершившее долгий период разногласий и, возможно, означавшее, что Британия теперь рассматривает Норвегию как более приемлемого соседа по сравнению с другими претендентами» [Ристе 2003: 163–164] (понятно, что Норвегия чем-то да расплачивалась за свою «приемлемость» в качестве «антарктического соседа» Англии. – *А.О.*).

Формально-юридически, аннексия – это присоединение государством территории какой-либо нации или народности. Поэтому говорить об аннексии острова Петра I, открытого еще в 1821 г. правительственной Первой русской антарктической экспедицией, хотя и можно, но, с учетом только что отмеченного формально-юридического подхода.

Тем не менее, роль «литвиновского» НКВД в этом случае действительно могла бы стать решающей: Советский Союз обязан был заявить о своих правопритязаниях на этот остров, и именно по праву первооткрытия. К тому же, были уже близки к реализации планы по «хозяйственному выходу» Советского Союза в Антарктику, если исходить из существующего в международном праве критерия хозяйственного освоения территории, как одного из критериев по обоснованию государственной принадлежности последней.

С другой стороны, надо отдавать себе отчет в том, что в предвоенные годы Советский Союз был поглощен в первую очередь событиями, происходившими в европейской политической жизни и ситуацией на Дальнем Востоке. Внешнеполитическое лавирование Великобритании выразилось, в частности, в чрезвычайно важном для СССР вопросе об Аландских островах.

В дневнике полномочного представителя СССР в Норвегии В.А. Никонova есть запись его беседы с командующим морскими силами Норвегии Дисеном (от 15 июня 1939 г.). Советский полпред писал: «По вопросу укрепления Аландских островов командующий морскими силами Норвегии сказал, что этот вопрос, несмотря на протест СССР, был предreshен Лондоном в апреле 1938 г. во время неофициального визита шведского министра иностранных дел Сандлера» [Запись 1939].

Вполне возможно, что подобным же образом был в конце 20-х – начале 30-х годов «предreshен» (при отсутствии какого бы то ни было протеста со стороны СССР) вопрос о принадлежности острова Петра I. И если вопрос о статусе и международно-правовом режиме архипелага Шпицберген планировалось – со стороны Советского Союза – подвергнуть ревизии [К вопросу 1947: 932–934], то, вопрос об острове Петра I традиционно оставался вне поля зрения советской внешней политики и дипломатии.

Советская Россия в те годы «претерпевала» от своего северного соседа и гораздо более ощутимые, реальные экономические потери. В этом смысле представляют интерес некоторые архивные документы (в частности, находящиеся в Российском государственном архиве экономики, РГАЭ).

Вот, например, что говорилось в письме с грифом «секретно», Наркомата земледелия РСФСР (письмо от 27 июня 1925 г. исходило от

члена коллегии НКЗ Лациса) представителю Правительства РСФСР в Правительстве СССР А.И. Свицерскому об оценке условий концессий на право боя тюленей при заключении торгового договора с Норвегией: «НКИД представил 4 с. г. (сего года. – *А.О.*) на утверждение Совнаркома СССР проект торгового договора с Норвегией. В объяснительной записке к этому проекту указывается, что в него не включено никаких обязательств предоставить норвежцам право боя тюленей в Белом море, но во время переговоров дано согласие заключить одновременно с подписанием торгового договора в нормальном концессионном порядке на 4 года концессионный договор на право тюленьего боя...

В свое время, когда концессионный договор тек. (текущего. – *А.О.*) года рассматривался в Главном концессионном комитете, НКЗем высказывался против тех излишне льготных условий, на которых этот договор предполагалось заключить. В частности, НКЗем указывал, что предполагается допустить слишком большое количество судов (общий тоннаж 4000 нетто регистровых тонн), а плата слишком мала (6,5 ам. (американских. – *А.О.*) долларов с тонны).

Результаты промысла тек. (текущего. – *А.О.*) года вполне подтвердили справедливость возражений НКЗема: норвежские суда набили огромное количество зверя (до 250 000 голов), далеко превышающие тот максимум убоя, который признается допустимым для всего тюленьего стада. Если промысел будет продолжаться в тех же размерах, беломорскому тюленьему стаду грозит полное уничтожение. Понижение в тек. году потонной оплаты с концессионера (в 1924 г. норвежцы платили 10 ам. долл. с тонны, а в 1925 г. – только 6,5 долл.) являлось ничем не обоснованной уступкой, и блестящие результаты промысла тек. года, при существующих ценах на тюленьи шкуры, лишний раз это подтвердили.

По указанным соображениям было бы чрезвычайно важно при заключении торгового договора с Норвегией не связывать Правительство СССР никакими обязательствами в отношении условий концессии на право боя тюленя» [Письмо 1925].

Как видно, у советского НКИД уже имелся «опыт» уступок норвежской стороне в экономических притязаниях последней.

Конечно же сам факт взятия острова Петра I под норвежский суверенитет вряд ли стоит излишне драматизировать (в частности, этого

избежал Ю.М. Шокальский в своей статье), тем более с учетом многих факторов оказывавших тогда влияние на межгосударственные отношения.

Вот, что рассказывал о ходе одной из советских арктических экспедиций 1932 года Р.Л. Самойлович: «...К утру 8 августа показался остров Свердруп. Этот остров был открыт в 1893 г. Нансеном на «Фраме», но никто еще на нем не был. ...Я считал своим долгом формально закрепить за Советским Союзом этот остров, который до нас никем не был посещен» [Самойлович 1934: 38–39]. Команда экспедиционного судна установила на острове «стальной советский флаг» (он имел такую надпись: С.С.С.Р. 19. (8)VIII. 1932. «Русанов»).

Таким образом, для советского географа, одного из руководителей советской арктической экспедиции, сам факт «эффективной оккупации» при помощи государственного флага не был чем-то необычным.

С другой стороны, такой акт, как водружение флага советской экспедицией в 1932 г., был уже вторичен в отношении арктических территорий и пространств, поскольку, еще 15 апреля 1926 г. было издано Постановление ЦИК и СНК СССР «Об объявлении территорий Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» [Военно-морской 1940: 33].

Однако как излишне – драматизировать, так и идеализировать (если не мифологизировать) норвежские действия тоже очевидно не стоит.

Например, в одной из советских работ посвященных экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева и изданной в 1990 году, то есть незадолго до прекращения существования СССР – страны, «подарившей» Норвегии остров Петра I, можно было прочесть (писал эти строки научный руководитель антарктической экспедиции советского ВМФ 1982–1983 гг., кандидат военно-морских наук, контр-адмирал Л.И. Митин) следующее: «...Вспоминается высочайшая оценка результатов работы моряков первой русской антарктической экспедиции по определению координат о. Петра I, данная норвежцами. Только более чем через 100 лет после открытия острова, в 1927 г., рядом с ним побывали следующие мореплаватели и без каких-либо затруднений сразу же его обнаружили. Благодарные и благородные (*sic!* – *A.O.*) норвежские моряки

увековечили имена первооткрывателей, дав названия отдельным географическим объектам острова» [Два 1990: 285].

Отдать должное норвежцам-китобоям, можно лишь в связи с тем, что они хорошо были знакомы с историей русской экспедиции (пожалуй, гораздо лучше, чем многие и многие современные норвежцам соотечественники участников этой экспедиции, в том числе, советские специалисты – историки и географы) и дали «отдельным географическим объектам» названия: берег Восток, берег Мирный, берег Беллинсгаузена, берег Лазарева, мыс Завадовского, мыс Симонова...

Глава III. 1940 – 1945 годы

«...Антарктида осталась неувиденной...»: экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева в советской историографии накануне и в период Великой Отечественной войны

*«...Антарктида осталась неувиденной...,
землю им обнаружить не удалось...»*

М. Райхенберг (1941)

*«...Именно советские ученые
должны положить начало
систематическому изучению
Антарктики путем организации
постоянно действующей
геофизической обсерватории, в
частности в районе Южного
полюса...»*

В.Х. Буйницкий (1945)

В 1940 году Государственным институтом «Советская энциклопедия» был издан 46-й том «Большой Советской Энциклопедии» (БСЭ). В статье о полюсах в этом издании было отмечено, что «южный полюс был открыт Амундсеном в 1911 г». В этом же томе довольно большими по объему были статьи о полярной фауне (авторы В. Гептнер и В. Богоров) и флоре (автор В. Говорухин). «Крупная статья» (согласно терминологии БСЭ) была посвящена полярным странам, их физико-географическому описанию (авторы В. Перевалов и Е. Балашкова).

Следующая же за ней статья о полярных экспедициях была напечатана без указания ее авторства, что в очередной раз наглядно демонстрирует то лукавство, которое сопровождает на протяжении всего советского периода русской истории рассматриваемые в настоящем исследовании вопросы.

В частности, в статье говорилось: «Начало путешествий в южно-полярные страны положил Д. Кук; он первый (1772) прошел за Южно-полярный круг до 71°10' ю. ш., достигнув границы ледяных полей. После этого южно-полярные страны не посещались до 19 в., когда вновь

пробудился научный интерес к Антарктике. Первой такой научной экспедицией была русская экспедиция Ф. Беллинсгаузена (1819–21), задачей которой стояло открытие и описание земель на пути к Южному полюсу, что и было выполнено с большим успехом» [Полярные 1940: ст. 387].

Помимо краткого упоминания последующих экспедиций в Антарктику, особо выделены были «блестящие результаты» американских экспедиций 20-х – 30-х гг. XX в.

Среди источников в этой статье, автором (авторами?) указаны были книги К. Гассерта «История полярных путешествий» [Гассерт 1923] и С.Г. Григорьева «Вокруг Южного полюса» (при этом ссылка шла на 3-е издание книги, 1937 года; эту работу умершего С.Г. Григорьева, «редактировал и снабдил добавлениями» Ю.М. Шокальский [Шокальская 1960: 118]).

Ответственным редактором отдела «География» в БСЭ, по-прежнему являлся Н.Н. Баранский, редактором-консультантом Б.Ф. Добрынин (1885–1951; доктор географических наук (1935), в 1938–1941 гг. заведующий созданной по его инициативе кафедрой физической географии МГУ, в 1934–1939 гг. заведующий отделом в Институте географии АН СССР).

Одним из основателей и главным редактором «Большой Советской энциклопедии» в период с 1924 по 1944 г. был О.Ю. Шмидт (1891–1956). В 1930–1934 гг. он руководил арктическими экспедициями на ледокольных пароходах «Седов», «Сибиряков» и «Челюскин». В 1929–1932 гг. О.Ю. Шмидт был директором Всесоюзного арктического института. В 1935 г. за заслуги в области географии О.Ю. Шмидта выбирают академиком Академии наук СССР по Отделению математических и естественных наук. Он был утвержден председателем географической группы Академии наук, при которой создали геофизическую секцию.

Таким образом, ни в 1926–1927 гг., ни в 1937 и 1940 г. в «Большой Советской энциклопедии» не было каким-либо образом упомянуто открытие Антарктиды русской кругосветной экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева.

Несколько нарушая хронологическую последовательность анализа источников советской историографии, стоит отметить, что ничего

нового не привнесла в этот вопрос, изданная в 1948 году государственным научным институтом «Советская энциклопедия», одностомная сводка «Союз Советских Социалистических Республик».

В статье о развитии географической науки в СССР, автор этой статьи Л.С. Берг (явно используя научные «мотивы» Ю.М. Шокальского) писал: «Первая половина 19 в. ознаменовалась рядом кругосветных плаваний, к-рые открылись в 1803–06 путешествием Крузенштерна и Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева» и имели следствием открытие (Коцебу, Беллинсгаузен и Лазаревым, снова Коцебу, Литке и др.) множества островов в Тихом океане. Замечательны открытия, сделанные Беллинсгаузен и Лазаревым в Антарктике: 17 января 1821 года они увидели берег, к-рому (которому. – *А.О.*) дали название Земли Александра I; это был антарктический материк, часть к-рого впервые положена на карту русскими мореплавателями» [Берг 1948(а): 1355].

Строго говоря, академику вряд ли стоило в середине 1948 г. подчеркивать то, что Земля Александра I – это «антарктический материк», поскольку, уже в заметках и менее маститых советских авторов, в том числе, делавших обзоры зарубежных антарктических экспедиций, было верно указано, что это остров. Именно такому, эклектичному «светилу» советской науки, было поручено озвучивать через год не менее эклектичные подходы к основным результатам и итогам Первой русской антарктической экспедиции.

Интересно, что на подобный подход редакции БСЭ было обращено внимание в 1949 г., но, уже после общего собрания действительных членов Географического общества СССР, состоявшегося 10 февраля 1949 г. в Ленинграде.

Член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов в своей публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Москва), говорил: «Кстати отметим, что если посмотреть Большую Советскую Энциклопедию на слово «Антарктида», то там можно найти много интересных сведений об этой суровой и негостеприимной, в то же время грандиозной части света, последней из открытых человечеством. Но ни слова там не сказано о том, что эту часть света открыли русские (экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева) в 1820 году. Решающая роль

русских в открытиях (? – *А.О.*) Антарктиды составителями энциклопедии, очевидно, признавалась обстоятельством, не заслуживающим внимания» [Ефимов 1949: 23].

Небезынтересно, что «с 1927 г. в редакции БСЭ (с 1930 г. – научный редактор)» [Краснопольский 1993(б): 47], работал И.П. Магидович, «автор фундаментальных работ по истории географических исследований» [Краснопольский 1993(б): 47].

О самом А.В. Ефимове автор биобиблиографического издания сообщает: Ефимов А.В. (1896–1971) – историк, доктор исторических наук, специалист в области новой и новейшей истории, этнографии и истории географических открытий, профессор (1938), член-корреспондент АН СССР (1939), член-корреспондент АПН СССР (1947). С 1938 г. – профессор исторического факультета МГУ. В 1936–1941 гг. – старший научный сотрудник, заведующий сектором Института истории АН СССР. В 1956 г. – старший научный сотрудник Института этнографии, затем заведующий сектором народов Америки (до 1971 г.). С 1965 г. – профессор Института международных отношений МИД СССР [Ефимов 1993: 308–309].

Не менее интересно, что в изданной уже в 1971 г., другой работе А.В. Ефимова была сохранена критика (правда, слегка видоизмененная) в адрес составителей и редакторов БСЭ. Теперь этот абзац в работе А.В. Ефимова выглядел следующим образом: «Если открыть «Большую советскую энциклопедию» (изд. I) на слово «Антарктида» (речь идет о томе изданном в 1926 г. – *А.О.*), то там можно найти много интереснейших сведений об этой суровой и негостеприимной и, в то же время, грандиозной по своему протяжению, последней из открытых человечеством частей света. Однако ни слова там не сказано о том, что Антарктиду открыли в 1820–1821 гг. (и именно в этом «удвоении» даты тоже проявилось лукавство советской историографии. – *А.О.*) русские (экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева)» [Ефимов 1971: 24–25].

Несмотря на это, определенные, причем весьма заметные подвижки в позиции советских географов относительно факта первооткрытия Антарктиды Первой русской антарктической экспедицией, можно наблюдать все-таки именно с 1940 года.

В изданном Учпедгизом в *1940 году* (книга была сдана в набор еще 19 июня 1939 г., подписана в печать 30 октября 1940 г.) пособия для

преподавателей географии – «Словаре-справочнике по физической географии», автор этого пособия, профессор (1926), доктор географических наук (1936) А.С. Барков (1873–1953) в предисловии писал, что, в «настоящее время... особенно остро ощущается потребность в таких справочных пособиях, которые давали бы возможность получить необходимые сведения в краткой и достаточно точной форме» [Барков 1940: б. с.].

При отсутствии в этом словаре-справочнике статьи, посвященной собственно Антарктиде (Антарктике), и что, само по себе, выглядело довольно странным (Антарктида лишь кратко упоминалась в статьях о континентах, частях света и об айсбергах), в статье о Ф.Ф. Беллинсгаузене было указано: «...Русский исследователь южнополярных стран. ...В 1819–1821 гг. был начальником экспедиции, отправленной в южнополярные моря, дошел до 69° ю. ш., открыл Антарктиду (Землю Александра I) (как видно, в трактовке А.С. Баркова, «открытие» Антарктиды состоялось лишь с открытием о. Александра I. – А.О.), открыл и обследовал много островов (о. Петра I, ...и др.)» [Барков 1940: 18].

Достаточно объективно и без всяких «идеологических наслоений», но и без встреченной нами уже выше некоей «экзальтации», объяснялась в пособии А.С. Баркова деятельность Дж. Кука. Автор словаря-справочника писал: «...Открытия Кука значительно расширили владения Англии и ее колониальную торговлю и имели большое научное значение, разъяснили вопрос о размерах водных пространств и суши, установили отсутствие антарктического континента, по прежним представлениям доходившего до 40° ю. ш., определили расположение морей, океанов и континентов» [Барков 1940: 94].

В 1940 году в Советском Союзе была издана небольшая научно-популярная книга Н. Введенского, посвященная южной полярной области. Сравнивая внимание уделяемое в стране Арктике с ситуацией в области изучения Антарктики, автор этой книги писал: «Значительно меньше наши знания о... зоне земли, лежащей в полярных пространствах Южного полушария и известной под названием Антарктики. ...Как это ни удивительно (*sic!* – А.О.), но и эти далекие от нас пространства были впервые пройдены и обследованы в самых высоких по доступности широтах нашими же моряками на шлюпах «Восток» и «Мирный».

В книге описывалось, это «смелое и интересное по научным результатам плавание», которое «для нас... имеет не только научно-географический, но и исторический интерес» [Введенский 1940: 4]. Согласно Н. Введенскому, Беллинсгаузен и Лазарев «выполнили... первое глубокое проникновение в Антарктику» [Введенский 1940: 13].

И если, как писал Н. Введенский, росту географических интересов к южной полярной зоне в свое время значительно содействовал русский перевод (в 1799 г.) книги Дж. Кука, то, появление на свет работы самого Н. Введенского несомненно было связано с необычайной активизацией антарктической политики других стран.

Первая экспедиция американца Р. Бэрда (1928–1930 гг.), Британско-Австралийско-Новозеландская экспедиция (1929–1931 гг.), провозглашение Норвегией суверенитета над о. Петра I в 1931 г., подготовка и проведение Второго Международного полярного года (1932–1933 гг.), вторая экспедиция Р. Бэрда (1933–1935 гг.), наконец, начатая в 1939 г. экспедиция, проводившаяся специально созданной Антарктической службой США (или «третья экспедиция Р. Берда») не могли не найти хотя бы, какого-то отклика в научном мире СССР.

Другое дело, что такие «отклики» не всегда соотносились с потенциальными интересами страны в Антарктике, не соответствовали перспективам будущей антарктической политики Советского Союза.

События января 1820 года Н. Введенский описывал следующим образом: «14 января шлюпы первый раз пересекли линию южного полярного круга, а 16-го были уже в виду сплошных льдов. В полдень этого числа они подошли к самой кромке неподвижного льда. Определение места шлюпов показало, что удалось достичь 69°22' ю. ш. на 2°15' з. д. Впереди до самого горизонта простиралось нагромождение льдов. Дул крепкий юго-восточный ветер. Кругом безжизненно и мертво. Путь к востоку преграждал далеко отходивший на север выступ сплошного льда. Беллинсгаузен решил его обойти с севера» [Введенский 1940: 45].

В своей работе Н. Введенский использовал опубликованную в 1831 г. книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена (есть указание на эту книгу в списке литературы и приведена фотография ее титульного листа). Это, однако, не помешало ему идти на прямую фальсификацию текста.

Описывая теперь ход экспедиции в феврале 1820 года, Н. Введенский писал: «После нескольких тяжелых дней плавания шлюпы опять подошли к кромке неподвижных льдов, достигнув их 6 февраля 1820 года, в 69°06' ю. ш. и 15°52' в. д. Массы многолетних сплошных льдов простирались на юг и образовывали здесь причудливую картину, в которой в виде гигантских поднятий выступали столовые ледяные горы, вмержшие в морской лед. Пришлось снова отходить к северо-востоку. 8 февраля шлюпы пересекли 20° в. д. и вступили в пределы Индийского океана. Всем стало ясно (*sic!* – *A.O.*), что в высоких широтах Атлантического океана на всем пройденном шлюпами пространстве к востоку от Сандвичевых островов никаких (?! – *A.O.*) признаков Южного материка нет, нет даже (? – *A.O.*) островов» [Введенский 1940: 46–47].

О такой «ясности», однако, нельзя обнаружить никаких свидетельств ни в книге Ф.Ф. Беллинсгаузена, ни в отзывах об этих днях других участников экспедиции.

«Беллинсгаузен теперь точно знал, – писал далее Н. Введенский, – как далеко к югу простираются открытые воды этого океана и где лежит здесь граница неподвижных льдов. А что скрывается за ней? Установить это было не в силах Беллинсгаузена и его спутников. Три раза он продвигался к югу в пределах этого океана и каждый раз убеждался лишь в том, что в границах 70° ю. ш. здесь и летом лежат неподвижные льды» [Введенский 1940: 47].

Напротив, 16(28) января 1820 г. – в день открытия Антарктиды русской экспедицией, все признаки «ледяного континента» были налицо (и он был совершенно точно опознан и классифицирован) – это «сплошные льды», которые «простираются от востока чрез юг на запад» (Ф.Ф. Беллинсгаузен), «сплошной лед» (П.М. Новосильский), «вечные, непроходимые льды» (И.М. Симонов), «матерой лед чрезвычайной высоты», который «простирался... так далеко, как могло только достигать зрение», наконец «...льдиный материк, не доходя 70°» (М.П. Лазарев).

Последние описания Антарктиды приведены из уже процитированного выше лазаревского письма к А.А. Шестакову. Оно было опубликовано в одном из номеров журнала «Морской сборник» за 1918 г. и было вполне доступно Н. Введенскому.

В другом месте своей работы Н. Введенский писал: «В результате своих изысканий в двух океанах Беллинсгаузен мог спокойно сказать, что во всей пройденной им впервые субполярной и полярной полосе Южного полушария простирается один океан. Сделанные им три попытки продвижения к югу на этом пространстве показали, что границы океана уходят за пределы 69° ю. ш. и что дальше начинаются непроходимы льды, препятствующие дальнейшим поискам в этом направлении. Научно-географические достижения первого периода исследований расширили представления о границах Атлантического и Индийского океанов, обогатили географию разносторонними данными о природе субполярной и полярной зон океанического пространства Южного полушария и привели к открытию большой группы Южных Сандвичевых островов» [Введенский 1940: 52].

Как видно, в трактовке Н. Введенского, отнюдь не Антарктиды.

Однако, до произвольно избранного Н. Введенским дня – 8 февраля 1820 г., указания на континент у Ф.Ф. Беллинсгаузена есть еще при описании им экспедиционных дней 21 января 1820 г. («обозревая пространство сего поля на восток, юг и запад, мы не могли видеть пределов оною; конечно [оно] было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 генваря...») и, 5 февраля 1820 г. («льды... примыкаются к льду гористому, твердо стоящему»; «...мы заключили, что... ледяные громады и все подобные льды... отделились от матерого берега, ветрами отнесенные...»).

Какие еще свидетельства требовались, чтобы понять: русская экспедиция открыла «материк льда» – Антарктиду. Так, какую же цель, преследовал советский исследователь Н. Введенский, писав о том, что «всем стало ясно... никаких признаков Южного материка нет»?

Второй этап экспедиции Н. Введенский характеризует так: «Его результаты свелись к обозрению всего пространства Тихого океана в высоких южных широтах земли. Беллинсгаузен мог совершенно точно сказать, что на всем пройденном пространстве, к югу от 60° ю. ш. и до полярного круга, простирается океан. Его границы далее на юг неизвестны, так как всюду шлюпы встречали сплошную линию льда, закрывавшую возможность исследования на кораблях дальнейших пространств» [Введенский 1940: 83].

А вот и точка зрения Н. Введенского на факт первооткрытия континента: «Важным достижением экспедиции являлось открытие островов Петра I и Земли Александра I. Эти открытия позволяли думать, что и далее к югу возможны новые, неизвестные земли, а может быть (*sic!* – *A.O.*) существует и сам Южный материк. Экспедиция, вопреки Куку, своими работами подтверждала наличие такого материка, что позже (? – *A.O.*) и было установлено» [Введенский 1940: 83].

Говоря о значении работ экспедиции Н. Введенский считал, что «свою основную задачу поисков Южного полярного материка экспедиция выполнила так, как только можно было желать по состоянию морского дела и технических средств того времени» [Введенский 1940: 87].

«Настойчивые поиски Южного материка, – писал Н. Введенский, – привели экспедицию Беллинсгаузена к открытию самых далеких в то время на земле острова Петра I и Земли Александра I. Это были первые точки южной суши, после открытия которых постепенно стали выступать очертания нового материка – Антарктиды» [Введенский 1940: 88].

Последующие рассуждения этого автора, относительно того, что в результате работы экспедиции «наметились» приблизительные границы нового материка, что Ф.Ф. Беллинсгаузен заслуженно может быть назван Колумбом (так все-таки первооткрывателем?) Антарктиды, так как «ему этот новый мир впервые открыл признаки своего особого существования» [Введенский 1940: 88] и прочее, выглядели весьма эклектично.

Надо полагать, что именно приведенные выше «истолкования» Н. Введенским хода русской антарктической экспедиции, были воспроизведены им на одном из заседаний Отделения истории географических знаний Географического общества СССР, которое состоялось до начала Великой Отечественной войны [Географическое 1970: 227].

В приведенном в книге Н. Введенского «Указателе литературы», из четырнадцати источников десять относятся к советскому периоду. Сюда, в том числе, вошли уже упомянутые выше «Океанография» Ю.М. Шокальского [Шокальский 1917], книга об исследованиях Тихого океана со статьей Л.С. Берга [Тихий океан 1926], наконец, книга Р.

Бэрда с парадоксальным взглядом об открытии Антарктиды «на троих», нашедшим полную поддержку у написавшего предисловие к этой работе Н.Н. Урванцева [Бэрд 1935].

В начале 1941 года «Известия Всесоюзного географического общества» опубликовали статью все того же Н. Введенского о русских открытиях в Антарктике, написанную им, якобы в «свете новейших географических открытий» (по крайней мере, если исходить из названия, именно на это претендовал сам автор этой статьи). Причем целый ряд положений новой работы этого автора, самым разительным образом отличался от совсем недавних (1940 года), его же интерпретационных моделей хода экспедиции.

О январских – 1820 года – экспедиционных событиях, теперь не было сказано практически ни слова, если не считать упоминания о четырех, осуществленных шлюпами «Восток» и «Мирный», «продольных продвижениях к югу» (при этом, в двух работах Н. Введенского географические координаты таких «продвижений» разнились).

Самое значительное, что удалось усмотреть советскому автору в описании хода первого антарктического этапа экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева – это «установление возможного близкого берега на меридиане острова Мадагаскар, где в широте 67° Ю. (ю. ш. – *А.О.*) Беллинсгаузен увидел береговых ласточек и где впоследствии был открыт берег (Земля Эндерби)» [Введенский 1941: 119].

Как видно, в интерпретационной модели Н. Введенского все смещалось от отмеченного им «глубокого проникновения» к, им же выдуманному, неким «продольным продвижениям».

Кроме того, акценты первооткрытия в этой статье, теперь окончательно смещались ее автором на январь 1821 г., когда были открыты остров Петра I, а затем Земля (Берег) Александра I. «Беллинсгаузен и его спутники, – писал Н. Введенский, – увидели подлинный берег Южного материка – Антарктиды» [Введенский 1941: 119]. «За время... плавания (751 день), – писал далее Н. Введенский, – были открыты 28 островов, 1 коралловая мель и берег Южного материка Антарктиды, названный Берегом Александра I» [Введенский 1941: 121].

Следующий за этим вывод Н. Введенского, в сравнении с его острожными высказывания 1940 года, звучал гораздо категоричнее.

Теперь автор статьи писал: «Беллинсгаузен с полным основанием является первым исследователем, открывшим Антарктиду, тот загадочный Южный материк, который представлялся в течение долгих столетий гипотетической страной...» [Введенский 1941: 121].

Оценивая современные ему прикладные аспекты интереса государств к Антарктике, Н. Введенский отмечал, что «в последние годы Антарктида является объектом больших исследований и притязаний на ее части различных капиталистических стран». Ведущее место в этих притязаниях, подчеркивал он, принадлежит США.

«В свете этих фактов, – считал Н. Введенский, – представляют для нас... особое значение работы английской экспедиции Раймилла и сообщение о приоритете открытия Антарктиды американским промышленником Пальмером, сделанное на заседании секции истории географических знаний на Международном Географическом конгрессе в Амстердаме, в 1938 году» [Введенский 1941: 121].

Описывая эти события, Н. Введенский писал: «...Важным фактом, о котором следует говорить, является выступление представителя Соединенных Штатов Северной Америки Лауренса Мартина на Международном географическом конгрессе... В своем выступлении представитель США заявил, что вопреки общему (! – *А.О.*) признанию за капитаном Беллинсгаузеном его исторического права на открытие Антарктиды, последняя была открыта американцем Пальмером на 80 дней ранее, чем состоялось открытие Беллинсгаузена. Это подтверждается судовым журналом промысловой шхуны «*Hero*», на котором молодой американец Н. Пальмер 18 ноября 1820 года открыл Южный полярный материк. Н. Пальмер состоял капитаном этой промысловой шхуны и в свое второе плавание к Южным Шетландским островам, где он с семьей другими товарищами промышлял котиков, 17 ноября 1820 года увидел с острова Дисепшн к югу новую землю. Открытие Пальмера, как заявил докладчик, подтверждается судовым журналом шхуны «*Hero*», хранящейся в Вашингтонской библиотеке Конгресса».

Согласно примечаниям Н. Введенского, сообщение о работе Международного географического конгресса было сделано 24 марта 1940 года П.П. Померанцевым на заседании Отделения истории географических знаний Географического общества. Известно, что

активно работавший в Географическом обществе картограф, автор нескольких карт, среди которых – карта Новой Земли, П.П. Померанцев (1903–1979) был арестован в мае 1936 г., но в 1937 г. был освобожден, благодаря ходатайству Н.И. Вавилова, Ю.М. Шокальского, В.Л. Комарова и др.

История возникновения этого Отделения вкратце такова. В ноябре 1938 г. инициативная группа членов Географического общества – среди них Н.И. Вавилов, И.Ю. Крачковский, Ю.М. Шокальский – обратились в Совет Общества с предложением организовать Отделение истории географических знаний. Такое же пожелание выразил одновременно и Ученый Совет Архива Академии наук СССР во главе с руководителем Архива Г.А. Князевым. Предложения были одобрены, и 29 марта 1939 г. состоялось организационное собрание нового отделения Общества, на котором присутствовало 90 человек. После выборов, в бюро отделения вошли: И.Ю. Крачковский (председатель), П.П. Померанцев (секретарь), Л.С. Берг, Г.А. Князев, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.И. Андреев, В.А. Бриллиант и А.М. Черников.

В 1940 году собственно об Антарктике, если судить по официальным отчетам, докладов в этом Отделении зачитано не было [Отчет 1940: 845–846].

До начала Великой Отечественной войны деятельность отделения не отличалась особой активностью. Удалось заслушать лишь несколько докладов. В частности, уже упомянутый выше доклад Н.В. Введенского «Русская антарктическая экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева 1819–1821 гг.» [Географическое 1970: 226–227].

Интересными и достаточно своеобразными, если не сказать несколько неуклюжими, выглядели рассуждения Н. Введенского по поводу причин «неправомерности» заявленного Соединенными Штатами, «открытия» Антарктиды Пальмером.

Советский автор писал: «Факт открытия капитаном Пальмером увиденной им к югу от острова Дисепшен земли 18 ноября 1820 года нельзя рассматривать как открытие Южного материка, так как сам Пальмер не ставил перед собой таких задач, а оказался в роли Колумба по счастливому случаю. Он сам во время описи Беллинсгаузенем Южных Шетландских островов явился к нему на шлюп «Восток» и

сообщил, что он с товарищами в течение четырех месяцев здесь «обдирает котиков».

Вот чем был занят Н. Пальмер, по его же собственным словам. Приписывать Пальмеру право первооткрытия Антарктиды можно только, конечно, при условии полного игнорирования самой проблемы Южного материка, переданной человечеству в качестве одной из больших географических идей Аристотелем. Для разрешения этой идеи Аристотеля Беллинсгаузен и его спутники вели свои изыскания в широтах, и до сих пор еще не пройденных после них никем. И только они ее действительно и разрешили, открыв в границах 70° ю. ш. суровые горные выступы Земли Александра I – подлинные выступы седьмой части света, материка Антарктиды» [Введенский 1941: 122].

Несколько ранее, в своей работе Н. Введенский дал без каких-либо комментариев описание встречи Беллинсгаузена с Пальмером. «Беллинсгаузен..., – писал Н. Введенский, – встретил в одном из проливов американский купеческий бот, капитан которого Пальмер... явился сам на шлюп «Восток» и сообщил, что он открыл к югу от островов неизвестный берег (Земля Пальмера на полуострове Граам)» [Введенский 1941: 121].

Конечно в статье Н. Введенского весьма необычно предстает сама постановка вопроса о приоритете в первооткрытии континента.

Почему автор статьи указал на особое, «для нас», значение сообщений в ходе Географического конгресса об антарктических правопритязаниях? А именно, о конкурирующих – по отношению к результатам и итогам (в понимании Н. Введенского и некоторых других советских географов и историков в те годы) экспедиции Беллинсгаузена –Лазарева – претензиях США на право первооткрытия.

Ведь работы советских авторов на протяжении всех 20-х, да и 30-х годов тоже, как мы уже убедились, не давали (пожалуй за исключением заметки-рецензии Ю.М. Шокальского [Шокальский 1939(а)]), даже только, лишь повода к обсуждению проблемы приоритета русских в открытии Антарктиды, политико-правового значения этого приоритета. А, тем более, использовании этого факта в интересах внешней политики СССР.

В то же время, понимание важности такого приоритета присутствовало у советских авторов, тиражировавших в 20-е – 30-е годы

описания жизни и деятельности зарубежных полярных исследователей. Например, в изданной в 1936 году Детиздатом ЦК ВЛКСМ (тираж 25 000 экземпляров) книге о норвежском путешественнике Р. Амундсене, ее автор А. Яковлев «от имени» своего героя писал: «А первенство ценят и в Англии, и в Норвегии, и везде на Западе, и в Америке... Пусть это первенство достанется хоть ценой смерти!» [Яковлев 1936: 132–133].

В ряду работ изданных в 30-е – 40-е годы и, так или иначе посвященных путешествиям английского мореплавателя Дж. Кука, стоит упомянуть книгу советского писателя, переводчика Н.К. Чуковского (1904–1965), сына К.И. Чуковского. Книга «Водители фрегатов» была издана «Детиздатом» в 1941 году, накануне (книга была подписана в печать 5 мая 1941 г.) Великой Отечественной войны.

В этой связи стоит заметить, что несколько раньше, в конце 20-х годов вышла другая «познавательная повесть для детей и подростков» этого же автора. Это была «художественная биография» Дж. Кука, «Капитан Джеймс Кук» (1927). Приверженность к «куковской» теме в творчестве Н.К. Чуковского (впрочем, как и в творчестве ряда других советских писателей того периода) на первый взгляд трудно объяснима. Поскольку, сам он, в своем письме отцу написанном 28 июня 1927 г. из Калуги (говоря об одной из своих повестей) сообщал: «Повесть движется быстро, и если выйдет так, как я хочу, то я отрекусь от всех Куков...» [Никитин 2004].

В свою очередь, К.И. Чуковский побывав в 1930 г. в одном из советских пионерских лагерей (в Симеизе), свидетельствовал в письме к сыну о том, что книга «Капитан Кук» пользуется у пионеров «неотразимой популярностью». Читательская любовь, писал исследователь творчества Чуковских Е.Н. Никитин, стала еще сильнее после того, как увидели свет «Водители фрегатов», книга Н.К. Чуковского, выдержавшая наибольшее количество переизданий [Никитин 2009]. Часть первая этой книги, снова была посвящена Дж. Куку [Чуковский 1941: 9–121].

Очевидно существовал совершенно определенный, конкретный социальный заказ на подобного рода литературу «для юношества».

Например, вот что было сказано в самом начале этой книги Н.К. Чуковского: «Так мало-помалу люди открывали новые страны. Так все

ясней становились очертания исполинского океана. Одни из этих моряков потонули, другие погибли в боях, и только немногим пришлось умереть дома, на родине. Но мир никогда не забудет бесстрашных водителей фрегатов. Вот имена самых прославленных из них: капитан Джеймс Кук, капитан Ла-Перуз, капитан Иван Федорович Крузенштерн и капитан Дюмон Дюрвиль» [Чуковский 1941: 8].

Между прочим, там же можно было найти такие, интересные строки: «Ученые XVIII века не могли себе представить, что почти все южное полушарие покрыто водой. Им казалось, что если бы вся суша находилась на севере, а все моря на юге, то земной шар потерял бы равновесие и перевернулся. Это рассуждение, которое кажется теперь смешным и детским, в те времена считалось вполне разумным.

Особенно защищал его молодой талантливый географ Бэнкс. Узнав о предполагаемой экспедиции Кука, он произнес большую речь, которая впоследствии была переведена на все европейские языки.

– Америку открыли испанцы, – говорил Бэнкс, – Австралию – голландцы. Великий Южный материк, шестой материк нашей планеты, должен быть открыт англичанами! Нам стыдно не открыть его. Мысленно мы даже можем обозначить на глобусе место, где он находится, и мы должны сказать капитану Куку: «Не возвращайтесь, не открыв Южного материка!».

Решено было спросить Кука, что он думает по этому поводу.

– Я верю только в то, – сказал Кук, – что видел собственными глазами или что видели другие люди, которым можно доверять. Южного материка никто не видел, и я не могу знать, существует он или нет. Но я поеду и посмотрю. Если Южный материк действительно существует, я его открою» [Чуковский 1941: 16].

А вот драматичное (и весьма недвусмысленное при этом) описание эпизодов плавания: «...14 декабря льды сомкнулись перед кораблями. Смерзшиеся глыбы превратились в холмистое ледяное поле и преградили дальнейший путь на юг. В течение двух недель Кук пытался обогнуть это поле то с востока, то с запада, но безуспешно. В ледяной плотине не было ни одного прорыва, ни одного канала. Быть может, Южный материк находится еще южнее, за этими льдами. Но доступ к нему был невозможен.

...Ледяное поле преградило путь кораблю. На всем том пространстве, где, по мнению ученых, должен был находиться Южный материк, Кук не нашел ничего, кроме моря (? – *А.О.*). если Южный материк все-таки существует, он лежит там, за непроходимыми льдами, возле самого Южного полюса» [Чуковский 1941: 47, 67].

«И капитан Джеймс Кук, – вполне искренне (? – *А.О.*) сообщал своим юным читателям Н.К. Чуковский, – и капитан Ла-Перуз совершали свои путешествия не ради завоеваний (*sic!* – *А.О.*). Они искренне служили науке. Они не покоряли туземцев, они старались научить их всему, что знают европейцы. Они были врагами рабства. Они по своим воззрениям были близки к французским философам-энциклопедистам, которые ненавистью ко всякой деспотии (писано Н.К. Чуковским в Советском Союзе в 1941 г. ... – *А.О.*), ко всякому угнетению слабых подготовили почву для французской революции».

«Не случайно капитан Кук, – продолжал этот советский детский беллетрист, – ни в одной стране не поднял британского флага – он считал, что все страны должны принадлежать тем народам, которые их населяют (ну просто не капитан Британского королевского флота, а «вольнодумец» какой-то... – *А.О.*). ...Всюду приезжал он как друг, а не как враг... Он любил своих островитян и пророчил им великую будущность» [Чуковский 1941: 381].

И все это, на фоне тех «неистовств», которые осуществляли потом, в описании Н.К. Чуковского, «после Кука» правительства Англии, Франции, других колониальных стран.

Редкое упоминание в советской литературе, даже специализированной, антарктической экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, фактическая «кукофикация» истории изучения южной полярной области советскими авторами в массовых книгах (в том числе детских и для юношества) изданных в СССР в 20-е – 30-е годы, практически исключали для советского читателя, даже самую возможность узнать правду об открытии Антарктиды русской экспедицией, о ее заслугах в научном изучении Антарктики.

Такая ситуация сложилась далеко не случайно. Ей способствовала широко проводившаяся коммунистической властью и ее агитационно-пропагандистским аппаратом, кампания 20-х – 30-х годов по «дерусификации» истории. Вполне очевидно, что конкретные

исполнители такой кампании были «продуктом» своего времени, оказавшимися (точнее поставленными) «на нужном месте и в нужное время» и выполняющими свой «интернациональный долг». Естественно, что «кукофикация» отвечала интересам Англии в освещении истории географических открытий, фальсификации такой истории, в первую очередь истории открытия Антарктиды.

Отмеченное выше «внешнеполитическое» и личное англофильство руководителя НКВД СССР М.М. Литвинова, подкреплялось на внутреннем «литературном фронте» интернационал-англофильством советского поэта и переводчика, до 1937 г. руководителя ленинградского отделения Детгиза С.Я. Маршака (1887–1964) и подобным же англофильством, а, в узком смысле, «кукофильством», выполнявших конкретный социальный заказ «англофильской» власти Н.К. Чуковского, В.Н. Владимирова, М.А. Дьяконова и других.

Например, дважды – в 1937 и 1941 г. – издавалась книга профессора А.Д. Некрасова «В поисках южного материка. Повесть о втором путешествии капитана Кука в Южном полушарии на судах «Решение» и «Предприятие»» (Детгиз издал эту книгу тиражами соответственно – 25 300 и 60 000 экземпляров).

При этом профессиональная ориентация ее автора была весьма далека от географии и истории географических открытий. Профессор А.Д. Некрасов (1874–1960) – советский зоолог, эмбриолог и историк биологии, популяризатор дарвинизма (автор книги «Борьба за дарвинизм» (2-е изд., М., Л., 1937); читал курс дарвинизма в Академии коммунистического воспитания, а в период с 1954 по 1960 г. курс истории биологии в МГУ). Работал на пресноводных и морских биологических станциях в Неаполе, Виллафранке, Севастополе. А.Д. Некрасовым была также написана художественная повесть «С капитаном Куком?» [Биография 2012].

В книге А.Д. Некрасова можно было встретить, к примеру, следующие пояснения: «С XVIII века, в особенности после путешествия Кука, описанного в настоящей книге, и до второго десятилетия XIX века в науке довольно твердо держалось мнение, что за Южным Полярным кругом лежит покрытый пловучими льдами океан, который был назван Южным Ледовитым океаном. В настоящее время твердо установлено, что никакого Южного Ледовитого океана нет, а за Южным Полярным

кругом лежит большой материк, Антарктида...» [Некрасов 1941: 52, сноска 1].

Вся информация о Первой русской антарктической экспедиции заключалась у А.Д. Некрасова в одной единственной сноске: «Земля Сандвича, открытая Куком в южной части Атлантического океана, впоследствии оказалась архипелагом вулканических островов, за которыми осталось название «Южные Сандвичевы острова». Большая часть этих островов была открыта русским моряком Беллинсгаузеном в 1821 году» [Некрасов 1941: 236, сноска 1].

Перед самым началом Великой Отечественной войны, в 1941 году была издана работа военного моряка Н. Нозикова «Русские кругосветные мореплаватели» (книга была подписана к печати 19 мая 1941 года, т. е. буквально за месяц до начала войны). Автор не описывал в своей работе экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева, зато, некоторую информацию о ней можно было обнаружить во вступительной статье редактора книги, географа М.А. Сергеева (1888–1965).

Последний, в частности, писал: «Результаты кругосветных плаваний занимают важнейшее место, в первую очередь в области географических открытий XIX в., особенно в водах Тихого океана и Антарктики. Следует отметить, что многие из этих открытий были совершены русскими мореплавателями в таких акваториях, где, казалось, не могло уже быть после английских и французских плаваний никаких новых земель. Важнейшие из этих открытий следующие: ...В 1819–1822 гг. состоялась известная антарктическая экспедиция капитана Ф.Ф. Беллинсгаузена (военный шлюп «Восток») и лейтенанта М.П. Лазарева (военный шлюп «Мирный»). Экспедиция эта спустилась до 70° южной широты, проникла в совершенно новые области и совершила много открытий. ...В южных полярных водах открыта громадная земля Петра I (остров Петра I. – *А.О.*) и земля Александра I (Антарктический материк)» [Нозиков 1941: 8–9].

Несмотря на ошибки в датировке (как известно, экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева состоялась в 1819–1821 гг.) и указание на некую «громадную землю Петра I», сама трактовка М.А. Сергеевым хода и результатов русской экспедиции («открытие Антарктического материка») были новым веянием в советской историографии рассматриваемого вопроса.

В ряде предвоенных выпусков журнала «Краснофлотец» за 1941 год в рубрике «Знаменательные даты» даны (иногда с ошибками) даты открытий совершенных экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева в Южном Ледовитом океане [Знаменательные 1941(а): 62; Знаменательные 1941(б): 62]. Причем «политическая лояльность» редакции этого журнала в одном случае зашла настолько далеко, что открытый остров назван «островом Императора (! – А.О.) Петра Великого».

Обратную ситуацию можно наблюдать в одной из книг, изданных уже после Великой Отечественной войны. Если в тексте работы Н.А. Бендер «Имена русских людей на карте мира» присутствовали упоминания открытия экспедицией острова Петра I (названного так, как писала автор работы, «именем создателя русского флота») и «берега Александра I» (теперь уже, без указания в честь кого этот берег был назван) [Бендер 1948: 46], то, в приведенной в конце книги сводной таблице географических названий (была составлена при участии А.А. Ульянова), упоминание этого берега отсутствовало вообще.

Очевидно, идеологически «помешала» последняя графа таблицы: «В честь кого присвоено название» [Бендер 1948: 88]. Своеобразный «избирательный подход» составителей таблицы проявился и в том, что остров Петра I в ней присутствовал, причем в графе «В честь кого присвоено название» значилось: «Петра I, императора» [Бендер 1948: 133].

Вполне определенный уровень исследовательского интереса к антарктическим вопросам со стороны советских специалистов прослеживается на протяжении тяжелейших для страны военных лет.

Так, накануне Великой Отечественной войны, в апрельском выпуске журнала «Вокруг света» за 1941 год был опубликован дневник участника Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг. матроса Егора Киселева. Публикация сопровождалась пояснительным текстом Я. Тарнопольского, который «неожиданно обнаружил» этот дневник – небольшую тетрадь, пожелтевшую от времени – в приобретенной им в Суздале в конце тридцатых годов «кипе старых книг, плакатов и открыток» [Тарнопольский 1941: 40]. Сам Я. Тарнопольский писал, что Беллинсгаузен, отправившись в 1819 году из Петербурга в

далекое плавание, «начал новую эпоху открытий и исследований в Антарктике».

В современной российской историографии отмечено: «Дневник Егора Киселева представляет, бесспорно, большую ценность для каждого изучающего историю освоения Россией Антарктики, первые кругосветные плавания российских моряков.

В настоящее время подлинная рукопись дневника находится в Российской государственной библиотеке. Первоначально этот интересный документ был приобретен в Суздале журналистом Я. Тарнопольским, который передал ее собирателю рукописей Я.Е. Федорову. В 1947 г. Российская Государственная библиотека (Библиотека Союза ССР им. В.И. Ленина) приобрела рукопись у вдовы Я.Е. Федорова.

Впервые с дневником и его текстом исследователи и широкий круг читателей смогли познакомиться в 1941 г. по публикации Я. Тарнопольского в журнале «Вокруг света» (№ 4). К сожалению, публикатор этого интересного и, как показало время, для истории важного документа при подготовке к печати не совсем точно его представил, а местами даже исказил подлинный текст: в ряде случаев он внес свои исправления и уточнения, ненужные добавления из книги Ф.Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания...» [Беллинсгаузен 2008: 964–965].

В ноябрьском выпуске журнала «Краснофлотец» за 1941 год, Н. Подорольским был сделан обзор статей опубликованных в иностранной печати о последней экспедиции Р. Бэрда. Среди прочего, приводились слова Бэрда о том, что в недалеком будущем Антарктика может иметь важное стратегическое значение. Н. Подорольский особо подчеркнул слова Бэрда обращенные к американскому правительству об имеющихся в Антарктике богатейших залежах угля и нефти, которые «могут обеспечить нужды США по крайней мере на сто лет» [Подорольский 1941: 53].

Среди ближайших перспектив Бэрд указывал на возможность использования Земли Пальмера в качестве морской базы и склада важнейших материалов, в случае разрушения Панамского канала и необходимости морским судам идти обходным путем вокруг Южной Америки и мыса Горн [Подорольский 1941: 55].

В опубликованной в 1941 году в официальном журнале «Советская Арктика» (ежемесячный политико-экономический журнал Главного управления Северного морского пути при СНК СССР и Политуправления Главсевморпути) статье М. Райхенберга «Открытие первой земли в Антарктике», посвященной 120-летию окончания русской экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, говорилось о том, что русскими моряками была открыта «первая земля за Южным полярным кругом». Такое «открытие», положило начало исследованию «Антарктического материка», который, согласно М. Райхенбергу, только лишь «нащупали (*sic!* – *А.О.*) русские мореплаватели» [Райхенберг 1941: 61].

М. Райхенберг писал: «...Исполнилось сто двадцать лет с того дня, когда русские капитаны... на двух военных кораблях замкнули кругосветное плавание вокруг тогда еще неведомой Антарктиды. Льды, тщательно охранявшие тайну Южного материка, не дали возможности русским кораблям подойти вплотную (?! – *А.О.*) к его мертвым берегам».

Более того, Антарктида, по М. Райхенбергу, «осталась неувиденной». Далее он писал: «Только в одном месте русским капитанам удалось прорвать ледовую блокаду и достигнуть земли, расположенной далеко за Южным полярным кругом. Достигнуть ее вторично удалось лишь спустя восемьдесят лет» [Райхенберг 1941: 61]. По мнению М. Райхенберга, «это удалось сделать экспедиции Шарко в 1909 году».

Подводя итог первому этапу экспедиции М. Райхенберг констатировал, что «землю им обнаружить не удалось» [Райхенберг 1941: 65]. Вторую часть русской южнополярной экспедиции М. Райхенберг описывал так: «Отряд уходил все дальше на восток, а вопрос о наличии земли за Полярным кругом оставался еще невыясненным. Льды зорко охраняли тайну Антарктиды. Уже было пройдено около трех четвертей земной окружности в высоких южных широтах, причем кораблям несколько раз удавалось проникнуть за Полярный круг, а море кругом оставалось по-прежнему пустынным» [Райхенберг 1941: 66].

В таком случае, не может не возникнуть вопрос: юбилей открытия какой «земли» в Антарктике хотел «отметить» своей статьей М. Райхенберг?

В названии статьи имелись в виду открытые экспедицией острова. Советский автор писал: «Когда уже с неопровержимой ясностью можно было установить, что это действительно земля, которую второй год тщетно разыскивали русские моряки, восторг их был неописуем» [Райхенберг 1941: 66].

«Только недавно (в 1935 году) удалось установить, – писал далее М. Райхенберг, – что «Берег Александра» является островом, отделенным от Антарктиды нешироким проливом, постоянно забитым льдом. Таким образом, обе земли, открытые русскими за Южным полярным кругом... не являются частью Антарктического материка, но достаточно близко к нему расположены» [Райхенберг 1941: 66–67].

В итоге, после таких «исторических эскерциций», в статье М. Райхенберга окончательно отрицался факт первооткрытия: «Плавание Беллинсгаузена и Лазарева заставило географов пересмотреть «куковскую» концепцию об отсутствии земли за Южным полярным кругом и толкнуло будущих мореплавателей заняться поисками того, что лишь нащупали русские капитаны» [Райхенберг 1941: 68]. Согласно указанию М. Райхенберга, он, якобы пользовался работой Ф.Ф. Беллинсгаузена 1831 года при подготовке своей статьи.

Надо сказать, что подобные, высказанные М. Райхенбергом точки зрения (и подобная подача материала, поскольку в нем, при внешнем псевдопатриотическом «пафосе», присутствовал ряд других замечаний, принижающих научное значение экспедиции), все-таки, не были характерна для нечастых статей, посвященных антарктической тематике.

Достаточно интересным, а то и уникальным, можно считать случай, когда в одном и том же номере литературно-художественного журнала «Краснофлотец» за 1941 год, можно было встретить две точки зрения на факт первооткрытия континента.

В заключении историко-публицистического материала Е. Юнга об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева говорилось: «...Так было совершенно русскими моряками величайшее географическое открытие XIX века: найден и положен на карту шестой материк земного шара, известный человечеству под названием Антарктиды» [Юнга 1941: 30]. Необходимо отметить, что, само по себе такое признание в те годы, было достаточно заметным событием (правда, имелось в виду открытие

острова Петра I и Земли Александра I, то есть поздние открытия экспедиции).

А через двадцать страниц, в очерке советского географа и писателя Б.Г. Островского об адмирале М.П. Лазареве, можно было найти следующую интерпретацию: «Экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева заложила, таким образом, первый камень познания Антарктики, что привело впоследствии (?! – *А.О.*) к открытию шестой части света – огромного по протяжению антарктического материка» [Островский 1941: 52].

Вполне очевидно, что подобная точка зрения прямо коррелирует с позиций в этом вопросе М. Райхенберга, с его «поисками того, что лишь нащупали русские капитаны». Примечательно, что Б.Г. Островский и в дальнейшем придерживался такой же точки зрения. Так, уже в 1949 году, он писал: «Открытия, сделанные русскими за южным полярным кругом, повели к открытию полярного материка – шестой части света» [Островский 1949(а): 239].

Вполне понятно, что слова «повели к открытию», по смыслу не совпадают со словом «открытие». Такая позиция представляется тем более странной, что Б.Г. Островский, фактически заново – в 1948 году – якобы «ввел» в СССР в научный оборот (впрочем, возможно что это произошло не без подсказки или прямого указания «придворных», или «теневых» историков) одну из книг мичмана П.М. Новосильского.

В своей статье Б.Г. Островский особо обращал внимание: «Мне никогда не приходилось встречать книгу Новосильского в списках литературы, посвященной экспедиции Беллинсгаузена, а также читать об эпизодах, приводимых в ней. Лишь в русской библиографии морского дела за 1701–1882 гг., изданной Н.Г. Мартыновым в Петербурге в 1885 г., упомянута книга под вышеприведенным заглавием, с той же датой выхода в свет и с обозначением цены в 1 рубль, но без фамилии автора и аннотации, о чем именно идет речь» [Островский 1949(а): 243].

Должны были, очевидно, «произвести впечатление» приведенные Б.Г. Островским цифры: книга П.М. Новосильского пролежала в неразрезанном виде (а значит не была востребована исследователями) в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в течение 95 лет; в аналогичном виде в библиотеке Русского

географического общества в течение 74 лет (ее поступление было помечено датой: «2 марта 1874 года»; именно в библиотеке РГО, летом 1948 г. Б.Г. Островский якобы и обнаружил эту книгу) [Островский 1949(а): 242–243].

«Возникает весьма любопытный вопрос, – писал дальше Б.Г. Островский, – как могла книга, трактующая о столь интересном и важном предмете, находящаяся в библиотеке одного из культурных центров страны, не привлечь внимания географов... Виною, вероятно, слишком общее, неопределенное название и аноним автора (иными словами, «виноват», надо понимать, был мичман П.М. Новосильский. – *А.О.*). Из заглавия, занесенного в картотеку Географического общества: «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера. 1853 год», никак (ужели никак?; для 1853 года заголовок «Южный полюс...» был вполне «будничен»? – *А.О.*) нельзя заключить, что речь идет о русском офицере, участнике Русской антарктической экспедиции!».

«Что представляет собой выплывший на свет источник? Радикально нового, – эклектично пишет Б.Г. Островский, – Новосильский, разумеется, не сообщает. Да и вряд ли возможно рассказать что-либо новое при тех условиях, в каких протекало совместное плавание обоих шлюпов» [Островский 1949(а): 243].

Тем не менее, советский ученый ратовал за переиздание книги в СССР, мотивируя это так: «В момент, когда за рубежом, особенно в Америке, всячески стараются умалить приоритет русских в открытии антарктического материка и приписать себе эту заслугу, разбросанные в книге Новосильского замечания о «новом шестом континенте» еще раз с полной очевидностью подтверждают, кто именно впервые обнаружил континент» [Островский 1949(а): 247].

Получается, что в пределах одной публикации одного и того же автора – Б.Г. Островского, соседствовали две противоположные точки зрения (причем самого, этого же автора! – *А.О.*) на факт первооткрытия.

Кстати, в своей работе Б.Г. Островский (как и неоднократно, другие советские географы и историки [Введенский 1940: 87–88; Райхенберг 1941: 68–69; Якубович 1944: 41; Андреев 1947: 76; Тихомиров 1947: 40]) цитировал отзывы о русской антарктической экспедиции, которые давал ей Ю.М. Шокальский. Последний действительно считал это плавание «беспримерным, непревзойденным и

пониже». По словам Б.Г. Островского, Ю.М. Шокальский был «большим знатоком экспедиции... и почитателем... командиров-героев».

«Ему принадлежит, – писал Б.Г. Островский, – несколько работ на эту тему; в своих других трудах он также неоднократно упоминает об экспедиции, отдавая ей должное» [Островский 1949(а): 239, 243].

Однако эти работы Ю.М. Шокальского, включая рассмотренную выше, изданную в 1917 г. его книгу «Океанография», не дают оснований считать, что этот специалист «отдавал должное» факту первооткрытия Антарктиды русской экспедицией. По крайней мере, автору данного исследования не удалось обнаружить в работах советских географов и историков, написанных ими в 20-е – 40-е годы и посвященных антарктической тематике, ни одной цитаты из работ Ю.М. Шокальского, где говорилось бы об этом приоритете.

Такие цитаты непременно появились бы, поскольку, в 30-е годы Ю.М. Шокальский был президентом Государственного географического общества. В случае, если бы он стоял на позиции первооткрытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, это соответствующим образом отразилось бы и на его публикациях в 20-е – 30-е годы. Совершенно иной была бы тональность этого ученого при реферировании книги норвежца Л. Кристенсена, помимо прочего описывающего объявление суверенитета своей страны над о. Петра I («...поставлен домик с запасами и поднят норвежский флаг и знак принятия острова во владение Норвегии...»).

Впрочем, подобная позиция Ю.М. Шокальского может быть объяснена практически полным отсутствием политики государства в отношении Антарктики, его незаинтересованности в антарктических пространствах и природных ресурсах. С другой стороны, его личное отношение к факту первооткрытия Антарктиды не могло не влиять на советских специалистов, поскольку, по словам президента Географического общества Е.Н. Павловского, «...в течение полувека отечественная и мировая наука и научная общественность испытывали мощное влияние замечательной личности Юлия Михайловича Шокальского» [Шокальская 1960: 6].

Например, в 1949 г. два советских географа (один из них – директор Института географии АН СССР академик А.А. Григорьев), упомянув Ю.М. Шокальского как «авторитетного ученого моряка»,

цитировали последнего: «Ни одного дня летнего времени не было упущено (экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева в ходе плавания в южнополярных водах. – *А.О.*) для проникновения в тайны южных полярных морей и ясно доказано, что к северу от 60° ю. ш. нечего искать берегов Южного материка, т. е. именно благодаря плаванию русских моряков его границы были точно намечены» [Григорьев, Лебедев 1949: 189].

Вполне понятно, что ни о каком открытии самого континента экспедицией, здесь Ю.М. Шокальским, даже и не помышляется. Кстати, советский академик А.А. Григорьев и его соавтор Д.М. Лебедев, цитировали в этом случае следующую работу Ю.М. Шокальского: Столетие со времени отправления русской антарктической экспедиции под командою Ф.Ф. Беллинсгаузена и Д.М. (так в библиографическом описании А.А. Григорьева и Д.М. Дебедева. – *А.О.*) Лазарева 4 июля 1819 г. из Кронштадта (Известия Государственного Географического общества. 1928. Том LX. Вып. 2). К сожалению, оригинал этой работы Ю.М. Шокальского остался недоступным для автора настоящего исследования.

Очевидно, что небезынтересным для русской (советской) историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева является следующий факт. Вскоре после «обнаружения» книги П.М. Новосильского, Б.Г. Островский писал: «Но нигде Ю.М. Шокальский не обнаруживает знакомства с книгой Новосильского и не упоминает о ней, нет этой книги и в его обширной, чрезвычайно ценной, завещанной в дар Географическому обществу библиотеке.

Действительному члену Географического общества Н. Введенскому также принадлежит ряд работ, посвященных Русской антарктической экспедиции. В небольшой его книге «В поисках южного материка»... в конце приводится литература, но книга Новосильского здесь отсутствует, равно как и брошюра проф. Симонова» [Островский 1949(а): 243].

Оставляя сейчас в стороне, уже рассмотренное выше творчество советского автора Н. Введенского, ситуация, при которой такой географ как Ю.М. Шокальский «не обнаруживает знакомства» с книгами мичмана П.М. Новосильского, очевидно заслуживает определенного внимания. Некоторую помощь при анализе этого вопроса может оказать

изданный, совместно Академией наук Союза ССР и Географическим обществом Союза ССР в 1946 году, сборник статей и материалов, посвященных памяти Ю.М. Шокальского.

Известно, что на протяжении семнадцати лет (с января 1891 г.) Ю.М. Шокальский работал в Морской библиотеке. Сам Ю.М. Шокальский (в своей автобиографии, написанной в 1938 г.) писал: «...Оставаясь преподавателем Военно-морского училища, был назначен заведующим Главной морской библиотекой в Адмиралтействе. Под моим руководством были составлены алфавитный и систематический каталоги. Заведующим библиотекой я оставался до 1907 г. ...Занятия в библиотеке, половину книг которой при ее переустройстве я переставил своими руками, принесли мне очень большую научную пользу. Библиотека была очень богата разнообразными трудами, и я имел возможность познакомиться с рядом таких сочинений, которых без этого, возможно, я бы никогда не видел...

...В течение периода времени с 1892 г. до 1898 г. была закончена перестановка книг на хорах библиотеки, разобрано более 5000 брошюр... Таким образом, за этот период времени библиотека была приведена в порядок и окончательно составлен алфавитный каталог ее на карточках» [Тихомиров 1946: 210, 219].

Указом от 27 ноября 1835 г. предписано было доставлять в Морскую библиотеку бесплатно по два экземпляра издаваемых в России географических карт, статистических таблиц и географических описаний [Тихомиров 1946: 213].

Согласно словам Е.Е. Шведе: «Юлий Михайлович отличался исключительной любовью к книгам и был знатоком их: он не только был многолетним куратором библиотеки Общества (Географического общества. – А.О.), которая пополнялась под его непосредственным руководством, но и собрал за свою долгую жизнь замечательную личную библиотеку, во многих отношениях как бы дополнявшую (особенно по иностранным книгам, журналам и картам) библиотеку Общества» [Шведе 1956(б): 27].

По словам людей, хорошо знавших Ю.М. Шокальского: «Все кругосветные путешествия русских моряков и посещение южных широт Крузенштерном, Беллинсгаузеном и Лазаревым были подробно изучены Юлием Михайловичем, он неоднократно писал о них в журналах,

докладывал и в Географическом обществе и на международных конгрессах» [Шокальская 1960: 36].

Что же, остается предположить, что книги участника Первой русской антарктической экспедиции мичмана П.М. Новосильского, остались действительно недоступны для этого маститого советского географа-библиофила...

По воспоминаниям дочери этого географа, «Юлия Михайловича очень ценили на службе и вне его деятельности по библиотеке». «К нему, – как отмечала она, – постоянно обращались как к живому справочнику, который или тут же даст все необходимые сведения или принесет на следующий день записку с исчерпывающей справкой» [Шокальская 1946: 33].

З.Ю. Шокальская писала об отце: «Его широкое знакомство с литературой было хорошо известно, и после отказа А.В. Григорьева от должности секретаря Географического общества, куратором по библиотеке Общества был избран не заменивший Григорьева А.А. Достоевский, как не географ, а Ю.М. Шокальский» [Шокальская 1946: 58].

Тот факт, что Ю.М. Шокальскому были незнакомы труды П.М. Новосильского, еще более сложно предположить, учитывая то, что он вдавался в гораздо более тонкие вещи, связанные с экспедицией.

Вот, например, что писал Б.Г. Островский: «Академик Ю.М. Шокальский определенно еще в 1928 г. указывал, что неизданные рисунки Михайлова (художника Первой русской антарктической экспедиции. – *А.О.*) покоятся в архиве библиотеки Академии художеств и их необходимо издать. Какими данными располагал покойный ученый – неизвестно, но ни в библиотеке Академии художеств, ни в ее архиве, ни в музее мне не удалось найти рисунков, ни каких-либо следов их нахождения здесь в прошлом. Тем не менее, замечание Ю.М. Шокальского очень ценно, и мы не теряем надежды найти и опубликовать рисунки художника Михайлова» [Островский 1949(а): 249].

А вот некоторые моменты из научной биографии Ю.М. Шокальского, которые прямо или опосредствованно могли повлиять на его позицию в отношении факта открытия Антарктиды Первой русской антарктической экспедицией.

Ю.М. Шокальский был участником VI Международного географического конгресса (Лондон, 1895 г.). Помимо доклада об исследованиях русскими Северного морского пути в Сибирь, деятельность Ю.М. Шокальского на конгрессе выразилась в участии его в работе двух комиссий, по полярным исследованиям и по вопросу о международных исследованиях Атлантического океана. Он участвовал также в совете из 40 вице-президентов, на обязанности которых лежала выработка постановлений конгресса.

З.Ю. Шокальская вспоминала: «На этом... конгрессе Юлий Михайлович познакомился со многими выдающимися деятелями науки, которые прежде были ему известны лишь по их сочинениям. После конгресса, поддерживая сношения перепиской почти исключительно по научным делам, он с некоторыми из них сблизился и оставался в дружеских отношениях до самой их смерти. Эта связь немало содействовала (! – *А.О.*) его научной деятельности. Из членов VI конгресса, впоследствии корреспондентов Ю.М. Шокальского, можно назвать англичан: секретарей конгресса Скотт-Кельти, долголетнего секретаря Лондонского Географического общества, затем поныне здравствующего Хью Роберта Милля, в то время директора Метеорологического бюро атмосферных осадков...» [Шокальская 1946: 37].

Это был, тот самый Х. Милль, которого в 1945 г. в Англии цитировал редактор английского перевода книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, директор Полярного института им. Скотта в Кембридже Ф. Дебенхэм. Так вот, в качестве «наивысшей» оценки результатов русской экспедиции Ф. Дебенхэм процитировал слова Х. Милля о том, что экспедиция эта «достойна быть поставлена в один ряд с экспедицией Дж. Кука» [Шведе 1947: 357] (как хорошо известно – континента не открывшей. – *А.О.*).

З.Ю. Шокальская вспоминала дальше: «В сентябре 1899 г., ...Юлий Михайлович принял участие в VII Географическом конгрессе, происходившем на этот раз в Берлине. Председателем конгресса был знаменитый Рихтгофен на конгрессе снова собралось много выдающихся мировых ученых. ...Век географических открытий к тому времени мог считаться законченным. На земле не было уже неизвестных стран, куда следовало направлять экспедиции. Менее обследованными

оставались лишь океаны и полярные страны, Арктика и Антарктика. Таким образом, проблема исследования океанов и полярных стран в конце XIX и начале XX столетия сама собой выдвигается на первый план. Второе общее собрание конгресса было посвящено полярным исследованиям...» [Шокальская 1946: 39].

Согласно воспоминаниям В.П. Семенова-Тян-Шанского: «Живо интересуясь изучением Арктики и Антарктики..., Ю.М. Шокальский пригласил приехать в 1910 г. в Петербург антарктического исследователя Шекльтона и альпиниста исследователя Тянь-шаня Мерцбахера, сделавших доклады на общих собраниях Общества. В 1912 г. Географическое общество посетил близкий знакомый Юлия Михайловича французский исследователь Антарктики Шарко, также сделавший доклад...

...Был еще один географический объект в южном полушарии, названный в 1911 г. Шарко в честь Юлия Михайловича, а именно пролив близ южной части земли Александра I у Антарктиды, но позднейшие исследования, как это часто бывает в полярных странах, показали, что пролив является заливом» [Семенов-Тян-Шанский, Герасимов, Орлов 1946: 119, 127]. В 1921 г., по инициативе Ю.М. Шокальского, в Географическом обществе состоялся доклад доктора Фильхнера, участника германской антарктической экспедиции на судне «Гаусс» [Шокальская 1946: 70].

В.П. Семенов-Тян-Шанский делал такие, свои выводы: «Ю.М. Шокальский был крупнейшим географом-практиком с личными связями во всем мире и в этом отношении конкурентов не имел. Эта его особенность была в высшей степени ценна для нашего Географического общества... Сеть научных географических учреждений на земном шаре непрерывно возрастала, и надо было поддерживать живые культурные связи по возможности со всеми, а это было по плечу только ему» [Семенов-Тян-Шанский, Герасимов, Орлов 1946: 127].

Такие оценки дают немало к пониманию положения Ю.М. Шокальского. Общаясь с упомянутым выше кругом зарубежных ученых и специалистов, он, естественно, впитывал в себя их оценки, позиции, подходы и трактовки. Даже если бы Ю.М. Шокальский заговорил бы вдруг об открытии Антарктиды экспедицией Беллингаузена – Лазарева (а для этого ему самому, по крайней мере, необходимо было

придерживаться такой точки зрения, а это, в свою очередь, не подтверждает все его научное творчество. – А.О.), то, подобные выводы выглядели бы в означенной среде, как некий *mauvais ton*, научная «невоспитанность».

Обратной «стороной медали» такой, полезной для Географического общества «общительности» Ю.М. Шокальского, стал «антарктический кризис» 1949 года, когда, даже действительным членам Всесоюзного географического общества, да еще и в столичных городах, пришлось «напоминать» о приоритете русских в открытии Антарктиды.

Поэтому чрезмерно идеализированной, напыщенной ложным пафосом была следующая декламация: «Горячий патриот, он не упускал случая настаивать на приоритете родной науки и всегда добивался почетного места отечественной географии в мировом масштабе» [Юлий 1959: 507]. Причем, в пределах одного короткого текста, это тезис повторялся дважды: «Горячий патриот, он ревниво следил за признанием успехов и приоритета отечественной науки» [Юлий 1959: 510].

Согласно другому источнику: «Во время своих многочисленных поездок за границу Ю.М. (Шокальский. – А.О.) всюду читал доклады и печатал статьи о работах русских географов, не мало способствуя правильной оценке результатов научной деятельности нашей страны» [Юлий 1940: 94].

Отчего же «горячий патриот», совершенно (за исключением своих «самодостаточных», сравнительных цифровых выкладок, касающихся экспедиции Дж. Кука) не реагировал на нарастание фальсификаций со стороны Запада в отношении главных итогов Первой русской антарктической экспедиции, не отстаивал, вплоть до самой своей смерти, ее действительные результаты и истинные географические заслуги?

Да, потому что, иная альтернатива здесь вряд ли прослеживается: либо ученый «поддерживает живые культурные связи», либо он, как географ или историк географической науки, действительно отстаивает объективную картину происходившего. В конце концов, на Западе ведь тоже очень хорошо понимают «что и к чему», и могут «захлопнуть дверь» перед неуживчивыми, не конформистски настроенными учеными.

Более поздние советские биографы Ю.М. Шокальского уже подводили под «патриотизм» своеобразную «идеологическую базу». Так, Е. Андреева писала: «Ю.М. Шокальский прекрасно знал историю географических открытий и с особой любовью останавливался на работах русских путешественников, заслуги которых часто забывались за границей и недооценивались у нас в дореволюционной (! – А.О.) России.

...Его патриотизм никогда не имел ничего общего с узким национализмом. Юлий Михайлович уважал другие народы, ценил достижения иностранной науки, но никогда не терял своего достоинства и не забывал, что он сын великой социалистической Родины» [Андреева 1956: 8–9].

Тема «патриотизма» вообще постоянно присутствует в работах о Ю.М. Шокальском. Например, З.Ю. Шокальская отмечала: «Как горячий патриот, он ревниво оберегал приоритет русских и советских работ, следил за тем, чтобы работы эти не замалчивались...» [Шокальская 1956: 17].

Действительный член АПН РСФСР, доктор географических наук, профессор Б.П. Орлов писал: «...При этом во весь рост поднимается Шокальский – горячий патриот своей Родины. Везде, где это нужно, он показывает роль русских работ, русских исследователей, русской океанографической мысли, что обычно до него не делалось.

...В связи со столетием исторического плавания вокруг Антарктиды (обратим внимание – не «открытия Антарктиды». – А.О.) шлюпов «Восток» и «Мирный» под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева Юлий Михайлович Шокальский делает чрезвычайно обстоятельный доклад о достижениях этой экспедиции, сравнивая их с достижениями экспедиции Джемса Кука. Вообще он пользовался каждой юбилейной датой, чтобы напомнить о выдающихся географах и их подвигах» [Орлов 1956: 12–13, 20].

В ряду профессиональной деятельности Ю.М. Шокальского, которая так или иначе была связана с антарктическими вопросами, можно упомянуть консультации в карто-составительской части Картографического треста, консультации в Научно-издательском институте Большого советского атласа мира, где этот специалист состоял консультантом и составителем карт океанов [Шокальская 1946:

91]. С 1925 по 1931 г. он был директором Государственного картографического института [Юлий 1959: 511].

К 1937 году относится начало участия Ю.М. Шокальского в масштабном деле, предпринятом Картографической частью Штаба РККА, – в составлении «Атласа командира РККА». Ю.М. Шокальский был не только составителем карт всех океанов, как и в Большом советском атласе мира (согласно отзыву З.Ю. Шокальской, «карты не представляли собой повторения последних»), но принимал участие в редактировании всех карт атласа вообще [Шокальская 1946: 92]. До этого он был редактором трех изданий дореволюционного, первого русского Большого настольного географического атласа (изд. А.Ф. Маркса) [Юлий 1959: 511].

Для школ и учебных заведений Ю.М. Шокальский составил и выпустил малый «Учебный атлас», «десять изданий которого в течение многих лет служили основным пособием при преподавании географии в школе» [Почетный 1940: 119]. Ю.М. Шокальский много раз посещал все главные картографические учреждения в Европе и в США. По картам и атласам, составленным Ю.М. Шокальским, «учились и учатся миллионы» [Юлий 1940: 93–94]. Школьный атлас Ю.М. Шокальского разошелся в 2 миллионах экземпляров [Берг 1940: 710].

В советской историографии специально обращалось внимание, что Ю.М. Шокальским были составлены отдельные «карты Арктики и Антарктики» [Ющенко 1956: 56].

Во всех этих картографических работах безоговорочно (даже без каких-либо комментариев) признаются «секторы» и «владения» соответствующих государств в Антарктике.

Известно также, что Ю.М. Шокальский «редактировал и снабдил добавлениями труд умершего географа С.Г. Григорьева «Вокруг Южного полюса» [Шокальская 1946: 100] (речь идет о 3-м изд., 1937. – *А.О.*).

Действительно ли Ю.М. Шокальский «ревниво оберегал приоритет русских и советских работ, следил за тем, чтобы работы эти не замалчивались...»?

В опубликованных в 1940 году, объемных некрологах, нигде не говорилось о том, что Ю.М. Шокальский отстаивал приоритет Первой

русской антарктической экспедиции в открытии Антарктиды [Юлий 1940: 91–96; Почетный 1940: 112–123].

В материале Л.С. Берга отмечено: «Перу Ю.М. (Шокальского. – А.О.) принадлежит ряд работ по истории географических открытий, причем с особенной любовью он останавливался на подвигах русских исследователей, заслуги которых недостаточно оцениваются за границей, а иногда и совсем остаются неизвестными» [Берг 1940: 711].

Не говорилось о защите такого приоритета и в более поздних советских публикациях [Покшишевский 1947: 57–59], в том числе, опубликованных уже после проведения общего собрания действительных членов Географического общества СССР [Памяти 1950: 432].

В одной из заметок, опубликованных к столетию со дня рождения Ю.М. Шокальского, ее автор, Е.Е. Шведе писал: «Большое политическое значение имели те консультации, которые давал Юлий Михайлович в качестве президента (Географического общества. – А.О.) по различным запросам советского правительства, оспаривая притязания капиталистических государств на исконные русские владения» [Шведе 1956(а): 568].

Идет ли здесь речь о Шпицбергене, или об острове Петра I в Антарктике? Окончательный ответ, очевидно могут дать лишь архивные материалы.

В другой работе Е.Е. Шведе этот же вопрос был несколько расширен и конкретизирован: «Большое политическое значение имели и те консультации, которые Юлий Михайлович в качестве президента Географического общества давал по различным запросам Советского правительства (и в частности Народного комиссариата иностранных дел по поводу притязаний капиталистических государств на исконные русские владения). Так, например, была доказана роль русских исследователей Сарычева, Врангеля и Матюшкина в открытии острова Врангеля и тем самым были даны обоснования для протеста Советского правительства против захватнических устремлений Великобритании и Канады; по докладу Ю.М. Шокальского ученый совет Географического общества опротестовал решение Лондонского Географического общества о снятии с карт названий, данных в Центральной Азии русскими путешественниками» [Шведе 1956(б): 26].

Как видно, об Антарктике здесь прямо речь не идет.

В рамках проводившейся 6–8 декабря 1956 г. научной сессии Отделения геолого-географических наук Академии наук СССР, начальник Гидрографической службы ВМФ адмирал П.С. Абанькин, в частности, отметил: «Юлий Михайлович живо интересовался и Антарктикой. Среди его работ, относящихся к Антарктике, следует особо отметить статью, посвященную столетию со дня организации Русской Антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева в 1819–1821 гг. В ней он обстоятельно описывает плавание русских судов «Восток» и «Мирный» и дает должную оценку результатам работ этой замечательной экспедиции. «Для нас, русских и в особенности для русских моряков, открытия в Антарктических водах интересны еще и потому, что второе по времени и самое обширное по протяженности пройденного в полярных водах пути было плавание русских моряков под командою Беллинсгаузена и Лазарева в 1819–1821 гг., когда им удалось открыть часть побережья Южного материка...» (Шокальский, 1928).

Это высказывание приобретает для нас особенно важное значение именно сейчас, когда мы приступили к планомерному изучению Антарктики. Для того чтобы еще сильнее подчеркнуть огромное значение плавания Беллинсгаузена и Лазарева, Ю.М. Шокальский сравнивает русскую экспедицию с плаванием Кука в 1772–1775 гг. По этому поводу он писал: «Достаточно взглянуть на карту Кука и Беллинсгаузена, чтобы оценить сделанное последним. Почти во всех тех местах, где Кук не был к югу от 60°, Беллинсгаузен там побывал: 4 раза он дошел до самой 70 параллели» (Шокальский, 1928).

Далее им приводится ряд очень интересных цифр для сравнения экспедиций Беллинсгаузена и Кука, показывающий, что Беллинсгаузен совершил беспрецедентное плавание, с тех пор и до того времени никем не повторенное; он указывал на то, что именно Русской Антарктической экспедицией были открыты первые действительно антарктические земли и что продолжительность плавания в полярных широтах и притом непрерывно на значительном расстоянии от берегов дала возможность Русской Антарктической экспедиции представить действительно полную картину ледовых условий, чего Кук сделать не мог. Еще в 1928 г. Ю.М. Шокальский считал, что назрело время для переиздания трудов

Русской Антарктической экспедиции. Он отмечал, что издание работ экспедиции было бы «не только важно с научной стороны, но и полезно, как одного из памятников русской деятельности на международном поприще исследований, где Беллинсгаузен и Лазарев заработали русским людям столь высокое уважение и подали нам такой выдающийся пример» (Шокальский, 1928)» [Абанькин 1956: 34–35].

Поэтому при всех, приведенных выше (а также рассмотренных дальше, по ходу книги) и требующих еще своего ответа «антарктических вопросах» в научном творчестве и научном наследии Ю.М. Шокальского, у этого географа конечно же имеются и известные заслуги в освещении этих вопросов в Советском Союзе в 20-е – 30-е годы.

Но вернемся к советской историографии военных лет.

Весьма своеобразную интерпретационную модель можно было обнаружить в опубликованной весной *1944 года* (в издаваемом Академией наук СССР популярном естественно-историческом журнале «Природа») краткой заметке о столетии антарктической экспедиции Д.К. Росса. Автором этой заметки был геоботаник и биоценолог, доктор биологических наук, профессор Ленинградского государственного института им. А.И. Герцена А.П. Ильинский (1888–1945). На определенном этапе А.П. Ильинский выполнял обязанности ученого секретаря Географического общества.

В частности, А.П. Ильинский писал: «4 сентября 1843 г. в Англию вернулись корабли «Эребус» («Мрак») и «Террор» («Ужас»), плававшие с 1839 г. в морях южного полушария с исследовательской целью. Задачей экспедиции были магнитные наблюдения и изучение Южного материка.

Существование его предполагалось давно. Но только русской экспедиции 1819–1821 гг. под начальством Ф.Ф. Беллинсгаузена (1779–1852) (Ф.Ф. Беллинсгаузен родился в 1778 году. – *А.О.*) удалось открыть в южном ледовитом море землю Александра I, относительно которой уже в момент ее открытия можно было с большой вероятностью предположить, что она является частью Южного материка.

До этого же все поиски этого материка, возглавлявшиеся даже такими и энергичными моряками, как капитан Джеймс Кук (1728–1778) были безуспешными. Плавание Эребуса и Террора являлось результатом

настойчивого желания английского адмиралтейства выяснить вопрос об Южном материке» [Ильинский 1944: 89].

В опубликованном в сентябрьском выпуске журнала «Наука и жизнь» за 1944 год, достаточно объемном материале В.Я. Якубовича, написанном якобы на основе книги Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831), присутствовало упоминание о том, что «отважные русские мореплаватели во главе с Беллинсгаузеном первые открыли земли далеко за Южным полярным кругом» [Якубович 1944: 40].

Речь в данном случае шла об открытых экспедицией в 1821 г. острове Петра I и Земле Александра I. «Не зная, – писал «передергивая» первоисточник В.Я. Якубович, – является ли открытая вновь земля островом или «матерою землею» – частью материка, Беллинсгаузен назвал ее берегом Александра Первого» [Якубович 1944: 40].

Исследовательский поиск в предвоенные и даже в военные годы, направлялся в том числе отдельными энтузиастами. Например, русский советский поэт, прозаик, историк, географ, архивист С.Н. Марков (1906–1979) всю жизнь занимавшийся поиском и исследованием материалов об открытиях на Тихом океане, принадлежащих русским мореплавателям, в октябрьской книжке «Морского сборника» за 1944 год призывал поискать во Владимире материалы об адмирале М.П. Лазареве [Марков 1944: 87].

После запроса С.Н. Маркова в Казань, было отыскано наследие участника экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, астронома И.М. Симонова. В частности, в архиве «Научной библиотеки Татарской республики» при Казанском университете были найдены два письма адмирала И.Ф. Крузенштерна к И.М. Симонову, датированные 1831 и 1833 г., которые посвящены открытиям английских моряков в Антарктиде, совершенным после плавания русской экспедиции. В большом томе подшитых бумаг нашлась рукопись И.М. Симонова «Шлюпы «Восток» и «Мирный» или плавание россиян в Южном Ледовитом океане и около света».

«Ясно, – считал С.Н. Марков, – что казанский архив Симонова нужно исследовать более подробно» [Марков 1944: 88]. И действительно, такая необходимость остро возникла уже всего лишь через пять лет.

Характеризуя И.М. Симонова, С.Н. Марков писал, что русский астроном был «свидетелем открытия... скалистого острова Петра Великого и Берега Александра I в Антарктиде...» [Марков 1944: 87–88].

Очень интересны выводы, сделанные С.Н. Марковым из опыта изучения архивов и музеев на местах. Так, он предлагал: «Ценнейшие документы, рассказывающие о русской морской славе, надо тщательно разыскивать, изымать их из общих архивных фондов, брать на строжайший учет и тщательно изучать. Редкие печатные издания, карты, планы, чертежи, гравюры, портреты, и т. д. должны тоже подлежать строгому учету».

«Мы должны знать, – писал этот самобытный русский ученый, – содержание всех фондов в хранилищах архивных управлений, музеев, библиотек, научных институтов и т. д. Надо издать описи фондов, составить хотя бы краткое описание важнейших архивных документов» [Марков 1944: 88]. С.Н. Марков предлагал создать единый тихоокеанский архив, куда в дальнейшем – по мере увеличения архивных находок – должны будут поступать все свидетельства русской морской славы на Тихом океане, в том числе связанные с экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева.

Картограф В.Д. Таич (1901–1987), заметка которого была опубликована в 1944 году в печатном органе Всесоюзного географического общества в рубрике «Мелкие сообщения», слегка иронизируя по поводу того, как зарубежные «журналы оживленно разбирают вопрос, кто: Беллинсгаузен, Пальмер или Брансфильд впервые увидел закованный в лед берег этой... части света» [Таич 1944: 52], очевидно не подозревал, какие, отнюдь не магнитные, а политико-правовые «бури» будут бушевать всего лишь через несколько лет вокруг южного континента, и, с каким трудом Советскому Союзу придется отстаивать интересы и свои законные права там.

Материал В.Д. Таича (работавшего инженером-картографом в Геологическом управлении с 1942 по 1946 г.) о Третьей экспедиции адмирала Бэрда в Антарктиду была основан на данных, опубликованных в предварительном отчете лейтенанта Энглиша в журнале «*Geographical Review*» за июль 1942 года. Автор заметки в «Известия ВГО» констатировал, что «в 1939–1941 гг. ведущая роль в деле исследования

южных полярных стран принадлежала американцам, снарядившим туда большую экспедицию».

Интерес представляет название подзаголовка в тексте заметки В.Д. Таича: «Большой полет к западному берегу земли Александра I, открытой в 1821 году Беллинсгаузеном» [Таич 1944: 54].

По мнению В.Д. Таича, «хотя впредь до опубликования подробного отчета об экспедиции (выходящего за рамки проанализированного им предварительного отчета лейтенанта Энглиша. – *А.О.*) нельзя дать полную оценку ее итогам, уже теперь ясно, что они являются большим вкладом в географическую науку». В качестве главного достижения Третьей антарктической экспедиции Бэрда, В.Д. Таич рассматривал «открытие береговой линии Западной Антарктиды» [Таич 1944: 55].

«Конференции, которая должна будет установить основы прочного мира после победы над... нацистами, придется, – предполагал этот советский инженер-картограф, – быть может, заняться и этим недоступным, но, несмотря на свой холод и безжизненность, манящим к себе исследователей, материком» [Таич 1944: 52].

Наконец, давая читателям краткие физико-географические данные об Антарктиде, В.Д. Таич писал: «И на такой площади, равной 2/3 территории нашего Союза, нет ни одного постоянного поселения, ни одного жителя! Хотя Антарктида не лишена природных богатств, включая каменный уголь, а берега ее богаты рыбой и морскими животными, но дело ограничивается пока сезонным ловом в ее морях. Лишь при организации и поддержке многочисленных постоянных полярных станций, как это сделано в арктическом секторе СССР, можно надеяться на развитие здесь промыслов. В этом смысле и можно назвать Антарктиду материком будущего» [Таич 1944: 56].

Как видно, уже в конце войны, в работах отдельных советских исследователей допускалась возможность и, более того, желательность освоения Советским Союзом природных ресурсов Антарктики, ведения там научных исследований с помощью баз, аналогичных арктическим, осуществления в водах Южного Ледовитого океана исследований морских млекопитающих и собственно китобойного промысла (косвенно это подтверждают опубликованные в 1941 и 1943 г. в

специализированных изданиях статьи Г.Г. Моора о мечении китов в антарктических водах [Романов 1946: 47]).

Весьма недвусмысленно смотрится на этом фоне и упоминание факта первооткрытия конкретных участков (земель) Антарктиды русской экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, пусть, еще пока, без каких-либо определенных, конкретных – исходя из этого факта – выводов или, тем более, политических требований.

В 1945 году был опубликован обзор деятельности Арктического института Главсевморпути за 25 лет. Автор обзора, океанолог, полярный исследователь и сотрудник Арктического института (с 1947 г. – заведующий отделом ААНИИ [Краснопольский 1993(а): 192–193]), кандидат географических наук Я.Я. Гаккель (1901–1965) упоминал несколько раз Антарктику, но, только лишь, в связи с проведением первого Международного полярного года (1882–1883 гг.) и планами проведения второго Международного полярного года (1932–1933 гг.), а, не в связи с научной деятельностью Арктического института [Гаккель 1945: 16–17].

О росте в Советском Союзе профессионального исследовательского интереса к Антарктике свидетельствует, в частности, тот факт, что инженер-гидрограф, старший научный сотрудник Арктического научно-исследовательского института, доктор географических наук (1948) В.Х. Буйницкий (1911–1980), «начиная с 1940 года (согласно сведениям его биографа. – А.О.) изучал всю доступную литературу по Антарктике» [Бойко 2007].

Уже будучи (с 1941 года) директором Арктического научно-исследовательского института Главсевморпути при СНК СССР В.Х. Буйницкий (в октябре 1947 года он был снят с этой должности, а в 1950 году уволен из института) писал в 1945 году в связи с двадцатипятилетием этого института: «Нынешний уровень развития арктической науки ставит перед советской наукой и такую новую задачу, как переход от изучения арктической области к изучению полярных стран. Занимаясь исследованиями циркуляции атмосферы в Арктике, В.Ю. Визе подметил, что в течении атмосферных процессов высоких широт северного и южного полушарий существует весьма определенно выраженная сопряженность. Установлено, что потеплению Арктики отвечает потепление в Антарктике, колебания атмосферного

давления в Антарктике предвеляют соответствующие колебания давления в Арктике.

Таким образом, познание атмосферных процессов, формирующих погоду в северном полушарии, не может быть полным, если эти процессы будут изучаться оторванно от южного полушария. Безусловно, что еще более тесной должна быть сопряженность явлений и процессов, происходящих в стратосфере, ионосфере и особенно магнитном поле северной и южной полярных областей. Однако наблюдениями, которые могли бы это бесспорно доказать, мы пока не располагаем. Не располагаем потому, что, несмотря на довольно большое количество экспедиционных исследований, проведенных в Антарктике в различное время различными государствами, до сих пор там нет, ни одной постоянной даже обыкновенной метеорологической станции.

Нам представляется, что именно советские ученые должны положить начало систематическому изучению Антарктики путем организации постоянно действующей геофизической обсерватории, в частности в районе Южного полюса. К этому имеются все предпосылки, и в первую очередь, предпосылки, обусловленные достижениями советской арктической науки» [Буйницкий 1945(а): 12–13].

В других материалах В.Х. Буйницкого за 1945 год: его статье, опубликованной в одном из выпусков «Известия Всесоюзного географического общества» [Буйницкий 1945(б): 311–314] и, вошедшем в коллективный юбилейный сборник Арктического научно-исследовательского института Главного Управления Северного морского пути при СНК СССР, очерке «25 лет Арктического института» [Буйницкий 1945(в)] – Антарктика не упоминается.

В советской географической науке В.Х. Буйницкий считался инициатором международных исследований Антарктики [Потери 1981: 187].

Глава IV. 1946 – 1948 годы

«...На это мы имеем историческое право первооткрывателей...»: Русская антарктическая экспедиция в советской историографии в первые послевоенные годы

*«...Вполне закономерно и правильно
назвать тихоокеанский сектор...
«Русским сектором».
На это мы имеем историческое
право первооткрывателей...»*

Б.А. Зенкович (1947)

*«...Несколько раз Беллинсгаузену удавалось
спускаться за Полярный круг, три раза он
заходил за 69° южной широты, но всюду
путь преграждала сплошная масса
пловучего льда...»*

В. Якубович (1948)

С 1946 году, во многом как показатель реального присутствия и хозяйственного использования (что важно с международно-правовой точки зрения в случае отстаивания своих правопритязаний на антарктические пространства и природные ресурсы [Овлащенко 2009(б): 34–39]) СССР осуществлял в Антарктике китобойный и тюлений промыслы. Советским правительством была отправлена в Антарктику на промысел китов флотилия «Слава» (реально промысел начался с 1947 г.). Она состояла из девяти судов, включая одноименный китобойный завод. Одновременно с судов флотилии проводились научные исследования.

Согласно оценкам некоторых советских авторов, китобойная флотилия «имела одной из своих основных задач постановку научно-исследовательских работ» [Голубев 1949: 68].

Такое изменение «линии поведения» со стороны Советского Союза в отношении Антарктики, скорее всего, было вызвано не в последнюю очередь тем, что, в конце 1946 г. Ачесон, в то время заместитель государственного секретаря США, выступил с декларацией о непризнании Соединенными Штатами притязаний других стран на владения (непризнании тех самых «владений», которые были без каких-

либо комментариев обозначены практически на всех советских картах Антарктиды (Антарктики), включая военные, и которые (секторы) не вызывали никаких комментариев, ни, тем более, протестов со стороны советских юристов-международников. – *А.О.*) в Антарктике. Вслед за этим, было заявлено, что США претендуют если не на всю Антарктику, то, по крайней мере, на весь Антарктический материк [Михайлов 1949: 67].

В опубликованной в 1946 году в журнале «Наука и жизнь» статье сотрудника Арктического научно-исследовательского института, кандидата географических наук Д.Б. Карелина (в 1947 году Д.Б. Карелин защитил докторскую диссертацию и был утвержден в ученой степени доктора географических наук), посвященной двадцатипятилетию Арктического института, тем не менее, не было сказано о каких-либо, даже гипотетических перспективах советских исследований в южнополярном регионе [Карелин 1946: 35–37].

Академией наук СССР в 1946 году были изданы очерки Л.С. Берга по истории русских географических открытий. В части, касающейся экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, в этой книге [Берг 1946(а): 106–107, 109–110] ничего нового не появилось, а просто шел дословный повтор текста из работы Л.С. Берга 1926 года [Тихий океан 1926: 19–20, 22–23].

Можно было решить, что советская географическая и историческая наука за истекшие пятнадцать лет не внесли ничего нового в историографию экспедиции. И, все-таки, одно отличие в этих текстах обнаружить можно.

В «Очерках» 1946 года, после фразы «честь открытия Антарктики принадлежит экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева», шла отсылка к работе Н. Введенского об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, опубликованной в 1941 году в одном из выпусков журнала «Известия Географического общества». Поскольку сам Л.С. Берг использовал эту же формулировку, причем, не только в своей работе 1926 года [Тихий океан 1926: 22], но и в книге изданной в 1929 году [Берг 1929: 47], непонятной, была его (в связи с «честью открытия») эта ссылка на статью Н. Введенского.

Тем более, что в самой этой статье Н. Введенского, фразеологизм «честь открытия» использован не был [Введенский 1941: 118–122]. В

работах же самого Л.С. Берга, под такой «честью» подразумевались открытия 1821 года – острова Петра I и Земли Александра I.

В изданной АН СССР в том же 1946 году другой книге Л.С. Берга, постановка вопроса была уже несколько иная. Советский географ писал: «Замечательны открытия, сделанные Беллинсгаузеном и Лазаревым в Антарктике (1819–1821); 17 января 1821 г., под 68°29' ю. ш., 75°40' з. д. они увидели берег, которому дали название Земли Александра I; это был антарктический материк, часть которого впервые положена на карту нашими мореплавателями» [Берг 1946(б): 21].

В 1948 году очень интересно отозвался на эту книгу, гидролог и гидробиолог С.Д. Муравейский (1894–1950). В частности, он писал: «Доклад Л.С. Берга (на Втором Всесоюзном географическом съезде, который происходил в Ленинграде с 25 по 31 января 1947 г. – *А.О.*) был построен главным образом как юбилейный, посвященный столетию Географического общества. Доклад явился кратким изложением его прекрасной, широко задуманной, документальной книги «Всесоюзное Географическое общество за сто лет» (изд. Академии наук СССР, 1946). Однако, прочтя его книгу, невольно убеждаешься, что мы далеки еще от полного и всестороннего знания истории Географического общества, что необходима еще большая работа в различных архивах для того, чтобы вскрыть даже историю возникновения Общества.

Как-то не верится, что душой Общества в момент его возникновения был Ф.П. Литке, который сам не знал, «как сделался одною из главных пружин предприятия полезного и уже обещающего сделаться важным» (из воспоминаний Литке, Труды съезда, стр. 71). Как-то (*sic!* – *А.О.*) в истории Общества отошла на второй план так называемая «русская группа», возглавляемая В.И. Далем. Имеется много данных утверждать, что именно она была душой Общества, главным инициатором его основания. Об этом, например, говорит в воспоминаниях о Дале П.И. Мельников-Печерский. Чрезвычайно симптоматично, что П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своей «Истории полувековой деятельности Географического общества (СПб., 1896) так тепло отзывался о деятелях кружка Даля, «которые с серьезною научной подготовкою соединяли несомненную талантливость и горячий патриотизм, и могли служить достойными представителями тех свободных сил русского общества, содействие коих должно было

принести обширную пользу географическим наукам, при всестороннем изучении России» [Муравейский 1948: 135].

В более широком контексте подходы и научные способности Л.С. Берга, историком советской «географической мысли» И.М. Забелиным охарактеризованы так: «...Насчет «настольности» книги Берга о ландшафтных зонах (это при ремарке самого же И.М. Забелина о том, что позиции Л.С. Берга в ландшафтоведении были в советской науке «непоколебимыми». – *А.О.*) я бы лично не стал высказываться столь категорично. Все три издания (1931, 1936, 1947, имеется в виду первый том, но это же относится ко второму) скучны и мелочны в отборе материала. Не уверен впрочем, что слово отбор – точно; мышлению Л.С. Берга более свойственен как раз «неотбор», неспособность отсеивать мелочное от фундаментального в своем восприятии мира. Мелочь искажала и перспективу, и очертания большого – большое уменьшалось, а малое увеличивалось, и разрушалась естественная систем координат...» [Забелин 1989: 189].

В 1946 году в официальном органе Географического общества («Известия ВГО») была опубликована 65-страничная работа Л.С. Берга «Летопись Географического общества за 1845–1945 годы». В летописи – за столетний период (! – *А.О.*), т. е. со дня основания этого общества, среди важнейших событий и публикаций, антарктические вопросы Л.С. Бергом не были упомянуты ни разу [Берг 1946(в): 25–90].

Причем при обзоре советского периода деятельности Географического общества, «подчеркнуто» не упомянуты им были даже единичные антарктические работы советских авторов, к примеру, статья Ю.М. Шокальского (1928) об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, его же статья об острове Петра I (1939).

В изданном совместно Академией наук Союза ССР и Географическим обществом Союза ССР в 1946 году, сборнике статей и материалов, посвященных памяти Ю.М. Шокальского, перу Л.С. Берга принадлежит статья «Работы Ю.М. Шокальского в области истории географической науки».

В первую очередь, интерес представляет сама постановка методологических вопросов Л.С. Бергом. Он писал: «История географических открытий и вообще землеведения занимает в системе географических знаний совершенно особое, исключительное место.

Если специалисту любой науки *п о л е з н о* (разрядка в оригинале. – *А.О.*) знать ее историю, то для географа знание прошлого его науки *н е о б х о д и м о*» [Берг 1946(г): 197].

На этот раз, одну из работ Ю.М. Шокальского, Л.С. Берг описывает следующим образом: «В статье, посвященной столетию со дня отправления русской антарктической экспедиции Беллингаузена и Лазарева 1819–1821 гг. (Изв. Геогр. общ., 1928, вып. 2), Ю.М. Шокальский дает обстоятельный очерк плавания «Востока» и «Мирного» и сравнивает полученные русскими данные с результатами экспедиции Кука 1772–1773 гг. Задача, которую должны были выполнить наши корабли, заключалась в «отыскании берегов Южного материка». Юлий Михайлович справедливо сетует на то, что о выдающихся достижениях (впрочем, у самого Ю.М. Шокальского, они выражены лишь сугубо арифметическими выкладками. – *А.О.*) Беллингаузена и Лазарева у нас мало известно. «Русские люди, эти истинно материковые обитатели, – говорит он, – мало наслышаны о подвигах своих собратьев – моряков и мало ими гордятся». А между тем «русские кругосветные плавания начала XIX ст. составляют замечательную страницу среди наших географических работ» [Берг 1946(г): 197–198].

Буквально через несколько лет, в ходе своего доклада на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР (Ленинград, 10 февраля 1949 г.) Л.С. Берг с пафосом заявит, что Общество всегда интересовали проблемы Антарктики.

Действительно ли это так? Интересовали ли Общество эти проблемы в годы, непосредственно предшествующие памятного общему собранию?

В 1945 году в журнале «Природа» был опубликован материал члена-корреспондента АН СССР Л.С. Берга, посвященный столетию Географического общества. В этой, весьма объемной своей статье, сам Л.С. Берг ни разу не упомянул ни экспедицию Беллингаузена – Лазарева, ни самих этих адмиралов, состоявших, как известно, действительными членами этого общества [Берг 1945(а): 78–88].

В 1946 году в официальном органе ВГО была опубликована 65-страничная работа Л.С. Берга «Летопись Географического общества за 1845–1945 годы». В летописи – за столетний период (! – *А.О.*), т. е. со

дня основания этого общества, среди важнейших событий и публикаций, антарктические вопросы Л.С. Бергом не были упомянуты ни разу [Берг 1946(в): 25–90].

В частности, никакого широкого (вообще, хоть какого-то? – *А.О.*) отклика в деятельности ВГО (в апреле 1933 г. в Ленинграде состоялся Первый Всесоюзный географический съезд, в работе которого приняли участие более восьмисот человек) не нашел факт распространения в 1931 г. суверенитета Норвегии на остров Петра I.

Не была упомянута Антарктика в резолюции Второго Всесоюзного Географического съезда, принятой на заключительном пленарном заседании этого съезда 31 января 1947 г. и опубликованной в 1947 году в одном из выпусков «Известия ВГО» [Калесник 1947: 111–113].

При реферировании в 1948 году сборника трудов этого съезда [Мурaveйский 1948: 133–140] и аннотировании (уже в 1949 году) трудов этого же съезда Антарктика, экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева упомянуты не были [Первалов 1949: 99–100].

Можно согласиться с характеристикой географических (и не только географических) съездов, данной И.М. Забелиным: «...Всякий научный съезд вольно или невольно имеет итоговый характер. Прорывы в будущее случаются, конечно, и на съездах, но правилом они не являются» [Забелин 1989: 235]. В данном случае, подводить какие-либо «итоги» по антарктическим исследованиям еще не приходилось; но и «прорывным» в этом смысле Второй съезд тоже не стал.

В 1947 году в статье опубликованной к юбилейным торжествам Всесоюзного географического общества, Л.С. Берг (теперь уже академик) лишь упомянул (но и это уже было, своего рода, «прогрессом» советской историографии) при перечислении некоторых, избранных 19 сентября 1845 г., действительных членов Русского географического общества, «знаменитого мореплавателя адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена» [Берг 1947: 6].

В посвященной деятельности ВГО за советские годы и опубликованной в 1948 году работе С.В. Калесника было отмечено, что в 1939 г. в этом обществе специально было создано отделение истории географических знаний. Признавалось, что отделение поставило себе целью, «стимулировать находившееся в забвении (! – *А.О.*) изучение

истории отечественной географии». В научных сообщениях, прочитанных в этом отделении, среди прочих были освещены и «географические заслуги» Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева [Калесник 1948: 103].

Очевидно, здесь подразумевалось одно из заседаний Отделения истории географических знаний Географического общества СССР, которое состоялось еще до начала Великой Отечественной войны. В ходе этого, уже упомянутого выше заседания, Н. Введенский воспроизвел свои «истолкования» хода и итогов Первой русской антарктической экспедиции [Географическое 1970: 227].

Однако, к примеру, в отчете о проделанной в 1948 году работе, предоставленном Отделением истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Географического общества, вопросы Антарктики не упоминаются вовсе [Московский 1949: 199, 204].

Среди шести докладов, зачитанных в 1948 году (январь – июнь) в Отделении истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Географического общества Союза ССР, докладов об Антарктике не было [Б. К. 1948: 149, 153–154].

Это Отделение было создано в июне 1947 г. в составе Московского филиала Географического общества Союза ССР по решению его Президиума. В круг ведения нового Отделения вошли вопросы истории географических знаний и исторической географии. Тогда же было утверждено Организационное бюро в составе ученого секретаря филиала П.Н. Степанова, С.В. Бахрушина, Д.М. Лебедева, А.И. Соловьева и В.К. Яцунского.

Первое заседание Отделения состоялось в октябре 1947 г. В апреле 1949 г. было избрано постоянное бюро в числе пяти человек: В.К. Яцунского (председатель), А.В. Соколова (секретарь), Д.М. Лебедева, С.Е. Феля и В.Я. Якубовича [Соколов 1950: 241].

Некоторые из этих членов Отделения являлись авторами публикаций об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева [Якубович 1944; Якубович 1948; Григорьев, Лебедев 1949].

К моменту выхода в свет (в самом начале 1950 г.) выпуска «Вопросов географии», посвященного истории географических знаний, Отделением (за период с 1947 по 1949 г. включительно) было

рассмотрено свыше 30 докладов. В официальном отчете о деятельности Отделения за этот период доклады об Антарктике, об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева не упоминаются [Соколов 1950: 241–246].

В своем докладе на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР академик Л.С. Берг говорил: «Сообщим сначала биографические данные об этих замечательных русских морях, имена которых вошли в историю мировых географических открытий и – этим мы гордимся (*sic!* – *А.О.*) – в списки членов нашего Географического общества. ...Лазарев был почетным членом Географического общества» [Русские 1949(а)].

Эклектизм в этом вопросе как самого Л.С. Берга, так и ряда других представителей «верхушки» советской географии, виден, хотя бы из того, что, еще в феврале 1947 года, работавший с 1931 г. в Институте географии АН СССР, физико-географ и топонимист (а также, впоследствии, «редактор и комментатор трудов Л.С. Берга» [Мурзаев 1985: 182]) Э.М. Мурзаев (1908–1998) в юбилейной статье, посвященной Русскому географическому обществу, вообще не упомянул Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в качестве выдающихся членов этого общества [Мурзаев 1947: 31–34].

А вот, как нес «свет географических знаний в массы», сам академик Л.С. Берг. В стенограмме публичной лекции, прочитанной им 15 декабря 1947 г. в Ленинграде (таким образом, до «антарктического» общего собрания оставалось чуть больше года) о результатах и итогах Первой русской антарктической экспедиции можно было узнать «только и исключительно» следующее: «В первой половине XIX века русскими морями во время кругосветных плаваний было открыто в Тихом океане и в Антарктике (?! – *А.О.*) множество островов – Суворова, Кутузова, Чичагова, Ермолова, Румянцева и других» [Берг 1948(б): 5–6].

Понятно, конечно, что публичная лекция этого советского академика совпала с кампанией по «русификации» исторических знаний. Но, все-таки, начало его лекции, в контексте его же трактовки итогов экспедиции (а оценить еще ниже результаты экспедиции, уже вряд ли было возможно) звучит довольно цинично: «Испокон веков география была любимейшей наукой у русских» [Берг 1948(б): 5].

Закономерно, что при перечислении Л.С. Бергом «великих деятелей» Географического общества, имена Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева не упоминались.

Всего лишь через год – в 1949 году – антарктические вопросы в деятельности ВГО заняли весьма немаловажное значение. Правда, этот год – 1949, был годом 130-летия отправления в кругосветное путешествие экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, но это, скорее уже было вторично, если вообще, сколько-нибудь связано с ростом антарктической активности Советского Союза.

В одном из номеров журнала Военно-Морских Сил «Морской сборник» за 1946 год, была опубликована статья капитана 1 ранга П.Ф. Морозова и майора К.И. Никульченкова, посвященная адмиралу М.П. Лазареву. В достаточно объемном материале, при описании хода экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, соавторы отметили, что «экспедиция эта явилась выдающимся научным событием того времени».

П.Ф. Морозов и К.И. Никульченков писали: «Беллинсгаузен и Лазарев шесть раз пересекали Южный полярный круг. ...10 января (1821 года. – *A.O.*) русскими моряками был открыт остров, названный именем Петра Великого (широта $68^{\circ}57' S$, долгота $90^{\circ}46' W$), а 17 января – берег Александра I (широта $68^{\circ}45' S$, долгота $73^{\circ}10' W$)» [Морозов, Никульченков 1946: 82].

Перечислив открытые этой экспедицией острова в Тихом океане, авторы статьи еще раз подчеркнули, что «экспедиция эта внесла огромный вклад в науку» [Морозов, Никульченков 1946: 82].

Таким образом, в этой, написанной двумя советскими военно-морскими специалистами статье, при указании на «огромный вклад в науку», констатации фактов, что «для русского флота доступны широкие океанские просторы» и, что, «русские люди – прекрасные моряки, способные преодолевать любые трудности», при всем при этом, не упоминалась вовсе Антарктида (Антарктика), что даже для тех лет, можно рассматривать уже, как своеобразный нонсенс.

Необычность ситуации особо выделяется на фоне того списка источников, которые, согласно П.Ф. Морозову и К.И. Никульченкова, были использованы ими при подготовке и написании своей статьи. Помимо работы с фондами Центрального Государственного Архива

Военно-Морского флота (ЦГАВМФ) в Ленинграде, эти флотские специалисты обращались к фондам Рукописного отделения Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Среди источников указаны опубликованные в 1918 году в ряде выпусков журнала «Морской сборник», уже знакомые нам письма М.П. Лазарева к А.А. Шестакову, значительный ряд русских дореволюционных источников, но, самое главное (! – *А.О.*), изданная в России книга участника экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, мичмана П.М. Новосильского «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера». Правда, датирована она у П.Ф. Морозова и К.И. Никульченкова не 1853, когда она и была издана, а 1855 годом.

Интересен в связи с этим следующий момент: в своей публикации 1949 года, эти же авторы, сетуя на то, что «дворянско-буржуазные историки, пресмыкавшиеся перед границей, почти совершенно не изучали» экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева, отметили, что труд участника экспедиции П. Новосильского «Южный полюс» (1853 г.), – остался незамеченным [Морозов, Никульченков 1949: 51].

В целом они справедливо считали, что, хотя «со времени русской экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в Южный Ледовитый океан прошло 130 лет, но литература о ней крайне бедна» [Морозов, Никульченков 1949: 51].

Небезынтересным является предпринятое в 1947 году Военным издательством Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, переиздание уже знакомой нам книги Н.К. Лебедева «Завоевание Земли». В предисловии редактора книги доктора географических наук, профессора географического факультета МГУ М.С. Боднарского (1870–1953) (это предисловие было написано им в декабре 1945 года), в частности, отмечалось, что настоящее издание подготовлено по изданию 1923 года, но, «с исправлениями... устаревших и ошибочных утверждений автора» [Лебедев 1947: б/с].

Редактор считал, что Н.К. Лебедев не всегда критически относился к источникам, что «послужило причиной некоторых ошибочных утверждений, противоречий, ...и т. п.». Однако в итоге М.С. Боднарский считал, что «несомненно, советские воины и широкие массы советских читателей вновь приобретут весьма полезное и интересное образовательное чтение».

В последующие годы, в условиях «борьбы за приоритет» русских открытий в Антарктике, в первую очередь первооткрытия самого континента, стали выпадать из общих исследовательских подходов (в данном, конкретном случае, во многом идеологизированных) «некритичные» интерпретации Н.К. Лебедевым личности Дж. Кука и результатов его второго кругосветного плавания.

Так, автор «Завоевания Земли» писал в своей работе: «Джеймс Кук считается величайшим мореплавателем XVIII в., которым справедливо гордится Англия. ...Первое плавание капитана Кука, несмотря на важные научные результаты, тем не менее не разрешило главной задачи, которую ставил себе Кук: выяснить вопрос о существовании Южного материка. ...Чтобы окончательно выяснить вопрос о существовании Южного материка, английское правительство решило снарядить новую экспедицию, поручив начальство над нею снова капитану Куку. ...Адмиралтейство употребило все зависящие от него средства для обеспечения успеха этой экспедиции, которая доставила громадное количество научных данных, значительно содействовавших успехам естествоведения, этнографии, мореходства и географии. ...Ни одно путешествие из совершавшихся до того времени (! – А.О.) не доставляло таких ценных сведений для географической науки. Исследования и открытия капитана Кука выяснили много вопросов, остававшихся до того совершенно темного. Отсутствие огромного южного материка было окончательно доказано...» [Лебедев 1947: 134–152].

В исследовательских практиках советских авторов уже получали распространение иные подходы к итогам второго кругосветного плавания Кука, начало которым, было положено еще в работах С.Г. Григорьева [Григорьев 1925: 7–8], Н. Введенского [Введенский 1940: 12–13], М. Райхенберга [Райхенберг 1941: 62, 64–65] и «преемственно» продолжены затем Г.С. Тихомировым [Тихомиров 1948: 106], В. Якубовичем [Якубович 1948: 50], другими авторами.

В переизданной в 1947 году книге Н. Нозикова о русских кругосветных путешествиях, в предисловии к ней, М.А. Сергеев теперь писал, что экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева «в южных полярных водах открыты земли Петра I и Александра I (Антарктический материк)» [Нозиков 1947: 12–13].

В этой связи можно упомянуть, что в обзоре деятельности Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала ВГО за 1947–1949 гг., автор этого обзора (секретарь Отделения) А.В. Соколов писал: «Г.П. Чиж представил на рассмотрение Отделения свои рецензии на книги: Н. Нозиков «Русские кругосветные мореплаватели» (2 изд.)...

При обсуждении рецензий был отмечен ряд недостатков рассматриваемых книг и, в частности, неправильностей, допущенных в них по вине Военного издательства; особенно значительны отступления (? – А.О.) от первоначальной редакции книги Н. Нозикова. Вследствие этого... книги не могут служить удовлетворительными пособиями по истории географических знаний. Тщательному изучению кругосветных плаваний русских моряков необходимо уделить особое внимание; но судовые журналы, как исторические документы, не часто находятся в поле зрения исследователей...» [Соколов 1950].

Согласно отдельным современным источникам [Лукин 2009: 7–13], в конце 1946 года Председатель Совета Министров СССР И.В. Сталин поручил Министерству иностранных дел СССР приступить к обеспечению правовых вопросов деятельности СССР в Антарктике, а в январе 1947 года Коллегия МИД СССР возложила эти обязанности на Договорно-правовое управление этого министерства.

Появлявшиеся в те годы единичные упоминания правового режима Антарктики нельзя признать удовлетворительными, соответствующими перспективным интересам страны в южнополярном регионе. Однако эти упоминания вполне адекватно отвечали тому, пока еще, все-таки, достаточно низкому уровню заинтересованности государства в Антарктике, а также фактически «зачаточному» состоянию доктринальных подходов в СССР к антарктическим правовым вопросам [Овлащенко 2009(б): 37].

Например, в подготовленном в Институте права Академии наук СССР и изданном в 1947 году учебнике по международному праву (текст учебника в основном был выполнен его авторами в 1946 году и подготовлен к печати в начале 1947 г.; последняя правка, внесенная редакторами, относится к августу 1947 г.) авторы главы «Территория в международном праве», профессор В.Н. Дурденевский и профессор В.Э. Грабарь, писали: «Под «полярными секторами» разумеют в настоящее

время пространства Арктики и Антарктики, ограниченные определенными меридианами, причем все земли и острова внутри «сектора» вплоть до полюса считаются территорией государства, объявившего сектор своим. Впервые Англия в 1917 г. установила свой сектор в Антарктике к югу от земли Росса (передан в управление Новой Зеландии)» [Международное 1947: 215–216].

В сноске говорилось: «В настоящее время имеются (1946) арктические секторы у СССР, США, Канады, Дании, Норвегии; в Антарктике – у Великобритании и США (у США не было и они не объявляли своего антарктического сектора. – *А.О.*); на часть побережья претендует Норвегия, устроившая там охотничье хозяйство» [Международное 1947: 216, сноска 1].

В советской науке международного права отмечались заслуги В.Н. Дурденевского в разработке вопросов территории в международном праве и ряде других его отраслей. С января 1944 г. В.Н. Дурденевский являлся экспертом-консультантом Договорно-правового отдела МИД СССР [Персоналия 1960: 435–436]. Ответственный редактор указанного учебника по международному праву (переведенного на несколько иностранных языков) профессор С.Б. Крылов уже с февраля 1942 г. являлся экспертом-консультантом МИД СССР [Персоналия 1959: 482–483].

Подобные, отмеченные только что подходы косвенно свидетельствуют о «привычности» и, в общем, приверженности советских специалистов (юристов-международников, военных и др.) теории южнополярных секторов и владений [Овлащенко 2009(б): 35]. Такой подход, к примеру, находил свое выражение в советской картографии.

В изданном Военно-топографическим управлением Генерального штаба Вооруженных сил Союза ССР в 1947 году «Атласе офицера» (был подписан к печати с 1 января по 25 октября 1947 г.) на карте Антарктики (масштаб 1 : 50 000 000) обозначены были секторы, подписанные: «Британские владения» (куда попал открытый русской экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева остров Александра I), «Австралийские владения», «Новозеландские владения». Земля Адели была обозначена как принадлежащая Франции. Норвежский сектор обозначен не был (не

были отмечены и секторы Аргентины и Чили), как не была указана и государственная принадлежность острова Петра I [Антарктика 1947: 74].

Редакционно-составительные работы данного атласа были выполнены в Центральной ордена Красной Звезды Научно-Картографической Части Военно-Картографической Службы Вооруженных Сил СССР. «Атлас офицера» имел редакционный совет под председательством Генерал-лейтенанта технических войск М.К. Кудрявцева (ответственный редактор). Значительную помощь при создании атласа оказали Институт истории Академии наук СССР, военные академии, целый ряд консультантов – известных академиков, профессоров и докторов наук.

Упомянутые выше инициативы И.В. Сталина, объяснимы как в целом ростом интересов СССР в южнополярном регионе в период после окончания Великой Отечественной войны (в том числе урановым «вопросом»), так и, применительно именно к этому историческому периоду – началом в 1946 году советского антарктического китобойного промысла. В 1946 году в Вашингтоне СССР подписал Международную конвенцию по регулированию китобойного промысла (вступила в силу в 1948 году) [Международная 1956]. Советский Союз стал членом созданной в рамках конвенции для целей ее реализации Международной китобойной комиссии.

«Не ограничиваясь всемерным развитием добычи рыбы в собственных водоемах, – писал в 1947 году министр рыбной промышленности западных районов СССР А.А. Ишков (1905–1988), – мы выходим на арену международного рыболовного промысла. Уже в 1947 г. мы должны... распространить наш китобойный промысел в воды Антарктики. Первый шаг в этом направлении уже сделан: советская китобойная матка «Слава» вышла в Антарктику. Выход в... Антарктику является одним из показателей того нового подъема, в который вступает советская рыбная промышленность в послевоенной пятилетке» [Ишков 1947(а): 4].

Однако, начало Советским Союзом антарктического промысла преследовало не только экономические, народно-хозяйственные цели (по словам министра А.А. Ишкова, «суточная добыча китов на один китобоец давала в лучшие годы на Дальнем Востоке около 5 т китового жира, а в Антарктике – в среднем 21 т» [Ишков 1947(б): 6]), хотя цели

хозяйственного использования, сами по себе, тоже были важны с международно-правовой точки зрения в случае отстаивания Советским Союзом своих правоприязнаний на антарктические пространства и природные ресурсы. Но, одновременно, и, как уже было подчеркнуто, преследовались цели собственно геополитические, опосредствованные реальным присутствием китобоев в южнополярном регионе [Овлащенко 2009(б): 34–39].

Хотя в ряде случаев, с исторической и историко-правовой точек зрения, попытки обоснования такого присутствия вряд ли выглядели безупречными.

Например, в 1947 году заместитель министра рыбной промышленности западных районов СССР К.Е. Бабаян писал: «Впервые в сезон 1946/47 г. на промысел в Антарктику вышла и советская флотилия... Советские моряки снова появились в тех районах, где когда-то побывали их предки – русские мореплаватели. В начале прошлого столетия русские экспедиции, руководимые Фадеем Беллинсгаузеном и Михаилом Лазаревым, впервые в истории совершили плавание вокруг Антарктического материка. Они прошли всю южную часть Атлантического и Индийского океанов в таких местах, где до этого не появлялось ни одного корабля. Плавая в антарктических широтах на мало приспособленных и малонадежных шлюпках (так в тексте. – А.О.) «Восток» и «Мирный», русские моряки открыли острова Петра Великого, Кутузова и Бородино, море Беллинсгаузена и собрали ценнейший материал, позволивший последующим исследователям наиболее полно изучить районы Антарктики» [Бабаян 1947: 9].

Но и такая безупречность, в частности, упоминание «русских экспедиций» на «шлюпках», достаточно своеобразная «выборка» открытых экспедицией островов, отсутствие упоминания открытия Земли Александра I, в целом Антарктиды, не могли затенить главного – Советский Союз имеет в Антарктике свои долгосрочные интересы.

По замыслам советских руководителей и идеологов Антарктика должна была стать как бы «ближе», «привычнее». «В суровых водах Антарктики, – заканчивал свою статью К.Е. Бабаян, – советские китобойными делами и мыслями связаны со всем советским народом» [Бабаян 1947: 13].

По воспоминаниям бывшего начальника Главного управления Северного морского пути при Совете Министров СССР (сменил И.Д. Папанина в 1946 г.), а затем министра морского флота СССР А.А. Афанасьева (1903–1991), И.В. Сталин обращал самое пристальное внимание на вопрос о передаче Советскому Союзу китобойной флотилии, постоянно помнил об этом вопросе сам и, напоминал другим, в частности, К.И. Ворошилову.

На одном из заседаний Политбюро А.И. Микоян обратился к И.В. Сталину: «В стране нет жиров. Необходимо заполучить от англичан китобойную базу и флотилию, надо развивать китобойный промысел». И.В. Сталин приказал организовать приемку передаваемого Советскому Союзу по решению Тройственной комиссии морского флота и добиваться передачи СССР китобойной базы и флотилии. В свою очередь А.И. Микоян, давая А.А. Афанасьеву ряд инструкций и наставлений перед переговорами с англичанами (изначально, категорически возражавшими против передачи Советскому Союзу этих судов), заявил ему: «Китобойная база и флотилия должны быть у нас! Без этого не возвращайтесь...» [Афанасьев 2003: 220–221].

Докладывая И.В. Сталину об успешном решении этого вопроса, А.А. Афанасьев упомянул, что ему довелось на одном из ужинов в Англии есть необычайно вкусные блюда из китового мяса. На это И.В. Сталин немедленно отреагировал, дав А.И. Микояну поручение «глубоко и немедленно заняться промыслов китов и производством из них продуктов» [Афанасьев 2003: 260]. Так решилась судьба советского китобойного промысла.

В июльской книжке «Морского сборника» за 1947 год, профессор, доктор исторических наук А.И. Андреев (1887–1959) писал, что «в ряду кругосветных путешествий, совершенных русскими моряками в первой половине XIX в., особое место занимает единственная наша экспедиция в Антарктику» [Андреев 1947: 74].

Возможно впервые наиболее отчетливо прозвучала мысль о том, что попытка русских моряков разрешить вопрос о Южном материке, «представляет во всех отношениях смелое и отважное начинание и вместе с тем является показателем самостоятельности нашей передовой научной мысли; ...экспедиция Беллинсгаузена–Лазарева блестяще подтвердила научную догадку русских ученых».

Очевидно одним из первых в советской историографии Первой русской антарктической экспедиции, было следующее описание А.И. Андреевым экспедиционных дней 1820 года. В частности, он писал: «...Корабли экспедиции произвели четыре плавания к югу, достигнув в одном случае (17 января 1820 г.) широты $69^{\circ}21' S$ и долготы $1^{\circ}15' W$. Важным моментом этого этапа трудного пути было установление в феврале 1820 г. возможности нахождения близкого берега: в широте $67^{\circ} S$ были замечены береговые птицы. Беллинсгаузен и его спутники пришли к заключению о существовании поблизости земли, хотя льды и не позволили им убедиться (? – *A.O.*) в правильности своего предположения. Как известно, в 1831 г. капитан Биско открыл здесь землю и назвал ее землей Эндерби» [Андреев 1947: 75].

Такое разъяснение итогов экспедиционных дней января – февраля 1820 г. уже разительно отличалось от фактической фальсификации итогов первого этапа экспедиции другими советскими авторами, в первую очередь Н. Введенским [Введенский 1940: 46–47] и М. Райхенбергом [Райхенберг 1940: 66].

Однако А.И. Андреев, все-таки, считал, что «русские мореплаватели первыми в мире достигли берега южного материка – Антарктиды», лишь когда они открыли остров Петра I и Землю Александра I, т. е. в 1821 году [Андреев 1947: 76] (буквально через два года точка зрения этого историка стала претерпевать интереснейшие, причем неоднократные метаморфозы, о чем подробнее будет сказано ниже).

Отмечая, что всего экспедиция продолжалась 751 день и за это время «были открыты 28 групп островов, одна коралловая мель и часть берега Антарктиды» [Андреев 1947: 76] А.И. Андреев делал в этом месте своей статьи ссылку на работу Ю.М. Шокальского (1928). Кроме этого, А.И. Андреевым были использованы работа Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831) и еще одна работа Ю.М. Шокальского (1939).

«Беллинсгаузен и Лазарев, – делал вывод А.И. Андреев, – по справедливости должны считаться первыми исследователями, открывшими в высоких южных широтах Антарктиду и доказавшими ошибочность существовавших ранее гипотез, что никакого материка в секторе южного полюса нет» [Андреев 1947: 76].

Использование автором словосочетания «по справедливости», дает некоторые основания предполагать, что А.И. Андреев был знаком с трудом П.М. Новосильского «Шестой континент...», еще до «официального» (в 1948 году) введения этой работы в научный оборот Б.Г. Островским.

В изданной в 1947 году научно-популярной книге «Завоевание полюсов», ее автор, сотрудник Арктического научно-исследовательского института Д.Б. Карелин писал, что «...Южного материка Кук не обнаружил», а «первые сведения о суше за полярным кругом дала русская экспедиция Ф. Беллинсгаузена», и, «...таким образом, ...доказала, что за Южным полярным кругом существует суша» [Карелин 1947: 97–98].

И в том, и в другом случае не было понятно – о какой «суше» идет речь (континентальной, островной)?

В исследовательских подходах пишущих об Антарктике советских авторов, понемногу стали занимать место обзоры текущей политической обстановки в южнополярном регионе. Так, Д.Б. Карелин писал: «Многие страны мира поспешили заявить свои притязания на обладание бесплодными обледеневшими участками суши южного материка. Среди этих стран – Соединенные Штаты Америки, Англия, Австралия, Аргентина, Новая Зеландия и даже Норвегия».

«Конечно не только научные интересы, – продолжал советский географ, – притягивают внимание исследователей. Один из научных конгрессов в Австралии был целиком посвящен проблеме будущности Антарктики, в том числе и эксплуатации ее богатств» [Карелин 1947: 96].

Интерес представляет фраза из заключения книги Д.Б. Карелина. Он писал: «...Можно не сомневаться в том, что из соревнования за дальнейшее изучение околополюсных пространств Советский Союз выйдет, как и до сих пор, победителем» [Карелин 1947: 108].

В подготовленной в МГУ им. М.В. Ломоносова и изданной в 1947 году, книге Г.С. Тихомирова по истории географии (эта книга предназначалась в помощь студентам младших курсов географических факультетов при изучении курса общей географии) было указано, что «кругосветное плавание Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в 1819–1821 годах привело (? – А.О.) к открытию Антарктиды» [Тихомиров

1947: 39]. Такой подход сближал позицию Г.С. Тихомирова с уже упомянутыми выше, аналогичными подходами Б.Г. Островского [Островский 1941: 52] и М. Райхенберга [Райхенберг 1941: 61].

Однако уже на следующей странице книги Г.С. Тихомирова, трактовка этого факта выглядела следующим образом: «После долгих поисков Южный материк, названный Антарктидой, был открыт в 1821 г. русскими путешественниками Ф.Ф. Беллинсгаузеном и М.П. Лазаревым» [Тихомиров 1947: 40].

Сразу же после этого, шла популярная у советских исследователей цитата из Ю.М. Шокальского, где он, говорил о том, что «...до сих пор плавание Беллинсгаузена не потеряло своего научного значения, да и никогда не потеряет». Однако, говоря это, Ю.М. Шокальский вовсе не имел в виду факт открытия континента. Главную заслугу экспедиции он видел в том, что она окончательно разрешила «многовековое недоразумение о существовании какого-то обширнейшего в мире южного материка, который соединяется якобы с материком Азии, Африки и Америки», и, во-вторых, доказала, что «в широтах около 69°10' существует непрерывное водное кольцо Тихого океана» [Тихомиров 1947: 40].

Книга Г.С. Тихомирова появилась в тот период, когда «русская история и национальная культура из объектов глумления, грязных оскорблений и нападок вдруг превратились в объект почитания, вернулись на свое законное, почетное место. И, несмотря на то, что сделано это было весьма избирательно и непоследовательно, результаты незамедлили сказаться повсюду...» [Митрополит Иоанн (Снычев) 1995: 318].

Советский географ писал: «Среди тысяч замечательных исследований природы почетное место принадлежит славным представителям великого русского народа. Летописи мировой географической науки хранят сотни русских имен, сделавших множество географических открытий и внесших в дело познания Земли много ценного» [Тихомиров 1947: 48].

«Ранее других народов, – продолжал Г.С. Тихомиров, – русские достигли Северного Ледовитого океана, прошли всю Сибирь от седого Урала до берегов Тихого океана, открыли южный полярный материк – Антарктиду...». На следующей странице автор книги писал:

«Антарктиду открыли в 1821 г. русские мореплаватели Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев» [Тихомиров 1947: 49].

Г.С. Тихомиров твердо стоял на точке зрения, что Антарктида открыта русской экспедицией в 1821 году. Аннотируя в списке рекомендуемой литературы по истории географии, книгу С.Г. Григорьева «Вокруг Южного полюса» (М., 1915), Г.С. Тихомиров писал: «К сожалению, в книге сравнительно мало сказано о русских мореплавателях, открывших этот материк. Хотя автор (С.Г. Григорьев. – *А.О.*) и говорит, что «Беллинсгаузен объехал в два приема антарктические страны кругом, стараясь по возможности держаться южнее, во многих местах на пути встречались сплошные массы пловучего льда, а в одном месте, к юго-востоку от Огненной Земли, Беллинсгаузен натолкнулся на небольшие участки суши, названные им в честь Петра Великого и Александра I...».

«Это и означало, – добавляет от себя Г.С. Тихомиров, – открытие Антарктиды» [Тихомиров 1947: 73].

В приведенной в книге Г.С. Тихомирова «Хронике важнейших историко-географических событий с древнейших времен до наших дней», значится: «1819–1821 гг. – кругосветное плавание русских под начальством Беллинсгаузена и Лазарева, приведшее к открытию Антарктиды и многих островов, в том числе острова Петра первого и др.» [Тихомиров 1947: 113]. Под портретом Ф.Ф. Беллинсгаузена, также приведенном в книге, авторский текст гласил: «Русский мореплаватель, открывший в 1821 году Антарктиду» [Тихомиров 1947: 158].

В списке рекомендованной литературы, также была проанонсирована – возможно впервые в России (Советском Союзе) за многие десятилетия – книга Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831).

«Замечательная книга, – писал Г.С. Тихомиров, – содержит последовательное и подробное описание знаменитого плавания автора в южные моря, увенчанное открытием неизвестного материка Земли – Антарктиды. ...Книга написана живо и читается с неослабевающим интересом» [Тихомиров 1947: 62].

Несомненный исследовательский интерес в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, прикладном использовании результатов последней в интересах внешней политики

Советского Союза, представляет вкладка к книге Г.С. Тихомирова (вкладка была подписана к печати 19 сентября 1946 года).

В развернутой таблице история открытия и изучения Антарктики была разбита автором книги на пять периодов: Средние века (XVI–XVIII), Новое время (1780–1871), Новое время (1871–1917), Новое время (с 1917 года), СССР. В своей периодизации, в разделе Новое время (1780–1871) Г.С. Тихомиров снова отметил, что «в результате долгих поисков «Южный материк» был открыт в 1821 г. русскими мореплавателями Беллинсгаузеном и Лазаревым..., они обошли вокруг Антарктиды, открыли острова Петра Первого, Землю Александра Первого» [Тихомиров (вкладка в книгу) 1947].

В двух следующих разделах, характеризующих основные события 1871–1917 гг. и после 1917 года, автор периодизации упомянул основные зарубежные экспедиции в Антарктику и подчеркнул, что «наиболее активными исследователями Антарктиды ныне являются американцы». Упомянув экспедиции Бэрда, плавания норвежцев, правопритязания Англии, такие же притязания США, которые «организовали экспедицию (советский географ имел в виду «третью экспедицию Бэрда». – *А.О.*) для исследования и закрепления за собой земель Антарктиды», Г.С. Тихомиров в разделе «СССР» вновь напоминает, что, «как уже было сказано ранее, Антарктиду открыли в 1821 г. русские путешественники Беллинсгаузен и Лазарев» [Тихомиров (вкладка в книгу) 1947].

Далее в разделе «СССР», вероятно, по-своему обосновывая отсутствие исследовательской и практической деятельности Советского Союза в южнополярном регионе, Г.С. Тихомиров пишет: «Южный полярный материк – Антарктида остается до сего времени «белым пятном» на современной географической карте. Географическое познание этого материка представляет немалый научный интерес, но изучение его связано с огромными трудностями вследствие сплошного оледенения» [Тихомиров (вкладка в книгу) 1947].

В ноябрьской книжке «Морского сборника» за 1947 год, была опубликована статья капитан 3 ранга В.Г. Рябчука, который, при обзоре американских довоенных и послевоенных экспедиций в Антарктику, писал, что «впервые суша южного полярного континента была открыта

русской экспедицией под руководством Беллинсгаузена» [Рябчук 1947: 115].

Интересно, что при перечислении открытых и описанных географических объектов – «29 новых островов: Петра I, Анненкова, Южная Георгия, Лескова, Завадовского, Южно-Сандвичевы острова и др.» – упоминание Земли Александра I (на том этапе основного объекта приложения исследовательских усилий советских авторов, историографов экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева) отсутствовало.

Автор статьи, обращал особое внимание на обнаруженные в Антарктиде различными, более поздними экспедициями «залежи угля, меди и железа, ...мощные пласты битуминозного угля, ...руды свинца, меди и молибдена». «Наиболее обследованным районом Антарктики, – отмечал В.Г. Рябчук, – является новозеландский сектор».

Как обычно в таких случаях, со ссылкой на «публикации в иностранной печати», в статье шла речь о поисках американцами антарктического урана. Автор статьи писал: «Иностранная печать, особенно тех стран, которые заинтересованы в Антарктике (Англия, Аргентина), прямо указывала: «Они (американцы) ищут минеральные богатства – уголь, нефть, медь. Они ищут самый дорогой металл – уран» [Рябчук 1947: 117].

«Самолеты центральной группы (экспедиции Бэрда. – *A.O.*), – обращал внимание В.Г. Рябчук, – имевшие электронные поисковые приборы, нашли гору высотой в 4500 м, с залежами радиоактивного вещества. Американцы упоминают о ней вскользь, называя ее гора «Х-лучи» (*X-ray*)» [Рябчук 1947: 119].

Советский военно-морской специалист также процитировал следующие слова Бэрда: «Когда мы сможем снять часть ледяного покрова, мы найдем ископаемые, которые можно будет отлично использовать для атомной бомбы» [Рябчук 1947: 119].

Статья В.Г. Рябчука стала возможно одной из первых, где особое внимание обращалось на поиски антарктического урана.

Вообще для понимания возникновения и последующей эволюции антарктической политики Советского Союза, тема военного (в первую очередь) и мирного атома, поисков и добычи урана, представляется весьма значительной (в том числе, опосредствованно, для понимания

историографии факта первооткрытия Антарктиды Первой русской антарктической экспедицией).

За месяц до начала Великой Отечественной войны – в мае 1941 года, в издаваемом Академией наук СССР журнале «Наука и жизнь» была опубликована статья профессора Д.И. Щербакова «Проблема урана». Особое значение в статье было уделено месторождениям урана.

Автор статьи писал: «...Все мировые запасы урана в недрах очень невелики и составляют всего около 12 000 т... С этим количеством урана связано примерно 4 кг радия. Но надо иметь в виду, что руды урана содержат в среднем не больше 1–3% урана, и, следовательно, в 1 т такой руды будет не больше 3–8 мг радия! Нетрудно также рассчитать, что мировые запасы урана-235 составляют очень маленькую цифру, порядка 100 т» [Щербаков 1941: 17].

Д.И. Щербаков обращал внимание на то, что в январе 1939 г. Ган и Штрассман (Германия) в своих опытах бомбардировали уран нейтронами, после чего, «эти ученые нашли следы более легких элементов, имеющих приблизительно половину атомного веса урана». Узнав об этом, три группы американских ученых в продолжение нескольких недель подтвердили, что бомбардировка фактически расщепляет уран на более легкие вещества, с освобождением громадной энергии.

«Итак, – делал вывод Д.И. Щербаков, – уран-235 впервые позволяет нам говорить о создании атомных силовых установок. Его практическое применение кажется вполне возможным и вероятным в недалеком будущем». А среди ближайших «больших задач», которые выделял советский ученый, были указаны «поиски богатых источников урановых руд» [Щербаков 1941: 18].

Предыстория развития работ по использованию ядерной энергии в СССР относится еще к довоенному времени. В конце 1938 г. директор Физического института С.И. Вавилов сформулировал предложения по организации работ в институтах АН СССР по исследованию атомного ядра. В мае 1940 г. К.А. Петржак и Г.М. Флеров открыли спонтанное деление урана. 30 июля 1940 г. была создана Комиссия по проблеме урана для координации и общего руководства научно-исследовательскими работами АН СССР по урановой проблеме.

5 сентября 1940 г. последовало предложение А.Е. Ферсмана о форсировании работ по разведке и добыче урановых руд. 15 октября 1940 г. Комиссия по проблеме урана подготовила план научно-исследовательских и геологоразведочных работ на 1940–1941 гг. Среди основных задач было указано исследование сырьевой базы урана и создание уранового фонда. 30 ноября 1940 г. состоялся доклад А.Е. Ферсмана о результатах поисков месторождений урановых руд в Средней Азии. 28 сентября 1942 г. последовало Распоряжение Государственного Комитета Обороны (ГКО) «Об организации работ по урану», положившее начало развитию работ по атомной энергии в СССР.

В то же время было осознано, что одним из основных факторов, который препятствовал реализации атомной программы, являлось отсутствие необходимого количества добытого урана. В связи с этим, 27 ноября 1942 года Государственный Комитет Обороны принял Постановление «О добыче урана».

В самый разгар войны, на Совещании по урановым работам при Институте геологических наук Академии наук СССР (которое состоялось 25 декабря 1943 года) было констатировано, что существует только два объекта, которые могут быстро дать стране нужное количество урана (оба на территории Советского Союза) [Протокол 1943].

В связи с острой нехваткой урана в СССР 8 марта 1945 года было выпущено Постановление ГКО «О мероприятиях по обеспечению геологоразведочных работ по урану в 1945 году». Это постановление обязало Комитет по делам геологии интенсифицировать поиск богатых урановых месторождений в СССР.

В разведывательных материалах, полученных из Великобритании, и докладе Л.П. Берия И.В. Сталину (март 1942 года) отмечалось, что уже с 1939 года в условиях секретности во Франции, Англии, США и Германии ведется работа по использованию урана для военных целей. В 1941 году Военный кабинет Великобритании сформировал Урановый комитет для координации работ по теоретическим, экспериментальным и прикладным вопросам использования атомной энергии. Известно было, что значительные запасы урановой руды имеются в Канаде, Бельгийском Конго, в Судетах и Португалии.

В этом контексте Антарктика не могла не привлечь к себе внимания упомянутых выше, развитых капиталистических стран. Во многом именно в этот период наблюдается активизация их антарктической политики.

В частности, несколько позднее, в 1949 году советский географ особо подчеркивал: «Антарктида в недрах своих, несомненно, скрывает значительные богатства. ...Возможны залежи урановых руд, так как Антарктида по своему геологическому строению – такой же древний материковый массив, как и те, в других частях света, массивы (Канада, Африка и др.), где сейчас идет добыча урановой руды» [Калесник 1949(в): 568].

Известно, что Бельгийское Конго с его крупнейшим месторождением Шинколобве в провинции Катанга лидировало среди уранорудных районов капиталистических стран. К концу 30-х годов главными и почти единственными поставщиками радия являлись Конго и Канада. В целом в тридцатых годах все области применения урана и его соединений требовали этого металла меньше, чем то количество, которое добывалось для извлечения радия. С началом использования атомной энергии положение в урановорудной промышленности резко изменилось. В связи с неограниченным ростом спроса цены на уран сильно возросли [Домарев 1956: 6–7, 11].

Другой советский специалист тогда же писал: «Реакционная печать империалистических держав, во главе с США, обеспокоена, как она выражается, «кризисом атомного сырья». Поэтому экспансионистские устремления американских империалистов далеко не в последнюю очередь простираются на Антарктику как на район вероятного нахождения урана, а также других ископаемых, имеющих военно-стратегическое значение.

Погоня американских поджигателей войны за урановым сырьем для производства атомной бомбы теснейшим образом связана с политикой «атомного шантажа» и «атомной дипломатией», проводимой правящими кругами США. Еще в 1946 г. Соединенные Штаты выдвинули пресловутый «план Баруха»... Несомненно, что, прикрываясь «планом Баруха», США намеревались еще глубже внедриться в районы Антарктики и захватить (! – *А.О.*) предполагаемые там запасы урановой руды» [Михайлов 1949: 69].

Этот же советский автор указывал на активность Англии в области антарктических геологических и топографических работ (еще в ходе Второй мировой войны), а также на планы Франции снарядить в 1948 г. в Антарктику экспедицию для поисков урана и нефти.

Характеризуя складывающиеся в южнополярном регионе междгосударственные отношения как «антарктическую горячку», привлекавшую внимание мировой прессы, В.Г. Рябчук в тоже время отмечал, что о специальной правительственной экспедиции США в Антарктику (1939–1941 гг.) в печати не появлялось никаких, сколько-нибудь подробных сведений.

При детальном рассмотрении в статье технических и собственно военно-организационных аспектов американских антарктических экспедиций, не могло остаться без внимания со стороны советского военно-морского специалиста, опубликованное в печати сообщение официального представителя Государственного департамента США о том, что в 1947 году будет созвана специальная конференция, на которой США сделают «первое официальное представление о своих правах в Антарктике» [Рябчук 1947: 120].

О возможности предъявления аналогичных прав в Антарктике со стороны Советского Союза, в статье В.Г. Рябчука упоминаний не было.

Согласно постановлению Редакционно-издательского отдела Академии Наук СССР в 1947 году были изданы «Очерки по истории русского землеведения» М.С. Боднарского.

Получив после революции звание профессора, этот ученый-географ стал читать студентам Московского университета ряд учебных курсов, в том числе, перешедший к нему после смерти Д.Н. Анучина курс истории географических открытий. В своей исследовательской работе М.С. Боднарский основное внимание уделял истории русских географических открытий и отечественной географической науки.

Л.С. Берг давал следующую характеристику М.С. Боднарскому: «Основная область, в которой протекает научная работа М.С. Боднарского, – это история географической науки. ...Все произведения М.С. Боднарского отличаются большой тщательностью обработки. Он великолепный знаток литературы как древней, так и современной, и прекрасно умеет обращаться с источниками. Эрудиции М. С. в области

физической географии, а равно и в сфере истории географической науки, положительно неисчерпаема» [Берг 1945(б): 303].

После смерти М.С. Боднарского в 1953 году, было отмечено, что его очерки по истории русского землеведения служат «основным пособием для всех, изучающих историю географии в России» [Соловьев 1954: 131–132].

Сам, автор очерков, писал: «...Беллинсгаузен... обследовал гораздо большее пространство за пределами полярного круга, нежели его знаменитый предшественник Джеймс Кук в 1772–1775 гг. Беллинсгаузен открыл там 10 января 1821 г. лежащие к югу от мыса Горн под 68°57' ю. ш. и 90°46' з. д. о-в Петра I, а 17 января 1821 г. под 69°29' ю. ш. и долготы 75°40' з. д. Землю Александра I, которая является берегом Антарктиды. Таким образом, эта экспедиция сделала русских причастными к изучению (? – *А.О.*) этой отдаленной области земного шара, которая и в настоящее время возбуждает большой интерес и остается до сих пор, несмотря на большие усилия многих мореплавателей, еще весьма малоисследованной. Честь открытия (! – *А.О.*) Антарктиды принадлежит русской экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. Беллинсгаузен составил замечательное описание физико-географических условий южной полярной области (Антарктики), имеющее значение и сейчас...» [Боднарский 1947: 202–203].

Элементарный анализ показывает отчетливый компилятивный характер этого абзаца работы М.С. Боднарского. О том, что «русские моряки и ученые оказались причастны к изучению... отдаленнейшей области земного шара, возбуждающей столь большой интерес в настоящее время», как и о том, что Беллинсгаузен «составил замечательное описание физико-географических условий южной полярной области, имеющее значение и до сих пор», писал в 1917 году, в своей «Океанографии» Ю.М. Шокальский [Шокальский 1917: 34].

Однако гораздо больший интерес представляет использованный М.С. Боднарским оборот «честь открытия». Как было показано выше, трижды в своих работах такой оборот использовал Л.С. Берг [Тихий 1926: 22; Берг 1929: 47; Берг 1946(а): 109]. Теперь, этот же, становившийся уже устойчивым оборот использовал М.С. Боднарский. Другой советский географ – А.И. Андреев, как уже тоже было отмечено,

описывая заслуги экспедиции использовал словосочетание «по справедливости» [Андреев 1947: 76].

Как представляется [Овлащенко 2009(б): 35–36], первоисточником таких высказываний – применительно к Антарктике – может являться только автор книги «Шестой континент...», один из участников экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, офицер со шлюпа «Мирный» мичман П.М. Новосильский. Именно он, подводя итог своего исследования, писал в 1854 году: «После всех этих путешествий, существование огромного *южного материка* (курсив в оригинале. – А.О.) не подлежит более сомнению. Честь первого открытия его, по справедливости, должна принадлежать Русскому мореплавателю Беллинсгаузену...» [Шестой 1854: 55].

Автором ранее уже было высказано предположение: возможно первым, кто процитировал эту фразу П.М. Новосильского, стал анонимный рецензент его работы [Овлащенко 2009(б): 35–36].

В апрельской книжке «Морского сборника» за 1855 год, в разделе «Библиография» был проведен обзор русской морской литературы, изданной в 1854 году.

Автор обзора – Н. М-н, разбирая работу «Шестой Континент или краткое обозрение плаваний к югу, от Кука до Росса. С двумя картами, 3-е издание», писал: «Эта брошюра составляет необходимое дополнение к другой книжке того же автора (Новосильского): Южный полюс. ...Показаны в последовательном порядке все открытия, сделанные в последнее время и заставляющие предполагать, что все... разорванные острова составляют один материк. Эту-то мысль и старается доказать автор в своей брошюре. ...Для большей же очевидности, автор изобразил на карте все открытия у южного полюса, сделанные, через двадцать лет после русских мореходцев, Дюмон-Дюрвилем и Россом. ...«После всех этих путешествий», говорит автор в заключении своей брошюры, «существование огромного *южного материка* (курсив в тексте. – А.О.) не подлежит более сомнению. Честь первого открытия (первооткрытия! – А.О.) его, по справедливости, должна принадлежать русскому мореплавателю Беллинсгаузену» [Н. М-н 1855: 8–9].

Ни, в упомянутых работах Л.С. Берга, ни в статье А.И. Андреева, ни наконец, в рассматриваемом пособии М.С. Боднарского в списке

источников книга П.М. Новосильского «Шестой континент...» не указана.

Однако использование ими устойчивого оборота «честь открытия», словосочетания «по справедливости», дают веские основания предполагать, что им была известна эта работа участника Первой русской антарктической экспедиции (либо, по крайней мере, опубликованная в «Морском сборнике» и упомянутая только что, рецензия).

Интерес представляет собой, также тот факт, что в списке литературы, приведенном в работе М.С. Боднарского, в разделе «История русской географии» указана другая книга мичмана П.М. Новосильского «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера» (СПб., 1853). Причем в скобках после указания источника значится: «автор – один из участников экспедиции Беллинсгаузена» [Боднарский 1947: 252].

Таким образом, это можно считать уже вторым достоверным эпизодом использования книги «Южный полюс...» в качестве источника (в 1946 году, как было отмечено выше, эта работа П.М. Новосильского была указана среди источников в статье П.Ф. Морозова и К.И. Никульченкова [Морозов, Никульченков 1946: 84]) еще до ее «официального» введения («возвращения») в научный оборот советским географом Б.Г. Островским. Произошло это, якобы «летом 1948 года» и об этом эпизоде в советской историографии экспедиции тоже уже было рассказано.

Несомненным событием в рамках анализируемого в настоящей монографии этапа советской историографии, стало опубликование в 1947 году в одном из выпусков «Известия ВГО», рецензии Е.Е. Шведе на новый английский перевод книги Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831).

В частности, Е.Е. Шведе писал: «Громадный интерес, проявляемый крупными капиталистическими государствами к освоению арктических и антарктических морей, лишний раз подтверждается тем фактом, что в тяжелый для издательской деятельности период Второй мировой войны в Англии издается перевод знаменитого труда русского мореплавателя Ф.Ф. Беллинсгаузена, спустя свыше ста лет после его выхода в свет на русском языке...» [Шведе 1947: 357].

На протяжении всей своей рецензии Е.Е. Шведе «счастливо» избежал постановки самого главного вопроса: отчего этот «знаменитый труд» ни разу не переиздавался на языке оригинала у себя на родине? Но, пожалуй, еще более странным выглядело то, что Е.Е. Шведе, даже и не попытался (пусть и в виде общих, неких «благих пожеланий») завести речь о переиздании в Советском Союзе книги Ф.Ф. Беллинсгаузена. К примеру, как, еще в 1928 году, это сделал Ю.М. Шокальский.

Ответов здесь может быть несколько: Е.Е. Шведе было известно о планах по скорому переизданию в СССР этой книги, поэтому он не мог брать на себя подобные «инициативы», хотя бы даже и «озвучивать» их от своего лица (хотя, почему бы тогда, как это было принято в Советском Союзе, не озвучить их от лица «широкой», или «географической общественности»); либо такие вопросы были полностью не в его компетенции, и он даже не брался их поднимать. Однако, в любом случае, с точки зрения перспективных и все более институционализирующихся советских интересов в Антарктике, гораздо логичнее выглядело, все-таки, скорейшее переиздание книги Ф.Ф. Беллинсгаузена.

«Далее, – писал Е.Е. Шведе, – в своем «Введении» редактор дает блестящую оценку морским и организационным способностям Беллинсгаузена, его смелости и настойчивости, его заботам о состоянии здоровья личного состава экспедиции. Для характеристики значения экспедиции в целом он приводит слова выдающегося авторитета в области антарктических открытий, доктора Хью Роберта Милля, который считал русскую экспедицию достойной быть поставленной в один ряд с экспедицией Кука» [Шведе 1947: 357].

Несмотря на эту, очевидно, действительно «наивысшую» английскую похвалу, в очередной раз повторим – экспедиция Дж. Кука Антарктиду не открывала, поэтому ставить экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева в «один ряд» с первой, попросту некорректно.

Приведя еще ряд «похвал», но теперь, исшедших уже непосредственно от самого Ф. Дебенхэма (возможно, что в данном случае полезно было бы провести небольшой филологический анализ, охватывающий категории «похвала», «лесть» и «комплимент» в английском языке), отметив ряд второстепенных ошибок английского переводчика и редактора, сам Е.Е. Шведе писал дальше: «Воздавая

должное достижениям экспедиции, автор в то же время сетует, что Беллинсгаузен, как и Кук, не открыл материка Антарктиды, хотя, несомненно, его видел. 16 и 21 января 1820 г. Беллинсгаузен был почти вплотную к материку в той его части, которая была открыта 1929–1930 гг. норвежской экспедицией и названа ею «Земля принцессы Марты». Дибенхэм, сам принимавший участие в антарктических экспедициях, считает, что описание льдов в этом районе, данное Беллинсгаузенем, фактически соответствует виду самого материка; он рекомендует просмотреть журналы и записи Лазарева и Завадовского, считая, что у них должно было зародиться сомнение в правильности оценки (? – А.О.) Беллинсгаузена» [Шведе 1947: 358].

«Несколько часов ясной погоды в этот (надо полагать, что речь шла о 16(28) января 1820 г. – А.О.) день, – воспроизводит Е.Е. Шведе слова Ф. Дебенхэма, – и открытие было бы сделано на 110 лет ранее» [Шведе 1947: 358].

Некое, якобы «открытие», согласно Ф. Дебенхэму (да и согласно пассивно соглашавшемуся с последним, Е.Е. Шведе тоже) «состоялось» в 1929–1930 годах.

Под свои выводы Ф. Дебенхэм подводил и соответствующую «теоретическую базу». В пересказе Е.Е. Шведе она выглядит следующим образом: «Редактор приводит и объяснение этому явлению для эпохи парусного флота. Дело в том, что парусный корабль только и мог приблизиться к материку при ветрах северных румбов, которым соответствуют туманы, плохие условия видимости и снег; при южных ветрах, наоборот, у берегов Антарктиды бывает ясная погода, но в этом случае береговой припай льда отходит от берега и тем самым мешает парусному кораблю приблизиться к последнему. 5 и 6 февраля 1820 г. опять экспедиция была очень близко от континента» [Шведе 1947: 358].

Е.Е. Шведе продолжал: «По мнению редактора, не подлежит никакому сомнению, что Беллинсгаузен фактически видел материк, покрытый льдом; составленное им описание этих «мнимых» льдов полностью соответствует внешнему виду антарктического материка, каким мы его знаем теперь: «нельзя дать лучшего описания буквально сотням миль протяжения антарктического континента, чем дал он», – пишет Дибенхэм» [Шведе 1947: 358].

Е.Е. Шведе обращал внимание на следующее: «В своем предисловии редактор объясняет, что труд капитана Беллинсгаузена был впервые переведен на английский язык еще в 1914–1918 гг. (то ли к приближающемуся столетию отправления экспедиции Беллинсгаузана – Лазарева, то ли в самый тяжелый период существования Российского государства?... – *А.О.*) по настоянию Брюса, начальника антарктической экспедиции 1902–1904 гг. на «Скотии», но перевод оказался неудовлетворительным (? – *А.О.*). настоящий перевод был закончен в 1924 г., однако издать его удалось только теперь (очевидно, за время войны и после нее интерес к Антарктике возрос). Переводу предпослано обширное «Введение» в котором редактор объясняет причины, побудившие русское правительство приступить к посылке русских кораблей в кругосветное плавание» [Шведе 1947: 357].

Изданной в 1945 году в Великобритании книгой (и вновь подготовка к изданию ее осуществлялась в Англии в самые тяжелые для Советского Союза годы... – *А.О.*), как и текстом рецензии на нее, подготовленным Е.Е. Шведе, несомненно пользовались для своих работ отдельные советские географы и историки. Дебенхэмовская версия о «нескольких часах ясной погоды» попала в советскую историографию, стала весьма «живучей».

Несмотря на начатый вскоре после окончания войны, Советским Союзом китобойный промысел в Антарктике, как бытописатели китобоев, участники промысловых плаваний (например, это несколько публикаций Е. Шистера в *1947 году* ([Шистер 1947(а): 29–39; Шистер 1947(б): 11–17]), так и несколько позднее, в *1948 году*, сами китобои (например, статья В.И. Воронина [Воронин 1948: 213–222]) прямо не упоминали в своих материалах о приоритете открытия континента Первой русской антарктической экспедицией. Тем интереснее работа, автор которой, все-таки был связан с научным анализом проблем китобойного промысла.

В самом конце *1947 года* орган Министерства рыбной промышленности западных районов СССР, журнал «Рыбное хозяйство» опубликовал заключительную часть статьи советского специалиста Б.А. Зенковича о китобойном промысле СССР и перспективах его развития в Антарктике [Зенкович 1947: 15–21].

По предложению норвежских биологов И. Хьерта, И. Ли и И. Рууда, писал в своей статье Б.А. Зенкович, Южный Ледовитый океан разделен на четыре промысловых сектора: Уэдделла (II), Буве (III), Кергелен (IV) и Росса (V). Сектор I названия не имел, фактически являясь тихоокеанским районом от 170° до 60° з. д. Этот район не посещался китобоями, так как он был объявлен запретным для промысла до 1941 года.

В связи с этим Б.А. Зенкович обращал внимание на следующее: «Этот район впервые открыт и описан русскими мореплавателями Фаддеем Беллинсгаузеном и Михаилом Лазаревым, руководителями русской ученой экспедиции в южнополярные моря. Русская экспедиция впервые проникла так далеко на юг, опровергнув заявления знаменитого капитана Кука, что дальше него никто не сможет проникнуть на юг. За два года русская экспедиция сделала чрезвычайно много для исследования южнополярных стран, и книга Беллинсгаузена... является классическим трудом, имеющим большое значение и в настоящее время».

«Принимая во внимание, – подводил итог своим рассуждениям Б.А. Зенкович, – что каждый сектор назван страной, которая его «осваивала», вполне закономерно и правильно назвать тихоокеанский сектор (I) «Русским сектором». На это мы имеем историческое право первооткрывателей» [Зенкович 1947: 17–18].

Правда, чисто промысловые, пусть пока, только лишь еще потенциальные интересы, вступали в очевидное противоречие с объективными, но, уже имеющимися физико-географическими характеристиками «Русского сектора». Автор статьи признавал, что «попытка китобоев вести охоту в этом районе окончилась неудачей, а поэтому предложение объявить его запретным для охоты не встретило возражений» [Зенкович 1947: 18]. В объяснение этого Б.А. Зенкович приводил информацию о том, что хотя в районе моря Беллинсгаузена и встречались большие стада китов, но «охота на них была затруднена льдом и особенно суровой погодой».

Таким образом, не конкретизируя, что именно открыла и описала экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева (сам континент, его конкретные участки, остров Петра I, Землю Александра I с окружающими их водами) Б.А. Зенкович, тем не менее, возможно впервые в советской (в

русской дореволюционной? – *А.О.*) исследовательской практике построил свою аргументацию, основываясь на «историческом праве первооткрывателей».

С этой точки зрения, опубликованная в ведомственном журнале «Рыбное хозяйство», статья Б.А. Зенковича занимает в историографии Первой русской антарктической экспедиции, как и в самой постановке вопроса правопреемства СССР в отношении исторических и политико-правовых итогов этой экспедиции, совершенно особое, и пожалуй, даже исключительное место.

Следует очевидно отметить, что эта статья Б.А. Зенковича, а значит и приведенные в ней, его выводы, были хорошо известны академику Л.С. Бергу, цитировавшему эту статью в своих «Очерках по истории русских географических открытий» (1949) [Берг 1949(б): 189]. Небезынтересно, что академик со ссылкой на статью приводил цифры добычи китов в Антарктике в сезон 1937/1938 г., причем номера страниц при цитировании приводил, как раз те [Берг 1949(б): 189, сноска 2], где у Б.А. Зенковича, помимо этих статистических данных, говорилось об «историческом праве первооткрывателей» [Зенкович 1947: 18].

В другой своей публикации, теперь уже весной *1948 года*, при анализе советского китобойного промысла в Антарктике (сезон 1946–1947 гг.) Б.А. Зенкович обращал внимание на следующее: «Флотилия почему-то вела промысел в западном секторе («английский сектор»), спускаясь на юг по направлению к морю Ведделя и минуя наиболее выгодные и при том попутные центральный и восточный секторы («норвежский сектор»); такой поход на запад вызывает недоумение.

12 апреля флотилия пошла на север, придерживаясь западной части Атлантического океана, вдоль южноамериканского континента, где киты не попадают. Это плавание было тем более бесцельно, что севернее 40° ю. ш. охота на усатых китов вообще запрещена, а кашалоты в местах прохода флотилии встречаются очень редко» [Зенкович 1948: 34].

В отличие от победных праздничных реляций, статей в научно-популярных журналах (в частности, уже отмеченных материалов Е. Шистера ([Шистер 1947(а): 29–39; Шистер 1947(б): 11–17]) в профильном, специализированном журнале Б.А. Зенкович критиковал

деятельность советской китобойной флотилии «Слава» в промысловый сезон 1946–1947 годов.

В частности, он писал: «Было важно с самого начала нашего промысла (как это сделано на Дальнем Востоке) организовать тщательные наблюдения за китами и учет всех промысляемых животных.

...По организационным причинам китобойная флотилия «Слава» начала сезон 1946/47 г. с опозданием. ...В феврале было встречено не менее 60 синих китов, 5 кашалотов и сотни финвалов. Киты, особенно финвалы, встречались группами от двух-трех до десятков голов. Всего подсчитано 545 китов» [Зенкович 1948: 33].

В подстрочной сноске Б.А. Зенкович сообщал: «Это количество неточно, так как некоторые наблюдатели, вместо тщательного подсчета китов записывали: «Встречено очень много китов» или «Встречены десятки китов» [Зенкович 1948: 33, сноска 1].

«В марте, – продолжал Б.А. Зенкович, – было встречено значительно более 500 китов, но, как и в феврале, наблюдатели часто ограничивались записью: «Встречено очень много китов». С середины марта заметно увеличилось количество синих китов. ...К сожалению, среди наблюдателей не было наших дальневосточных китобоев, имеющих большой опыт и хорошо различающих виды китов. За весь март при таком обилии китов восемь китобойцев добыли только 182 кита» [Зенкович 1948: 34].

Давая вышеприведенные цифровые выкладки, одновременно Б.А. Зенкович указывал на причины (широко не оглашаемые в Советском Союзе), которые, по его мнению, привели к таким результатам.

Он писал: «Промысел продолжался с 28 января по 9 апреля. За 72 дня промысла было добыто и обработано 384 кита... В среднем 8 китобойцев добывали по 5 китов в день, или по 0,6 кита в день один китобоец. Наибольшая дневная добыча составила 9 китов, при большой концентрации животных. В гораздо менее обильных районах на Дальнем Востоке наши три дальневосточных китобойца добывали иногда до 20 китов в день, а средняя добыча за 15 лет промысла составила 3 кита в день, или по одному киту на китобоец. Запасы китов на Дальнем Востоке и в Антарктике несравнимы, но на Дальнем Востоке работают привычные к суровым условиям промысла русские гарпунеры, более

выносливые и упорные, чем норвежские китобои, работавшие на флотилии «Слава» [Зенкович 1948: 33].

С тезисом этого советского специалиста о «меньшей выносливости» норвежцев, вряд ли можно было безоговорочно согласиться. В отличие, от справедливо упомянутой им «упорности», и которая, очевидно, прямо коррелировала с материальной заинтересованностью норвежских гарпунеров, входящих в состав экипажей советской китобойной флотилии «Слава».

Давая свою итоговую оценку результатов промысла Б.А. Зенкович писал: «...Наша флотилия добыла 5 814 т жира. Почти во всех иностранных сводках о промысле в Антарктике указывается, что команды разделочников с большим трудом справлялись с тем количеством китов, которое добывали китобои. У нас же команды разделочников часто имели вынужденный отдых вследствие того, что добычи у китобойцев не было. Почти все время стояла тихая погода, идеальная для промысла, что далеко не всегда бывает в суровых водах Антарктики. Поэтому объяснить результаты охоты тяжелыми условиями погоды нельзя: тяжелые погоды наступили лишь во второй пятидневке апреля.

Хорошая погода удерживалась в течение по крайней мере 70 дней, но добыча у всех гарпунеров составила значительно меньше одного кита в день (0,6 кита). В некоторые дни китов встречали «очень много», но добывали не больше 9 китов в день. По-видимому, законтрактованные нашей флотилией гарпунеры не имели еще достаточного опыта. Целесообразно готовить своих гарпунеров. Высококвалифицированные инструкторы для этого у нас имеются» [Зенкович 1948: 36].

В последующие годы работа китобойных флотилий стала частым атрибутом в советской внутригосударственной политической пропаганде и агитации. Так, в опубликованных в февральском за 1949 год номере журнала «Смена», дружеских шаржах художника Е. Ведерникова, не забыты были и китобои. В верхней части рисунка на стилизованном, улыбающемся «ките» с крыльями и авиационными двигателями, сидел «гарпунер-китобой». Надпись на «ките» гласила: «Сверх плана от китобоев «Славы» [В Москву... 1949: 3-я страница обложки].

Интересно, что пожелания Б.А. Зенковича, а фактически, назревший уже со стороны государства социальный заказ, был озвучен в рассказе О. Егорова «Китобои, говорит «Пассат»!». Этот рассказ был опубликован в 1949 году, в мартовском номере журнала «Вокруг света». Фабулой, сюжетной основой этого художественного произведения стала передача опыта дальневосточными китобоями (действие происходило недалеко от острова Итуруп) своим антарктическим преемникам.

Вот совсем небольшой фрагмент из этого рассказа.

«Прошло уже четырнадцать минут, но киты (после занывания на глубину. – А.О.) все еще не появлялись.

– В Антарктике вам, Кузнецов, – заговорил Зарва, – нужно будет уметь находить китовые пастбища. Конечно, брать пробу планктона из океана вам не придется, но развивать свою наблюдательность вы обязаны. Тогда вы не станете терять время на поиски китов, понапрасну бить механизмы и жечь топливо. Все китобои записывают в журнал координаты каждого убитого кита и ставят на карту точку в соответствующем месте...» [Егоров 1949: 11].

О некоторых подвижках в официальной советской географической науке, может свидетельствовать выпуск в 1948 году альбома (издание было подписано к печати 19 июля 1947 года) «Русские географы и путешественники». Редакторами альбома выступили ведущие советские географы – академики Л.С. Берг, А.А. Григорьев (1883–1968; с 1931 по 1951 г. работал первым директором Института географии АН СССР), член-корреспондент Академии Наук СССР Н.Н. Баранский (1881–1963).

Альбом был издан совместно Академией Наук СССР, Институтом географии и Географическим обществом Союза ССР. В составлении альбома приняли участие: Н.Н. Баранский, Р.Л. Золотницкая, Софья Коган, Э.М. Мурзаев, Г.Д. Рихтер, А.И. Соловьев, А.А. Ульянов и З.Ю. Шокальская.

В редакционном предисловии к этому альбому говорилось: «Первые достоверные сведения о Сибири, дальнем Востоке, Аляске, ледяных просторах Арктики и Антарктики..., принесли отважные русские путешественники. Множество новых островов и земель во всех частях света и Мирового океана открыты и впервые описаны и положены на карту русскими мореплавателями. Имена многих замечательных исследователей увековечены в географических названиях

и пользуются заслуженной известностью во всем мире, однако некоторые не менее замечательные географы и исследователи незаслуженно забыты, а честь их открытий впоследствии стала оспариваться или присваиваться более поздними исследователями. ... История русских путешествий и открытий еще не написана. ... Пришлось употребить немало усилий для того, чтобы положить на карту маршруты многих путешественников, исследования которых уже начали забываться... (! – *А.О.*)» [Русские 1948: без номера].

В частности, о Ф.Ф. Беллинсгаузене в альбоме (альбом состоял из отдельных листов) было сказано следующее: «...Знаменитый мореплаватель. ...С 1819 по 1821 г. командовал экспедицией в высокие широты южного полушария на судах «Восток» и «Мирный» с целью отыскания неизвестных земель возможно ближе к южному полюсу. Экспедиция за 751 сутки прошла по океанам около 88 000 километров, открыла 29 неизвестных островов и седьмую часть света – Антарктиду. Открытие неизвестного материка было величайшим событием в географической науке. Описано оно в книге Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов»...» [Русские 1948: лист 13].

На сопровождающей текст карте маршрута экспедиции были отчетливо выделены январский (! – *А.О.*) и февральские 1820 года подходы вплотную к берегу континента.

С другой стороны, в тексте о М.П. Лазареве можно было прочесть: «Адмирал русского флота. Известный мореплаватель и один из крупнейших деятелей русского военного флота. ...Был спутником Беллинсгаузена во время его плавания вокруг Антарктиды, командуя шлюпом «Мирный». Лазареву вместе с Беллинсгаузенем принадлежит честь открытия материка Антарктиды (17 января 1821 г.) (конкретно указана дата, но это – 1821 год. – *А.О.*)» [Русские 1948: лист 14].

В январском номере журнала «Вокруг света» за 1948 год была опубликована заметка В. Якубовича, посвященная русской антарктической экспедиции. Вслед за Н. Введенским [Введенский 1940: 13], В. Якубович писал, что русские моряки «...совершили первое глубокое проникновение в Антарктику» [Якубович 1948: 59].

«Честь открытия антарктических земель, – указывал далее советский автор, – принадлежит русской экспедиции, отправившейся в

южные моря в 1819 году под начальством Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и Михаила Петровича Лазарева» [Якубович 1948: 59].

В данном случае, уже довольно сложно определить из какого источника был заимствован В. Якубовичем устойчивый оборот «честь открытия»: непосредственно из книги П.М. Новосильского, либо из одной работ, вышедших из под пера Л.С. Берга, или же, наконец, из опубликованной незадолго до выхода статьи В. Якубовича, книги М.С. Боднарского. В самой статье В. Якубович цитирует Ф.Ф. Беллинсгаузена, но взяты ли эти цитаты из первоисточника – работы 1831 года – или же заимствованы из материалов советского времени, определить сложно.

События первого антарктического этапа экспедиции в интерпретации В. Якубовича выглядели следующим образом: «Больше двух месяцев продолжалась борьба со льдами. Приходилось лавировать, делая огромные обходы плавающих ледяных полей. Шлюпы стремились идти вдоль сплошных льдов, льды теснились, грозили гибелью. Несколько раз Беллинсгаузену удавалось спускаться за Полярный круг, три раза он заходил за 69° южной широты, но всюду путь преграждала сплошная масса пловучего (! – *А.О.*) льда» [Якубович 1948: 60].

По сути, подобная интерпретационная модель, построенная на «сплошной массе пловучего льда», лишь внешне отличалась от утверждения Н. Введенского о том, что, «всем стало ясно, что в высоких широтах Атлантического океана на всем пройденном шлюпами пространстве к востоку от Сандвичевых островов никаких признаков Южного материка нет» [Введенский 1940: 47], или, все того же М. Райхенберга, с его, «уже было пройдено около трех четвертей земной окружности в высоких южных широтах, причем кораблям несколько раз удавалось проникнуть за Полярный круг, а море кругом оставалось по-прежнему пустынным» [Райхенберг 1941: 66].

Кроме традиционных, для подходов историков и географов тех лет, указаний на то, что «русские моряки впервые увидели берега Антарктиды в 1821 г.» (исходя из текста, под последними В. Якубович понимал Землю Александра I; «как оказалось впоследствии, это был берег Антарктиды», писал он), в этой статье присутствовала очевидная и очень важная для последующей советской историографии новелла.

В очередной для советских авторов, который уже раз цитируя отзывы Ю.М. Шокальского о русских южнополярных путешественниках, В. Якубович, перечисляя их «главные заслуги» указал (теперь уже добавляя от себя), что участники экспедиции Беллинсгаузена, «как это установлено сейчас, достигли первыми берегов (! – А.О.) Антарктиды» [Якубович 1948: 60].

В 1948 году Московским Государственным Университетом им. М.В. Ломоносова была издана еще одна работа Г.С. Тихомирова: «Русская литература по истории географии». В предисловии, ответственный редактор книги А.И. Соловьев писал: «...В условиях дореволюционной России имели место и такие случаи, когда знаменитое «Хождение за три моря», да и самый факт этого выдающегося путешествия в Индию тверитянина Аф. Никитина, или открытие Берингова пролива Семеном Дежневым приходилось «открывать» спустя столетия в воеводских или «приказных» архивах» [Тихомиров 1948: 4].

Во многом это можно отнести к ситуации, сложившейся как в дореволюционной, так и, в Советской России в отношении открытия Антарктиды русской кругосветной экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева.

«Открытие Антарктиды Беллинсгаузенем и Лазаревым, – писал А.И. Соловьев далее, – кругосветные плаванья Крузентштерна и Лисянского, Головнина, Невельского, Литке, Макарова и многих других мореходов, ...создали обильную литературу о славных подвигах русских моряков на море; ...Академия Наук, Географическое общество, Общество испытателей природы, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Университеты и другие научные учреждения и организации, государственные органы..., множество издательств и частных книгоиздателей выпустили в свет несчетные тысячи оригинальных русских научных, научно-популярных и учебных географических книг» [Тихомиров 1948: 4–5].

Относительно результатов первой, из упомянутых в этом перечне, экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева такие утверждения безусловно не соответствовали действительности. Гораздо объективнее в данном, конкретном случае, выглядит точка зрения Б.Г. Островского. Советский географ писал в 1949 году: «В то время как менее значительные

путешественники пользуются у нас широкой известностью и о них существует обширная, хорошо разработанная литература, путешествие русских в Антарктику известно по большей части немногим. Об этом свидетельствует прежде всего весьма скудная, и, по большей части, мало ценная библиография» [Островский 1949(а): 239].

Негативные последствия такого положения вполне понятны каждому историку или географу. Как писал Г.С. Тихомиров во «вступительном замечании» к своей работе 1948 года: «Историк географической науки прежде всего должен обратиться к тому, что изложено в книгах, статьях и заметках по предмету его исследования. Это безусловно первое и необходимое условие на пути серьезного занятия наукой» [Тихомиров 1948: 9].

В более широком контексте, еще и через тридцать лет – в 1978 году, признавалось: первая половина XIX века – это период, который слабо изучен в истории отечественной географии [Есаков 1978: 4].

В своем предисловии к книге Г.С. Тихомирова, А.И. Андреев писал: «Исследования и географические открытия русских путешественников в Сибири, в Малой, Средней, Центральной и Юго-Восточной Азии, в суровой Арктике, в знойной Африке, на Огненной Земле, на островах Малайского архипелага, в Северной Америке и т. д. дали в результате классические оригинальные труды. Многие из них составили эпоху в познании материков и в теории развития географической науки. Многие из подвигов русских путешественников стали легендарными. Многие вызвали обширную литературу биографического характера и типа комментариев к основным трудам. Многие повлекли за собой географическую научно-популярную и учебную литературу» [Тихомиров 1948: 5].

Однако, как хорошо известно, ни «обширную литературу биографического характера», ни остальное, «типа комментариев», прочее из перечисленного А.И. Андреевым, труды участников Первой русской антарктической экспедиции в советское время не вызвали.

Аналогично и при указании географических маршрутов, результаты исследования которых, «дали в результате классические оригинальные труды», Антарктида не упоминается (очевидно, войдя в категорию «и т. д.»). Хотя экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева дала такие труды. В первую очередь – это книга самого руководителя

экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена, а также работы астронома И.М. Симонова и мичмана со шлюпа «Мирный» П.М. Новосильского.

Дело в том, что на момент написания работы Г.С. Тихомирова и, следовательно, подготовки А.И. Андреевым предисловия к ней, книга Ф.Ф. Беллинсгаузена была издана в России лишь однажды – в 1831 году, в количестве 600 экземпляров. Как писал об этой книге еще в 1853 году П.М. Новосильский, «...книга в настоящее время довольно уже редкая, так что многие из наших важнейших библиотек ее не имеют» [Южный 1853: б.с.].

Второй раз книга Ф.Ф. Беллинсгаузена была издана уже только лишь в 1949 году – без малого через 120 лет. Немаловажно поэтому, что проведя исторический обзор деятельности библиотеки Всесоюзного географического общества, А.Г. Грумм-Гржимайло в 1947 году отметил, что в библиотеке «первая половина XIX века представлена описаниями путешествий и кругосветных плаваний..., антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева (1819–1821)» [Грумм-Гржимайло 1947: 41].

Несмотря на то, что в 1948 году потенциальному читателю была доступна лишь книга Ф.Ф. Беллинсгаузена изданная в 1831 году (еще раз обратим внимание, по словам П.М. Новосильского, ставшая редкостью уже в середине XIX века), Н.С. Тихомиров счел целесообразным в своей работе сообщить о ней (как и в своей предыдущей книге [Тихомиров 1947: 62]).

Характеристики были такими же: «Замечательная книга содержит последовательное и подробное описание знаменитого плавания автора в южные моря, увенчанное открытием неизвестного материка Земли – Антарктиды. ...Книга написана живо и читается с неослабевающим интересом» [Тихомиров 1948: 66].

Аннотируя книгу Н. Введенского [Введенский 1940] Г.С. Тихомиров дал, пожалуй, более смелые оценки итогам экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, чем сам автор этой книги. Г.С. Тихомиров писал: «Это выдающееся плавание разрешило одну из великих мировых географических проблем – проблему открытия южного полярного материка. ...Почти полстолетия никто после Кука не рискнул опровергнуть его неправильное утверждение. Лишь русские мореплаватели своим смелым походом в полярный юг опровергли это

утверждение и открыли южный полярный материк – Антарктиду» [Тихомиров 1948: 106].

Не менее интересно, что книга Г.С. Тихомирова вызвала злобные нападки двух советских специалистов-библиографов, якобы «решительно перестраивающих свою работу в свете тех требований, которые поставлены известными решениями партии по идеологическим вопросам перед всеми работниками науки, литературы и искусства» [Инглези, Фрадкина 1949: 94].

«Идет упорная борьба за партийность, – писали они в своей рецензии на книгу Г.С. Тихомирова, – за высокую идейность советской библиографии, за изживание всех пережитков формализма..., сказывающихся в некритическом отборе литературы, в аполитическом характере аннотаций. ...Перед составителем стояла актуальная и благородная (*sic!* – *A.O.*) задача: отобрать для советских читателей все лучшее из дореволюционной русской литературы по истории географии и убедительно показать достижения советской географической науки; показать образцы выдающихся русских ученых и путешественников и тем содействовать воспитанию в советских читателях чувства патриотизма и законной гордости за свою отечественную географическую науку» [Инглези, Фрадкина 1949: 94, 97].

Очевидно, на взгляд этих двух «патриотов» – Р.М. Инглези и З.Л. Фрадкиной – все ими перечисленное, и было «несоблюдено» в книге Г.С. Тихомирова.

Понятно, конечно, что им не могла не резать слух «аполитичная» аннотация Г.С. Тихомирова на книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена: «Замечательная книга содержит последовательное и подробное описание знаменитого плавания автора в южные моря, увенчанное открытием неизвестного материка Земли – Антарктиды. ...Книга написана живо и читается с неослабевающим интересом» [Тихомиров 1948: 66].

Таким образом, согласно этим двум, стоящим на «патриотических позициях» библиографам, книга Ф.Ф. Беллинсгаузена не отвечала «критериям», причем ими же обозначенными, не соответствовала ими же «поставленным» для Г.С. Тихомиров «задачами», а именно, «отобрать для советских читателей все лучшее из дореволюционной русской литературы по истории географии..., показать образцы

выдающихся русских ученых и путешественников и тем содействовать воспитанию в советских читателях чувства патриотизма и законной гордости за свою отечественную географическую науку».

При всем этом, эклектичном пустословии, на Р.М. Инглези и З.Л. Фраднину «неблагоприятное впечатление производит стиль аннотаций» работы; они критикуют Г.С. Тихомирова за то, что работая с фамилиями авторов, он использует метод «нанизывания их в скучную алфавитную цепь» [Инглези, Фрадкина 1949: 97].

Но, пожалуй, больше всего их взволновало следующее: «Неясно также, почему о книге Л.С. Багрова «Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря» (Спб., 1912) составитель считает нужным сказать в аннотации, что она «хорошо написанная, прекрасно изданная»... и т. д., а фундаментальный труд крупнейшего советского географа Л.С. Берга «Очерки по истории русских географических открытий» (М.-Л., 1946) лишен какой-либо характеристики, кроме скромного замечания самого Берга, назвавшего свою работу «кратким очерком» [Инглези, Фрадкина 1949: 96].

Несколько выше уже было отмечено, что в 1946 году Академией наук СССР были изданы очерки Л.С. Берга по истории русских географических открытий. В части, касающейся экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, в этой книге [Берг 1946(а): 106–107, 109–110] ничего нового не присутствует, а просто идет дословный повтор текста из работы Л.С. Берга 1926 года [Тихий океан 1926: 19–20, 22–23].

Можно было подумать, что советская географическая и историческая науки за истекшие пятнадцать лет не внесли ничего нового в историографию экспедиции.

Конечно положительный отзыв о книге специалиста в области истории картографии, эмигранта Л.С. Багрова не мог не насторожить этих библиографов, да еще, и в сравнении с «фундаментальным трудом крупнейшего советского географа». Но отчего бы им не предположить, что Г.С. Тихомиров произвел «научную ранжировку» объективно, справедливо, да и в конце концов, исходя из своих личных взглядов на действительные заслуги перед наукой этих двух людей.

После окончания Великой Отечественной войны Географизмом были, в частности, изданы книги Ю.Ф. Лисянского, Г.И. Невельского,

Н.М. Пржевальского, Н.А. Северцова, П.К. Козлова и некоторых других путешественников.

В опубликованном в 1948 году в газете «Правда» библиографическом обзоре, среди прочего, указывалось: «Книги русских путешественников представляют огромный интерес для советских читателей, особенно для нашей молодежи.

Следуя за авторами в их описаниях экспедиций, исследований и открытий, читатель невольно проникается духом романтики путешествий. Но вместе с тем он видит, сколько труда, отваги, мужества положили наши путешественники, стараясь для блага науки, для пользы и славы своей отчизны.

Радостно сознавать, что эти замечательные представители русского народа, бороздя моря и океаны, побывавшие в самых глухих и отдаленных местах земли, шли туда не для разбоя и наживы, а ради науки...» [Колосков 1948].

Многое из этого описания подходило в первую очередь для труда Ф.Ф. Беллинсгаузена, работ других участников Первой русской антарктической экспедиции.

В 1948 году, тем не менее, была продолжена «кукизация» сознания советского читателя. Государственное Издательство географической литературы (ОГИЗ) выпустило в свет книгу Дж. Кука «Путешествие к Южному полюсу и вокруг света». Тираж книги составил 20 000 экземпляров. Для сравнения: книга Ф.Ф. Беллинсгаузена, не переиздававшаяся в России/Советском Союзе почти 130 лет, в 1949 г. была переиздана ОГИЗ таким же тиражом в 20 000 экземпляров!

Анализ специальных, литературных (в том числе мемуарных) источников за последующие десятилетия не позволяет сказать, что труд Ф.Ф. Беллинсгаузена стал «настойной книгой» не то, что у участников советских южнополярных экспедиций (в том числе у профессиональных литераторов), но, в целом ряде случаев, даже у их руководителей. В отличие, скажем, от ставшими действительно настольными и, широко ими цитировавшимися работами зарубежных полярников, участников южнополярных экспедиций своих стран.

Очередное «отсроченное» переиздание [Беллинсгаузен 1960] этого труда (причем тиражом в 4000 экземпляров!), понятно, мало что изменило в этом отношении. Отсутствие «переложения» труда Ф.Ф.

Беллинсгаузена на «детско-юношеский» язык, как и полное отсутствие популяризации этого труда, сразу же «отсекало» молодое поколение, в подавляющей массе своей, от этой книги.

Книга Дж. Кука была переведена с английского и снабжена комментариями Я.М. Светом (1911–1987). Согласно информации С. Федоровой: «Яков Михайлович Свет родился в Санкт-Петербурге в 1911 году. Его отец Михаил Яковлевич Свет был адвокатом. Жили они неподалеку от Литейного проспекта. По соседству располагалась знаменитая типография А.С. Суворина, основавшего в 1872 году в Санкт-Петербурге книжный магазин и издательство. Можно полагать, что на полках отцовской библиотеки Яша Свет находил и суворинские книги для народного чтения.

...Романтик, крупнейший (?! – А.О.) ученый-исследователь, он был замечательным писателем, и эти редкие качества выявили его книги, которые с упоением читает молодежь...».

Книга Дж. Кука в переводе Я.М. Света, вышла под научной редакцией и со вступительной статьей И.П. Магидовича. Историк географии, экономикогеограф и демограф, И.П. Магидович окончил юридический факультет Петербургского университета в 1935 году. Тогда же, как это было принято в те годы, без защиты диссертации ему была присуждена степень кандидата технических (?) наук. Известно, что И.П. Магидович в 1912–1914 гг. работал в Петербурге присяжным поверенным [Краснопольский 1993(6): 46–47]. В свою очередь, можно полагать, что он был знаком по «юридической линии» с отцом Я.М. Света.

Что же побудило этот научно-творческий «тандем» (со стороны редакции ОГИЗ их «надежно прикрывал» редактор Я.А. Марголин) взяться за, столь популярные в 20-е – 30-е годы в Советском Союзе, труды Дж. Кука? Во всяком случае, название вводной статьи И.П. Магидовича – «Джемс Кук, его действительные и мнимые открытия» – выглядело уже достаточно симптоматичным и означало некоторые, определенные подвиги в советской официальной историографии.

В частности, И.П. Магидович писал: «Имя известного английского мореплавателя Джемса Кука тесно связано с открытиями в Тихом океане. ...Английские правящие круги... сделали из Д. Кука национального героя. ...Англосаксонские авторы обычно преуменьшают

или совсем игнорируют роль мореплавателей других наций в тихоокеанских открытиях до Кука. ...Действуют здесь различные причины: с одной стороны – высокомерное националистическое, великодержавное презрение ко всему неанглийскому, а с другой – нередко и соображения чисто «коммерческого» порядка: не может рассчитывать на рекламу, а следовательно и на широкое распространение своей книги автор, уклоняющийся от стандартного (*sic!* – *A.O.*) преувеличения роли Кука в истории тихоокеанских открытий» [Магидович 1948: 3].

Упомянув коротко «истинные и мнимые заслуги» Дж. Кука, И.П. Магидович подчеркнул, что «теперь уже нужны некоторые усилия, чтобы восстановить историческую истину» [Магидович 1948: 4].

Еще большие усилия требовались от советской историографии, чтобы «восстановить историческую истину» в отношении результатов и главных итогов Первой русской антарктической экспедиции.

Между прочим, в своей вводной (на тридцати с лишним страницах!) статье И.П. Магидович ссылаясь на книгу «претендующего на объективность» профессора Оксфордского университета Дж. Бейкера «История географических открытий и исследований» (1937).

Комментируя научные цели (наблюдение прохождения Венеры по диску Солнца. – *A.O.*) одной из экспедиций Дж. Кука, И.П. Магидович писал: «Что научная цель была только ширмой для экспедиции, преследующей чисто политические цели, не отрицают и современные английские историки географических открытий. Так, упомянутый выше Бейкер в главе «*Terra Australis* и Тихий океан» своей книги «История географических открытий и исследований» в разделе, названном «Эпоха Кука», прямо говорит:

«Наблюдение за прохождением Венеры через диск солнца было мнимой главной целью путешествия..., только предлогом для путешествия, реальной целью которого было открытие Южного материка и *присоединение новых земель к Британской Империи* (курсив у И.П. Магидовича. – *A.O.*). Кук был снабжен полезной для этого дела информацией. Он получил копию французской книги де-Бросс «история плаваний к южным землям», которая содержала некоторые интересные наблюдения над Южным материком и *решительную аргументацию в пользу французской активности в той стране*» [Магидович 1948: 23]

(сразу же после этого, у И.П. Магидовича шла сноска следующего содержания: «Речь идет о материке Австралии. Цитирую по английскому изданию 1931 г. Курсив мой. – *И.М.*» [Магидович 1948: 23, сноска]).

Затем И.П. Магидович цитировал Дж. Кука (уже, очевидно, в переводе Я.М. Света): «Я обошел, – пишет Кук, – южный океан на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования здесь материка, который, если и может быть обнаружен, то лишь вблизи полюса, в местах, недоступных для плавания... Положен конец дальнейшим поискам Южного материка, который на протяжении двух столетий неизменно привлекал внимание некоторых морских держав...» [Магидович 1948: 33].

«Кук, – теперь уже от себя писал И.П. Магидович, – только в одном месте перешел за 70-ю параллель по направлению к южному полюсу. Если даже не считать этого пункта, то его заявление можно понять только так, что никакая часть Южного материка (Антарктиды) не может существовать севернее 70° ю. ш. и во всяком случае, севернее полярного круга. На самом же деле первый участок подлинной антарктической суши (Земля Александра I), открытый замечательной русской экспедицией Беллинсгаузена-Лазарева (1819–1821) против Огненной Земли, расположен севернее 70-й параллели.

Более поздние (! – *А.О.*) мореплаватели обнаружили обширную сплошную полосу антарктической суши между 70-й параллелью и южным полярным кругом от 40° до 160° в. д. Она протягивается на расстояние, равное в северном полушарии расстоянию между горлом Белого моря и Пенжинской губой Охотского моря у берегов Камчатки; правда, в некоторых участках она отходит несколько южнее полярного круга, но в других выступает севернее его (например, Земля Эндерби между 50° и 60° в. д.). На противоположной окраине Антарктиды далеко выступает к северу от полярного круга прочно спаянная вечным льдом с Южным материком островная Земля Грехема (между 55°–65° з. д.)» [Магидович 1948: 33].

И снова И.П. Магидович цитирует Дж. Кука: «Я не стану отрицать, – пишет дальше Кук, – что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден, что такая земля там есть и возможно, что мы видели часть ее... (здесь стоит особо

обратить внимание, что собственно на «понимание» и «запоминание» этого была направлена вся, предназначенная для советской молодежи, книга профессора-дарвиниста А.Д. Некрасова [Некрасов 1941]). Это земли обреченные Природой на вечную стужу, лишённые тепла солнечных лучей. У меня нет слов для описания их. Таковы земли, которые мы открыли (! – *А.О.*). Но каковы же должны быть страны, расположенные еще дальше к югу... Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия принесут немного пользы» [Магидович 1948: 33–34].

Оставляя на совести переводчика, взявшего на себя такую ответственность, Я.М. Света качество и достоверность его перевода (и И.П. Магидовича, избравшего именно эти «цитаты»), скажем только, что все «только что перечисленное», стало наиболее цитируемым «материалом» советских авторов, пишущих об Антарктиде, экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, «заслугах» Дж. Кука...

«Таким образом, – продолжал И.П. Магидович, – Кук признавал наличие антарктической суши, но отодвигал ее слишком далеко к полюсу и не видел никакого практического интереса в ее открытии (т. е. намеренно не хотел сам ее «открывать»? – *А.О.*). Что научные интересы были чужды ему, видно из его пренебрежительной фразы о славе будущих антарктических путешественников, если такие найдутся.

Сам Кук не верил в то, что какой-либо смертный может совершить в Антарктике больше, чем он совершил» [Магидович 1948: 33–34].

«Риск, – в очередной раз цитировал Дж. Кука советский научный редактор перевода книги английского мореплавателя, – связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках южного материка, – пишет он в шестой главе четвертой книги, – настолько велик, что *я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы...* (курсив в тексте И.П. Магидовича. – *А.О.*).

Но такие люди нашлись, а исследование южного материка началось менее, чем через полвека после того, как Кук писал эти горделивые слова, и начали его – русские» [Магидович 1948: 34].

Вышеприведенные абзацы стали для советских историков и географов, иных авторов, если не «классическими», то, во многом хрестоматийными. Они цитировали их, зачастую без указания авторства, «первоисточника» – И.П. Магидовича, так удачно, своими цитатами, якобы попавшего в требуемую «точку».

Заканчивал свою статью И.П. Магидович следующим «предуведомлением»: «Перевод записок капитана Кука выполнен по английскому изданию 1784 г. Я.М. Светом. Им же написаны комментарии и составлены вспомогательные таблицы. Глава «Общее введение» – предисловие Дж. Кука – переведена Т.Е. Фрумкиной» [Магидович 1948: 34].

Все это в очередной раз показывает кому, в государстве «рабочих и крестьян», дан был «карт-бланш» на освещение истории географических открытий, написание такой «истории».

По-своему интересна приведенная в переводной книге Дж. Кука карта «плавания в поисках Южного материка до экспедиций Д. Кука» (редактором карт в этой книге был А.А. Ульянов). В легенде, среди осуществивших такие плаванья, указаны: Педро Кирос и Луис Торрес (1605 г.); Авель Тасман (1642–1643; 1644 г.); Яков Роггевен (1721–1723 гг.); Самуэль Уоллис (1762–1768 гг.); Филипп Картерет (1762–1769 гг.); Джон Байрон (1764–1766 гг.); Луи Бугенвилль (1767–1769 гг.).

В апрельском, за 1948 год, номере научно-популярного журнала рабочей молодежи Министерства Трудовых Резервов «Знание – сила», был опубликован небольшой очерк А. Георгиева «Русские в Антарктике». Вполне вероятно, что данная публикация (и в этом, ее своя, своеобразная особенность) являла собой один из худших образцов советской историографии исследуемого вопроса. Небезынтересна практическая идентичность названия этого очерка с озвученным, менее чем через год, докладом академика Л.С. Берга: «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней».

Материал А. Георгиева подчеркнуто начинался с финальных положений книги Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831), где речь шла об обретении островов и одной коралловой мели, а не об открытии его экспедицией «ледяного материка».

О первом этапе, а затем и о втором этапах экспедиции А. Георгиев писал следующее: «...Беллинсгаузен предпринял первую попытку

пробиться к полюсу. Но на 69 градусе южной широты его шлюпы были остановлены сплошными льдами. И капитан решил повернуть на восток, надеясь в другом месте найти свободное море.

Все полярное лето – 131 день – провела экспедиция в ледяных морях, под мокрым снегом, в тумане. ...Корабли шли по неизведанным морям, пересекая маршруты Кука, но на всем пути от Сэндвичевых островов до Австралии земля не встречалась ни разу. Только однажды Беллинсгаузен заметил ласточек и предположил, что южнее, за льдами, находится земля. Действительно, одиннадцать лет спустя, в 1831 году, Биско открыл южнее этого пункта берег, названный Землей Эндерби.

...Плавание подходило к концу. За два полярных лета Беллинсгаузен почти замкнул петлю вокруг Южного полюса. Материк не был (! – *A.O.*) найден. Может быть он лежал южнее? Непроходимые льды скрывали его тайну.

...Подобно Колумбу, который, высадившись на Багамских островах, не знал, что он проложил дорогу в новый мир, Беллинсгаузен, открывший антарктические острова, также не знал (*sic!* – *A.O.*), что за ними лежит огромный материк. Но если после Кука ученый мир был уверен, что Южный материк не существует, исследования Беллинсгаузена сделали очевидным, что где-то за льдами могут быть и другие земли, кроме острова Петра I и Земли Александра I, и можно и нужно их искать.

...Антарктида ждет еще своих исследователей, которые бы пришли в эту страну так же бесстрашно, как смелые русские моряки, 125 лет тому назад проникшие в суровый Южный океан во имя науки, для славы Родины» [Георгиев 1948: 27–28].

В 1948 году был издан учебник известного советского географа-картографа, профессора К.А. Салищева (1905–1988) «Основы картоведения». На момент издания этой книги, отношение ее автора (среди прочих крупных работ, осуществленных в последующие годы под руководством К.А. Салищева, было создание «Атласа истории географических открытий и исследований» (1959)) к итогам Первой русской антарктической экспедиции было сформулировано следующим образом: «...Кругосветное плавание 1819–1821 гг. на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, во время которого был открыт Антарктический континент (Земля

Александра I), остров Петра I и ряд островов в Тихом океане» [Салищев 1948: 196].

Таким образом, отождествление открытия в 1821 году Земли Александра I с открытием Антарктиды становилось для советских авторов уже вполне привычным и, можно считать, традиционным.

В изданной в 1948 году книге В.А. Касименко (автор ряда научно-популярных книг) «Как люди открывали землю» были такие строки: «В 1819 году, ...на военном шлюпе «Восток» отправились в далекий путь антарктическая экспедиция капитана Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, а на шлюпе «Мирный» – экспедиция лейтенанта Михаила Петровича Лазарева. Славные мореплаватели проникли в высокие широты южных полярных морей, где открыли Антарктический материк, назвав его части: «Земля Петра I» и «Земля Александра I...» [Касименко 1948: 17–18].

На самом деле, хорошо известно, что экспедиция открыла остров Петра I, сразу же опознав, определив и обозначив его именно как остров. Кроме того, шлюпы «Восток» и «Мирный» составляли одну экспедицию, а не две, как указал В.А. Касименко. Такие ошибки в освещении экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, были в те годы для советской историографии уже достаточно необычными. Тем более, что книга вышла под научной редакцией научного сотрудника Института географии АН СССР, кандидата географических наук Д.Л. Арманда (1905–1976).

Согласно российским биобиблиографическим источникам известно, что Д.Л. Арманд работал в Институте географии АН СССР с 1940 г. (с 1943 г. – старший научный сотрудник; заведовал отделом физической географии). Известен прежде всего по работам в области физической географии зарубежных стран, теоретическим и количественным методам в физической географии. Среди научных работ тех лет: «Румыния: экономико-географическое описание» (1946), «Остров Хоккайдо» (1947) [Арманд 1993: 50].

Интересно, что аннотируя в своей работе книгу профессора А.Д. Некрасова (В поисках южного материка. Повесть о втором кругосветном путешествии капитана Кука в южном полушарии на судах «Решение» и «Предприятие». М., Л.: Детгиз, 1941) В.А. Касименко, без каких-либо комментариев писал, что «Куку удалось окончательно развеять миф о

существовании большого материка вокруг южного полюса» [Касименко 1948: 42].

В 1948 году Географгиз издал двухсоттысячным (! – *А.О.*) тиражом книгу Н.А. Бендер «Имена русских людей на карте мира». В предисловии к этой книге, вышедшей в серии «Русские путешественники», советский экономико-географ (в 1945–1949 гг. возглавлял Государственное издательство географической литературы – «Географгиз», где с 1947 г., стал главным редактором) доктор географических наук Ю.Г. Саушкин (1911–1982) писал: «Русские географы-путешественники внесли самый большой вклад в познание поверхности земного шара... и, наконец, первые увидели берега Антарктиды. Памятниками этих открытий и исследований, произведенных русскими, служат труды путешественников и составленные ими карты. Труды эти известны всему миру и до сих пор перечитываются с большим интересом, независимо от давности путешествия.

...Надо заметить, что русские имена, встречающиеся на карте мира от северных полярных островов до Антарктиды, далеко не исчерпывают всего, что было открыто и исследовано русскими. Причиной тому – величайшая скромность русских людей, которые в очень редких случаях присваивали открытым ими географическим объектам свои имена и сравнительно редко давали имена своих предшественников, современников и товарищей» [Бендер 1948: 3–4].

Как известно, экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, множеству открытых ею островов даны были имена участников экспедиции, а также русских деятелей и географических пунктов России, прославившихся в период Отечественной войны 1812 года.

А вот упомянутой Ю.Г. Саушкиным, «скромности русских людей», предстоит сыграть в дальнейшем – в качестве своеобразной интерпретационной модели – особую роль в исследовательских подходах советских историков и географов, писавших в своих работах об открытии Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева.

Сама Н.А. Бендер, так описывала ход экспедиции: «После возвращения Коцебу в кругосветное путешествие отправляются сразу две экспедиции. Одна из них, состоявшая из двух шлюпов – «Восток» под командой капитана Ф.Ф. Беллинсгаузена и «Мирный» под командой

капитана (лейтенанта. – *А.О.*) М.П. Лазарева, должна была заняться исследованиями в Антарктике... Экспедиции Беллинсгаузена поручалось пересечь южный тропик и проникнуть в глубь антарктических вод. Гипотетическая земля «Терра Аустралис», которую помещали на картах в районе Южного полюса со времен греческого философа Аристотеля, продолжала интересовать русских ученых и в начале XIX в.

В 80-х годах XVIII в. известный английский мореплаватель Джеймс Кук исследовал антарктические воды к югу от шестидесятой параллели и пришел к выводу, что материк если и может быть обнаружен, то лишь вблизи полюса, в местах, недоступных для плавания. После экспедиции Кука ни в конце XVIII в., ни в начале XIX в. европейские государства не снаряжают экспедиций в поисках материка за Южным полярным кругом. И только русские моряки, совершившие за какие-нибудь 15 лет целый ряд замечательных кругосветных путешествий, решают проникнуть в воды Антарктики и проверить выводы Кука» [Бендер 1948: 44–45].

Итоги первого, антарктического этапа экспедиции, Н.А. Бендер интерпретировала следующим образом: «Продолжая плавание к югу от берегов Южных Сандвичевых островов, Беллинсгаузен пошел вдоль Южного полярного круга к востоку, всюду встречая непроходимые льды» [Бендер 1948: 45].

Наконец, заключительную часть южнополярного пути экспедиции, Н.А. Бендер описывала так: «С наступлением в южном полушарии лета корабли «Восток» и «Мирный» снова спустились к непроходимым льдам у Южного полярного круга. ...10 января 1821 г. мореплаватели увидели землю. ...Остров был назван именем создателя русского флота Петра I. 17 января 1821 г. открыли берег с высокой горой на его северной оконечности. На юг и на восток от этого берега тянулась сплошная полоса льдов. Новооткрытая земля получила название берега Александра I. Так русские люди впервые открыли землю в районе Южного полюса» [Бендер 1948: 46–48].

В кратком отзыве на книгу Н.А. Бендер, который был опубликован в журнале «Вокруг света», автор этого отзыва упомянул о том, что «русские же первые увидели и берега Антарктиды» [Ел. Б. 1949: 63].

В другой рецензии на эту книгу, опубликованной в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Новый мир»,

автор рецензии С. Марков писал, что в Антарктике «русскими мореплавателями были открыты берег Александра и остров Петра Великого, целое созвездие островов в Тихом океане». «Кстати, – сетовал С. Марков, – в числе открытий экспедиции Беллинсгаузена Н. Бендер не указывает остров Волконского, Ермолова, Грейга» [Марков 1949: 300].

Как видно, С. Марков не указал, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла сам континент, пусть и, как это чаще было тогда принято толковать у советских историков и географов, «путем открытия» острова Петра I и Земли Александра I.

Несколько уже «выпадала» из нарождающихся в советской историографии подходов, переведенная и опубликованная в 1948 году в Советском Союзе книга Камилла Валло «Общая география морей». Редактор этой книги, профессор Н.Н. Зубов писал, что эта книга, «...переведенная с французского, представляет интерес не только потому, что обобщающих книг в мировой океанографической литературе нет, но и по своей оригинальности».

В разделе «От редактора» Н.Н. Зубов отмечал: «Эта оригинальность сказывается как в построении книги, так и в ее содержании. При чтении книги надо помнить, что она была напечатана в 1933 г., и поэтому некоторые наблюдения и выводы в ней являются устаревшими. Это по возможности учтено и исправлено редакторскими примечаниями, помещенными в конце книги. Перевод сделан с точностью почти приближающейся к буквальной, так что на книгу можно ссылаться» [Валло 1948: б/с].

Что же говорилось в этой, «на которую можно ссылаться» книге, в частности, о факте открытия Антарктиды? В. Валло пишет: «Громадные пространства Южного океана и обширная земля, находящаяся в ледовитой зоне, где долгое время она оставалась неизвестной, окончательно были открыты лишь в первые десятилетия XIX в. Беллинсгаузенom..., Уэдделем, Дюмон Дюрвилем и Россом...» [Валло 1948: 93].

Так вот, оно – «открытие» Антарктиды, но, теперь уже, не «на троих», а на целых «четверых»... Здесь, хотя бы, нашлось место для Беллинсгаузена, в отличие от подобной же «периодизации» Р. Бэрда и вычитывавшего зады работ последнего, «ученого секретаря» Арктического института Н.Н. Урванцева [Бэрд 1935: 5, 62–63].

В 1948 году в периодическом издании Всесоюзного географического общества был опубликован обзорный материал советского географа А.З. Алейнера, освещавшего экспедиционную деятельность других государств в Антарктике в период с 1942 и по 1948 г. включительно. Статья начиналась с напоминания, что «прошло 127 лет со времени открытия русской антарктической экспедицией под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева первых участков суши за южным полярным кругом» [Алейнер 1948: 446].

Нехитрый арифметический подсчет позволяет выяснить, что открытие Антарктиды состоялось, по Алейнеру, в 1821 году. Поскольку речь шла об «участках суши», позволительно предположить, что автор статьи имел в виду остров Петра I и Землю Александра I. Согласно подсчетам А.З. Алейнера, «за прошедшие с тех пор годы около ста (! – *А.О.*) экспедиций, специально или попутно, занимались изучением и исследованиями Антарктики».

Статья этого автора позволяет лучше понять, какие именно внешнеполитические факторы способствовали послевоенной активизации, да и, собственно, самому возникновению антарктической политики Советского Союза.

В своей статье А.З. Алейнер писал: «В последние годы отмечается повышенный интерес военных кругов и соответствующих ведомств США и Англии к Антарктике. Это находит выражение в организации баз и в проведении военных экспедиций в южные полярные страны. Печать США сообщает, что целью таких экспедиций является определение значения южно-полярной области для «национальной обороны» и экономики США. ...Одновременно отмечается значительное усиление территориальных притязаний в Антарктике и создание там сети баз для закрепления господства соответствующих стран над территориями... В самый разгар 2-й мировой войны британское правительство нашло возможным привлечь внимание и силы своего военно-морского флота для устройства и содержания баз в Антарктике. ...В годы войны состоялись также аргентинские экспедиции в Антарктику; ...к западным берегам Земли Грэмма направился военный корабль Чили; ...в 1948 г. состоялась австралийская экспедиция в Антарктику» [Алейнер 1948: 446–452].

Интересно, что в статье А.З. Алейнера можно было обнаружить фактически ключевое положений всей будущей антарктической политики СССР. Характеризуя иностранные военные приготовления в южнополярном регионе он отмечал, что «такое направление интересов в Антарктике не может не вредить дальнейшему изучению и исследованию материка, около 70% территории которого не только никак не исследовано, но никогда и не было наблюденно» [Алейнер 1948: 447].

Немаловажным был вывод, что «экспедиционной деятельности исследователей, направлявшихся в Антарктику на свой риск и страх при поддержке общественных организаций и пожертвований частных лиц, пришел конец». «Современные государственные, – подводил итог А.З. Алейнер, – чаще всего военные экспедиции несравненно лучше снаряжены всех предшествовавших» [Алейнер 1948: 452].

Вернемся вновь к, уже упомянутой выше, проблеме урана для нарождающейся советской атомной промышленности. Если бы принципиальные государственные решения по форсированию работ по атомной проблеме были бы приняты ранее августа 1945 года, это вряд ли бы существенно сократило сроки создания советской атомной бомбы. Существенным фактором, ограничивающим развитие отечественного ядерного проекта, было отсутствие необходимого количества урана.

Дело в том, что в СССР в то время просто не было базового сырья – природного урана, и в условиях военного времени было невозможно получить его из Германии и Чехословакии (откуда он реально, затем в основном и был получен). Например, современный российский историк пишет, что «уран в 1945 г. был экстренно необходим Советскому Союзу для скорейшего создания ядерного оружия» [Тимофеева 2012: 40].

К 1949 году ресурс добытого природного урана, которым располагал СССР, составлял около 25% от ресурса США. При этом 73% природного урана было получено СССР из-за рубежа, в основном из Германии и Чехословакии. Мощности советской уранодобывающей промышленности постепенно подтягивались к мощностям США. В 1949 году поступление природного урана в СССР составляло уже 86% от его поступления в этом году в США (это, при том, что до 1945 года в США было добыто и получено 3140 т урана, а в Советском Союзе нисколько).

Как известно, атомная монополия США была ликвидирована 29 августа 1949 года, когда в Советском Союзе было проведено первое испытание атомной бомбы. Однако впереди было очень много работы, от результатов которой зависело, удастся ли СССР ликвидировать достигнутое огромное ядерное превосходство США [Андрюшин, Чернышев, Юдин 2003].

Глава V. 1949 год

«...Во всяком случае Беллинсгаузен и Лазарев еще 16 января и 5 февраля 1820 года видели берег антарктического материка»: советская историография после проведения общего собрания Всесоюзного географического общества

«...16 января 1820 г. ...оказались вблизи антарктического материка (в районе Земли принцессы Марты)...»

Л.С. Берг (1949)

«...Увы! Корпуса кораблей были совершенно непригодны для продвижения в тяжелых льдах, и участники экспедиции не имели представления о том, что они находятся у самой цели...»

К. Осипов (Куперман) (1950)

В самом начале 1949 года Военным издательством Министерства Вооруженных Сил Союза ССР была издана книга для чтения по русской морской литературе «Наше море» (подписано к печати 30.08.1948 г.). Составитель книги Е.Д. Вишневская писала, что «назначение настоящей работы – познакомить читателей с лучшими образцами художественной литературы о море, пробудить в них любовь к морю и помочь ориентироваться в прошлом и настоящем флота нашей великой Родины» [Наше 1949: 600]. Кроме того, книга претендовала на то, чтобы служить пособием для преподавателей истории и географии в морских училищах «при прохождении курса истории Военно-Морского Флота и географии».

Надо заметить, что основные «литературоведческие» интересы составителя этого сборника лежали несколько в иной, весьма далекой от моря сфере и были, на протяжении практически полувека, весьма устойчивы: в 30-е годы, это были «антирелигиозная поэзия и проза», включая «антирелигиозные сказки народов СССР»; в 60-е годы, составление «атеистической хрестоматии»; наконец, уже в середине 70-х

годов, Е.Д. Вишневская издала «подборку мыслей о реакционной сущности религии и церкви».

Что же хотели поведать учащимся эти коммунистические «властители душ», в частности, об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева? Судя по всему, в разделе о Ф.Ф. Беллинсгаузена, Е.Д. Вишневская использовала его же книгу 1831 года. А поскольку переиздана (впервые!) эта книга в Советском Союзе была только в самом конце 1949 года, то составитель сборника и учила подрастающее поколение моряков, других читателей, «правильному прочтению».

Естественно, что январские и февральские открытия 1820 года упомянуты не были. При упоминании открытия экспедицией о. Петра I и Земли Александра I, факты эти, с открытием Антарктиды никак не соотносились. Само это географическое название, вообще просто не упоминалось в этом разделе книги. Зато составитель не преминула взять для своей выборки описание встречи русских с американским промышленником Палмером, которая произошла в антарктических водах [Наше 1949: 123–131].

Годы после окончания Великой Отечественной войны можно рассматривать в качестве первичного этапа образования и становления советской антарктической политики. Для Советского Союза этот период стал своего рода преддверьем близящегося «антарктического ренессанса» страны. Внимание к континенту и, соответственно, количество оценок самого факта первооткрытия Антарктиды русской экспедицией достигло своего апогея в 1949 г., после того, как 10 февраля 1949 г. в Ленинграде состоялось Общее собрание действительных членов Географического общества СССР, посвященное Антарктике.

Этому событию, в свою очередь предшествовало Общее собрание Академии наук СССР, проходившее 5–11 января 1949 г. в Ленинграде, посвященное истории отечественной науки и 200-летию постройки Академией наук химической лаборатории М.В. Ломоносова. В ряде мероприятий приняли участие академик Л.С. Берг, доктор исторических наук А.И. Андреев (Институт истории).

По итогам работы этих мероприятий было принято Постановление Общего собрания Академии наук СССР от 11 января 1949 года «О развитии научно-исследовательских работ в области истории отечественного естествознания и техники». При этом Общее собрание

Академии наук СССР руководствовалось постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и указаниями И.В. Сталина «о значении марксистско-ленинской разработки истории науки». В Постановлении особо подчеркивалось, что «советские исследования в области истории науки и техники привели к восстановлению исторической истины в вопросе о приоритете отечественной науки в ряде важнейших открытий и изобретений» [Постановление 1949].

На Общем собрании было принято решение о создании многотомной работы по истории отечественной науки и техники. Особо была отмечена необходимость обеспечения исследовательской работы по истории естествознания (прежде всего истории отечественного естествознания) библиографическими пособиями.

Как отмечалось в редакционном введении к одному из таких пособий: «Настоящий библиографический указатель по истории естествознания, выпускаемый Институтом истории естествознания и Фундаментальной библиотекой общественных наук Академии Наук СССР, должен удовлетворить возросшую в нашей стране потребность в справочнике, в котором был бы собран опубликованный за 30 лет советской власти (1917–1947) обширный, но распыленный по многочисленным советским изданиям материал по истории науки» [История 1949: б/с] (при подготовке настоящей работы, автором, кроме библиографического указателя за 1917–1947 гг., был использован библиографический указатель за 1948–1950 гг. [История 1955]. – *А.О.*).

В том же редакционном вступлении было отмечено: «Широкий интерес советского народа к истории науки, к научной деятельности и приоритету отечественных ученых проявляется в чрезвычайном расширении фронта научных исследований, посвященных истории естествознания и техники. В исследовательскую и пропагандистскую работу по истории науки включились многие советские ученые, представители различных научных специальностей.

...Важнейшей задачей историков науки является решительная борьба против фальсификации и извращений исторической правды, которые позволяет себе историография капиталистических стран в отношении русской и советской науки.

...В последнее время и в среде советских ученых обнаружили отдельные лица, забывшие свой долг перед родиной. Эти люди, не

имеющие отечества космополиты, вслед за историками капиталистических стран пытались умалить заслуги русских ученых, отрицать их приоритет, замалчивать их передовую роль в развитии науки. Общественность нашей страны решительно осудила все потуги этих скатившихся на контрреволюционные рельсы космополитов. Перед советскими учеными и впредь будут стоять во весь рост задачи непримиримой борьбы со всеми идеологическими извращениями в истории науки, со всеми выступлениями агентов империализма и их пособников – безродных космополитов.

Руководствуясь гениальным учением марксизма-ленинизма, советские историки науки разоблачают и будут разоблачать буржуазных империалистов и безродных космополитов, восстанавливать историческую правду в вопросах приоритета наших ученых в важнейших научных открытиях»

Кроме того, еще раньше – 12 и 19 ноября 1948 г. на научном собрании Государственного океанографического института, географом-метеорологом Г.М. Таубером был сделан доклад о состоявшейся в 1947–1948 гг. второй экспедиции в южное полушарие Первой советской антарктической китобойной флотилии «Слава». В состав экспедиции была включена группа научных сотрудников для изучения гидрометеорологического режима района плавания флотилии в Антарктике и экваториально-тропической зоне, и для проведения исследований в области биологии китов. Эта группа состояла из автора доклада, инженера-океанолога Ю.В. Макерова, кандидата биологических наук А.А. Кирпичникова и научного сотрудника Н.Е. Сальникова.

В частности, Г.М. Таубер отмечал: «В связи с подходом флотилии к берегам Антарктиды напомним, что в районе Земли кронпринцессы Марты в январе 1820 г. совершали плавание наши знаменитые соотечественники, которым принадлежит честь открытия (как видно, в который уже раз использован этот фразеологизм. – А.О.) антарктического континента – капитан Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и лейтенант Михаил Петрович Лазарев на шлюпах «Восток» и «Мирный». У этого побережья 21 января 1820 г. они достигли широты 69°25' на западной долготе от Гринвича 1°11'. Таким образом, мы на п/х «Слава» 20 марта 1948 г. оказались вблизи этого

крайнего южного пункта Беллинсгаузена и видели побережье кронпринцессы Марты почти из той же точки. Однако метеорологические условия были весьма различны: мы имели прекрасные условия видимости при ясном небе и отчетливо видели все побережье и горные вершины в глубине континента на расстоянии 50–70 миль по пеленгам... из этой точки, а при посещении Беллинсгаузена здесь стояла неблагоприятная погода с ограниченной видимостью. Вследствие этого он мог видеть только узкую полосу побережья и не мог обозреть горных вершин, лежащих к югу и юго-западу. Описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с запада на восток в этом районе, вполне соответствуют форме рельефа береговой полосы Земли кронпринцессы Марты» [Таубер 1949: 369–370].

Здесь однако следует заметить, что этот доклад Г.М. Таубера был опубликован в выпуске «Известия Всесоюзного географического общества» лишь, в конце 1949 года. Поэтому не располагая стенографическими отчетами докладов научного собрания в Государственном океанографическом институте, либо самим оригиналом этого доклада, сложно судить, в какой степени последний был подвергнут редактированию при перепечатке (а это была обычная советская практика). Не может, также, не обратить на себя внимания корреляция повествования Г.М. Таубера с дебенхэмовской версией о «нескольких часах ясной погоды» (см. ниже).

И все-таки, очевидно ведущим событием, повлекшим за собой как проведение самого общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР, так и активизацию исследовательского поиска, связанного с экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, стало решение ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 года.

В докладной записке (под грифом «совершенно секретно») министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину (копии докладной записки были разосланы: И.В. Сталину, В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии, А.И. Микояну, Л.М. Кагановичу, Н.А. Булганину) от 20 февраля 1950 года, в частности, говорилось: «...Осенью 1948 года по инициативе США между рядом государств, проявляющих интерес к Антарктике (США, Англия, Австралия, Новая Зеландия, Франция, Норвегия, Аргентина и Чили),

были начаты неофициальные переговоры по вопросу о режиме Антарктики. Из общей печати и по сведениям, полученным из неофициальных источников, стало известно, что США, желая обеспечить свое влияние в районе Антарктики, выдвинули в ходе этих переговоров предложение об установлении так называемого «международного режима» для Антарктики и о создании для управления этой областью комиссии из представителей указанных восьми государств.

В связи с решением ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 г. было признано целесообразным заявить, сначала в неофициальной форме, о заинтересованности Советского Союза в вопросе о режиме Антарктики, в дальнейшем, в зависимости от последующих обстоятельств, сделать такое заявление в официальной форме. В соответствии с этим 10 февраля п. г. (прошлого года. – *А.О.*) состоялось заседание Географического общества СССР с докладом президента Общества академика Берга, осветившим выдающуюся роль русских исследователей в открытии Антарктики и давшим научное обоснование (далее будет показано, какое на самом деле «обоснование» дал Л.С. Берг. – *А.О.*) права СССР на участие в решении вопроса о режиме этого континента. На указанном заседании Географического общества была принята соответствующая резолюция, опубликованная 11 февраля п. г.

На эту резолюцию последовал ряд откликов в зарубежных странах, причем в США и Англии выступление Географического общества было встречено неблагоприятно. Смысл этих откликов в Англии и США сводится к тому, что СССР якобы никогда не заявлял официальных претензий на район Антарктики и поэтому нет оснований для его участия в переговорах об этом районе. Переговоры указанных выше 8 держав об Антарктике к настоящему времени к определенным результатам, по имеющимся сведениям, не привели...» [Докладная 1950]

Приведенный в предыдущих главах разброс мнений, а зачастую и просто откровенная пуганица, отсутствие единой государственной и научной, в том числе доктринальной (исторической, географической, правовой) точки зрения на факт первооткрытия, могли в условиях многократно усиливавшегося в мире интереса к Антарктике, в частности, ее военно-стратегическому положению и природно-ресурсному (сырьевому) потенциалу, крайне негативно отразиться на

реализации планов по формированию антарктической политики СССР [Овлащенко 2010: 21].

В конце концов, инициативы США по выработке взаимоотношений государств в Антарктике без участия Советского Союза, привели к тому, что на отмеченном Общем собрании Географического общества СССР, была сделана попытка выработать общую, «унифицированную» точку зрения на основные результаты экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Поскольку в качестве основного докладчика на собрании Географического общества выступил его президент, академик Л.С. Берг (с его, широко растиражированным затем докладом «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней»), а, в известной резолюции этого собрания [Русские 1949(а)] ключевая фраза о том, что русская правительственная экспедиция открыла Антарктиду – так и не прозвучала (! – *А.О.*), то очевидно, следует несколько остановиться на взглядах этого советского географа, некоего «эталонного» ученого-эклектика, беспринципно сочетающего противоречивые, несовместимые взгляды.

В уже упомянутой выше, своей работе Л.С. Берг (1929) считал, что Антарктику в январе 1821 г. открыли русские (однако, он упомянул и о том, что мореплаватели «в феврале 1820 г. были поблизости Земли Эндерби (38° в. д.). – *А.О.*).

Сразу после окончания Великой Отечественной войны в работе, посвященной столетию Русского Географического общества Л.С. Берг писал, что Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев «увидели берег, которому дали название Земли Александра I; это был антарктический материк, часть которого впервые положена на карту нашими мореплавателями» [Берг 1946(б): 21].

О «первой и последней» (в трактовке Л.С. Берга) русской антарктической экспедиции, «об открытиях Беллинсгаузена в Антарктике», Л.С. Берг коротко писал в 1946 г. в своих, изданных Академией наук СССР очерках по истории русских географических открытий. В этой его книге напоминалось, что «честь открытия Антарктики принадлежит экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева» (поскольку сам Л.С. Берг использовал такие же формулировки, опять же, в своих, процитированных выше работах 1926 и 1929 годов, весьма

непонятной была его ссылка в отношении этого факта на статью Н. Введенского 1941 года). Имелись в виду, как и прежде, открытия 1821 г. – острова Петра I и Земли Александра I [Берг 1946(а): 109].

В изданной АН СССР, так же в 1946 г., другой книге Л.С. Берга, ее автор писал: «Замечательны открытия, сделанные Беллинсгаузеном и Лазаревым в Антарктике; ...17 января 1821 г. ...они увидели берег, которому дали название Земли Александра I; это был антарктический материк, часть которого впервые положена на карту нашими мореплавателями» [Берг 1946(б): 21].

В своем ленинградском докладе 10 февраля 1949 г. Л.С. Берг подчеркнул, что «русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев... **впервые** доказали ошибочность господствовавших тогда представлений, что за Южным Полярным кругом нет земли, и **открыли существование Антарктики** (выделено в оригинале. – А.О.)» [Русские 1949(а)].

Важно, что далее в своей речи Л.С. Берг сказал: «16 января 1820 г. под 69°21' ю. ш. оказались вблизи антарктического материка (в районе Земли принцессы Марты), замеченного впоследствии (1930) норвежскими судами. Берега эти до сих пор никем не посещены и не положены на карту. Теперь (! – А.О.) ясно, что описываемые Беллинсгаузеном бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собой именно окраину антарктического материка» [Русские 1949(а)].

«5 февраля 1820 г. примерно под 69° ю. ш. и 15° в. д. экспедиция находилась поблизости антарктического материка (район Земли принцессы Ранхильды)» [Русские 1949(а)].

«**Исторически за Россией**, – подчеркивал Л.С. Берг, – и, по преемству, за СССР **остается** право приоритета открытия ряда земель Антарктики – **такое же право, по которому Франция претендует на Землю Адели**, открытую Дюмон-Дюрвилем (в качестве обоснования претензии Франции на Землю Адели французское правительство выдвигало факт ее открытия ее в 1840 году французским исследователем Дюмон-Дюрвилем; Земля Адели была передана в подчинение генерал-губернатору острова Мадагаскар, расположенного от Земли Адели на расстоянии 8000 километров. – А.О.).

Россия никогда не отказывалась от своих прав... Советская общественность и советская наука не могли пренебрегать проблемой Антарктики (ее «раздела», научных исследований проводимых там. – *А.О.*) и забывать о правах и интересах нашего отечества в этом вопросе. Этим вопросом, разумеется, не может не интересоваться и Географическое общество, членами которого были оба великих исследователя Антарктики...».

Приведенная выборка из доклада, опять-таки, дает по-своему уникальную картину всего того, что было связано в советской географической и исторической науке тех лет с вопросом открытия Антарктиды.

Во-первых, в докладе шла речь об «открытии Антарктики», тогда как, русская экспедиция открыла континент Антарктиду. Антарктидой называют сам континент, а Антарктикой – континент с окружающими его океаническими пространствами. Поэтому, в таком понимании, «открыть» Антарктику было вообще невозможно, поскольку в таком «открытии» она давно не нуждалась – до Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в ее водах плавали многие мореплаватели.

Во-вторых, упоминание континентальных участков, уже косвенно свидетельствовало о подвижках в точке зрения относительно момента открытия Антарктиды. О том, что это произошло не в 1821, а, в 1820 году.

В-третьих, за СССР, по правопреемству осталось не «право приоритета открытия ряда земель Антарктики», а право открытия всего континента. Последнее право – право первооткрытия – ни с географической, ни с международно-правовой точек зрения не может быть тождественно «правам Франции», которых, с этих же позиций, строго говоря, никогда не существовало.

В-четвертых (и это справедливости ради), тезис о том, что Россия никогда не отказывалась от своих прав, встречал объективный встречный «контртезис» о том, что она их, на протяжении более чем столетия и не подтверждала – ни, на научном, доктринальном уровне, ни на уровне внутренней и внешней политики. Так что вопрос о «пренебрежении» отпадал сам по себе...

Наконец, о роли Географического общества: действительно ли его, как с пафосом заявил Л.С. Берг, интересовали (правда, в берговской же

интерпретации) проблемы Антарктики, в том числе в годы непосредственно предшествующие памятного общему собранию?

Приведенные выше источники не дают оснований согласиться с точкой зрения Л.С. Берга.

Формулировки из процитированного выше доклада Л.С. Берга попали в резолюцию Общего собрания Географического общества Союза ССР. В этой резолюции, в частности, говорилось: «Общество считает необходимым констатировать выдающуюся роль русских исследователей в деле (! – *А.О.*) открытия Антарктики». Как видно, речь шла, опять-таки, не об Антарктиде, тем более не об открытии последней (это особо не скрывается и в современной российской историографии; так, В.С. Корякин пишет: «В резолюции Общего собрания Географического общества Союза ССР от 10 февраля 1949 г. по докладу президента Общества академика Л.С. Берга обращалось особое внимание на «выдающуюся роль русских исследователей-ученых в деле открытия Антарктики», хотя в самой резолюции напрямую утверждалось, что русские моряки лишь «открыли в январе 1821 г. остров Петра I, Землю Александра I, острова Траверсе и др.» [Корякин 2008: 8]).

Совершенно непонятной была фраза первого пункта этой резолюции, где было сказано: «Эта роль русских открытий в Антарктике видна особенно (! – *А.О.*) из результатов русской экспедиции в Антарктику в начале XIX века». Почему странной и непонятной? Да потому что, роль русских открытий в Антарктике заключалась не «особенно», а прежде всего и единственно в результатах Первой русской антарктической экспедиции (и, к 1949 году, тоже действительно, пока еще «единственной»).

Второй и третий пункты резолюции носили отчетливо политический характер. По существу, они отражали возникшие в тот период правоприязнания Советского Союза на антарктические территории (морские пространства) и находящиеся в их пределах природные ресурсы. Впрочем, в первом пункте резолюции было также отмечено, что «русские мореплаватели... обошли вокруг Антарктического материка» и, «впервые подошли к его берегам». Однако упоминаемые, сразу же после этого, открытия острова Петра I и Земли Александра I, других островов, не давали возможности понять о

каких берегах идет речь – увиденных в 1820 г. или же островных, открытых в 1821 г.?

Интересную точку зрения высказал выступавший после академика Л.С. Берга, профессор С.В. Калесник. Он заявил: «Если открытие Багамских и Антильских островов справедливо считается одновременно и открытием **американского** (выделено в оригинале. – *А.О.*) континента, то тем больше оснований считать открытие многих островов, вплотную прилегающих к Антарктиде (обратим внимание, именно к Антарктиде, а не к «Антарктике». – *А.О.*), и, в частности, Земли Александра I (если она даже действительно остров, а не часть материка) открытием **антарктического** континента» [Русские 1949(а)].

С.В. Калесник считал, что «вся географическая общественность страны должна... поднять голос в защиту русских первооткрытий Антарктики (снова «Антарктики»! – *А.О.*) – и, стало быть, в защиту исторической правды» [Русские 1949(а)].

Эклектичной и конъюнктурной выглядела точка зрения полярного исследователя, доктора географических наук (1935), профессора (1929), члена-корреспондента АН СССР (1933) контр-адмирала В.Ю. Визе (1886–1954), который, убеждал присутствующих в том, что «советские люди никогда не забывают о великих открытиях, сделанных русскими в Антарктике, и всегда (*sic!* – *А.О.*) считали необходимым напоминать о том, что приоритет в деле открытия Южного материка принадлежит русским» [Русские 1949(а)].

В.Ю. Визе с 1921 г. работал в Гидрографическом управлении ВМС. С 1929 г. – в Арктическом НИИ, где работал до 1950 г. заместителем директора и председателем Ученого совета. Лауреат Государственной премии СССР (1946). Член географического общества Норвегии и национального географического общества США (не за то ли были приняты в ряды этих обществ В.Ю. Визе и некоторые другие советские географы, что, «до поры до времени не замечали» Антарктики, в частности, распространения Норвегией суверенитета на остров Петра I? – *А.О.*).

Такую эклектичность и лицемерие в речи В.Ю. Визе, еще больше подчеркивало начало его же выступления, когда он сказал о том, что исследования экспедиции были «восстановлены в нашей памяти докладом Л.С. Берга» (лживым по сути своей. – *А.О.*). Речь шла о памяти

своеобразного «цвета» научного, академического мира, профессиональных географов и историков, других специалистов – членов ВГО. Что уже говорить о памяти советских людей в целом....

Например, авторы книги, участники похода в Антарктику китобойной флотилии «Слава», писали через три года: «Широкому советскому читателю до последнего времени Антарктика еще очень мало известна. Популярной литературы на русском языке почти нет совсем...» [Арсеньев, Земский 1951: 8].

Несмотря на это, советская пропаганда традиционно (и безапелляционно) утверждала, что «попытки капиталистических государств решать вопрос о режиме Антарктики без участия СССР вызвали протест советской общественности» [Плавания 1949: 3].

А советский военно-морской географ Е.Е. Шведе, шел еще дальше, утверждая, что «Географическое общество Союза ССР возглавило (*sic!* – *A.O.*) движение советской общественности, выступившей за бесспорное право Советского Союза на участие в решении вопросов Антарктики» [Шведе 1949(а): 3–4].

Поэтому писать в 1949 году о том, что результаты экспедиции 1819–1821 гг. (как мы убедились выше, во многом попросту забытые. – *A.O.*) якобы составляют «национальную гордость советских людей» [Плавания 1949: 3] было, скажем так, не вполне корректно, но с точки зрения советской пропаганды, вполне допустимо, а с позиции коммунистической моноидеологии, еще и удобно.

Как это бывало в подобных случаях, резолюция собрания действительных членов Географического общества СССР встретила в стране «всеобщее одобрение и поддержку». Президиум Общества получил много телеграмм и писем от различных научных учреждений и организаций, присоединившихся к решению Географического общества.

Телеграммы, письма и резолюции были получены от моряков советской китобойной флотилии «Слава» из Антарктики, от Дагестанского, Могилевского и Ферганского педагогических институтов, от Уральского университета, от Института географии АН СССР, от Московского, Коми, Армянского и Грузинского филиалов Географического общества, от Западно-Казахстанского, Челябинского, Крымского, Северного, Воронежского, Красноярского, Омского,

Харьковского, Саратовского, Казанского отделов Географического общества и от ряда других учреждений [Известия 1949: 148].

Как писал инженер-капитан 3 ранга Л.Д. Черноусько, «к голосу советской общественности присоединяются также офицеры, адмиралы и генералы Военно-Морских Сил» [Черноусько 1949: 95].

Доктор военно-морских наук, профессор, контр-адмирал Е.Е. Шведе заявил в своем выступлении на рассматриваемом Общем собрании ВГО, что успехи экспедиции «не ограничиваются лишь официально известным открытием Земли Александра I и острова Петра I».

«На самом деле, – говорил Е.Е. Шведе, – экспедиция проходила в непосредственной близости от антарктического материка на протяжении сотен миль и совершенно точно его описала...; однако исключительная честность и требовательность к вопросам достоверности открытия не позволила русским морякам утверждать, что это низменный материк, а не ледяной береговой припай» (этот же свой тезис, Е.Е. Шведе повторил затем во вводной статье к переизданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена [Шведе 1949(б): 27]).

«Таким образом, – подводил итог этот советский военно-морской географ, – русские мореплаватели на русских кораблях первыми открыли Антарктиду (необходимо обратить внимание, что в данном случае не «Антарктику». – *А.О.*) и тем самым утвердили русский приоритет на это открытие» [Русские 1949(а)].

Но, уже в следующем выступлении – председателя Картографической комиссии ВГО П.П. Померанцева – речь, опять шла только лишь о картографировании русской экспедицией «антарктических островов», а не континентальной части.

Следует подчеркнуть, что антарктический вопрос стал наиболее активно обсуждаемым в Советском Союзе именно после проведения Общего собрания ВГО в Ленинграде. Собрания географов с такой же «повесткой дня», как уже было упомянуто выше, прошли в Москве, Киеве и ряде других городов.

При изучении множества материалов, связанных с антарктической тематикой, не может не создаться впечатление, что Антарктида была открыта русскими – не в 1820, а – в 1949 году. Только, теперь уже, как сейчас принято говорить, открыта «виртуально». На отстаивание факта

первооткрытия, в 1949 году была брошена вся мощь сталинского информационно-пропагандистского аппарата. И, тем не менее, это не всегда помогало даже в тех, существовавших тогда, жестких политико-идеологических условиях.

Не находила подтверждения в реальности ситуация, о которой писал один из советских географов [Островский 1949(а): 239] утверждая, что крупнейшие научные заслуги Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева якобы «единогласно признаны» у себя на родине.

После проведения общего собрания Всесоюзного географического общества в Ленинграде, отмеченные разброс мнений, а зачастую и просто откровенная путаница, отсутствие единой государственной и научной, в том числе доктринальной (исторической, географической, правовой) точки зрения на факт первооткрытия, конечно же не «канули в лету».

Так, уже в мартовском номере журнала «Вокруг света» в передовой (редакционной) статье под претенциозным названием «Русский приоритет», можно было узнать следующее: «...С гордостью можем мы заявить, что русским принадлежит и первенство в открытии и исследовании Антарктики и материка Антарктиды. Русские мореплаватели Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев в 1819–1821 годах обошли вокруг Антарктического материка, впервые подошли к его берегам и открыли 22 января 1821 года остров Петра I, Землю Александра I, острова Траверсе и др. Плавание русских шлюпов «Восток» и «Мирный» под командованием Беллинсгаузена и Лазарева – одно из выдающихся в истории географических открытий, оно тем более для нас памятно, что весь личный состав экспедиции состоял целиком из русских людей.

...Русский приоритет в открытии Антарктики приобретает особое значение в наше время, когда американские империалисты, проведая, что по своим природным богатствам Антарктика по праву может быть названа «гигантской шкатулкой сокровищ», пытаются решать вопрос о режиме Антарктики без участия Советского Союза» [Русский 1949: 2].

Действительно, астроном-наблюдатель русской антарктической экспедиции, профессор Императорского Казанского университета И.М. Симонов в своей речи, произнесенной на торжественном собрании в этом университете 7 июля 1822 г., сказал: «...Успехи сей экспедиции тем

больше должны быть для нас приятны, соотечественники, что все офицеры и чиновники... были русские. Некоторые носили немецкие имена, но будучи дети российских подданных, родившись и воспитавшись в России, не могут называться иностранцами» [Островский 1949(а): 241].

В связи с этим интересно отметить, что в опубликованном в 2003 г. в Эстонии (на эстонском и английском языках) историческом очерке, посвященном 225-летию со дня рождения (в местечке Лаххетагге на юго-западе острова Сааремаа (прежнее немецкое название Эзель)) руководителя Первой русской антарктической экспедиции адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена (*Fabian Gottlieb Benjamin von Bellingshausen*) особо отмечено, что день 16(28) января 1820 г. считается датой открытия Антарктиды («*the date of discovery of Antarctica*») [Juske 2003: 7].

«Замечательно, – говорилось дальше в передовице журнала «Вокруг света», – что подвиг русских моряков был совершен вопреки предсказаниям иностранных авторитетов и в первую очередь английского капитана Кука, в ту пору уже не верившего в существование «Южного материка» (тут уже редакция этого «профильного» журнала шла на прямую, якобы «идеологически обоснованную» фальсификацию, впрочем, достаточно распространенную в советской историографии антарктических путешествий и открытий. – *А.О.*)» [Русский 1949: 2].

«...Мы не забыли, что наши предки открыли эту страну (? – *А.О.*), и за последние годы славные традиции исследования антарктических морей возобновлены советскими моряками. После Великой Отечественной войны Советский Союз организовал в Антарктике китобойный промысел, сопровождающийся научными исследованиями в Антарктических водах» [Русский 1949: 2].

В одной из публикаций 1949 года особо подчеркивалось, что «антарктический материк и прилегающие острова – база для богатейшего китобойного промысла, в котором уже третий год принимает участие и советская китобойная флотилия «Слава» [Григорьев, Лебедев 1949: 193] (на этот счет в современной англоязычной историографии имеются интересные работы И. Ган [Gan 2011: 21–28]).

Заканчивалась эта журнальная «передовица», в духе проводимой тогда компании: «...В борьбе с иностранщиной, с преклонением перед

заграничными авторитетами... нам, советским людям, чужда идеология «беспаспортных бродяг», людей без роду и племени, несущих с собой враждебную нам атмосферу ура-космополитизма...» [Русский 1949: 4].

Как было отмечено выше, президиум Всесоюзного географического общества «получил много телеграмм и писем от различных научных учреждений и организаций, присоединившихся к решению Географического общества». В частности, такое сообщение было получено от Института географии АН СССР.

4 марта 1949 г., т. е. уже через месяц после проведения общего собрания Географического общества, на заседании Ученого совета Института географии АН СССР был зачитан доклад о ходе, открытиях и достижениях экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Этот доклад, был затем напечатан в журнале «Известия Академии наук СССР» за подписями двух авторов: академика А.А. Григорьева (с 1931 по 1951 г. работал директором Института географии АН СССР) и Д.М. Лебедева, и представляет собой, необычайно интересный и важный источник в деле изучения советской историографии Первой русской антарктической экспедиции.

Первой же фразой своей «статьи-доклада», эти соавторы подтверждают тот очевидный факт, что оживление историко-антарктических исследований в Советском Союзе последовало на основании «попыток сверху», в результате конкретного социально-политического заказа власти (точнее, ее национал-большевистского «ответвления»).

«Попытки капиталистических государств, – писали А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев, – решать вопрос о режиме Антарктики без участия СССР вызвали резкий протест широкой советской общественности. Состоявшееся... общее собрание членов Всесоюзного географического общества вполне справедливо считает, что «вопросы Антарктики должны решаться прежде всего теми государствами, которые имеют историческое право на участие в таком решении». Решение их «без участия Советского Союза не может иметь законной силы, и СССР имеет все основания не признавать любого такого решения» [Григорьев, Лебедев 1949: 185].

Упомянув, что «честь опровержения взглядов Кука принадлежит России» (и что, само по себе, в отношении якобы существовавших таких

«взглядов» Дж. Кука, было не совсем корректно со стороны ведущих советских представителей академической географической науки. – *А.О.*), обозначив косвенную связь похода экспедиции с арктическими интересами России, в частности, на Аляске, эти географы подчеркнули, что «изучение антарктических вод и явилось одной из специальных задач экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева» [Григорьев, Лебедев 1949: 185–186].

Далее они писали: «16 января 1820 г. «Восток» и «Мирный» на пути к югу на широте $69^{\circ}21'$ встретили сплошные льды, простиравшиеся «от востока через юг на запад», «видели летающих снежных и синих бурых птиц», т. е. буревестников, и слышали крики пингвинов.

Плавая в пределах 69 – 68° ю. ш. в этих районах, исследователи снова подошли 21 января 1820 г. на широте $69^{\circ}25'$ к огромному ледяному полю, пределов которого на восток, запад и юг не могли увидеть. Беллинсгаузен подчеркивает, что оно «конечно было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 января». Таким образом командиры экспедиции ясно представляли себе огромность протяжения этого поля» [Григорьев, Лебедев 1949: 187].

Затем в исследовательских подходах этих советских специалистов возникает очевидная новелла, вызванная достижениями последних зарубежных антарктических экспедиций. Соавторы продолжают: «Сопоставление маршрута экспедиции с очертаниями Антарктического материка, установленными новейшей аэрофотосъемкой, ясно говорит о том, что экспедиция подошла здесь почти вплотную к краю материка. Таким образом, она впервые открыла Антарктический материк в январе 1820 г. (! – *А.О.*).» [Григорьев, Лебедев 1949: 187].

Чуть дальше А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев используют новейшую информацию, полученную уже от советских китобоев: «Во время своего рейса в Антарктику в 1947–48 г. судно советской китобойной флотилии «Слава» подошло очень близко к тому месту, где в 1820 г. была экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева. Участники китобойной экспедиции подчеркнули сходство описания льдов, сделанного Беллинсгаузенем, с очертаниями береговой линии материка. Они обнаружили, что в действительности этот участок суши выдвинут дальше к северу, чем это показано на английских и шведских картах.

Итак, шлюпы «Восток» и «Мирный» подходили вплотную к побережью Антарктического материка» [Григорьев, Лебедев 1949: 188].

Описывая экспедиционные дни 16 января, 5 и 6 февраля 1820 г., в своей статье советские географы особо подчеркивали тот факт, что «офицеры экспедиции отдавали себе ясный отчет в том, что в непосредственной близости от них должна была находиться земля», что «...признаки близкой земли были замечены и по достоинству оценены командирами экспедиции» [Григорьев, Лебедев 1949: 187] (и это, конечно, гораздо более объективный подход, чем эклектичные и невразумительные попытки советского историка А.И. Андреева обыгрывать некое «понимание – непонимание» у руководителей и участников экспедиции; подробнее об этом будет рассказано дальше. – *А.О.*).

При этом они цитировали слова мичмана П.М. Новосильского и выглядело это следующим образом: «Так, в принадлежащем мичману П.М. Новосильскому анонимном сочинении «Южный полюс» (СПб., 1853, стр. 30) Новосильский писал: «5 февраля при сильном ветре тишина моря была необыкновенная. Множество полярных птиц и снежных петрелей (у П.М. Новосильского в оригинале «петерлей». – *А.О.*) вьются над шлюпом. Это значит, что около нас должен быть берег или неподвижные льды» [Григорьев, Лебедев 1949: 187].

Сразу же после этой цитаты шла ссылка на подстрочечную сноску такого содержания: «Цитировано по докладу акад. Л.С. Берга на общем собрании Всесоюзного географического об-ва 10/II–1949 г.» [Григорьев, Лебедев 1949: 187, сноска].

С большим трудом верится, что эти соавторы (причем, один из них – академик, директор Института географии АН СССР) не располагали оригиналами книг П.М. Новосильского. С еще большим трудом можно поверить в то, что эти книги не сохранились, и их нельзя было востребовать в библиотеках крупных областей и столичных городов, бывшей необъятной Российской Империи.

К тому же, многие субъекты этой Империи, стали теперь субъектами – в виде союзных республик – не менее необъятного Советского Союза. Например, автор сам, на протяжении 2009–2010 гг., работал с экземплярами книг П.М. Новосильского [Южный 1853;

Шестой 1854], хранящимися в Латвийской Национальной Библиотеке (Рига). Латвия, как известно, уже с 1940 г. входила в состав СССР.

Нет, советской историографии для чего-то необходимо было «разыгрывать карту» чрезвычайной редкости книг П.М. Новосильского, ее «забытости», «невостребованности», «введения ее в научный оборот» и пр. Хотя, как читатель уже неоднократно убедился, весьма характерными словосочетаниями из книг П.М. Новосильского (свойственными только этим книгам) пользовались некоторые советские историки и географы, еще до такого ее «введения» в научный оборот Б.Г. Островским.

Сужение А.А. Григорьевым и Д.М. Лебедевым круга адекватно «понимающих» события в ходе экспедиции до руководителей и офицеров последней («офицеры экспедиции отдавали себе ясный отчет в том, что в непосредственной близости от них должна была находиться земля», «...признаки близкой земли были замечены и по достоинству оценены командирами экспедиции») вполне справедливо, но тоже очевидно не было случайным. Так, в приводившихся в советской печати выдержках из дневника матроса экспедиции Егора Киселева [Тарнопольский 1941: 40–41], в его январских за 1820 год записях, ничего не говорит о том, что в этот месяц произошло хоть что-нибудь значительное.

Воспроизведя несколько выдержек из книг Ф.Ф. Беллинсгаузена и П.М. Новосильского, сами советские соавторы-географы писали: «В настоящее время можно считать бесспорным, что описание льдов района, данное Беллинсгаузенем, полностью соответствует внешнему виду материковых льдов, покрывающих антарктический материк, к которому, следовательно, корабли подходили почти вплотную и в январе и в феврале 1820 г.» [Григорьев, Лебедев 1949: 188].

Получается, что во «времена» Беллинсгаузена и позднее, до «откровений» советской антарктической историографии, такое описание нельзя было считать бесспорным...

А сразу же вслед за этим, А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев заочно призывают к себе в «союзники», уже знакомого нам, директора Полярного института им. Скотта в Кембридже Ф. Дебенхэма (редактора изданного в 1945 г. в Великобритании, перевода книги Ф.Ф. Беллинсгаузена). Редактор этот, в качестве «наивысшей» оценки

результатов русской экспедиции процитировал слова известного, английского же географа и метеоролога, бывшего вице-президента Лондонского географического общества Х. Милля, который, в свою очередь считал эту экспедицию, «достойной быть поставленной в один ряд с экспедицией Дж. Кука» [Шведе 1947: 357]. Как очень хорошо известно – Антарктиду не открывшей.

Подтверждая эту свою «бесспорную» точку зрения А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев пишут: «Это близко совпадает и с высказыванием английского ученого Дибенхэма..., считающего, что 16 января 1820 г. шлюпы были в 20 милях расстояния от побережья Антарктиды» [Григорьев, Лебедев 1949: 188]. Но, что «считает» Ф. Дебенхэм, тоже хорошо известно: «Несколько часов ясной погоды в этот день (т. е. 16 января 1820 г. – *А.О.*) и открытие было бы сделано на 110 лет ранее» [Шведе 1947: 358]. Тем более, что в другом месте А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев многозначительно пишут: «Территорию эту спустя сто с лишним лет (это же имел в виду и Ф. Дебенхэм. – *А.О.*) видела норвежская экспедиция, назвавшая ее «Землей принцессы Марты» [Григорьев, Лебедев 1949: 187].

Описав затем открытие экспедицией острова Петра I и Земли Александра I, советские географы резюмировали: «Так русские открыли Антарктический материк, подойдя к нему дважды в январе 1820 г., один раз в феврале того же года и наконец в январе 1821 г.» [Григорьев, Лебедев 1949: 187].

По крайней мере такая, отражавшая реальный ход экспедиционных дней и событий, хронологическая последовательность была уже весьма позитивной, тем более на фоне рассмотренных выше (и, надо признать, широко встречающихся и в дальнейшем) исследовательских подходов в советской историографии.

Дальше А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев снова впадали в эклектизм, когда писали: «В 1945 г. в Англии вышел перевод этого сочинения (книги Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831). – *А.О.*), причем упомянутый выше известный знаток полярных плаваний Дибенхэм в своих замечаниях к нему, признавая исключительные заслуги экспедиции, дает очень высокую (*sic!* – *А.О.*) оценку значения ее открытий, точности исследования, смелости и настойчивости участников» [Григорьев, Лебедев 1949: 189].

Еще дальше, в их тексте присутствовала очевидно самая большая мистификация советской «антарктической» историографии. А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев утверждали: «До 30-х годов XX в., по господствовавшему не только в русской (! – *А.О.*), но и в зарубежной науке мнению, приоритет открытия Антарктического материка совершенно справедливо приписывался русской экспедиции 1919–1821 гг.» [Григорьев, Лебедев 1949: 190].

Мистификация, а проще – обман, намеренное введение кого-либо в заблуждение, в данном, конкретном случае выразились прежде всего в том, что, как мы уже убедились выше, мнение о приоритете русских в открытии Антарктиды не только не «господствовало» (согласно интерпретационной модели А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева), но и напрочь отсутствовало как таковое.

Интересно, что советские специалисты не забывали при этом собственно прикладной, практический аспект важности факта первооткрытия. «Однако в 30-х годах нашего века, – продолжали они, – в связи с усиленным стремлением к захвату Антарктического материка и прилегающих к нему островов, проявленным империалистическими странами, был сделан ряд попыток оспорить первенство открытий Беллинсгаузена – Лазарева» [Григорьев, Лебедев 1949: 190]. В качестве важнейшей из таких «попыток», они рассматривали заявление представителя США Лоуренса Мартина на Международном географическом конгрессе в Амстердаме в 1938 г. Об этом в своей статье сообщал Н. Введенский (1941).

Ссылаясь на американский журнал «*Science*» (1939) А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев отмечали, что в числе «первых открывателей» Антарктиды, теперь зачастую, называют «Брансфильда (январь 1820 г.), не приводя никаких данных, подтверждающих правильность этого взгляда, а затем Пальмера (ноябрь 1820 г.) и Беллинсгаузена (январь 1821 г.)».

«Как мы видели, – писали они, – экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла Антарктический материк еще в январе 1820 г.» [Григорьев, Лебедев 1949: 190]. Несколько дальше они вновь повторили этот же свой вывод: «...Во всяком случае, самое большое, что могут утверждать американцы, это то, что Пальмер в ноябре 1820 г. м о г в и д е т ь (разрядка в оригинале. – *А.О.*) с довольно близкого

расстояния берега острова Грейама. Участники же русской экспедиции, как это уже отмечено, открыли Антарктический материк еще в январе 1820 г, т. е. почти на год ранее. Они подошли почти вплотную к берегам самого Антарктического материка; бесспорно видели (! – *А.О.*) и отдавали себе отчет (! – *А.О.*) в том, что находятся вблизи обширной земли» [Григорьев, Лебедев 1949: 191].

«Таким образом, – подытоживали они, – при всех условиях Беллинсгаузен – Лазарев и их доблестные спутники, доказавшие ошибочность господствовавшего в науке перед их экспедицией убеждения в отсутствии за полярным кругом обширной земли, должны поправу считаться первыми открывателями Антарктического материка. ...Подводя итоги сказанному, мы приходим к следующим выводам. Русская экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева была послана русским правительством со специальной задачей исследовать южно-полярные широты. Выполняя это задание, она открыла материк Антарктики и ряд островов...» [Григорьев, Лебедев 1949: 191, 193].

Такие оценки, конечно же радикально отличались, от уже внедренных в советскую историографию, показанных выше оценок и трактовок хода, основных результатов и итогов Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг.

Касаясь внешнеполитических аспектов историко-антарктических проблем, А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев писали следующее: «Все сказанное ранее об открытии русскими Антарктического материка (вообще-то, «ранее» в их статье, а не «сказанное» советскими историками и географами в предшествующие десятилетия. – *А.О.*) и о значении плавания Беллинсгаузена – Лазарева не помешало современным правительствам буржуазных стран объявлять отдельные секторы этого материка своей собственностью без всякого участия СССР в переговорах. В частности, Норвегия в 1931 и 1939 гг. объявила остров Петра I «своим владением». Это вызвало ноту СССР от 27 января 1939 г., сообщавшую Норвегии о незаконности подобной акции и о резервировании Советским правительством своей точки зрения относительно государственной принадлежности земель, открытых русскими» [Григорьев, Лебедев 1949: 192].

И вновь эти соавторы шли на фальсификацию, поскольку, зачем два раза – в 1931 и 1939 гг. – «объявлять» об одном и том же.

Норвежские правопритязания на остров Петра I, действительно получили свое внутривнутриполитическое (норвежское же) наполнение в 1931 г.; в 1939 г. речь, как было показано выше, уже шла об участках самого континента – Антарктиды.

Кстати, буквально «слово в слово», эту же версию озвучил в апрельском номере журнала «Морской сборник» инженер-капитан 3 ранга Л.Д. Черноусько. Он писал: «Так, например, Норвегия в 1931 и в 1939 гг. объявила о. Петра I «своим» владением. Советское правительство в ноте от 27 января 1939 г. резко протестовало против этого и не признала законной подобную акцию Норвегии» [Черноусько 1949: 98].

О том, что до выработки хоть сколько-нибудь целостной точки зрения на ход экспедиционных дней и событий, на результаты и итоги южнополярного плавания (и это, фактически, при наличии весьма ограниченного числа первоисточников!) в советской историографии Первой русской антарктической экспедиции было еще далеко, свидетельствует хотя бы работа авторитетного специалиста-мороведа, доктора географических наук, профессора Н.Н. Зубова. Его статья под достаточно «нейтральным» названием «Русские в Антарктике» была опубликована, также в марте 1949 г., в советском общественно-политическом журнале «Огонек».

Прочитывая руководителя английского Королевского географического общества Л.П. Кируэна, заявившего, что Англия всегда высоко ценила роль, которую русские моряки сыграли в открытии (не само открытие, а «роль в открытии». – *А.О.*) Антарктики, и, сделав этим своеобразный экивок, Н.Н. Зубов дал в дальнейшем своем повествовании, свою же трактовку экспедиционных дней января 1820 года.

В частности, он писал: «...Все возрастающее число айсбергов, несомненно говорило о близости материка. Ведь эти ледяные громады могли отделиться только от колоссальных ледников, сползающих в океан с суши. Русские моряки были убеждены, что недалеко есть земля. Мичман Новосильский писал: «Около нас должен быть берег или неподвижные льды».

Однако время шло, а желанный берег не показывался. Несколько раз корабли спускались за Полярный круг, но всюду путь преграждал

сплошной пловучий (! – *А.О.*) лед. Между тем антарктическое лето подходило к концу. ...Беллинсгаузен и Лазарев решили повернуть на север с тем, чтобы через полгода, по наступлении антарктического лета, возобновить поиски таинственного южного материка» [Зубов 1949: 22].

Такая вот, прямо скажем, невеселая картина...

Собственно, это была не исключительно «зубовская» трактовка; она сходилась с худшими, существовавшими еще в ранней советской историографии экспедиции, оценками и трактовками (например, продемонстрированными Н. Введенским [Введенский 1940; 1941] и М. Райхенбергом [Райхенберг 1941]).

По сути, описание Н.Н. Зубова и подходы, продемонстрированные академиком А.А. Григорьевым и Д.М. Лебедевым, находят, что называется, на «разных полюсах». Поэтому говорить, как это пытаются делать сегодня некоторые зарубежные историки [Bulkeley 2013: 9–25], о некоей «унификации» исследовательских практик советских авторов, которая состоялась якобы на основании, только лишь «самого факта» проведения общего собрания действительных членов Географического общества СССР, с точки зрения исторической науки, историографии не вполне корректно (в этой связи в последней главе книги воспроизведены полемические комментарии на статью Рипа Балкли).

Описав кратко открытие экспедицией острова Петра I и Земли Александра I, Н.Н. Зубов затем неожиданно пишет: «Все перечисленные факты с несомненностью свидетельствуют, что Антарктида открыта русскими. ...Это великое географическое открытие, навеки прославившее русский флот, положило начало нашим познаниям о материке за Южным полярным кругом» [Зубов 1949: 22].

Но, из самой статьи Н.Н. Зубова, скорее следовало, что Антарктиду русские – не открывали; во всяком случае, абсолютно непонятно, что могло свидетельствовать об этом, упомянутое самим, этим советским военно-морским географом, «все перечисленное»?

В апреле 1949 года, в журнале «Вокруг света» была опубликована статья геодезиста, начинающего беллетриста и путешественника Г. Кублицкого «Колумбы Антарктики».

Его интерпретационная модель событий января – февраля 1820 года, выглядела следующим образом: «...Но Лазарев и Беллинсгаузен (стоит обратить внимание на совершенно необычное для советской

историографии, «месторасположение» руководителей экспедиции – лейтенант М.П. Лазарев назван первым. – *А.О.*) не уставали обходить айсберги..., они выбирали участки свободной воды, чтобы еще хоть немного продвинуться к югу.

...Однажды корабли подошли к огромному ледяному полю. Оно лежало почти у 70° южной широты. Пять дней плыли шлюпы вдоль этого странно неподвижного нагромождения льдов. Уж не близкий ли берег они скрывали?

В начале февраля экспедиция снова перешла за 69° южной широты. Но ледяной барьер снова закрыл путь. Надо было отступать, чтобы искать счастья в другом месте. Какая-то неизвестная земля должна быть недалеко! И она действительно была совсем близко от кораблей. В январе и феврале (1820 г. – *А.О.*) русские моряки не раз почти вплотную приближались к ней. Огромное поле, которое они видели, скрывало край материкового берега. Оставалось только своими глазами увидеть хотя бы кусочек земли. Казалось, еще одно последнее усилие – и заблуждение, которое посеял самонадеянный Кук, бедет рассеяно раз и навсегда.

Но короткое антарктическое лето кончалось... Русские корабли повернули на север. Они уходили, но уходили непобежденными» [Кублицкий 1949(а): 6].

Открытие континента русской экспедицией этот автор связывал прежде всего с открытием острова Петра I и Земли Александра I. Но, в его работе (работе непрофессионального географа), в отличие от статьи доктора географических наук Н.Н. Зубова, хотя бы, были упомянуты подходы кораблей экспедиции к берегу Антарктиды, в январе – феврале 1820 года.

В напечатанной сразу же после статьи Г. Кублицкого, совсем небольшой заметке журналиста, полярного исследователя, историка Арктики Н.Я. Болотникова (1905–1977), повествующей об альбоме рисунков художника Первой русской антарктической экспедиции П.Н. Михайлова, было отмечено, что русские моряки «утвердили приоритет своей родины на открытие Антарктиды» [Болотников 1949: 9]. Однако предшествующее этому выводу упоминание открытий, сделанных уже в 1821 г., ясно показывало, что подразумевается под таким «приоритетом».

Вскоре в издании Главсевморпути «Летопись Севера» была опубликована (подписано к печати 6/IV 1949 г.) статья М.Е. Афонина «Борьба вокруг Антарктики».

Невероятно, но, в материале, который предвляла перепечатка выступления «светила» советской географии Л.С. Берга (причем, с очередным тиражированием его же тезисов о том, что Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев «...открыли существование Антарктики», что «...за СССР остается... такое же право, по которому Франция претендует на Землю Адели...» [Русские 1949(б): 271, 274] и прочими, его же эклектизмами. – *А.О.*) М.Е. Афонин, упомянув, что «стремясь во что бы то ни стало обосновать свои претензии, американские дельцы и их верные подголоски в Англии и Канаде предпринимают в течение уже нескольких лет попытки оспорить первенство открытий Беллинсгаузена – Лазарева», писал, что, «конечно, упорно замалчивается (! – *А.О.*), что шлюпы «Восток» и «Мирный» открыли берега Антарктиды еще 16 января 1820 года под 69°21' южной широты» [Афонин 1949: 284].

Эта невероятность выразилась и в том, что осознанно (или, быть может, нет? – *А.О.*) М.Е. Афонин указал на тот самый «труп в шкафу», который, здорово «омрачал жизнь» советской антарктической историографии, а именно, на откровенное замалчивание открытия экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева Антарктиды в январе 1820 года.

В июне 1949 года в литературно-художественном и общественно-политическом журнале ЦК ВЛКСМ «Смена», была опубликована статья директора Института географии Академии наук СССР, академика А.А. Григорьева.

Уже в короткой вводной аннотации к этой статье, говорилось: «Обычно считали, что открытие Антарктического материка было совершенно экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева в январе 1821 года. Академик А.А. Григорьев путем детального исследования текста описания, данного Беллинсгаузенем, установил факт открытия материка на 1 год раньше. В связи с этим публикуемая редакцией журнала «Смена» статья академика А.А. Григорьева представляет особый интерес» [Григорьев 1949: 10].

Что же «подвигло» этого советского академика встать на такую точку зрения: действительно ли его личные научные изыскания, «детальные исследования» (как утверждал советский журнал «Смена»),

или инспирированные извне, крайне несвойственные для советской историографии, точки зрения?

Согласно официальным советским источникам об этом географе, в том числе, известно, что он в 1907 г. окончил Петербургский университет, затем «совершенствовал свои знания» в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В 1909–1916 гг. работал в отделе географии Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (до прекращения издания). Согласно официальным советским источникам, «...был лишен права преподавания в связи с участием в революционных событиях 1905 г. и получил литературный заработок в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, одновременно сотрудничал в различных журналах».

С 1918 г – профессор организованного по его инициативе первого в стране высшего географического учебного заведения – Географического института в Ленинграде, в 1925–1936 гг. – профессор Ленинградского университета, в 1931–1933 гг. – ученый секретарь, позднее заместитель председателя и председатель Географической ассоциации АН СССР, в 1935 г. – присуждена степень доктора физической географии без защиты диссертации. Инициатор создания (1918) при Академии наук промышленно-географического отдела Комиссии по изучению естественных производительных сил России, преобразованного (1931) в Институт географии АН СССР. До 1951 г. – директор этого института. С 1932 г. член Географического общества в Нью-Йорке (*American Geographical Society*). Лауреат Государственной премии СССР (1947) [Рихтер 1947: 7–9; Григорьев 1985: 87–88].

Само название этой статьи – «Русские открытия в Антарктике» – несло в себе своеобразный «вызов», поскольку было одноименно первой части названия доклада академика Л.С. Берга («Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней»), озвученному им 10 февраля 1949 г. в Ленинграде на общем собрании действительных членов Географического общества СССР (при том, что ни сам Л.С. Берг, ни его доклад вовсе не упоминались в этой статье А.А.Григорьева). В этом докладе, как известно, крайне малое внимание было уделено ключевым для итогов экспедиции, дням января – февраля 1820 года, а факт открытия Антарктиды русской экспедицией так и не получил, в рамках этого доклада, публичного оглашения (и, соответственно, не попал в

резолюцию Общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР).

В этом смысле и с учетом анализа работ Л.С. Берга, мифологизированной выглядит сегодняшняя точка зрения В.С. Корякина, относительно того, что «указания маститого академика (в ходе своего доклада, когда он кратко говорил о подходах кораблей экспедиции 16 января и 5 февраля 1820 г. – *А.О.*) заставили внимательнее обратиться не только к официальному экспедиционному отчету, каким является... (книга Ф.Ф. Беллинсгаузена. – *А.О.*), но и к свидетельствам других участников событий, и, что особенно важно, к рапортам самого Ф.Ф. Беллинсгаузена, направлявшимся при первой возможности в адрес морского министра маркиза де Траверсе» [Корякин 2008: 8].

Активизации поиска различных документов, связанных с экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, стали не указания «маститого академика», а последствия решения ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 г. Вообще, неизвестно о том, чтобы Л.С. Берг сам призывал к какому-либо активному поиску таких документов, проявлял в таком поиске хоть какую-нибудь заинтересованность.

Следует заметить, что, уже в работах 1925 года, «начинают проявляться те расхождения (правда, эти расхождения относятся к другой области географической науки. – *А.О.*), которые позднее разъединят Л.С. Берга и А.А. Григорьева, формально может быть, но разъединят» [Забелин 1989: 114].

Историк развития «географической мысли» в СССР, И.М. Забелин пишет: «Впервые свои представления о географии как науке и о предмете ее исследования А.А. Григорьев систематически изложил в статье «Задачи и методы экономической географии», опубликованной в 1925 г.

Начинает Григорьев с заявления, что после работ А. Геттнера и Л.С. Берга ему совершенно незачем «распространяться» о задачах и целях географии как науки в целом, но все-таки «распространяется» и отнюдь не повторяет при этом ни Геттнера, ни Берга» [Забелин 1989: 106].

То же самое произошло и на этот раз. Среди прочего А.А. Григорьев писал: «Совершенное в 1819–1821 годах плавание русских

ученых-моряков Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в высоких широтах Южного полушария впервые открыло истину.

16 января 1820 года «Восток» и «Мирный» на широте 69°21′ встретили сплошные льды, простиравшиеся «от востока через юг на запад».

Плава в пределах 69°–68° южной широты в этих районах, снова подошли к 21 января 1820 года на широте 69°25′ к огромному ледяному полю, пределов которого на восток, запад и юг не могли увидеть.

Командиры экспедиции ясно представляли огромность протяжения виденного ими ледяного поля и близость земли.

Таким образом, экспедиция впервые открыла Антарктику (Антарктиду? – *А.О.*) в январе 1820 года.

...Таким образом, именно русские ученые-мореплаватели первыми в мире открыли Антарктический материк, подойдя к нему четыре раза: два раза в январе 1820 года и еще раз – в январе 1821 года.

...Однако с 30-х годов нашего века, в связи с усилившимся стремлением к захвату Антарктики и прилегающих к ней островов, проявляемым империалистическими государствами, было сделано несколько попыток оспорить первенство открытий Беллинсгаузена – Лазарева.

...Но все попытки оспорить приоритет русских открытий в Антарктике в 1819–1821 годах не имеют оснований.

Не приводится никаких документальных данных, которые позволили бы утверждать, что до экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева какой-либо корабль подходил близко к Антарктическому материку...» [Григорьев 1949: 10–11].

Правда, заключительный абзац статьи академика А.А. Григорьева может в очередной раз несколько насторожить внимательного исследователя. Он пишет: «...Поэтому сделанные русской экспедицией исключительные по их важности открытия дают СССР неоспоримое право участвовать в решении всех вопросов о режиме Антарктики. Поэтому решения такого рода, принимаемые без участия СССР, являются незаконными и не могут признаваться правительством СССР. Долг советских географов – громогласно заявить об этом на весь мир» [Григорьев 1949: 10–11].

Вполне понятно, что эти слова прямо соотносятся с резолюцией общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР, а значит, с позицией академика Л.С. Берга. «Исключительные по важности открытия (! – *А.О.*)» не суть открытие (в единственном числе) Антарктиды.

Несмотря на это, вряд ли к данной ситуации следует относиться так, как это сделал И.М. Забелин (который, кстати, явно был на стороне А.А. Григорьева, разделял его позиции, а не позиции Л.С. Берга в физико-географической науке), естественно, что в ином контексте: «К немалому моему удивлению, А.А. Григорьев неожиданно сам отрекся от собственной интереснейшей мысли» [Забелин 1989: 227]. В то же время «феномен советской историографии» демонстрирует нам (причем в проводимом исследовании наиболее наглядно) многократную смену позиций советских авторов, анализировавших итоги Первой русской антарктической экспедиции.

Летом того же, 1949 года, по распоряжению Президиума Всесоюзного географического общества стенографический отчет, прошедшего в феврале в Ленинграде общего собрания, был издан в виде брошюры (вновь созданным Государственным издательством географической литературы – Географгиз) сотысячным тиражом [Берг 1949(а)].

При сравнении текста доклада Л.С. Берга, опубликованного в отчете газеты «Известия» с текстом, приведенным в этой брошюре, обращает на себя внимание, что в одном из ключевых абзацев выступления, слово «Антарктика» было, все-таки, исправлено. Абзац этот теперь заканчивался так: «...и открыли существование Антарктиды» [Берг 1949(а): 6].

С исходным текстом, где было использовано словосочетание «**...и открыли существование Антарктики**», текст доклада Л.С. Берга был, к примеру, перепечатан в органе Союза писателей СССР, литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Звезда» [Академик 1949(а): 92]. С упоминанием открытия «существования Антарктики», текст доклада Л.С. Берга был также воспроизведен в мартовском выпуске журнала «Вестник Академии наук СССР» [Академик 1949(б): 40] и в издании Главсевморпути «Летопись Севера» [Русские 1949(б): 271].

Для тех, да и для последующих лет, это была обычная практика. Например, доклады, зачитанные на заседании Президиума АН СССР, были опубликованы вместе с материалами Общего собрания АН СССР, которое проходило 5–11 января 1949 г. в Ленинграде. Сравнение опубликованных текстов докладов с протоколом заседания Президиума АН СССР показало, что выступления докладчиков опубликованы не только с редакторской правкой, но и с некоторыми сокращениями [Протокол].

Кроме того, и, это чрезвычайно интересно, в брошюре был напечатан текст доклада профессора Д.Г. Панова, не вошедший в отчетный материал в газете «Известия» (этот же доклад был опубликован в одном из выпусков «Известия ВГО» [Известия 1949: 146–147]).

Физикогеограф и геоморфолог, доктор географических наук (1940), профессор (1941) Д.Г. Панов (1909–1965) в 1921 г. принимал участие в экспедиции на полуостров Канин. В 1930–1934 гг. работал в Арктическом институте и ГГИ, в 1934–1937 гг. – в Институте геоморфологии АН СССР. В 1946–1951 гг. – профессор кафедры полярных стран Ленинградского университета [Панов 1993: 172].

При обсуждении доклада академика Л.С. Берга, профессор Д.Г. Панов подчеркивал: «Среди продолжающихся и по настоящее время споров о принадлежности отдельных пространств Антарктики различными государствами забывается, что этот материк был впервые открыт русскими, что основа его научному исследованию тоже была положена работами русских исследователей. Поэтому не может возникать сомнений в том, что Советский Союз имеет полные основания для участия в разделении территории Антарктики. Советскому Союзу должны принадлежать в Антарктике пространства земель, которые стали известны человечеству благодаря их открытию русскими мореплавателями».

«Мы не можем мириться, – заключал свой доклад Д.Г. Панов, – с отрицанием великих заслуг русских людей в открытии и исследовании нового материка Антарктиды. Утверждением их приоритета должно явиться выделение антарктических земель, принадлежащих Советскому Союзу» [Берг 1949(а): 26].

Контр-адмирал, профессор Е.Е. Шведе стоял на аналогичной позиции, когда призвал собрание «выразить громкий протест против всех и всяких посягательств на антарктические земли, открытые русскими мореплавателями, и против всяких попыток раздела Антарктиды без участия Советского Союза» [Берг 1949(а): 25].

Возможно именно подобные требования и стали главной причиной того, что доклад Д.Г. Панова не был опубликован в центральной газете. Подобные радикальные требования очевидно не соответствовали основным положениям, только еще формирующейся антарктической политики СССР. Замечание Д.Г. Панова о том, что Географическое общество, «постоянно отмечало и защищало приоритет русских географов» в отношении факта первооткрытия Антарктиды, безусловно не соответствовало действительности.

При, лишь еще только, намечающемся отторжении идеи (при предыдущей, на протяжении нескольких десятилетий, полной индифферентности к ней) о секторальном разделе Антарктики, Советский Союз, официально, пока еще не проявлял большой заинтересованности и в интернационализации (при имеющейся определенной склонности к проведению последней) континента и окружающих его океанических и морских вод.

В статье одного из советских специалистов, опубликованной в октябрьском выпуске (за 1949 год) журнала «Вопросы экономики», можно было прочесть следующее: «В заявлении государственного департамента США, сделанном в августе 1948 г., говорится, что им начаты неофициальные переговоры с Англией и ее доминионами, с Францией, Норвегией, Аргентиной и Чили о «форме интернационализации Антарктики», о создании «международного управления» ею. История наших дней знает немало примеров так называемого «международного управления» теми или иными территориями империалистическими государствами. Нетрудно поэтому разгадать, что скрывается за такого рода «интернационализацией». ...Планы «международного управления» Антарктикой, вынашиваемые на Уолл-стрите, прикрывают попытку американских монополий установить свое господство над этим важным районом и вытеснить отсюда все другие государства» [Михайлов 1949: 71].

И, все-таки, «секторальные позывы», нет-нет да и проскакивали изредка на страницах советской печати. Интересно, что описывавший в журнале «Знание – сила» (июльский, за 1949 год, номер) ход собрания географов, советский писатель А. Адамов упоминал некоего «молодого ученого», только что вернувшегося «из тех районов Земного Шара, которые сейчас привлекли внимание всей советской общественности».

«И я предлагаю, товарищи, – говорит персонаж А. Адамова, – назвать тот район, где наши славные мореплаватели Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев открыли остров Петра I и землю Александра I, русским (даже не советским?! – *А.О.*) сектором Антарктики.

Гром аплодисментов был ответом на это справедливое предложение» [Адамов 1949: 26].

Вообще ход собрания географов в описании А. Адамова, очевидно стоит признать наиболее эффективным (в агитационно-пропагандистском плане) и «драматичным» в советской литературе. Речь в очерке этого автора, судя по всему, идет о собрании московских географов, состоявшемся вскоре после проведения общего собрания действительных членов Всесоюзного географического общества 10 февраля 1949 года в Ленинграде. Поскольку этот автор упоминает в качестве вводного, доклад директора Института географии АН СССР академика А.А. Григорьева (который, согласно официальным отчетам общего собрания 10 февраля 1949 года, на последнем не выступал [Русские 1949(а); Общее 1949(а)]), а не доклад президента Географического общества СССР академика Л.С. Берга, который и озвучил, ставший затем «знаменитым» в советской историографии, доклад «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» [Русские 1949(а); Общее 1949(а)].

В частности, А. Адамов писал: «Собрание проходило бурно. Все присутствующие хорошо знали, что сейчас происходит подлая, незаконная попытка фальсифицировать историю, ревизовать ее в угоду алчным аппетитам и сумасбродным планам империалистических кругов Запада. Всем собравшимся в этот вечер было ясно, что враги замахнулись на честь и достоинство нашего народа, на его приоритет в великом открытии.

...Выступает новый оратор. И снова с трибуны несутся гневные слова по адресу блудливых буржуазных лакеев от науки, стремящихся в интересах своих англо-американских хозяев опорочить благородный подвиг русских моряков.

...На трибуне академик А.А. Григорьев. Это он в начале собрания рассказал о замечательном плавании русских моряков и обрисовал истинную картину происшедших за последние годы событий, которые вызвали гневный протест всей советской общественности» [Адамов 1949: 26].

С другой стороны, А. Адамов не пренебрег с своим, по сути, беллетристическом очерке особо остановиться на ключевых для Первой русской антарктической экспедиции, событиях января – февраля 1820 года. Однако сделанные им при этом, его выводы, были (при внешней их «последовательности» и «логичности», большей даже, чем у многих профессиональных советских историков и географов) на самом деле преисполнены все того же советского («космополитичного»? – А.О.) лукавства.

Он писал: «16 января 1820 года на широте 69 градусов 53 минуты Беллинсгаузен встретил сплошные льды особой бугристой формы. Он их тщательно описал и не забыл отметить, что огромное множество птиц кругом указывало на близость земли. Плавая среди льдов в пределах 68–69 градусов южной широты, корабли 21 января на широте 69 градусов 25 минут снова подошли к гигантскому ледяному полю, границ которого нигде не было видно.

В настоящее время бесспорно установлено, что описание льдов, данное Беллинсгаузенем, в точности соответствует внешнему виду льдов, покрывающих в этом месте антарктический материк. Кроме того, по новейшим данным береговая линия материка проходит как раз по тем точкам, которые определил 16 и 21 января 1820 года Беллинсгаузен. Таким образом, следует считать твердо доказанным, что впервые Антарктида – шестая часть света – была открыта на год раньше, чем подозревал (недаром в последующие годы А. Адамов стал специалистом в области детективного жанра... – А.О.) сам Беллинсгаузен, а именно в январе 1820 года.

Скромность (вот она, «разменная монета» советской историографии. – А.О.) и огромная требовательность к себе не

позволили в свое время Беллинсгаузену и Лазареву объявить о своем открытии. Но это обстоятельство не играет решающей роли. Вель когда Семен Дежнев проплыл пролив, разделяющий Азию и Америку, он и не подозревал об огромном значении своего отважного плавания, однако его справедливо считают открывателем этого пролива. Колумб тоже был уверен, высадившись в Кубе, что он находится в Индии, однако это не умаляет его подвига, и всеми считается, что именно он открыл Америку» [Адамов 1949: 27].

На наш взгляд, в очерк А. Адамова были «инкорпорированы» взгляды кого-то из профессиональных историков или географов (вполне допустимо предположить, что ключевого докладчика московского собрания географов, самого академика А.А. Григорьева), стремившихся внедрять в научный оборот и общественное мнение подобные эклектичные измышления. Чуть позднее в советской историографии подобную версию о «ведении-неведении» обыгрывал доктор исторических наук А.И. Андреев (подробнее об этом будет сказано ниже).

Далее А. Адамов, в таком «фантастическом русле» продолжал свой очерк: «Экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева явилась выдающимся событием. Ученые всего мира с восторгом приняли ее результаты. ...Не было споров, не было возражений, приоритет русских в открытии Антарктиды был признан всеми.

Прошло сто с лишним лет... И кое-кто из англо-американских «ученых» по указанию своих хозяев решил пересмотреть старые позиции. «Иные времена – иные песни» у этих прожженных лакеев от науки... (в этой связи, нельзя не вспомнить девиз «корифея» советской науки академика Л.С. Берга, который, в своей летописи Географического общества за столетний период избрал, таким девизом, выражение *«La verita è figliola del tempo»* («Истина – дитя времени») Леонардо-да-Винчи [Берг 1946(в): 25]. – *А.О.*).

Поэтому так горячо и взволнованно встречали москвичи – члены Всесоюзного географического общества – выступления молодых советских ученых, только что вернувшихся из района Антарктики, где они вели научные наблюдения на кораблях нашей китобойной флотилии «Слава»...» [Адамов 1949: 28–29].

В советских источниках за 1949 год можно встретить простые упоминания приоритета открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева. Так, в июльской книжке «Морского сборника», в передовой редакционной заметке говорилось: «Исключительно велик вклад русских моряков в изучение Арктики и Антарктики. Достаточно напомнить, что русские мореплаватели на русских кораблях первыми открыли Антарктиду» [День 1949: 6]. Конечно не вполне понятен был прозвучавший тезис – «первыми открыли», поскольку само открытие, априори, предполагает и такую «первость».

В июльском же номере журнала «Природа», в разделе «Критика и библиография» Д.В. Лебедев писал, что в самом начале XIX века «началась эпоха русских кругосветных путешествий, оставивших глубокий след в истории познания Тихого океана и Антарктиды, открытой Ф.Ф. Беллинсгаузенем» [Лебедев 1949(а): б/с].

В августовском номере этого же журнала, и, вновь Д.В. Лебедев, при аннотировании очерков о выдающихся людях русской науки подчеркнул, что к недостаткам упомянутых очерков, следует отнести то, что, «пропущены некоторые имена, безусловно заслуживающие включения в число самых выдающихся русских ученых». Среди последних (т. е. «пропущенных») он упомянул «замечательного путешественника, открывшего Антарктиду, Ф.Ф. Беллинсгаузена» [Лебедев 1949(б): 100].

Теперь можно опять вернуться к изданному отдельной брошюрой докладу Л.С. Берга и других участников общего собрания действительных членов Географического общества СССР, а также, к итоговой резолюции этого мероприятия.

Ученый секретарь Общества профессор С.В. Калесник обратил внимание присутствующих на общем собрании, на то, что многие правительства путем односторонних актов стремятся «объявить своей собственностью те или иные участки антарктической суши без всякой консультации с Советским Союзом, который тоже имеет в Антарктике свои интересы» [Берг 1949(а): 21].

Член-корреспондент АН СССР, профессор В.Ю. Визе считал, что «большой перерыв в исследовании русскими Антарктики никоим образом не может поколебать исторически обоснованное право русских

на участие в решении вопросов Антарктики» [Берг 1949(а): 23]. Обосновывал этот, так называемый «перерыв» В.Ю. Визе следующим образом: «...Советский Союз, занятый защитой и укреплением своего молодого государства, в первое время своего существования, естественно, не мог уделять вопросам Антарктики должное внимание».

«Более того, – продолжал он, – советская научная общественность не раз поднимала вопрос об отправке в Антарктику советской экспедиции, научные работы которой должны были рассматриваться как продолжение работ Беллинсгаузена и Лазарева. Так, еще Институт по изучению Севера ставил вопрос об организации советской антарктической экспедиции, в задачи которой, между прочим, входило устройство на острове Петра I научно-исследовательской станции. Это было до 1 мая 1931 года, т. е. до того, как Норвегия заявила о своих притязаниях на этот остров. В дальнейшем вопрос об исследовании Антарктики не раз поднимался Арктическим институтом. ...После Великой отечественной войны Советский Союз считал необходимым организовать в Антарктике китобойный промысел. Эти работы стали сопровождаться и научными исследованиями в антарктических водах. Таким образом длительный перерыв в русских антарктических экспедициях (все-таки такую активность нельзя еще было рассматривать как собственно экспедиционную деятельность. – *А.О.*) пришел к концу» [Общее 1949(б): 66].

Подчеркнутое указание В.Ю. Визе на инициативы в отношении проведения советской южнополярной экспедиции, которые были выдвинуты еще до «1 мая 1931 г.», должно было, очевидно, стать своего рода политико-правовым (международно-правовым) аргументом в деле опровержения неправомерных действий Норвегии.

С другой стороны, упомянутый чуть выше тезис В.Ю. Визе о том, что «большой перерыв в исследовании русскими Антарктики никоим образом не может поколебать исторически обоснованное право русских на участие в решении вопросов Антарктики» [Берг 1949(а): 23], требовал своего конкретного наполнения, требовал, если угодно, того самого «исторического обоснования».

В советских источниках подчеркивалось, что в своих публикациях и выступлениях В.Ю. Визе, «показывает и отстаивает приоритет отечественных открытий в Арктике и Антарктике». В 1929 г. В.Ю. Визе

переходит не службу в Арктический научно-исследовательский институт и работает в нем до 1950 г. в качестве заместителя директора и председателя Ученого совета [Владимир 1959: 760, 763].

Тем не менее, озвученные выше советскими специалистами, фактические их призывы к секторальному разделу Антарктики не получили своего конкретного подтверждения в Резолюции общего собрания Географического общества Союза ССР. В резолюции прямо не прозвучала и ключевая фраза о том, что русская правительственная экспедиция «открыла Антарктиду». Однако на основании «заслуг русских мореплавателей» (обход в течение 1819–1821 гг. вокруг антарктического материка, открытие в 1821 г. острова Петра I и Земли Александра I, и др.) возникало «бесспорное право Советского Союза на участие в решении вопросов Антарктики».

Вопросы Антарктики, говорилось далее в резолюции, должны решаться прежде всего теми государствами, которые имеют «историческое право» на участие в таком решении. Именно на основании этого Географическое общество протестовало против решения вопросов Антарктики без участия СССР. Резолюция заканчивалась указанием на то, что «всякое решение вопроса о режиме Антарктики без участия Советского Союза не может иметь законной силы, и СССР имеет все основания не признавать любого такого решения» [Берг 1949(а): 31–32].

Ключевые положения Резолюции общего собрания Географического общества были положены в основу Меморандума Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики [Меморандум 1950(б)], как было уже решено раньше и доложено А.Я. Вышинским И.В. Сталину [Докладная 1950].

Как видно, в выступлениях других видных деятелей ВГО – члена Ученого совета ВГО проф. В.Ю. Визе, члена Президиума Общества проф. Е.Е. Шведе и, особенно, профессора Кафедры географии полярных стран Ленинградского университета Д.Г. Панова, были даны более конкретные указания на факт первооткрытия Антарктиды русской экспедицией, чем это было отражено в докладе самого президента ВГО, академика Л.С. Берга. Кроме того в их докладах более предметно получили отражение те, начинавшие понемногу выкристаллизовываться, антарктические правопритязания Советского Союза.

Показательно, в контексте неоднократно упомянутой выше «подвижной», предельно эклектичной позиции Л.С. Берга относительно факта первооткрытия, его отношение к этому факту в новой редакции его же очерков по истории русских географических открытий, изданных совсем вскоре после состоявшегося «антарктического» Общего собрания ВГО. В это издание был включен специальный раздел «Русские открытия в Антарктике», в котором, давалась краткая физико-географическая информация об Антарктиде.

Л.С. Берг отмечал, что «за советское время проделана громадная работа по изучению рельефа, климата, вод, почв, растительного и животного мира, экономической географии и географического описания СССР».

«Однако в одном разделе географической науки, – иезуитствовал Л.С. Берг, – наблюдается некоторое отставание. Мы имеем в виду историю географических открытий и исследований – ветвь географии, чрезвычайно важную для дальнейшего роста нашей науки. ...Между тем широки круги общества, особенно молодежь, обнаруживает большой интерес к истории географических открытий (выше мы убедились, что, к примеру, в 30-е годы «предлагалось» молодежи, чтобы утлить такую ее «научную жажду». – *А.О.*). Об этом можно судить по вниманию, какое проявляется, например, к нашим арктическим исследованиям, современным и прошлым (а, значит, будь у государства хоть чуть-чуть желания, то такой же интерес был проявлен бы и к истории Первой русской антарктической экспедиции. – *А.О.*), а также к юбилейным датам, связанным с именами наших великих путешественников – П.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.А. Северцова, Н.Н. Миклухо-Маклая, Н.М. Пржевальского, Беринга и других (как видим, и в это книге, подписанной к печати 30 ноября 1949 года, среди имен великих русских путешественников Л.С. Берг вовсе не упоминает имена Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. – *А.О.*). Если и другим дисциплинам полезно изучать свою историю, то для географической науки это сугубо (*sic!* – *А.О.*) необходимо» [Берг 1949(б): 9].

Так вот, Л.С. Берг по ходу всей этой новой своей работы упоминает об «открытиях в Антарктике» в 1821 г. [Берг 1949(б): 6 и др.], о том, что Ф.Ф. Беллинсгаузен «посетил Антарктику и сделал там замечательные открытия» (т. е. снова использована фразеология Ю.М.

Шокальского). Наконец, о том, что «весьма вероятно (?! – *А.О.*), что описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собою именно окраину антарктического материка» [Берг 1949(б): 181].

Упомянув плавание в Антарктике американского капитана-промышленника Палмера, Л.С. Берг неожиданно пишет, что, «во всяком случае Беллинсгаузен и Лазарев еще 16 января и 5 февраля 1820 г. видели берег антарктического материка» [Берг 1949(б): 181, сноска 2].

Здесь снова можно увидеть, что в пределах работы одного и того же автора, более того – на одной странице! – вполне мирно соседствовали сомнение («весьма вероятно») и уверенность («во всяком случае»).

Книга советского географа И.М. Забелина «Очерки истории географической мысли в СССР (1917–1945)» была использована в качестве источника уже на заключительной стадии работы над настоящей монографией. Тем интереснее было встретить там такие, характеризующие Л.С. Берга, строки: «Сам же Л.С. Берг, сказав «а», тут же сказал противоположное «б»: «Естественный отбор и ландшафт распределят формы по лику земли, но, понятно (? – *И.З.*), не создают эти формы» [Забелин 1989: 193]. Вообще, комментируя «стиль мышления» Л.С. Берга, И.М. Забелин отмечал, что, «...тут уйма любопытного для исследователей творчества, и особенностей научного мышления...» [Забелин 1989: 219].

В этой же редакции очерков Л.С. Берга в подразделе «Оценка трудов русской антарктической экспедиции» были приведены лишь оценки ряда второстепенных фактов, связанных с путешествием. Основной результат не был предметно обозначен, а был прикрыт витиеватой метафорой. Л.С. Берг писал: «Наши славные мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев по справедливости могут быть названы Колумбами Антарктиды» [Берг 1949(б): 186] (само сравнение, без указания первоисточника было взято из книги Н. Введенского; эту же метафору использовал в своей речи на Общем собрании ВГО проф. С.В. Калесник).

Как было указано в самом этом, новом издании очерков Л.С. Берга, вошедший в это издание раздел «Русские открытия в Антарктике» был первоначально напечатан во втором выпуске «Известия

Географического общества» за 1949 год. Однако элементарное сравнение этих текстов показывает, что они разные отличаются друг от друга.

В частности, значительно разнятся в оценке факта первооткрытия континента. Так, в «изначальном», опубликованном в «Известия ВГО» тексте Л.С. Берг пишет (дословно повторяя свой доклад на Общем собрании ВГО) о дне 16(28) января 1820 г.: «Теперь ясно, что описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собой именно окраину антарктического материка» [Берг 1949(в): 141].

А в тексте новой редакции очерков (якобы перепечатанному с «Известия ВГО») этот же экспедиционный день предстает в трактовке советского географа уже следующим образом: «Весьма вероятно, что описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собою именно окраину антарктического материка» [Берг 1949(б): 181].

Как видно, позиция Л.С. Берга в отношении факта первооткрытия, после Общего собрания ВГО в очередной раз эволюционировала (собрание состоялось 10 февраля 1949 г., а рукопись очерков была подписана в печать 30 сентября 1949 г.): от «теперь ясно», до «весьма вероятно».

Эклектика подходов тех лет проявилась в фальсификации зарубежных оценок, точнее, числа «положительных отзывов» в отношении основных результатов русской антарктической экспедиции. Например, в этой же, опубликованной в «Известия ВГО» статье Л.С. Берга, на основании всего лишь нескольких тенденциозно подобранных цитат утверждалось, что «приоритет русских открытий в Антарктике никем не оспаривается» [Берг 1949(в): 143].

Однако реальная картина была совсем иной: такой приоритет чаще всего просто не признавался за рубежом или же не принимался во внимание, поскольку о таком приоритете не заявляла сама страна-первооткрыватель.

У себя же в стране, окончательному признанию и осознанию того неопровержимого факта, что именно русские открыли последний из неоткрытых на Земном шаре континентов, мешали двойственные оценки факта первооткрытия, которые были даны в первую очередь самим Л.С.

Бергом. Учитывая занимаемое им в географической науке положение, его подход «сомневающегося и колеблющегося» не мог не повлиять, в известной степени, и на позицию других географов и историков.

По мнению автора, далеко не случайно одним из эпиграфов к составленной академиком летописи Географического общества за столетний период, он сам, как уже было отмечено чуть выше, избрал выражение «*La verita è figliola del tempo*» («Истина – дитя времени») Леонардо-да-Винчи [Берг 1946(в): 25].

В качестве еще одного эпиграфа, который видимо импонирует Л.С. Бергу, он выбрал слова Гесиода: «Для того, кто распоряжается временем, нет ничего невозможного» [Берг 1946(в): 25].

И это действительно так. В этой связи один из современных российских авторов напоминает, что история – этот тот фундамент, без которого построить «здание» национализма, национальной культуры, в сущности, невозможно. Сам национализм в самом широком плане является формой исторической культуры.

Вообще, позволительно предположить, что это «светило» (согласно сегодняшней российской биобиблиографической литературе – «географ-энциклопедист» [Берг 1993: 86]) советской науки выполнял, проводя такую эклектичную линию в отношении факта первооткрытия, конкретный социальный заказ своих зарубежных визави, заинтересованных в насаждении в России, а затем и в Советском Союзе, таких подходов.

То, что позиция Л.С. Берга в отношении основных научных результатов экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, была позицией «сомневающегося и колеблющегося», достаточно убедительно показывают приведенные выше цитаты из его историко-географического наследия. Совершенно не согласуются с позицией Л.С. Берга сведения, приведенные об этом советском академике И.М. Забелиным.

Последний писал: «Л.С. Берг принадлежал к неслишком многочисленной категории ученых, не изменяющих своих взглядов (принципиального характера) в зависимости от конъюнктуры и даже (! – А.О.) объективного хода развития науки. Первый, личностный вариант безусловно заслуживает всякого рода положительных оценок...

Сложнее со второй вариацией. После опубликования своей первой работы в области теоретической географии (она уже в 1917 г. подвергалась критике, А.А. Крубером например) Л.С. Берг продолжал отстаивать свою позицию еще тридцать пять лет, до конца жизни» [Забелин 1989: 56–57].

Похоже однако, что, в отношении итогов Первой русской антарктической экспедиции позиция Л.С. Берга, могла быть попросту не выработана. Вот, что пишет дальше об этом «энциклопедисте» И.М. Забелин: «Некоторая неловкость в историко-географической оценке его работ заключается в том, что Берг, ученый-энциклопедист (! – *А.О.*), выступил с программной статьей о сути географии и месте ее в системе наук, выступил, лишь приблизительно (! – *А.О.*) зная историю географической мысли, историю географии как науки. ...Естественно, что при ограниченном знании предмета невозможно было выступить убедительно... (что Л.С. Берг и «продемонстрировал» в очередной раз, но, теперь уже через тридцать лет, в ходе своего доклада «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней». – *А.О.*)» [Забелин 1989: 57].

Позволительно задать вопрос: в чем тогда, заключался «энциклопедизм» Л.С. Берга, при его, констатируемом «приблизительном» знании истории географической мысли, истории географии как науки?

Энциклопедизм его, этакое «вольтерьянство», в наиболее широком, манифестном виде показан самим Л.С. Бергом в одной из его работ (1922). Ее цитирует И.М. Забелин: «...Она (наука. – *А.О.*) учит терпимости и гуманности, искореняя догматизм, деспотизм и абсолютизм – во всех его видах, формах и превращениях. Ни у кого нет монополии на истину – таков девиз науки» [Забелин 1989: 88].

В изданной в 1950 г. Детгизом научно-популярной книге Л.С. Берг дважды конкретно указывал, что «русские исследователи открыли шестой материк – Антарктиду» [Берг 1950: 4, 131].

В посмертно напечатанной в 1951 г. в «Известия ВГО» статье Л.С. Берга (в этом же выпуске был помещен некролог на его кончину) о встрече в Антарктике Ф.Ф. Беллинсгаузена и американского капитана-морепромышленника Н. Палмера, советский академик (или, что вполне вероятно, уже кто-то от его лица) показал несостоятельность

американских версий рассказов об этом событии. Однако говоря о русских открытиях, Л.С. Берг снова использовал двусмысленные формулировки.

Например, он (? – *А.О.*) писал, что экспедиции «принадлежит бесспорная честь первых научных открытий в Антарктиде». Приводя выдержки из донесений Ф.Ф. Беллинсгаузена, из его книги, цитируя П.М. Новосильского, Ф. Дебенхэма географ писал: «Не может быть сомнения в том, что как Беллинсгаузен, так и Лазарев в и д е л и (разрядка в оригинале. – *А.О.*) берег антарктического материка в районе Земли королевы Мод» [Берг 1951: 26].

Однако, фраза «открыла Антарктиду», применительно к результатам «этой замечательной экспедиции», в очередной раз, в работе Л.С. Берга не прозвучала. Более того, искусно вплетенная в ткань повествования цитата из работы П.М. Новосильского «Южный полюс», подводила к мысли – открытие континента в январе 1820 г. не состоялось.

Таким образом, проведение такого масштабного и широко распространяемого официальными изданиями мероприятия, каким стало Общее собрание действительных членов Географического общества СССР 10 февраля 1949 г. в Ленинграде, не повлекло за собой «единообразия» в оценках факта первооткрытия Антарктиды.

Парадоксально, но «грубую фальсификацию исторической действительности» надо было отыскивать не в «буржуазных» органах печати, которые, «без всяких оснований честь открытия Антарктиды вдруг начали приписывать иностранцам» [Черноустько 1949: 95], а в материалах, опубликованных в отечественных органах печати и написанных советскими же авторами. На первый взгляд, открыто не отдававших такого приоритета иностранцам, но, фактически, и не признававших приоритет русской экспедиции в открытии континента. А значит, все-таки, формально стоявших на точке зрения о приоритете иностранцев в деле первооткрытия.

В написанной скорее всего еще до проведения Общего собрания ГО СССР статье доктора исторических наук А.И. Андреева (статья была опубликована в очередном, за январь и февраль, томе издания «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии) ее автор в первую очередь подчеркивал, что «в последние годы Антарктика сделалась

объектом большого внимания различных капиталистических стран и особенно Соединенных Штатов Америки».

Историк и архивист, доктор исторических наук (с 1940 г.) А.И. Андреев являлся сотрудником ряда научных учреждений Академии наук (Постоянной исторической комиссии, Института истории и его Ленинградского отделения, Комиссии по истории АН СССР, Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР и др.). В 1956 г. именем А.И. Андреева в Антарктиде назван один из горных пиков на Земле Королевы Мод.

«Составленное Беллинсгаузенем описание... первой русской экспедиции в Антарктику, – как писал А.И. Андреев, – ...вышло спустя десять лет по возвращении экспедиции в Россию, в 1831 г., и до сих пор считается основным источником по истории этой замечательной экспедиции..., к которому обращаются интересующиеся этим плаванием» [Андреев 1949(а): 77].

Однако этот источник не переиздавался ни в России, ни в Советском Союзе с того самого, далекого 1831 года. О какой уж тут, с формальной точки зрения, «историографии вопроса» можно вести разговор.

Сам этот историк, «замечательность» экспедиции видел прежде всего в следующем: «...17 января 1821 г. на широте 68°43'20" S русские первыми из европейцев (а американцев? – А.О.) достигли южного материка и открыли берег его с высокою горою, получивший название «Берег императора Александра I».

Продемонстрировав такую «политическую лояльность» (а именно, упомянув титул Александра I), А.И. Андреев, уже несколько «расширил» и сами достижения экспедиции: «Экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева продолжалась 751 день, и за это время были открыты 28 групп островов, одна коралловая мель и часть берега Антарктиды» [Андреев 1949(а): 77]. На события января – февраля 1820 года, как видно, вообще не было обращено никакого внимания.

В сборнике изданном летом 1949 года (т. е. уже после проведения Общего собрания ГО СССР) и включившим в себя четыре описания плавания 1819–1821 гг., можно было встретить не менее парадоксальную точку зрения, относительно якобы «понимания» участниками экспедиции факта первооткрытия ими материка

Антарктида. Редактор этого сборника, все тот же доктор исторических наук А.И. Андреев, комментируя события произошедшие 16(28) января 1820 г. пришел в своих «примечаниях редактора» к следующему выводу: «...Русские моряки... первыми подошли столь близко к материку Антарктиды... и, не зная точно, что они сделали (*sic!* – *A.O.*), этот материк открыли...» [Плавания 1949: 172].

Такое заключение выглядело достаточно странным, тем более, на фоне того, что А.И. Андреев, будучи редактором, делал его в примечаниях к сборнику документов (куда, в частности, вошли: уже процитированное выше письмо М.П. Лазарева А.А. Шестакову; речь астронома экспедиции И.М.Симонова; работа П.М. Новосильского «Южный полюс»), содержащих свидетельства, которые никак не могли дать оснований для вывода о том, что руководители и участники экспедиции «не понимали» значения своих открытий.

Но еще более странным такой вывод становился, от того, что буквально через несколько строк, в другом своем «редакторском примечании» А.И. Андреев, противореча сам себе, заявлял: «Описание П.М. Новосильского от 5 февраля 1820 г., соответствующее место в «Двукратных изысканиях» Беллинсгаузена не оставляют сомнений, что и сам Беллинсгаузен и его спутники прекрасно понимали (! – *A.O.*), что они находятся вблизи берега, который, как известно, и открыт был здесь в 1931 г. (Земля принцессы Рагнхильды)» [Плавания 1949: 172].

А.И. Андреева не устроило то, что в январе – феврале 1820 г. участники экспедиции уже несколько раз подходили к материку, «хотя и не отметили этот факт в более решительных и определенных выражениях» [Плавания 1949: 173]. Приходится снова сослаться на адмирала С.О. Макаров, который приводил знаменитое изречение старого штурмана: «...Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, не пишем...» [Орлов 1948: 14].

Кстати, в отличие от многих и многих советских историков и географов...

Постоянно «разыгрывая карту» плохой погоды, причем, в ее дебенхэмовской версии, А.И. Андрееву стоило лишь более внимательно (а еще лучше – объективно) прочитать редактируемую им же книгу. В письме М.П. Лазарева А.А. Шестакову, с описанием плаваний шлюпов «Восток» и «Мирный», есть такие, исчерпывающие строки: «16 генваря

достигли мы широты 69°23' S, где встретили матерой лед чрезвычайной высоты, и в прекрасный (! – *А.О.*) тогда вечер, смотря по саленгу, простирался онный так далеко, как могло только достигать зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег» [Плавания 1949: 21].

Рассуждения редактора этого сборника о, некоем «ведении-неведении» участников экспедиции, звучали явным диссонансом его объективной оценке книги П.М. Новосильского «Южный полюс». Как писал сам А.И. Андреев, книга эта «служит ценным свидетельством тех великих открытий, которые были совершены русскими моряками в Антарктике в 1819–1821 гг.» [Андреев 1949(б): 15].

Такая, уже привычная нам двойственность, а то и полная эклектичность в освещении советскими авторами истории открытия Антарктиды (в конкретном случае с А.И. Андреевым, это обыгрывание дихотомии «ведение-неведение») довершалась неброским, но прямым отрицанием факта первооткрытия континента русской экспедицией.

«8 февраля (см. выше описание Н. Введенского. – *А.О.*), – писал А.И. Андреев, – шлюпы пересекли 20° в. д. и вступили в Индийский океан. Троекратные попытки продвинуться к югу в границах 70° ю. ш. показали т о л ь к о (разрядка моя. – *А.О.*), что здесь и летом лежат неподвижные льды, но где к югу лежит граница неподвижных льдов – установить не удалось» [Андреев 1949(б): 8].

Следующий, сразу же за этим абзац, на наш взгляд должен был повергнуть внимательного читателя в полное, если только, не в абсолютное недоумение. Теперь уже, А.И. Андреев писал: «Беллинсгаузен трижды подходил очень близко к границам южного материка и по праву может считаться первым, открывшим этот материк еще в январе 1820 г., хотя и не представлявшим отчетливо, что именно было им открыто... Когда 8 февраля шлюпы были на... ю. ш., они увидели в далеком расстоянии покрытые снегом горы; Беллинсгаузен лишь (?! – *А.О.*) отметил, что эти горы, вероятно, составляют продолжение тех, о которых было упомянуто ранее» [Андреев 1949(б): 8].

В другом месте своих «примечаний» А.И. Андреев писал о том, что «16 января 1820 г. русские моряки... впервые подошли близко к

Южному материку и т е м с а м ы м (разрядка моя. – *А.О.*) первыми его открыли» [Плавания 1949: 168].

Подобный казуистический (а, скорее, иезуитский) подход, использованный советским историком, мог навести на мысль, что на самом деле главное достижение русской экспедиции – открытие Антарктиды – это открытие *a posteriori*, т. е. «задним числом», исходя из возникшей гораздо позднее точки зрения.

Открытие – совершенное не 16(28) января 1820 г. в Антарктике командами шлюпами «Восток» и «Мирный», а 10 февраля 1949 г. в Ленинграде на Общем собрании Географического общества СССР и подтвержденное затем на разворотах «Правды» и «Известия», в пропагандистско-агитационных речах в цехах заводов, фабрик, институтов и школ, на заседаниях кружков юных географов и краеведов. Поскольку именно теперь – в 1949 году – Ф.Ф. Беллинсгаузену в СССР дали такое «право» считаться первым.

В уже процитированном выше предисловии к работе, посвященной русской литературе по истории географии, ответственный редактор этой работы А.И. Соловьев писал: «...В условиях дореволюционной России имели место и такие случаи, когда знаменитое «Хождение за три моря», да и самый факт этого выдающегося путешествия в Индию тверитянина Аф. Никитина, или открытие Берингова пролива Семеном Дежневым приходилось «открывать» спустя столетия в воеводских или «приказных» архивах» [Тихомиров 1948: 4]. Конечно, отчасти это можно отнести и к ситуации, сложившейся как в дореволюционной, так и в советской России в отношении открытия Антарктиды.

Собственно, в одном месте нам удалось найти комментарий, по существу свидетельствующий, чуть ли не о легитимации «открытия» *a posteriori*. Авторы рецензии на переизданный в 1949 г. в СССР труд Ф.Ф. Беллинсгаузена, писали в июле 1950 г.: «Известно, что советские ученые, всесторонне исследовав все документальные исторические материалы, относящиеся к экспедиции, пришли к правильному (*sic!* – *А.О.*) научному выводу о том, что Антарктида открыта русскими именно в январе 1820 г.» [Кушнарев, Васильев 1950: 119].

Несомненно, что все это отвечало интересам «антиантарктического лобби», поскольку подобные натяжки («впервые подошли близко... и

тем самым первыми его открыли») и, «правильные научные выводы», с удовольствием воспринимались на Западе (где внимательно следили и изучали все, что касалось историко-антарктических изысканий в СССР), были полностью в рамках западных подходов – от ложной благожелательности до непрекрытого скепсиса и откровенных фальсификаций – к оценке основных результатов работы Первой русской антарктической экспедиции.

Происходило и дальнейшее корреспондирование выгодных для Запада точек зрения на факт первооткрытия. В частности, якобы «позитивные», а на самом деле – отрицавшие приоритет России в открытии Антарктиды – отзывы редактора английского перевода труда Ф.Ф. Беллинсгаузена Ф. Дебенхэма, были широко инкорпорированы в материалы А.И. Андреева и Л.С. Берга [Берг 1951: 25–26]. Эти же «позитивные отзывы» попали во вступительную статью Е.Е. Шведе к советскому изданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена (1949).

Например, А.И. Андреев соглашался с, уже приводившимися выше, словами Ф. Дебенхэма о «нескольких часах ясной погоды...», находил их справедливыми и, тем самым, однозначно отрицал факт открытия Антарктиды русскими мореплавателями 16(28) января 1820 г.

«Вполне вероятно, – отмечал А.И. Андреев, – что «обширное ледяное поле, усеянное пригорками и простиравшееся от востока через юг на запад» указывало на край континента. Как справедливо (?! – А.О.) уже отмечено, «несколько часов ясной погоды в этот день позволили бы, вероятно, открыть здесь землю на 110 лет ранее» [Плавания 1949: 172].

«Комментируя это известие отчета Беллинсгаузена – писал А.И. Андреев – редактор английского перевода этого отчета Ф. Дебенхем отмечал (1, стр. 117, примеч. 2), что шлюпы были в нескольких милях, не более 20 от берега, который теперь называется Землей принцессы Марты. Таким образом русские шлюпы подошли впервые подошли к твердой (? – А.О.) земле не в январе 1821 г., как принято обычно считать, а годом раньше – еще 16 января 1820 г.» [Андреев 1949(б): 7–8].

Комментируя последующие события, когда шлюпы вновь подходили вплотную к берегу, А.И. Андреев опять ссылается на «исследовательский авторитет» Ф. Дебенхэма. «По поводу этого известия, – продолжал А.И. Андреев, – английский полярный исследователь Ф. Дебенхэм (стр. 121, прим. 1) справедливо замечает:

«шлюпы были, вероятно, вновь в 30 милях от континента», т. е. во второй раз подошли близко к материку (Земля принцессы Ранхильды), хотя и не отметили его как «землю» [Плавания 1949: 8, сноски].

Такая, отмеченная выше личная позиция А.И. Андреева (хотя, скорее, надо говорить о позиции «андреево-дебенхэмовской»), помимо прочего, входила в полное противоречие с тезисом в разделе «От издательства», приведенном в этом сборнике, относительно того, что публикуемые в сборнике работы «еще раз подтверждают русский приоритет в открытии Южного материка – Антарктиды» [Плавания 1949: 3].

Эклектизмом была преисполнена краткая рецензия на эту книгу («Плавания...»), опубликованная в ноябрьском выпуске журнала «Новый мир». Автор рецензии, доктор географических наук Эд. Мурзаев писал: «...В истории открытия Антарктиды выдающуюся роль сыграли русские путешественники, утвердив за нашей Родиной право первооткрытия материковых земель (такова была интерпретационная модель этого географа. – А.О.) в Антарктике.

...Как неопровержимо доказывает (*sic!* – А.О.) рецензируемый сборник, Антарктический материк – Антарктида – был открыт русской экспедицией...

...Русские путешественники в 1820–1821 годах... открыли новый материк – Антарктиду. В январе 1820 года шлюпы дважды подошли к материковому берегу (! – А.О.); в феврале того же года они вновь достигли границы сплошного льда, за которой громоздились плоские горы; в январе следующего года шлюпы опять оказались у новых земель – то были остров Петра I и берег Александра I, являющиеся частью материка» [Мурзаев 1949: 260–261].

Не может не возникнуть вопрос: для чего, доктор географических наук Эд. Мурзаев, объявлял остров Петра I «частью материка»?

Сразу же после этого своего абзаца, Эд. Мурзаев цитировал слова Ф.Ф. Беллинсгаузена о берегу Александра I, что, для конца 1949 года было уже неоправданным, поскольку к тому времени, практически достоверно стало известно, что это остров, а не «земля». Об этом писали в своих статьях не только зарубежные, но советские авторы, освещавшие деятельность последних иностранных экспедиций в Антарктику.

«Мы знаем теперь (?! – *А.О.*), – утверждает, тем не менее, Эд. Мурзаев, – что берег Александра I есть часть Антарктиды, до сих пор не ясно только, является ли эта земля прямым продолжением материка или она отделена от него узким морским проливом» [Мурзаев 1949: 261].

«Редактор издания А. Андреев, – заканчивал свое «книжное обозрение» Эд. Мурзаев, – в небольшом предисловии правильно охарактеризовал значение работ экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, приведших (? – *А.О.*) к открытию Антарктиды. Полезными для читателя будут и пояснительные редакционные примечания» [Мурзаев 1949: 261].

Насколько «полезными» могли оказаться такие, одобряемые Эд. Мурзаевым «редакционные примечания», читатель мог выше уже убедиться.

До конца 1949 года инерционные механизмы запущенные «антиантарктическим лобби» часто напоминали о себе. Наряду с признанием факта открытия русской экспедицией Антарктиды, как это, например, было в редакционной статье в июльском номере журнала «Морской сборник» [День 1949: 6] («...достаточно напомнить, что русские мореплаватели на русских кораблях первыми открыли Антарктиду»; как видно, были использованы слова Е.Е. Шведе, сказанные им на Общем собрании Географического общества 10 февраля 1949 г.) были и статьи фактически отрицающие приоритет русских, либо трактующих его с ошибочных позиций.

Это, уже упомянутая выше, работа Б.Г. Островского, считавшего, что «открытия, сделанные русскими за южным полярным кругом», только лишь «повели к открытию полярного материка» [Островский 1949(а): 239].

Это и статья инженер-капитана 3 ранга Л.Д. Черноусько (опубликованная в апрельском номере журнала «Морской сборник»), в которой, открытие Антарктиды 16(28) января 1820 г. не упоминалось вообще, а факт первооткрытия был привязан к моменту открытия Земли Александра I, т. е. годом позднее. «Открытый материк (! – *А.О.*), – писал Л.Д. Черноусько, – был назван Берегом Александра I» [Черноусько 1949: 95–97].

В то же время, Л.Д. Черноусько (судя по всему, присутствовавший на состоявшемся в Москве 4 марта 1949 г. расширенном заседании ученого совета Института географии Академии наук СССР, в ходе

которого, был озвучен доклад академика А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева [Григорьев, Лебедев 1949:]. – *А.О.*) писал в своей статье: «Затем корабли отправились к югу, достигнув 16 января (далее шло перечисление соответствующих координат. – *А.О.*); ...следовательно, уже в этот момент русские впервые в истории находились в непосредственной близости от антарктического материка» [Черноустько 1949: 95–97].

В этом смысле, точка зрения (при всех ее недостатках) «рядового» военно-морского офицера Л.Л. Черноустько, получившего «голос» в «Морском сборнике», разительно отличалась от взглядов многих, гораздо более «научных» гражданских (да и военных) советских специалистов.

Показательна в плане отсутствия единой точки зрения в стране, заметка, опубликованная в том же месяце журналом «Морской флот». Ее автор – Е.А. – давая правильную трактовку событий писал, что «в январе 1820 г. исследователям удалось достичь 69°21' ю. ш., вблизи антарктического материка... Это было великим географическим открытием, вошедшим в историю». Однако дальше, можно было прочесть о «праве приоритета открытия ряда земель Антарктики», о «чести открытия Антарктики», и, о «русских первооткрытиях Антарктики» [Е. А. 1949: 46–47].

Здесь, как видно, прямо сказалось негативное влияние резолюции Общего собрания Географического общества. Антарктическая «путаница» продолжалась.

В августовском номере популярного естественно-исторического журнала «Природа», издаваемого Академией наук СССР, И.Н. Александров, фактически отрицая факт первооткрытия Антарктиды русской экспедицией и обыгрывая дихотомию «заметили – не заметили», писал, что в течение 1820 г. «корабли Беллинсгаузена и Лазарева находились вблизи берегов южного материка..., которые, однако, не были (! – *А.О.*) замечены» [Александров 1949: 25].

По мнению автора этой статьи, открытая экспедицией земля Александра I и представляла собой «окраину искомого материка». «Таким образом (?! – *А.О.*), – писал И.Н. Александров, – именно русским морякам принадлежит честь открытия Антарктиды» [Александров 1949: 25].

В то же время, статья И.Н. Александрова была, пока еще из немногих в Советском Союзе, где достаточно подробно рассматривались физико-географические характеристики Антарктиды и подчеркивался ее «огромный интерес для развития отраслей науки» [Александров 1949: 30].

Учитывая хозяйственные и военные интересы, автор этой статьи писал: «По многим данным можно заключить, что Антарктида богата ископаемыми. Найдены крупные залежи каменного угля в горах королевы Мод и на юго-западе Земли Виктории, а также железо, медь, титан, роговая обманка. Имеются признаки нефти». Уже достаточно традиционной для советских авторов, была ссылка И.Н. Александрова на тот факт, что «американские империалисты рассчитывают найти здесь урановую руду – сырье для изготовления атомных бомб» [Александров 1949: 30].

Ближе к середине 1949 года в Советском Союзе был издан сборник статей (книга была «подписана к печати 6. 05. 49 г.») «Новаторы русского флота». Согласно аннотации к этому сборнику, последний «знакомит читателя с выдающимися русскими флотоводцами..., с военными моряками – отважными кругосветными мореплавателями и исследователями, пополнившими сокровищницу человеческих знаний...». Сборник был рассчитан «на широкий круг советской молодежи».

В статье кандидата военно-морских наук, капитана 1 ранга Р.Н. Мордвинова, посвященной личности и заслугам адмирала М.П. Лазарева, в частности, было сказано: «Но главным научным результатом этого плавания (экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. – *А.О.*) было открытие шестой части света – Антарктиды.

Шлюпы «Восток» и «Мирный» в середине января и начале февраля 1820 г. находились вблизи антарктического материка (в районе земель принцессы Марты и принцессы Ранхильды – 69°21' и 69° южной широты). После этого корабли пошли в Тихий океан. Вернувшись оттуда, почти через год – 9 января 1821 г. – Лазарев и Беллинсгаузен открыли остров Петра I, а через неделю... была открыта гористая земля, которая была названа берегом Александра I. Этим открытием русские мореплаватели доказали ошибочность мнения английского путешественника Джемса Кука, объявившего Антарктиду неприступной.

...Плавание «Востока» и «Мирного» является замечательным вкладом в историю географических открытий. За Россией тем самым было закреплено право приоритета открытия ряда земель Антарктики» [Мордвинов 1949: 13 – 14].

Как видно, упомянув январские и февральские – 1820 года – события в жизни экспедиции, Р.Н. Мордвинов, все-таки, основной акцент сделал на открытиях января 1821 года. Ни о каком открытии русской экспедицией самого континента, речь у Р.Н. Мордвинова, вообще не идет. Его точка зрения об «открытии ряда земель Антарктики» коррелирует с позицией академика Л.С. Берга, озвученной последним на февральском, «антарктическом» собрании действительных членов Всесоюзного географического общества.

С другой стороны не может не обратить на себя внимания достаточно объективная, данная Р.Н. Мордвиновым, его оценка «заблуждений» Дж. Кука. Поскольку в советской историографии антарктических путешествий и исследований, буквально «лавинообразно» в те годы нарастали фальсифицированные подходы, в которых проводилась та идея, что Кук, якобы утверждал, что вокруг южного полюса вообще «ничего не существует».

В этом же сборнике статей был помещен очерк действительного члена Географического общества СССР, капитана 2 ранга Е.С. Юнга «Великие географические открытия русских мореплавателей». Того самого Е.С. Юнга, который в 1941 г., в своем историко-публицистическом материале об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева писал: «...Так было совершено русскими моряками величайшее географическое открытие XIX века: найден и положен на карту шестой материк земного шара, известный человечеству под названием Антарктиды» [Юнга 1941: 30]

Необходимо еще раз отметить, что само по себе такое признание в те годы было достаточно заметным событием. Правда, имелось в виду открытие острова Петра I и Земли Александра I, то есть поздние открытия экспедиции.

Теперь, в 1949 году, Е.С. Юнга писал: «Велико значение нашего отечественного, русского и советского, мореплавания в географическом познании мира. Треть пространства земного шара занята областями, которые целиком, с морскими путями вдоль них, открыты, изучены и

освоены многими поколениями наших соотечественников. ...Вот что необходимо помнить, когда речь идет о величине вклада, внесенного русским мореплаванием в сокровищницу человеческих знаний» [Юнга 1949: 39].

Однако если судить по тексту Е.С. Юнга, просвещавшего «широкий круг советской молодежи», сам он, помнил далеко не все о «величине вклада» Первой русской антарктической экспедиции.

Изображая последовательность исторических событий во времени, Е.С. Юнга писал: «1820 год. – Экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, направленная на шлюпах «Восток» и «Мирный» в полярные широты Южного полушария и в Океанию, открыла в Полинезии девятнадцать островов, присвоив им общее название Островов Россиян и дав название каждому... На пути между Южной Америкой и Австралией... русские моряки открыли ряд неизвестных до тех пор островов... и точно установили, что Сандвичева земля, принятая Д. Куком за один остров, на самом деле является архипелагом» [Юнга 1949: 47].

Таковы были в трактовке Е.С. Юнга, итоги первого этапа этой русской кругосветной экспедиции.

Дальше, в своей хронологии Е.С. Юнга писал следующее: «1821 год. – М.П. Лазарев и Ф.Ф. Беллинсгаузен открыли... остров Петра Великого... землю Александра. Это была шестая часть света – Антарктида. Значение открытия Антарктиды тем более важно, что мореплаватели всех стран, в том числе и Д. Кук, побывавший в южных полярных морях, отрицали и возможность плавания за южным полярным кругом и существование материка в тех широтах. Русские моряки доказали и то и другое» [Юнга 1949: 48].

Помимо того, что Е.С. Юнга весьма вольно обращался с географическими названиями вновь открытых географических объектов, он в очередной раз тиражировал фальсифицированную, упомянутую чуть выше версию «взглядов» Дж. Кука.

Небезынтересно, что в описании Р.Н. Мордвинова, и в очерке Е.С. Юнга, имя М.П. Лазарева шло впереди имени руководителя экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена. Возможно, что демонстрируя подобную «лояльность», эти военно-морские специалисты вносили свой

своеобразный вклад в проводившуюся тогда в стране, кампанию по борьбе с «безродным космополитизмом».

В сентябрьской книжке «Морского сборника» за 1949 год, «исправили» свою ошибку трехлетней давности (когда при описании биографии М.П. Лазарева факт открытия Антарктиды русской экспедицией не был упомянут вовсе) капитан 1 ранга П.Ф. Морозов и подполковник К.И. Никульченков. Теперь, эти же авторы указали, что русские моряки «установили существование в южном полушарии крупного материка – Антарктиды», подчеркнув, что открытие (! – *А.О.*) произошло 16(28) января 1820 г. [Морозов, Никульченков 1949: 52, 57].

Они же, возможно одни из первых в советской историографии, кто правильно расставил приоритеты в достижениях экспедиции: «Научные результаты экспедиции были огромны и имели исключительное значение для развития отечественной и мировой географической науки. Кругосветное путешествие русских моряков во главе с Беллинсгаузеном и Лазаревым ознаменовалось открытием Антарктиды и 28 неизвестных до того времени островов» [Морозов, Никульченков 1949: 61].

Таким образом, П.Ф. Морозов и К.И. Никульченков действительно «искупили свою вину» перед исторической наукой. А вообще, отсутствие в их статье 1946 года [Морозов, Никульченков 1946], посвященной адмиралу М.П. Лазареву и описанию хода экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, какого бы то ни было упоминания Антарктиды, ее открытия русской экспедицией, иначе как курьезом советской историографии не назвать.

Определенный колорит (не характерный даже и для более «революционных» лет) новой статье П.Ф. Морозова и К.И. Никульченкова, придавало замечание ее авторов о том, что «...среди офицеров шлюпов было немало отъявленных крепостников» [Морозов, Никульченков 1949: 53–54]. Такое «классовое разоблачение» было тем более нелепым, что в историографический обиход входили уже достаточно уравновешенные подходы.

Так, в комментариях к выдержкам из дневников участника экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, матроса Егора Киселева, опубликованным в марте 1949 г. в журнале «Наука и жизнь», было, в частности, подчеркнуто: «Начальник первой русской антарктической экспедиции Беллинсгаузен был мужественным, отважным и гуманным

человеком. Приняв начальство над экспедицией, он немедленно отменил на «Востоке» и «Мирном» телесные наказания. По его приказанию в помещениях команды всегда поддерживалась здоровая температура и чистота. Пищу на шлюпах матросы получали вкусную и питательную» [Дневник 1949: 25].

В этих же комментариях была вновь воспроизведена официальная версия «обретения» этого дневника: «Дневник представляет собой тетрадку, сшитую суровыми нитками из листов писчей бумаги, сложенных пополам. Эта тетрадка, как сообщил в свое время Я Тарнопольский на страницах журнала «Вокруг света» (апрель, 1941 г.) была им обнаружена среди кипы старых книг, приобретенных в г. Суздале» [Дневник 1949: 25] (что же, каких только случайностей в жизни не бывает... – *А.О.*).

На этот же раз, в 1949 году, «дневник предоставлен в редакцию журнала «Наука и Жизнь» действительным членом Географического общества Союза ССР В.Я. Якубовичем» [Дневник 1949: 25] (такие люди «обладали» наследием Первой русской антарктической экспедиции... – *А.О.*). Советский историк А.И. Андреев писал, что «дневник Е. Киселева приобретен Библиотекой Союза ССР имени В.И. Ленина в 1947 г. у вдовы собирателя рукописей Я.Е. Федорова, которому Я. Тарнопольский передал принадлежавшую ему рукопись дневника Е. Киселева, купленную им в свое время в Суздале» [Андреев 1949(б): 15, сноски].

В современной российской историографии подчеркивается, что эта публикация выдержек из дневника Егора Киселева, как и публикация таких выдержек в 1941 году [Тарнопольский 1941], была произведена «с искажениями подлинного текста» [Беллинсгаузен 2008: 965].

В небольшой книге Дм. Голубева, изданной 50-тысячным тиражом Госкультпросветиздатом тоже в 1949 году, посвященный первому этапу экспедиции раздел этой книги, так и называется – «Открытие Антарктиды».

Дм. Голубев писал: «Но вот 16 января 1820 года по достижении широты 69°21' при западной долготы 2°15' на горизонте показалась светлая широкая полоса, а через некоторое время суда вошли в просторную бухту обширного, простирающегося с востока на запад ледяного поля, усеянного пригорками. Эти «бугристые льды», как назвал их Беллинсгаузен, занимали все видимое пространство, и их

всхолмленная поверхность молчаливой, одетой в белоснежный саван, безжизненной пустыней исчезала из глаз на далеком юге.

С величайшим сожалением о невозможности дальнейшего продвижения вперед уходили моряки от этого неприступного барьера.

А между тем это была, закованная в ледяную броню, земля Антарктиды.

16 января 1820 года русские моряки впервые подошли к берегу антарктического континента, и эта дата (или 28 января 1820 года по новому стилю) является датой открытия шестого материка земного шара» [Голубев 1949: 24].

Комментируя научные итоги экспедиции, Дм. Голубев писал так: «После открытия острова Петра Первого Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен подвел итог наблюдениям экспедиции над природой сплошных льдов Антарктики. В своем дневнике он записал: «Огромные льды, которые по мере близости к Южному полюсу поднимаются в отлогие горы, я называю матерыми, предполагая, что сей лед идет через полюс (! – *А.О.*) и должен быть неподвижен, касаясь местами мелководий и островов, подобных острову Петра Первого, который находится в больших южных широтах и принадлежит также берегу, существующему (по мнению нашему) в близости той широты и долготы, в коей мы встречали ласточек».

Вывод о существовании суши в районе южного полюса основывался, разумеется, не только на многочисленных наблюдениях над живой природой. ...Результаты всего комплекса работы южно-полярной экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, приведшие к изложенным выводам о природе сплошных льдов Антарктиды, явились ценнейшим вкладом русской исследовательской мысли в изучение земного шара.

В те отдаленные от наших дней времена люди еще не знали о существовании огромного шестого континента земли. Они не знали также, что эта суша погребена под мощным панцирем материкового льда, сквозь который лишь на отдельных участках прорываются горные вершины, однако чернеющие на слепящем глаз вечно белом безбрежном пространстве мертвой ледяной пустыни. И смелые, фактически обоснованные доказательства обязательного нахождения в районе южного полюса еще не открытых земель явились первым практическим

шагом вперед в деле завоевания человеком последних, тщательно от него скрываемых природой, уголков нашей планеты» [Голубев 1949: 53–54].

Рассматривая внешнеполитические аспекты, связанных с Антарктикой проблем, Дм. Голубев счел необходимым особо подчеркнуть: «Все сказанное свидетельствует о том, что вопрос этот сегодня превратился в проблему, которую должны совместно разрешить правительства всех заинтересованных в этом вопросе стран, в том числе, конечно, и Советского Союза, ибо русским принадлежит право первооткрытия территории в Антарктике (в данном случае речь, очевидно, шла об открытиях января 1821 г.? – *А.О.*) и высокая честь открытия шестого континента земного шара (здесь, все-таки, можно предположить, что автор имел в виду открытие материка в январе 1820 года. – *А.О.*)» [Голубев 1949: 66].

Сделав краткий обзор текущих межгосударственных отношений в Антарктике, этот автор вынужден был констатировать: «Таким образом, интересы СССР в планах США во внимание не принимаются».

Объективным, в отличие от материалов утверждающих о первичности интересов «советской общественности», но, в то же время, совершенно невероятными (разделяющими советское «научное сообщество») были слова Дм. Голубева о том, что «русские (! – *А.О.*) и советские (! – *А.О.*) ученые и общественность не могли обходить молчанием вопрос, в котором непосредственно заинтересована наша страна» [Голубев 1949: 66].

Надо признать, что следующий абзац текста этого автора, давал совершенно исчерпывающую «историографию историографии» вопроса. «В отдельных книгах, изданных до революции, – писал Дм. Лебедев, – в журнальных и газетных статьях, в отдельных научных работах советского времени всегда подчеркивалось огромное значение русских открытий в отдаленном антарктическом районе» [Голубев 1949: 66–67].

К сожалению, сам Дм. Голубев не избежал эклектичности и цитирования, что называется «не к месту», широко известной работы Ю.М. Шокальского, с его «поэтому до сих пор плавание Беллинсгаузена не потеряло своего научного значения, да никогда и не потеряет». За чисто арифметическими выкладками, обилием, по большому счету, никому не нужных цифр, абсолютизированием таких цифр,

сравнивающих плавание Дж. Кука и его спутников с ходом Первой русской антарктической экспедиции, Ю.М. Шокальским был сокрыт главный результат этой экспедиции – открытие Антарктиды.

Для Ю.М. Шокальского, «окаменевшего» в своих своеобразных, неких «эклектично-догматических» оценках плавания русских шлюпов, оно навсегда осталось «замечательно именно по продолжительности и длине пройденного пути за Полярным кругом, удивительному обилию собранных физико-географических материалов». Согласно Ю.М. Шокальскому, Ф.Ф. Беллинсгаузен «совершил беспрецедентное плавание на слабых судах, непревзойденное и поныне».

Если, хоть немного задуматься о том, что писал эти строки Ю.М. Шокальский в начале XX века, то очевидно, не может не обратить на себя внимания полная несуразность последнего его «пожелания». Кто же и с какой целью должен был – в первой половине XX века – «превосходить» это плавание, да еще и на подобных же, «слабых судах»? В Антарктику, в том числе на ее континентальную часть, уже направлялись, причем одна за другой, современные, по «последнему слову техники» оснащенные зарубежные экспедиции, использующие авиацию, радиоэлектронную аппаратуру, включая локаторы, другие научно-технические достижения.

«Экипажи судов «Восток» и «Мирный», – писал в конце своей работы, в главе «Антарктиду открыли русские» Дм. Голубев, – своим героическим подвигом завоевали историческое право нашей страны на участие в решении вопросов, связанных с огромными пространствами за южным полярным кругом, ибо они, эти простые русские люди, совершили величайшее географическое открытие XIX века: нашли и положили на карту шестой континент земного шара, известный человечеству под названием Антарктиды» [Голубев 1949: 69].

Книге Дм. Голубева был присущ в целом разумный, взвешенный подход к описанию хода экспедиции и его книга, следовательно, выгодно отличалась от некоторых других работ тех лет, которым, при внешней экзальтации в изложении, свойственна была подмена подлинных результатов экспедиции мнимыми. Иными словами, фальсификация главных итогов Первой русской антарктической экспедиции.

Противоречивостью в изложении фактов отличались несколько появившихся в течение 1949 года, публикаций ученого секретаря Географического общества профессора С.В. Калесника.

Здесь, очевидно, самое время сказать несколько слов о личности самого этого ученого. Физиогеограф и гляциолог, доктор географических наук (1938), профессор (1939), в дальнейшем академик (с 1968 г., член-корреспондент с 1953 г.) С.В. Калесник (1901–1977) в 1936 и 1937 г. плавал в Арктике, принимал участие в изучении Новой Земли. Автор более 400 научных работ. С 1939 г. на руководящей работе в Географическом обществе СССР (в 1939–1940 гг. – председатель Отделения физической географии, в 1940–1950 гг. – ученый секретарь, 1950–1964 гг. – вице-президент, 1964–1977 гг. – президент). Вице-президент Международного географического союза (1968–1972) [Калесник 1993: 368–369].

Так, в опубликованной в апрельском номере печатного органа Славянского комитета СССР статье, С.В. Калесник, касаясь оценок результатов экспедиции (в том числе самими ее участниками) писал: «Мы должны подчеркнуть, что, совершив плавание вокруг земли в совсем неизученных до того широтах и шесть раз перейдя по ту сторону южного полярного круга, русские моряки тем самым наметили приблизительные границы южного материка, трижды подошли почти вплотную к этому матерiku, коснувшись берегового припая (новая интерпретационная модель первооткрытия, или его отрицания? – *А.О.*), и открыли несколько форпостов Антарктиды. У них не возникло сомнений, одолевавших Кука. Одни части Антарктиды они увидели сами, существование других обоснованно предсказали (земли Ранхильды и Эндерби) и вернулись с определенным и твердым выводом, что южный материк существует» [Калесник 1949(а): 21–22].

С другой стороны, крайне необъективной была оценка (к сожалению, уже становившаяся идеологическим, далеким от подлинной ситуации «штампом») того, что научные работы русской антарктической экспедиции «получили всеобщее признание». Тем более, что сам С.В. Калесник, дальше приводил в пример изданную в США книгу В. Хоббса «Исследователи Антарктики» (1941). В этой книге экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева не была упомянута вовсе.

В контексте рассматриваемых в настоящем исследовании вопросов, интересны и некоторые другие рассуждения С.В. Калесника. Он, в частности, писал: «Замалчивание русских исследований или неверное изложение некоторых эпизодов из истории географических открытий не случайны (! – *А.О.*). Это – одно из звеньев борьбы современных американских... кругов за мировое господство... Ближайшая и очевидная цель подобных «мероприятий» – не допустить Советский Союз к участию в разрешении хозяйственных и политических проблем Антарктики» [Калесник 1949(а): 22].

В журнале «Славяне» С.В. Калесник писал, что «американские экспансионисты сознательно предают забвению тот факт, что за Советской страной остается право приоритета открытия антарктических земель» [Калесник 1949(а): 19]. Из следующей его статьи становилось понятно, что, под частями Антарктиды, которые члены экспедиции «увидели сами», С.В. Калесник понимал Землю Александра I (т. е. открытие 1821 г.) [Калесник 1949(б): 81].

Впрочем, С.В. Калесник упоминал о подходах к берегу 16 и 21 января 1820 г., со следующим, своим комментарием: «Как теперь ясно, неподвижные льды, мешавшие движению экспедиции, были припаем (! – *А.О.*) около берега антарктического материка, и русские моряки в эти дни находились вблизи той части материка, которая называется ныне Землей кронпринцессы Марты» [Калесник 1949(а): 20; Калесник 1949(б): 81].

«Припаем, – пояснял С.В. Калесник, – называются неподвижные льды, окаймляющие берег материка или острова» [Калесник 1949(а): 20, сноска 2]. В другой своей работе, он пояснял, что «морской пак» – это «название многолетних пловучих льдов большой толщины и сплоченности, непроходимых даже для ледоколов» [Калесник 1949(в): 562, сноска 1].

Как видно, в отличие, скажем, от оценок директора Института географии АН СССР академика А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева, писавших о том, что Антарктида была открыта русскими 16 января 1820 г., С.В. Калесник не придерживался так однозначно отмеченной позиции. Поэтому хотелось бы еще раз обратить внимание на значительную степень мифологизированности той точки зрения, исповедуемой сегодня западной историографией (см., например:

[Bulkeley 2013: 9–25]), что после февральского общего собрания действительных членов Всесоюзного географического общества, исследовательские подходы в Советском Союзе были чуть ли не «унифицированы», «жестко стандартизованы».

В вопросе об отношении к приоритету русских С.В. Калесник занял, теперь уже достаточно известную, эклектичную позицию, говоря о том, что с момента окончания экспедиции «никто не подвергал сомнению приоритет русских в решении ряда научных проблем Антарктики».

Упомянув троекратный подход экспедиции в течение января – февраля 1820 г. вплотную к материку, в следующей своей публикации (посвященной природе Антарктики) этот советский географ, несмотря ни на что, еще раз подчеркнул, что моряки-первопроходцы были твердо убеждены в том, что за этими льдами находится суша, «как об этом свидетельствуют записи самого Беллинсгаузена в его отчете, опубликованном в 1831 г., и дневник мичмана П.М. Новосильского, изданный в 1853 г. без имени автора под заглавием «Южный полюс» [Калесник 1949(в): 557].

И вновь С.В. Калесник впадал в явное преувеличение, когда сославшись на опубликованный в одном из выпусков «Известия ВГО» доклад академика Л.С. Берга, а также на две своих публикации – в журналах «Славяне» и «Природа», заявлял о том, что «история этого открытия общеизвестна» [Калесник 1949(в): 557].

В опубликованной в октябрьском номере журнала «Вопросы экономики» статье, можно было встретить следующее истолкование результатов экспедиции. Автор этой статьи, С. Михайлов писал: «Встретив во льдах новый, 1820 год, экспедиция 16 января вплотную подошла к антарктическому материку – к району Земли принцессы Марты..., где обнаружила «бугристые льды», простиравшиеся с востока на запад. То был, как показала норвежская экспедиция 1930 г., берег Антарктиды. Но скромность (*sic!* – *A.O.*) и исключительно высокая требовательность к достоверности научных открытий не позволили русским морякам утверждать тогда, что это материк Антарктиды; они назвали его «бугристыми льдами берегового припая, хотя само по себе описание этих льдов свидетельствовало о том, что речь идет о покровах (! – *A.O.*) земли» [Михайлов 1949: 72].

Читая эти строки, нельзя в очередной раз не поражаться «интерпретационному богатству» советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, разъяснения ею «истинного смысла» январских – февральских событий, первого этапа этого кругосветного путешествия.

Примечательная и следующая, пока еще не свойственная для советской историографии, постановка вопроса. «Раньше считалось, – подчеркивал С. Михайлов, – что открытие Земли Александра I в январе 1821 г. и есть дата открытия антарктического материка. Однако изучение карт плавания экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, а также данные позднейших экспедиций показали, что Антарктида была открыта годом раньше, а именно в январе 1820 г., когда экспедиция подошла к кромке неподвижного материкового льда» [Михайлов 1949: 72].

Такая точка зрения, как видно из материалов приведенных в настоящей главе, «мирно соседствовала», сосуществовала с традиционной – приоритетом открытий, состоявшихся 1821 года.

Но даже в пределах одного авторского текста, в данном, конкретном случае, текста статьи С. Михайлова, не может не удивлять совершенный им же, своеобразный «историографический кульбит». Буквально через несколько абзацев этот советский специалист пишет: «Для того чтобы удостоверить приоритет русских мореплавателей в открытии Антарктиды, достаточно назвать бесспорный факт открытия ими островов Петра I Александра I» [Михайлов 1949: 72].

Следуя методам формальной логики, можно вывести следующее: факт открытия Антарктиды в январе 1820 г. не является бесспорным. Кроме того, приоритет в открытии, датируемый январем 1820 года, это отнюдь не (пусть даже «удостоверенный») приоритет начала 1821 г., т. е. годом позднее.

В советской историографии экспедиции присутствуют отдельные, достаточно объемные научные материалы, в которых вообще не упоминается факт первооткрытия материка русскими [Воробьев, Бусыгин, Юсупов 1949: 496–504], а, в ряду общих оценок, речь идет о «несравненном первом походе русских в Антарктику».

В опубликованной в конце 1949 года статье советского специалиста в области истории картографии А.З. Алейнера, можно было обнаружить следующую интерпретационную модель.

«Первые картографические изображения воображаемой южной суши, – писал он, – появились в начальные десятилетия XVI в., за 300 лет до действительного открытия антарктического материка русской экспедицией на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством Беллинсгаузена и Лазарева» [Алейнер 1949(б): 484].

Однако, что подразумевал под таким «действительным открытием» этот автор, было непонятно – открытия 1820 или 1821 года?

Аналогичный, причем несколько модифицированной (теперь уже речь идет о некоем «подлинном открытии») тезис, А.З. Алейнер проводит в своей статье еще раз. Он пишет: «Плаваниями Кука заканчивается период поисков южной неизвестной земли (*Terra Australis Incognita*). Настает новый период, начатый трудами 1-й русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева – период исследования южного полярного пространства и подлинного открытия 6-й части света – Антарктиды» [Алейнер 1949(б): 505].

Последние слова А.З. Алейнера скорее всего можно трактовать так: с русской экспедиции, действительно началось собственно научное изучение Антарктики, а не только ее промысловое «освоение», но «подлинное открытие» ее было пролонгированным, не одномоментным, а «растянутым» во времени (именно такую точку зрения можно обнаружить в советской историографии) и совершалось поэтапно последующими, теперь уже отнюдь не русскими экспедициями.

Ведь тиражировались же – в 30-е годы в Советском Союзе – мнения, подобные, высказанному Р. Бэрдом. «Собственно говоря, – писал он, – континент (Антарктида. – *А.О.*) был открыт тремя экспедициями: француза Дюрвиля, американца Уилкса и англичанина Росса» [Бэрд 1935: 63].

Предисловие Н.Н. Урванцева (будучи доктором геолого-минералогических наук, он являлся ученым секретарем (! – *А.О.*) Арктического института) к этой книге Р. Бэрда начиналось так: «Шестая и последняя часть света, материк Антарктики, открытый около ста лет тому назад (1840 г.) (! – *А.О.*), до сих пор принадлежит к наименее изученным областям земного шара» [Бэрд 1935: 5].

Вполне можно было бы вести речь об «опечатке», со стороны вот таких «ученых секретарей», если бы не высказывания самого Р. Бэрда. Исходя из подобного деления «на троих» факта открытия Антарктиды

(как видно, в таком «факте» Первой русской антарктической экспедиции уже просто «не оставалось места». – *А.О.*) и была корреспондирована в предисловие Н. Урванцева «дата открытия» Антарктиды – 1840 год.

Наконец, в конце 1949 года в Советском Союзе – после почти 120-летнего перерыва – была переиздана книга Ф.Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания...».

Редактор этого издания Е.Е. Шведе (он же стал автором «вступительной статьи» и комментариев), в своем редакторском предисловии к книге писал: «В течение последнего времени в международной политической обстановке произошли события, повышающие всеобщий интерес к первой русской антарктической экспедиции, непреложно утвердившей приоритет нашей Родины на открытие материка Антарктиды. ...Таким образом переиздание книги Беллинсгаузена имеет и большое политическое значение» [Шведе 1949(а): 3, 4].

На приоритетное место редактор поставил тот, «вполне оправдывающий переиздание» факт, что, первое издание этой книги «давно стало библиографической редкостью» [Шведе 1949(а): 3]. Е.Е. Шведе обращал внимание на то, что оригинал рукописи Ф.Ф. Беллинсгаузена (и включенного в первое издание его книги отчета М.П. Лазарева), а также все заметки их соплавателей и шханечные журналы шлюпов «Восток» и «Мирный», в архивах «пока отыскать не удалось». «Нужно думать, – писал Е.Е. Шведе, – что они были взяты Беллинсгаузенем при подготовке своего труда к изданию, а впоследствии утрачены» [Шведе 1949(а): 5].

В своей вступительной статье, давая сведения о «прочих участниках экспедиции», Е.Е. Шведе упомянул и П.М. Новосильского: «Мичман П.М. Новосильский, написавший анонимную книжку (так в тексте. – *А.О.*) «Южный полюс», вскоре после возвращения из кругосветного плавания был назначен преподавателем высшей математики, астрономии и навигации в Морском кадетском корпусе, и в 1825 г., выдержав в Петербургском университете экзамены, перешел на службу в Министерство народного просвещения» [Шведе 1949(б): 21].

Можно заметить, что составитель библиографии ко второму изданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, старший библиограф Н.С. Богаткина, была подвергнута довольно «жесткой критике» в одной из

статей, рецензирующих данную работу. Критика эта заключалась прежде всего в том, что составитель библиографии не поместила в библиографический список труды участника экспедиции П.М. Новосильского. Стоит заметить, что и сам Е.Е. Шведе упоминает лишь об одном труде П.М. Новосильского – «Южный полюс», тогда как другая его работа – «Шестой континент», советским редактором книги Ф.Ф. Беллинсгаузена не упоминается.

Описывая подготовку и последующий ход экспедиции Е.Е. Шведе пишет: «Как видно, инструкция предъявляла строгие и суровые требования к экспедиции, и Беллинсгаузен и Лазарев решительно и смело старались их выполнить».

Для этой цели русская экспедиция в первый период своего плавания, с января по март, т. е. за лето южного полушария, сделала в общей сложности пять «покушений», а именно: ...3) с 10 по 16 января, причем 16 января она находилась почти вплотную к материку Антарктиды, всего в 20 милях от него, в широте $69^{\circ}25'$ и долготе $2^{\circ}10'$ (у берега, который теперь называется Землей принцессы Марты) и 4) с 19 по 21 января, когда экспедиция вновь достигла широты, $69^{\circ}25'$ и находилась опять в непосредственной близости от материка, в расстоянии от него менее 30 миль; 5) с 1 по 6 февраля, когда была достигнута широта $69^{\circ}7'30''$ и долгота $16^{\circ}15'$.

Если бы не плохие (! – *А.О.*) условия видимости, то уже 16 января Беллинсгаузен и Лазарев смогли бы дать совершенно точные сведения о землях антарктического материка. Автор предисловия к английскому переводу книги Беллинсгаузена, вышедшему в 1945 г., антарктический исследователь Франк Дебенхэм, по этому поводу пишет: Беллинсгаузен «видел материк, но не опознал его как таковой»..., и далее – «нельзя было дать лучшего описания сотням миль антарктического материка, каким мы теперь его знаем... Вторично экспедиция находилась вплотную к материку 21 января. В своем предварительном донесении, посланном в Россию из Порт-Жаксона, Беллинсгаузен следующим образом характеризует свои впечатления о льдах, которые он видел перед собою при весьма близком подходе к материку, с 5 на 6 февраля...: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда (! – *А.О.*), коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу

п о д о б н о б е р е г у (разрядка Е.Е. Шведе; в оригинале, «и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212]. – *А.О.*). В близости берега были уверены многие из офицеров экспедиции...» [Шведе 1949(б): 25–26].

Однако «разряжать» этот текст, Е.Е. Шведе, скорее надо было на словах «виден материк льда...».

Таким образом, оценки Ф. Дебенхэма, как уже было отмечено выше, «попали», точнее говоря, были корреспондированы в редакционную статью Е.Е. Шведе (и который, кстати, рецензировал английский перевод книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, изданный в 1945 г. в Великобритании под редакцией Ф. Дебенхэма). Вполне можно утверждать, что этот советский географ фактически отстаивал дебенхэмовскую версию о «нескольких часах ясной погоды».

Сразу же, непосредственно после процитированного выше текста, Е.Е. Шведе «цитировал» теперь уже другой, современный текст: «Весьма интересно свидетельство советской китобойной антарктической экспедиции на пароходе «Слава», находившейся в марте 1948 г. почти в той же точке, в которой Беллинсгаузен находился 21 января 1820 г. ...: «Мы имели прекрасные условия видимости при ясном небе и отчетливо видели все побережье и горные вершины в глубине континента на расстояние 50–70 миль по пеленгам 192° и 200° из этой точки. Когда здесь же находился Беллинсгаузен, то дальность видимости была чрезвычайно (! – *А.О.*) ограниченная, и он не мог наблюдать и обозревать горных вершин, находящихся к югу и юго-западу (судя по всему, Е.Е. Шведе цитировал здесь уже приведенный выше доклад Г.М. Таубера; но в оригинале этот фрагмент текста звучал так: «...А при посещении Беллинсгаузена здесь стояла неблагоприятная погода с ограниченной (! – *А.О.*) видимостью..., вследствие этого он мог видеть только узкую полосу побережья и не мог обозреть горных вершин, лежащих к югу и юго-западу [Таубер 1949: 369–370]. – *А.О.*). Описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с запада на восток, в этом районе, вполне соответствуют форме рельефа береговой полосы Земли принцессы Марты» [Шведе 1949(б): 26–27].

Как видно, Е.Е. Шведе здесь, явно злоупотребил своей «властью редактора». В частности, «выпала» из теста Г.М. Таубера, упомянутая

последним и увиденная Ф.Ф. Беллинсгаузенем, «узкая полоса побережья».

Вообще исходя из приведенных выше оценок участников экспедиции – самого Ф.Ф. Беллинсгаузена, М.П. Лазарева, П.М. Новосильского – континент, вопреки «плохим условиям видимости», был совершенно точно, этими же участниками опознан и классифицирован (причем далеко опережая научно-географические представления тех лет).

Так с какой целью Е.Е. Шведе цитировал (причем без своих комментариев) Ф. Дебенхэма: Беллинсгаузен «видел материк, но не опознал его как таковой» [Шведе 1949(б): 26]?

И на чем тогда строил Е.Е. Шведе последующие, уже свои (точнее, ставшие уже полуофициальными – это-то в стране-первооткрывателе, через более чем столетие с момента открытия! – *А.О.*) «двоекратные» утверждения: «...Экспедиция выполнила главное задание – открыла материк Антарктиды и тем самым утвердила приоритет нашей Родины в этом отношении... Русские мореплаватели на русских кораблях первыми открыли Антарктиду и тем самым утвердили приоритет нашей Родины на это открытие» [Шведе 1949(б): 28, 30]?

В рецензии Е.Е. Шведе на изданный в 1945 году английский перевод книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, первый писал, что «перевод издан очень хорошо; он снабжен 36 иллюстрациями и 15 картами, заимствованными из атласа Беллинсгаузена» [Шведе 1947: 358].

Этого нельзя сказать о переизданной в Советском Союзе книге Ф.Ф. Беллинсгаузена. Книге было предпослано введение Е.Е. Шведе, его же обширная вводная статья об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, книга была снабжена иллюстрациями художника экспедиции П. Михайлова, а также некоторыми другими иллюстрациями, словарем, примечаниями и неплохой библиографией от советских составителей нового издания. Но карта в ней была только одна – обзорная, на которой был обозначен маршрут плаваний экспедиции в 1819–1821 гг.

К концу 1949 года в Советском Союзе Государственным Издательством Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР (Детгиз), с небольшим интервалом были изданы две книги об Антарктике.

Первую из этих книг – «Антарктика» (Серия: «В помощь школьнику»; тираж 30 000 экземпляров) написал уже известный нам сотрудник Арктического научно-исследовательского института, доктор географических наук (1947) Д.Б. Карелин (автор изданной в 1947 году научно-популярной книги «Завоевание полюсов» [Карелин 1947]).

В качестве основного исходного посыла, или главного тезиса своей новой работы, Д.Б. Карелин решил избрать «скромность» в оценках результатов Первой русской антарктической экспедиции, причем, исходящую из «скромности» (как человеческого качества) самих же участников этой экспедиции.

До Д.Б. Карелина тему «скромности» в той или иной интерпретации уже давали некоторые советские авторы. Например, в 1948 г. в предисловии к книге Н.А. Бендер «Имена русских людей на карте мира», автор этого предисловия, доктор географических наук Ю.Г. Саушкин писал: «...Надо заметить, что русские имена, встречающиеся на карте мира от северных полярных островов до Антарктиды, далеко не исчерпывают всего, что было открыто и исследовано русскими. Причиной тому – величайшая скромность русских людей, которые в очень редких случаях присваивали открытым ими географическим объектам свои имена и сравнительно редко давали имена своих предшественников, современников и товарищей» [Саушкин 1948: 3–4].

Выше уже было отмечено, что упомянутой Ю.Г. Саушкиным «скромности русских людей», предстоит сыграть в дальнейшем – в качестве своеобразной интерпретационной модели – особую роль в исследовательских подходах советских историков, географов, а также беллетристов, писавших в своих работах об открытии Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева.

В 1949 г. А. Адамов писал: «Скромность и огромная требовательность к себе не позволили в свое время Беллинсгаузену и Лазареву объявить (? – А.О.) о своем открытии. Но это обстоятельство не играет решающей роли» [Адамов 1949: 27].

О том, что «скромность и исключительно высокая требовательность к достоверности научных открытий не позволили русским морякам утверждать тогда, что это материк Антарктиды», писал в 1949 г. С. Михайлов [Михайлов 1949: 72]. Подобную же «скромность» упоминал целый ряд других советских авторов.

Сам Д.Б. Карелин на этот раз писал: «Нельзя не восхищаться блестящими географическими открытиями русских людей в различных частях земного шара. Русские исследователи побывали в тропиках и в полярных зонах, на вершинах гор, в пустынях, морях и океанах.

...Много крупных географических открытий было сделано русскими. Это они обнаружили шестую часть света – материк Антарктиду – и расширили область географической науки.

Скромно русские исследователи изучали («скромно... изучали»? – А.О.) новые пространства, но их дела навеки остались в памяти людей.

...О делах великих русских путешественников и об открытой ими части света будет полезно вспомнить сейчас, когда многие страны проявляют интерес к Антарктике и когда некоторые представители капиталистических стран пытаются предать забвению первые русские открытия и исследования на Крайнем Юге» [Карелин 1949: 3–4].

Получается, что, если бы не «некоторые капиталистические страны», то «воспоминания» об открытии русскими Антарктиды можно было бы «отложить» еще на неопределенное время...

Затем в повествовании Д.Б. Карелина шли, уже становившиеся расхожими, оценки плаваний Дж. Кука. Гораздо интереснее, что этот советский автор был пока еще из немногих, кто цитировал труд мичмана П.М. Новосильского «Южный полюс».

Достаточно большое значение уделил Д.Б. Карелин освещению работы в Антарктике советской китобойной флотилии «Слава». «Здесь, – писал он, – ежегодно добываются, помимо других продуктов, сотни тысяч тонн ценного жира, идущего на изготовление лучших сортов столового маргарина и разных технических продуктов» [Карелин 1949: 72]. Естественно, что о норвежских китобоях, участвовавших в походе флотилии «Слава» не было сказано ни слова.

Кроме того, в издании под рубрикой «В помощь школьнику», Д.Б. Карелину удалось уклониться от прямого ответа на вопрос об открытии Антарктиды. Кратко рассматривая будущие задачи освоения Антарктики, он лишь писал: «К нашему времени стало ясно, что южная полярная область, впервые обследованная (! – А.О.) русской антарктической экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева около ста тридцати лет назад, может принести пользу людям» [Карелин 1949: 72].

Д.Б. Карелин писал далее: «...Первые шаги показали, что Антарктида может представлять значительный интерес.

На склонах горных цепей, свободных от ледникового панциря, были обнаружены различные полезные ископаемые. Во многих районах Антарктиды, и в частности в трехстах километрах от полюса, имеются богатые залежи каменного угля. В «Красной горе» (далеко не случайно использование Д.Б. Карелиным этой транслитерации; все «красное» в те годы уже буквально на «рефлекторном уровне» ассоциировалось с коммунистическим, советским. – *А.О.*) было найдено железо, в другом месте – титан. На этом материке, возможно, есть даже нефть. Ледяной панцирь и горные породы скрывают под собой, по-видимому, немало нужных металлов и минералов (об уране у Д.Б. Карелина особо речь не шла. – *А.О.*).

Конечно, до тех пор, пока эти же полезные ископаемые имеются в более доступных населенных странах, добыча их в Антарктике представляется маловероятной, но в будущем может настать такой момент, когда естественные богатства южного материка начнут разрабатываться. Нельзя не считаться с тем, что исследование антарктических пространств – дело нелегкое.

Жизнь человека и животных на обледеневшем материке (не считая узкой прибрежной полосы) за счет местных продуктов невозможна. Каждый шаг в центральной Антарктике требует предусмотрительного завоза продуктов питания из других областей земного шара. Экспедиционная деятельность здесь требует особенной заботы и подготовки. В случае нужды или просчета помощи ждать неоткуда.

Русские люди, не считаясь с суровыми условиями, шли сюда, чтобы продвинуть вперед науку.

К сожалению, не все страны следуют этому прекрасному примеру» [Карелин 1949: 73].

Подобная подача материала, использование конкретных контекстов не могло не навести абстрактного (и конкретного) школьника на мысль, что были уже, некие иные, внутриконтинентальные «русские экспедиции» в Антарктиде.

Не может не вызвать удивления обеспокоенность многих советских авторов (вообще их интерес к этому), вопросом осуществления транантарктических полетов. Вот и Д.Б. Карелин писал:

«Антарктида лежит между южными оконечностями трех материков – Африки, Америки и Австралии. Не исключена возможность, что в дальнейшем самолеты пойдут через Антарктиду» [Карелин 1949: 74].

Международно-политическую и международно-правовую обстановку, складывающуюся вокруг Антарктики, Д.Б. Карелин изображал следующим образом: «Многие страны уже сейчас спешат заявить свои притязания на владение бесплодными, обледеневшими участками суши за южным полярным кругом. Там появились сектора, объявленные «собственностью» Соединенных Штатов Америки, Австралии, Аргентины, Новой Зеландии, Франции, Англии, Чили, Южно-Африканского Союза и даже далекой северной страны – Норвегии. На антарктических землях появляются самозванные «хозяева».

Это означает, что готовится политический раздел Антарктики между различными странами» [Карелин 1949: 74].

Несмотря на то, что в своем списке правоприязаний этот автор поместил на «первое место» США, эта страна не объявляла своего сектора в Антарктике.

Затем у Д.Б. Карелина шла, ставшая уже традиционной для советской историографии, фальсификация (непонимание? – А.О.) вопроса, касающегося советско-норвежских отношений.

«Советское правительство, – писал Д.Б. Карелин, – в 1939 году сообщило в ответ на заявление Норвегии относительно острова Петра I (почти через десять лет? – А.О.), что оно не может признать законным действия (так в тексте. – А.О.) Норвегии и оставляет за собой право в дальнейшем высказать свою точку зрения о государственной принадлежности территории, открытой русскими мореплавателями» [Карелин 1949: 74]. Об ошибочности такой позиции уже много было сказано выше.

Небезынтересным были следующие рассуждения Д.Б. Карелина: «В нашей стране никогда не угасал интерес к Антарктике, исследования которой (и вновь, речь у него шла лишь об «исследованиях», а не об открытии Антарктиды. – А.О.) столь удачно были начаты русским флотом. Ученые нашей страны не раз поднимали вопрос о продолжении исследований.

...В 1900 году адмирал С. Макаров, создавший первый в мире мощный ледокол для борьбы со льдами Северного Ледовитого океана,

разработал проект экспедиционного судна-ледокола для работы в антарктических водах.

События начала XX века («революция» 1905 года? – *А.О.*), войны, усилия по восстановлению хозяйства вынудили на время отложить продолжение исследований. Однако после Великой Отечественной войны Советский Союз организовал в Антарктике китобойный промысел и развернул ряд новых научных исследований в антарктических морях» [Карелин 1949: 74–75].

В контексте того, что в своей книге Д.Б. Карелин нигде конкретно не указал об открытии континента (когда, где и в чем оно выразилось), эклектичными выглядели заключительные строки его произведения: «Об интересах Советского Союза в Антарктике и о правах его, основанных на приоритете географических открытий убедительно высказалось общее собрание членов Географического общества Союза ССР 10 февраля 1949 года.

...Великие подвиги совершили русские богатыри-мореплаватели, сделавшие самые важные (? – *А.О.*) географические открытия за южным полярным кругом и обнаружившие существование шестой части света – Антарктиды. Этот подвиг убедительно доказывает, что именно наша Родина имеет бесспорные права на решение вопроса о землях Антарктики.

Наша задача – помочь дельнейшему изучению Антарктики, содействовать вовлечению ее в круг мирных хозяйственных интересов демократических народов.

Огромная, малоизученная антарктическая область еще ждет своих настоящих (? – *А.О.*) исследователей» [Карелин 1949: 75].

Другим, изданным Детгизом в 1949 году произведением (обе книги были изданы уже после проведения общего собрания действительных членов Всесоюзного географического общества), стала повесть Г.И. Кублицкого «Открыватели Антарктиды» (согласно выпускным данным, эта книга была издана для среднего возраста, тиражом 45 000 экземпляров). Несколько выше уже упоминалось, что в апреле 1949 года, в журнале «Вокруг света» была опубликована Г. Кублицкого «Колумбы Антарктики» [Кублицкий 1949(a)].

Ответственным редактором книги Г.И. Кублицкого выступил автор ряда научно-популярных книг В.А. Касименко. В его, изданной в

1948 году книге «Как люди открывали землю», можно было обнаружить такие строки: «...Славные мореплаватели (Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев. – *А.О.*) проникли в высокие широты южных полярных морей, где открыли Антарктический материк, назвав его части: «Земля Петра I» и «Земля Александра I...» [Касименко 1948: 17–18].

На самом деле экспедиция открыла остров Петра I, сразу же опознав, определив и обозначив его, именно как остров. Кроме того, шлюпы «Восток» и «Мирный» составляли одну экспедицию, а не две, как указал несколько раньше в своей книге В.А. Касименко. Такие ошибки в освещении экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, были в те годы для советской историографии уже достаточно необычными. Тем более, что его книга вышла под научной редакцией научного сотрудника Института географии АН СССР, кандидата географических наук Д.Л. Арманда.

Аннотируя в своей работе книгу профессора А.Д. Некрасова [Некрасов 1941], В.А. Касименко, без каких-либо комментариев писал, что «Куку удалось окончательно развеять миф о существовании большого материка вокруг южного полюса» [Касименко 1948: 42].

Об авторе повести «Открыватели Антарктиды» Г.И. Кублицком (1911–1989) известно следующее. Первая его публикация появилась в 1934 г. Г.И. Кублицкий получил профессии геодезиста, окончив техническое училище, и журналиста, окончив МГУ. В конце 30-х годов начинает работу в редакции газеты «Правда». Первые книги для детей Г.И. Кублицкий начал писать в 1947 году. Он автор рассказов для радиопередачи «Клуб знаменитых капитанов». В 1949 г. вышли две первые книги для детей – «Енисей, река Сибирская», «Открыватели Антарктиды». С 1951 г. – член Союза писателей СССР [Георгий 2011].

Свое повествование Г.И. Кублицкий ведет от лица очевидца, присутствующего на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР. Один за другим коротко пересказываются им доклады, правда, с едва уловимыми авторскими добавлениями, или изменениями [Кублицкий 1949(б): 11–13].

Итоги первого этапа плавания экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в описании Г.И. Кублицкого, предстают следующим образом. Он пишет: «Почти сто дней «Восток» и «Мирный» находились в антарктических водах. Трижды их курс пересекал Южный полярный

круг. ...А земля, ускользающая земля так и не открыла морякам свой таинственный лик из-за ледяной брони.

Расстелив на столе своей каюты карту и сдвинув в сторону линейки, транспортир и циркуль, Беллинсгаузен писал донесение в Россию, в Петербург. Может, не скоро еще удастся отправить его из какого-нибудь порта с попутным кораблем, но надо заранее собраться с мыслями, изложить их на бумаге.

Первая часть написана. Теперь о самом главном: о том, что произошло в январе и начале февраля.

«...с 5 на 6 число дошел до широты 69°7'30" южной, долготы 16°15' восточной. Здесь за ледяными полями мелкого льда и обрывами виден материк...»

Фаддей Фаддеевич задумался и отложил в сторону перо. Вправе ли он написать так определенно? Где неопровержимые доказательства, что это был материк? Честная, прямая натура моряка протестовала против малейшей неясности, которая могла остаться при решении спора и вызвать косые взгляды ученых, отрицавших возможность существования Южного материка.

Он пробежал глазами написанное и после некоторого колебания продолжал писать:

«...виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу подобно берегу».

Так будет лучше, скромнее» [Кублицкий 1949(б): 73–74].

Даже если оставить в стороне известный психологизм в описании этой «историко-бытовой» сцены, не может не обратить на себя внимания позиция самого автора – Г.И. Кублицкого, отнесшего, через «мысли» Ф.Ф. Беллинсгаузена к «самому главному», события января – февраля 1820 года.

Г.И. Кублицкий писал дальше: «Много передумал и командир «Мирного». Который уже раз перечитывал Лазарев книгу Кука.

...Командир «Мирного» сердито захлопывает книгу. Нет, Кук неправ! ...Какая-то неизвестная земля должна быть недалеко!

...И она действительно была совсем близко от кораблей, первыми достигнувших ее берегов. В январе и феврале (1820 г. – А.О.) русские моряки не раз почти вплотную приближались к ней. Она лежала перед

ними за барьером льда (? – *А.О.*), вдоль которого плыли корабли. Неподвижное ледяное поле было прибрежным льдом. Там, где с кораблей видели птиц, до таинственного берега оставались считанные мили» [Кублицкий 1949(б): 74].

А так описывал Г.И. Кублицкий второй этап экспедиции: «...И вот ветер снова надувает булые паруса шлюпов. ...Донесение о первом плавании в Антарктику отправлено в Россию с попутным кораблем. Беллинсгаузен оставил в нем слова «материк льда», так и не решившись заменить их словами «Южный материк».

...День 17 января 1821 года начался тем, что корабли медленно продвигались вдоль невысоких ледяных полей, над которыми клубился белесоватый туман.

Вдруг откуда-то набежал порывистый шквал, туман рассеялся – и перед морями открылся берег, концы которого терялись вдаль...

– Южный материк! Южный материк! – с этими возгласами люди обнимали друг друга.

Перед ними, окаймленная барьером льда (обратим внимание, опять «барьер льда». – *А.О.*), лежала таинственная Антарктида.

Лежал огромный материк, берегов которого на других меридианах русские корабли впервые достигли год назад.

...Теперь уже никто не мог сомневаться в великом географическом открытии, прославившем русскую науку и русский флот...» [Кублицкий 1949(б): 141–142].

Далеко не случайно этот советский автор упоминает в своем тексте «барьер льда» дважды: в январе – феврале 1820 года ледяной барьер «сопутствовал» мореплавателям; Земля Александра I, у Г.И. Кублицкого, тоже подчеркнута «окаймлена барьером льда». Но, «откуда-то набежавший порывистый шквал», во втором случае позволил открыть Антарктиду. Поскольку о таком открытии ясно не сказано в первом случае, мысль невольно возвращается к дебенхэмовской версии о «нескольких часах ясной погоды».

В последней главе, «в которой читатель снова возвращается на заседание географов и узнает последние новости о таинственной Антарктиде», Г.И. Кублицкий весьма прозрачно «выводит» образы других участников этого мероприятия.

В частности, он пишет: «...Заседание в Большом Белом зале Географического общества продолжалось. ...Полярный исследователь уступил свое место на кафедре моряку в форме контр-адмирала.

– Успехи экспедиции, – продолжал контр-адмирал, поправляя очки в светлой оправе и отрывистым жестом правой руки как бы подчеркивая свои слова, – не ограничиваются лишь открытием острова Петра Первого и окраины материка, названного (так в тексте. – *А.О.*) Беллинсгаузенем именем Александра Первого. Экспедиция проходила в непосредственной близости от Антарктического материка на протяжении сотен миль и совершенно точно описала его. Это недавно признал и исследователь Антарктики англичанин Дибенхэм.

Обращаясь то к современной карте Антарктиды, то к дневникам Беллинсгаузена, оратор неопровержимо доказал, что неподвижные странные (? – *А.О.*) льды, которые не раз видела экспедиция еще в первое свое плавание на дальнем юге, были покрытыми льдом окраинами Антарктического материка. Только исключительная честность и требовательность позволили русским морякам утверждать, что они открыли землю, лишь после того, как с кораблей увидели уже не только береговые льды, но даже скалы и горы. Теперь можно считать окончательно установленным, что впервые русская экспедиция достигла берегов Антарктиды и открыла (! – *А.О.*) их в январе 1820 года» [Кублицкий 1949(6): 143–144].

Сугубо идеолого-пропагандистским было проведенное Г.И. Кублицким сравнение достижений в освоении околополярных пространств.

Он писал: «За последние десятилетия два мира исследовали воды и земли у двух концов оси планеты.

На далекий Север летели краснорозовые самолеты. Десятки советских полярных станций, далеко выдвинутых в Арктику, вели незаметную с первого взгляда, но огромную по значению работу на благо науки. ...С полным правом советский человек может сказать: «Арктика покорена».

На далекий юг плыли корабли под американскими, английскими, норвежскими, французскими, японскими и другими флагами. Но за много лет все эти экспедиции не исследовали по-настоящему и десятой части «Великого белого материка»...

Два разных мира занимались изучением и освоением высоких широт в разных концах земного шара. И результаты получились тоже разные. Огромные «белые пятна» неизвестности на карте Антарктиды лучше всего говорят об этом» [Кублицкий 1949(б): 147–148].

Познавательными и, ведущимися как бы от лица «молодежи», были следующие диалоги участников общего собрания: «На ветер жаловались все путешественники, побывавшие в Антарктиде. Жаловался Скотт, жаловался Амундсен...

– И Дмитрию Гореву он тоже показался чересчур суровым.

– Дмитрию Гореву?

– Ну, не ожидал, что тебе ничего не скажет это имя! А еще хвалился, что прочитал кучу книг об Антарктиде. Дмитрий Горев был спутником Скотта. Это молодой сибиряк... Горев пересек на собаках изрядное пространство Антарктиды, спеша на помощь Скотту, и был одним из тех, кто нашел ледяную могилу путешественника. Впрочем, он был не единственным русским в экспедиции к Южному полюсу. В ней принимал участие также Антон Омельченко.

– Признаю себя невеждой. Мне казалось, что, кроме океанографа Кучина, который сопровождал Амундсену, русские не принимали участия в антарктических экспедициях начала нашего века.

– Как видишь, ты ошибся. Наши соотечественники были в составе обеих экспедиций, которым первыми удалось достичь Южного полюса почти сорок лет назад» [Кублицкий 1949(б): 154].

Но, пожалуй, наиболее примечательным в контексте нарождающейся антарктической политики Советского Союза, был следующий «диалог»: «...В зал уже несколько раз нетерпеливо заглядывал швейцар. Наконец увлекшиеся разговором юноши поняли, что означает его многозначительное покашливание.

...Друзья стали прощаться.

– А все-таки, – сказал один из них, – предложи тебе завтра отправиться в эту морозную, ветренную, ледяную Антарктиду – и сознайся, ты бы не стал раздумывать!

– Неделю на сборы мне было бы вполне достаточно, – улыбаясь, ответил тот, – и, думаю, что в тебе я нашел бы надежного спутника.

Они рассмеялись и крепко пожали друг другу руки... [Кублицкий 1949(б): 155].

Заканчивалась повесть Г.И. Кублицкого так: «В те часы, когда в Большом Белом зале Географического общества происходило описанное выше собрание, за многие тысячи километров от Ленинграда Южный Ледовитый океан пересекала флотилия кораблей.

...В радирувке флагманского корабля радист настраивался на волну Москвы. Началась передача «Последних известий».

...Флотилия проникала за 69-ю параллель. Она вплотную подошла к берегам Антарктиды в тех самых местах, где в январе 1820 года с мачт «Востока» и «Мирного» увидели неподвижный береговой лед. Экипажи кораблей высыпали на палубу. Бинокли переходили из рук в руки. Так вот она, шестая часть света, открытая русскими!

«...Некоторые государства пытаются, – говорил московский диктор, – добиться решения вопросов Антарктики без участия Советского Союза, против чего Географическое общество СССР не может не протестовать самым решительным образом».

Флотилия шла среди ледяных гор. Это было ее третье антарктическое плавание. ...В одной из кают заканчивались приготовления к выпуску печатной газеты китобоев. На видном месте свежего газетного листа было крупными буквами напечатано:

«Мы пришли в далекую Антарктику дерзать и побеждать по-сталински!» [Кублицкий 1949(б): 155–158].

Очевидно исследовательские подходы и выводы Г.И. Кублицкого были сочтены вполне приемлемыми, поэтому, его книга была переведена на языки союзных республик, в частности, на латышский язык [Kubļickis 1953].

Для того, чтобы в очередной раз показать, что в 1949 году оценки факта открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева не были в Советском Союзе «унифицированы», приведены к некоему «единообразию», стоит несколько остановиться еще на одном источнике советской историографии. Правда, надо заметить, что этот источник несколько выходит за пределы хронологических рамок проводимого исследования.

Речь идет об изданной в самом начале 1950 года книге К. Осипова (1900–1955) (псевдоним; настоящие фамилия и имя: Куперман Иосиф (Осип) Миронович) «Как русские люди открыли Антарктиду». Вполне понятно, что творческий замысел по написанию этой книги возник у К.

Осипова (автора целого ряда книг по «русской истории») не в 1950 году, а раньше. Был ли это действительно «творческий замысел» самого К. Осипова (Купермана), или, что скорее, конкретный социальный заказ, точного ответа пока нет.

Кстати, Государственное издательство географической литературы издало эту книгу тиражом 50 000 экземпляров, против 20 000 экземпляров, «доставшихся» в 1949 году на переиздание труда самого Ф.Ф. Беллинсгаузена.

Как же в трактовке К. Осипова (Купермана) русские люди «открыли Антарктиду»?

Свое повествование он начинает так: «В 1946 г. в южных полярных водах появилась советская китобойная флотилия: корабль-матка «Слава» и восемь быстроходных китобойных кораблей. До тех пор в дальних южных широтах китобойным промыслом занимались преимущественно норвежцы, англичане и американцы, хищнически истреблявшие морских животных. ...Советские китоловы не появлялись в этих местах. И вот в 1946 году на волнах южных полярных морей закачались корабли, на мачтах которых гордо реял флаг советской державы.

...Американские, английские, норвежские, датские и всякие другие промышленники с явным неудовольствием отнеслись к появлению советских кораблей.

...Таким образом, иностранные китоловы не без основания видели в советской флотилии грозного соперника. «Зачем эти русские явились сюда? – ворчали они – еще наши отцы плавали здесь. А русские... Они, ведь, никогда не бывали прежде в этих краях».

Такого рода рассуждениями запестрели столбцы иностранных газет.

Трудно сказать, чего здесь больше: невежества или сознательного передергивания фактов. Потому что все те, кто хоть в малой степени знаком с историей географических открытий, отлично осведомлены о роли русских моряков в исследовании южных полярных морей и в открытии южного материка – этой, еще мало известной, шестой части света» [Осипов 1950: 3–4].

Прочитывая, становившиеся уже советской «географической классикой», слова Дж. Кука о «южном материке» (К. Осипов цитировал

эти слова по книге Дж. Кука, изданной в переводе Я.М. Света в 1948 году Географгизом; в несколько большем объеме и не так эклектично, как Осипов (Куперман), эти слова цитировал автор вступительной статьи к этой книге И.П. Магидович [Магидович 1948: 33–34]) К. Осипов писал: «Высказанные с такой категоричностью и притом столь авторитетным лицом мнение было воспринято как непреложное. Просуществовавшее столько веков представление о существовании Южного материка было сдано в архив. Да и кто мог спорить с человеком, трижды пересекшим полярный круг, трижды подходившим к границе сплошных льдов (! – *А.О.*) и всякий раз уверявшимся, что всюду простирается лишь океан, что нет никаких признаков земли.

...Выводы Кука подорвали интерес к южным полярным морям. К тому же Кук подробно описал негостеприимство Антарктики, бедность ее растительного и животного мира» [Осипов 1950: 5–6].

По-своему интересным, было следующее пояснение-подстрочник К. Осипова: «Следует отличать смешиваемые иногда в просторечии понятия Антарктиды и Антарктики. Антарктида – это громадный, площадью в 14 миллионов квадратных километров, материк, лежащий вокруг Южного полюса; Антарктика включает в себя, кроме Антарктиды, прилегающие к этому матерiku части трех океанов (Тихого, Индийского, Атлантического) с находящимися в них островами, общей площадью до 10 тысяч квадратных километров» [Осипов 1950: 6, сноска].

Это примечание тем более интересно, что исходит от «неостепенного» беллетриста К. Осипова. Тогда как «светило» советской науки, академик Л.С. Берг в ходе своего знаменитого доклада на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград) подчеркнул, что «русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев... **впервые** доказали ошибочность господствовавших тогда представлений, что за Южным Полярным кругом нет земли, и **открыли существование Антарктики** (выделено в оригинале. – *А.О.*)» [Русские 1949(а)].

Однако делать только исходя из этого, поспешный вывод о том, что Л.С. Берг лишь «смешивал в просторечии» географические понятия «Антарктида» и «Антарктика», отнюдь не следует. Тем более, что в некоторых перепечатках его доклада, эти его слова были оставлены без

изменения («...и открыли существование Антарктики») [Академик 1949(а): 92; Академик 1949(б): 40; Русские 1949(б): 271], в некоторых же (автору удалось обнаружить такое изменение только в одно источнике. – *А.О.*) – изменены на «Антарктиду» («...и открыли существование Антарктиды») [Берг 1949(а): 6].

«Неудивительно, – продолжал свое повествование К. Осипов, – что экспедиции сюда почти прекратились. И только спустя почти полстолетия утверждение Кука было опровергнуто, опровергнуто людьми, тщательно обследовавшими полярные широты, пробывшими во льдах значительно дольше, чем Кук, и обнаружившими неизвестные берега, в которых они справедливо увидели выступы Южного материка – таинственной Антарктиды, шестой части света. Этими людьми были русские мореплаватели» [Осипов 1950: 6].

Читая и давая затем характеристику последующим страницам книги К. Осипова (Купермана) о том, как «русские люди открыли Антарктиду», трудно решить, чего в изложении этого советского автора больше (если использовать его же слова), «невежества или сознательного передергивания фактов»? Впрочем, книга эта не производит впечатления как написанная дилетантом «от географии и истории».

В частности, К. Осипов отмечал: «Первая половина XIX века – это период чрезвычайно активного исследования русскими людьми отдаленных пространств земного шара.

...Причину этой исключительной активности нужно искать как в чисто научных интересах русского общества и во всегдашней (? – *А.О.*) любознательности русских людей, так и в стремлении русского правительства расширить сферу политического влияния, а также круг торговой деятельности русских купцов.

...Проникновение в неисследованные водные просторы Южного заполярья сулило богатые перспективы и в политическом, и в промышленном, и в научном отношении» [Осипов 1950: 6–8].

Надо сказать, что в советской историографии тех лет, посвященной анализу экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, такие оценки еще не были в ходу. Первую отличала пока еще некая политическая «беззубость».

Описывая события января 1820 года, К. Осипов заходил, что называется «издалека», но выводы делал предельно конкретные: «...Через два дня был пройден южный полярный круг. Еще двумя днями позже, 16 января, шлюпы вновь уперлись в сплошные неподвижные льды.

История дальних плаваний знает много случаев, когда путешественники совершали великие открытия, не подозревая того. Так случилось с Колумбом, Семеном Дежневым; то же произошло и во время экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. В день 16 января 1820 г. они находились не более чем в 20 милях («То-есть свыше 35 километров», как значилось в сноске к тексту К. Осипова. – *А.О.*) от берега Южного материка. Если бы они могли продвинуться еще на два десятка километров, то извечная загадка Антарктиды была бы разрешена уже в 1820 г.» [Осипов 1950: 26–27].

Как видно, если Ф. Дебенхэму (а также, фактически соглашавшимся с ним многим советским авторам, к примеру, Е.Е. Шведе. – *А.О.*) «не хватило» для открытия «нескольких часов ясной погоды», то, для К. Осипова (Купермана), для этого же открытия «не хватило» двух десятков километров.

Последний «сокрушался» в своем тексте: «Увы! Корпуса кораблей были совершенно непригодны для продвижения в тяжелых льдах, и участники экспедиции не имели представления о том, что они находятся у самой цели. М.П. Лазарев писал об этом дне: «16 января достигли мы широты 69°25' S, где встретили матерой лед чрезвычайной высоты, и... простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение» [Осипов 1950: 27].

Напрасно только, К. Осипов (Куперман), прервал цитату на «и...»; да и понятно, поскольку текст первоисточника коренным образом расходится с дебенхэмовской версией о «нескольких часах ясной погоды».

В письме М.П. Лазарева А.А. Шестакову, с описанием плаваний шлюпов «Восток» и «Мирный», есть такие, исчерпывающие строки: «16 генваря достигли мы широты 69°23' S, где встретили матерой лед чрезвычайной высоты, и в прекрасный (! – *А.О.*) тогда вечер, смотря по саленгу, простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо

вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег» [Плавания 1949: 21].

В своей книге К. Осипов (Куперман) широко опирался на тексты приведенные в сборнике «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах» [Плавания 1949]. Сборник этот, был в 1949 г. издан Географгизом под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями доктора исторических наук А.И. Андреева. Анализ текстов самого А.И. Андреева был проведен выше. Здесь следует только добавить, что К. Осиповым (Куперманом) были восприняты и, лишь воспроизведены в своей «аранжировке» (но, ни в коем случае, не «импровизационного» характера), запутанные рассуждения А.И. Андреева о «ведении – неведении» руководителей и участников экспедиции в отношении их географических открытий.

Ссылался К. Осипов (Куперман) в своей работе и на переизданную в 1949 году в Советском Союзе книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена.

Описав затем экспедиционные дни 20 и 21 января 1820 года, К. Осипов (Куперман) в сноске давал такой комментарий: «В настоящее время, когда Антарктида уже обследована и отдельным районам материка присвоены определенные названия, можно установить, что шлюпы приближались 16 января 1820 г. к той части берега, который носит теперь название «Земля принцессы Марты», а 20–21 января к «Земле принцессы Ранхильды» [Осипов 1950: 27, сноска 3].

Прочитывая некоторые места из дневника матроса Е. Киселева и текста П.М. Новосильского, К. Осипов (Куперман) делал свой вывод: «Итак, участники экспедиции строили правильные догадки относительно нахождения суши в этих областях. Однако невозможность пробиться сквозь льды дальше к югу не позволила и в этот раз убедиться (5 февраля 1820 г. – *А.О.*) в правильности этого предположения» [Осипов 1950: 28].

«Можно было подвести кое-какие итоги, – как бы «от лица» участников экспедиции пишет К. Осипов (Куперман), – экспедиция обследовала никем не исследованные ранее области Атлантического океана; выяснила, что приблизительно на 70° южной широты начинаются сплошные тяжелые льды (но это уже прекрасно «выяснил» и Дж. Кук; как писал о Дж. Куке сам К. Осипов (Куперман), «да и кто мог спорить с человеком, трижды пересекавшим полярный круг, трижды

подходившим к границе сплошных льдов» [Осипов 1950: 6]. – *А.О.*); она открыла ряд новых островов и уточнила сведения, сообщенные Куком; наконец, она произвела ряд ценных наблюдений, важных для метеорологии, океанографии и других наук; «...Первое изыскание» было завершено... [Осипов 1950: 29, 34].

Таковыми были, действительно «кое-какие» итоги Первой русской антарктической экспедиции в интерпретации советского автора К. Осипова (Купермана).

Его описание второго этапа уже окончательно не должно было оставить у читателя никаких надежд на открытие экспедицией Антарктиды еще в январе 1820 года. «В декабре 1820 г., – писал К.Осипов (Куперман), – как и в январе того же года, экспедиция была на пороге достижения своей главной цели, но льды и ветры снова оказались неодолимым препятствием» [Осипов 1950: 36].

А название раздела книги К. Осипова (Купермана), в котором им повествовалось об открытиях января 1821 года – «Антарктида», как бы «давало понять» – все, встреченное экспедицией раньше, в январе – феврале 1820 года, Антарктидой якобы не было.

Комментируя открытие экспедицией Земли Александра I, К. Осипов (Куперман) далеко не случайно цитирует именно эти слова П.М. Новосильского: «Не случись ясной погоды, – восклицает в своих записках Новосильский, – и возвышающийся перед нами берег с величественной горою... ускользнул бы от наших взоров» [Осипов 1950: 42].

Такое «восклицание» мичмана должно было «подтвердить» своим авторитетом очевидца и участника событий дебенхэмовскую версию о «нескольких часах ясной погоды», применительно к ключевой дате – 16 января 1820 года.

Дальнейшее изложение К. Осипова (Купермана) являет собой одну из самых худших (предположим, что намеренно худших) трактовок в советской историографии. Он пишет: «Открытие этой земли – а также острова Петра I – опровергло высказанное Куком утверждение, что в районе Южного полюса нет материка.

Это понимали, хотя и неясно, участники экспедиции.

Профессор Симонов подчеркнул, что открытие этих земель «Тем более важно, что они суть самые южнейшие из всех, донине известных, земель на земном шаре».

Не представляя в точности всего значения сделанного им открытия, руководители экспедиции считали нужным продолжать изыскания» [Осипов 1950: 45].

Непонятно, для чего у К. Осипова (Купермана) шло цитирование казанского профессора, если эти земли, на тот момент, действительно были самыми южными, открытыми на земле – землями, но, именно землями, а не континентальным льдом.

Важно, что в своем предварительном донесении, посланном в Россию из Порт-Жаксона, Ф.Ф. Беллинсгаузен сообщает о событиях с 5 на 6 февраля 1820 г.: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда (! – *А.О.*), коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212]. – *А.О.*

А вот, в чем К. Осипов (Куперман) видел значение русской антарктической экспедиции: «Научные итоги экспедиции очень велики. Во-первых, были открыты островные звенья (? – *А.О.*) Антарктиды (остров Петра I и Земля Александра I) труды экспедиции опровергли пущенное в обиход Куком и господствовавшее до тех пор мнение об отсутствии или недостижимости материка в районе Южного полюса. Напротив, теперь стало очевидным, что суша там имеется, и были установлены ее приблизительные границы» [Осипов 1950: 48].

И снова К. Осипов (Куперман) берет к себе «в союзники» профессора И.М. Симонова: «И. Симонов в заключительной части своей речи, произнесенной в Казанском университете, сказал: «Замечательный мореход Кук в (о? – *А.О.*) путешествии своем говорит: «Я обошел вокруг южного полушария в большой широте таким образом, что неоспоримо доказал, что нет в оном никакой матерой земли, разве в окрестностях полюса, куда невозможно достигнуть». Мы углубились во многих местах далее сего морехода, оставались не в пример долее его за полярным кругом, и ежели берег Александра не есть окончность земли сей, то принужденными найдемся подтвердить слова его, должны будем сказать, что мы не видели никаких признаков предполагаемого Южного

материка, разве за пределами зрения от тех мест, где вечные льды положили непроницаемую межу для плователей» [Осипов 1950: 49].

Какой же вывод для себя (и для читателя) делал из этого К. Осипов (Куперман)? «Это высказывание Симонова, – пишет он, – свидетельствует, хотя и в осторожной форме, о том, что Симонов, а значит (на самом деле – вовсе не значит. – *А.О.*) и руководители экспедиции, считали Землю Александра I принадлежащей к Южному матерiku (как оно и оказалось)» [Осипов 1950: 48].

Вообще сами по себе эти слова И.М. Симонова, если только не относиться к ним предвзято, с заведомым купермановским предубеждением, вовсе не говорят о том, что сам казанский профессор (очевидно не стоит проводить, как это сделал К. Осипов (Куперман), прямой корреляции мнения И.М. Симонова и мнений руководителей и других участников русской южнополярной экспедиции) считал недостижимым достижения южнополярных земель (а, тем более, обнаружения и наблюдения их, поскольку участники экспедиции как раз их открыли и наблюдали), пусть и покрытых льдом.

При анализе текста К. Осипова (Купермана) не может не создаться впечатление, что в его книгу, в самом развернутом виде были инкорпорированы взгляды наиболее «радикального крыла» противников признания факта открытия Антарктиды в январе 1820 года. По крайней мере, все усилия самого К. Осипова (Купермана), и, что вполне вероятно, стоявших за ним конкретных лиц (Л.С. Берга?; антропологический подход к историографии позволяет делать такие выводы, но, все-таки, чтобы сделать их окончательно, лучше обратиться к личным, академика Л.С. Берга и К. Осипова (Купермана), архивным фондам. – *А.О.*) были направлены именно на достижение такого «научного результата».

К. Осипов (Куперман) продолжал «подводить итоги»: «Участников Русской Антарктической экспедиции иногда называют Колумбами Антарктиды (в частности, до публикации книги К. Осипова (Купермана) таким «литературно-смысловым» приемом пользовались: Н. Введенский [Введенский 1940: 88], А. Георгиев [Георгиев 1948: 27–28], Г. Кублицкий [Кублицкий 1949(а): 6], А. Адамов [Адамов 1949: 27], наконец, «сам» академик Л.С. Берг [Берг 1949(б): 186]. – *А.О.*). Это не совсем точно. Колумб не подозревал, что открыл новую часть света.

Русские же моряки отправились на поиски таковой: несколько раз были у цели уже в январе 1820 г., хотя лишь подозревали это, но не знали достоверно, так как не видели берега (никакого «берега» им видеть было не надо: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда (! – *А.О.*), коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212]. – *А.О.*): а затем, в 1821 г., открыли земли, о которых с уверенностью отзывались как о крайней оконечности Антарктиды. Доказать это они не могли, вследствие несовершенств их кораблей, и завещали эту задачу будущим исследователям, имеющим в распоряжении лучшую технику. Но факт приоритета русских мореплавателей остается несомненным» [Осипов 1950: 49].

На чем же тогда основывался такой, для К. Осипова (Купермана) «несомненный» факт приоритета, этот автор не уточнял.

«Открытие это, – продолжал лукаво славословить К. Осипов (Куперман), – трудно переоценить. Подобно открытиям Колумба, Магеллана, Васко-да-Гамы, оно сыграло колоссальную роль не только в географической науке, но во всей истории культуры, так как раздвинуло представления о нашей планете. ...По своим научным результатам... (экспедиция. – *А.О.*) является одной из самых важных и самых плодотворных в летописях географических открытий. ...Антарктида была открыта на русских кораблях русскими людьми» [Осипов 1950: 49, 50–51].

Как видно, К. Осипов (Куперман) и, возможно те, кто стоял за ним, готовы были на любые превосходные степени сравнения, любую, пусть даже самую непрекрасно-грубую и откровенно нелепую лесть, но, только при одном условии: «Отдайте нам дату – 16 января 1820 года»!

Говоря о перспективах хозяйственного освоения Антарктики, К. Осипов (Куперман) писал: «...Недаром американский журнал «Сатердей Ивнинг пост» назвал (в декабре 1947 г.) Антарктику «гигантской шкатулкой сокровищ». В самом деле, разведки, произведенные только на протяжении одного-двух процентов территории Южного материка, показали, что там имеется золото, серебро, олово, свинцовая руда, медная руда, уголь и т. д. Предполагают наличие крупных запасов нефти

и, что особенно привлекает империалистов, запасов урановой руды. Как известно, урановая руда служит основным сырьем при изготовлении атомных бомб. Она очень дефицитна, а между тем изыскатели уверяют, что в Антарктиде имеются огромные залежи этой руды» [Осипов 1950: 57–58].

Рассматривая территориальные претензии в Антарктике, К. Осипов (Куперман) несколько эмоционально писал: «В 1931 и 1939 гг. Норвегия предъявила притязания на некоторые территории (в том числе даже на остров Петра I)» [Осипов 1950: 57–58].

Весьма образно, сочным языком «холодной войны» он писал дальше: «...Так выявляются истинные планы империалистов. Подобно тому, как мифический царь Мидас не мог скрыть свои ослиные уши, так современным агрессорам не удастся скрыть свои военные планы, побуждающие их к захвату территорий, которые нужны им или могут пригодиться в будущем для реализации этих планов.

...Самую неприглядную роль в империалистической грызне вокруг Антарктиды выполняют ныне США.

...В августе 1948 г. правительство США объявило, что оно вступило в переговоры с заинтересованными капиталистическими странами об организации «международного управления» Антарктикой. Нетрудно понять, в чем смысл такого предложения: прикрываясь формальной «интернационализацией Антарктики», США в действительности хотят сосредоточить в своих руках все нити, заставив послушные им «маршализованные» страны отодвинуться на задний план.

...Среди этой вакханалии жадных поползновений, взаимных происков и связанных с подготовкой новой войны манипуляций, исключение представляет позиция Советского Союза.

...Советский Союз не может и не желает допустить, чтобы судьба Антарктиды (интересно четкое разграничение этим автором терминов «Антарктика» и «Антарктида». – *А.О.*) решалась помимо него, без его участия. Он основывается на свидетельстве нелицеприятной (*sic!* – *А.О.*) истории, на фактах, с очевидностью говорящих о том, что приоритет в открытии Южного материка принадлежит России, а следовательно, по преемственности, Советскому Союзу» [Осипов 1950: 58–60].

«Подобно тому, как мифический царь Мидас не мог скрыть свои ослиные уши», так самому К. Осипову (Куперману), за всей этой хлесткой фразеологией не удавалось скрыть главную цель своего произведения. Он, беря к себе «в союзники» не только профессора И.М. Михайлова, но, теперь уже, и мичмана П.М. Новосильского, упорно продолжал «штурмовать» историческую действительность. Целесообразно привести еще одну, достаточно длинную цитату.

К. Осипов (Куперман) писал: «Выступая на собрании действительных членов Географического общества СССР 10 февраля 1949 года, ученый секретарь этого общества профессор Калесник резонно заметил: «Если открытие Багамских и Антильских островов справедливо считается одновременно и открытием американского континента, то тем больше оснований считать открытие многих островов, вплотную прилегающих к Антарктиде, и, в частности, Земли Александра I (если она даже, действительно, остров, а не часть материка), открытием антарктического континента».

Эта мысль не нова; как указывалось выше, участники экспедиции были убеждены в том, что ими найден ключ (?! – *А.О.*) к раскрытию загадки Южного материка. Вспомним слова Новосильского: «Русским предоставлена была честь впервые приподнять угол завесы, скрывающей отдаленный таинственный юг, и доказать, что за ледяной стеною, его опоясывающею, таятся острова и земли».

Из выдающихся заслуг русских мореплавателей в открытии Антарктиды и вообще в исследовании Антарктики вытекают бесспорные исторические права России – а ныне Советского Союза – на участие в решении вопросов Антарктики» [Осипов 1950: 60–61].

Надо отметить, что книга «неостепененного» К. Осипова (Купермана) была весьма и весьма «проработанной» с точки зрения изложения, подбора материала, его актуальности, если угодно – научности (за исключением, естественно, отмеченных выше моментов), и, в этом смысле, выгодно отличалась от других, исключительно редких советских книг на антарктическую тематику.

Заканчивалась книга К. Осипова (Купермана) дословным и полным цитированием Меморандума Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики [Осипов 1950: 61–63]. Сам, этот Меморандум, согласно данным Архива внешней политики Российской

Федерации (АВП РФ), датирован 5-м июня 1950 года [Меморандум 1950(а)].

7 июня 1950 года Правительство Советского Союза направило этот Меморандум правительствам Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии через своих дипломатических представителей в столицах указанных выше государств [Меморандум 1950(б)].

Так, 9 июня 1950 г. Временным поверенным в делах СССР в США В.И. Базыкиным, Меморандум был вручен заместителю Государственного секретаря США Дж. Уэббу [Меморандум 1950(а)].

В центральных советских газетах (в частности, в газете «Известия» [Меморандум 1950(б)]) текст Меморандума был опубликован 10 июня 1950 г. Согласно К. Осипову (Куперману), он, в своей книге цитировал текст Меморандума, опубликованного 10 июня 1950 г. в газете «Правда».

А вот выпускные данные книги К. Осипова (Купермана): «Сдано в производство 28/III-50 г. Подписано к печати 23/V-50 г.» [Осипов 1950]. Как видно, Меморандум был опубликован в центральной советской печати, в частности, в газете «Правда» на которую и ссылался К. Осипов (Куперман), на несколько недель позднее, чем его книга была подписана к печати.

Последний факт порождает две альтернативы: первая (прямо скажем, довольно невероятная, если не абсурдная), что К. Осипову (Куперману) был «доступен» текст Меморандума почти за месяц до его официального опубликования и, что, самое главное, до направления Меморандума правительствам соответствующих стран; вторая, что изменения в рукопись были К. Осиповым (Куперманом) внесены уже после опубликования Меморандума, но выпускные данные книги остались прежними (существует, правда, еще одна альтернатива – опечатка в выпускных данных книги).

Как уже было отмечено выше, в текст Меморандума (это было заранее запланировано и подчеркнуто в докладной записке А.Я. Вышинского И.В. Сталину от 20 февраля 1950 года [Докладная 1950]) вошли положения резолюции общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР.

В частности, в сообщении Телеграфного Агентства Советского Союза (ТАСС), цитировавшего текст Меморандума, говорилось: «...Правительство Союза ССР не может согласиться с тем, чтобы такой вопрос, как вопрос о режиме Антарктики решался без его участия. В этой связи Советское Правительство считает нужным напомнить о выдающихся заслугах русских мореплавателей в открытии Антарктики (не Антарктиды, как и в докладе академика Л.С. Берга. – *А.О.*). общепризнанным является тот факт, что русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев в начале XIX века впервые достигли берегов Антарктики, обошли этот материк кругом и тем самым доказали ошибочность распространенного в то время взгляда, будто за южным полярным кругом нет земли. Эта заслуга русских мореплавателей не менее важна, чем позднейшие изыскания на самом материке и его берегах, производившиеся экспедициями некоторых стран, представители которых заявляют в настоящее время о своей заинтересованности в определении режима Антарктики.

...На указанные обстоятельства уже было обращено внимание советской общественностью. В частности, они были отмечены в резолюции общего собрания Географического Общества СССР от 10 февраля 1949 года, в которой Общество подчеркнуло важнейшее значение открытий русских мореплавателей в Антарктике...» [Меморандум 1950(6)].

Подводя итоги проведенного в настоящей главе анализа советской историографии, необходимо ответить на вопрос: что же побудило Советский Союз активизировать, а фактически, заново – в течение 1949 года, попытаться начать формирование своей «новой» антарктической политики, или же, по крайней мере, активно осуществлять ее политико-идеологическое обоснование?

Несколько причин сыграли здесь определяющую роль.

В наиболее широком плане такой стратегически важный регион, как Антарктика, в условиях уже наметившегося глобального политического, экономического и военного противоборства между СССР и США не мог, естественно, не привлечь к себе пристального внимания советского руководства. Сыграла здесь свою конкретную роль полученная зарубежными экспедициями информация об антарктических

минеральных ресурсах, о вероятности нахождения на континенте урановых руд.

Многие советские авторы тех лет обращали особое внимание именно на последнее обстоятельство [Рябчук 1947: 117; Берг 1949(в): 137; Калесник 1949(в): 557]. К этим же фактам привлекали внимание некоторые из выступавших с докладами на Общем собрании действительных членов Географического общества СССР (Ленинград, 10 февраля 1949 г.).

В одной из опубликованных в 1949 г. статей прямо говорилось (правда, как обычно в таких случаях, со ссылкой на «зарубежные источники»), что «борьба за Антарктику есть прежде всего борьба за урановую руду», поскольку, «в США» Антарктика рассматривается как район вероятного нахождения урана [Михайлов 1949: 69].

В этой же публикации при перечислении найденных в Антарктике полезных ископаемых были указаны: «золото, серебро и оловянная руда (у мыса Денисон – в австралийском секторе Антарктики); свинцовая руда и сернистое железо (в центральной части Земли Марии Бэрд – в тихоокеанском секторе Антарктики); железный колчедан и медная руда (на островах Саут Шотланд и на архипелаге Пальмера – владения Фолклендских островов)» [Михайлов 1949: 68].

Оказали свое определенное влияние оценки, данные Р. Бэрдом, указывавшего после окончания своих экспедиций 30-х – 40-х годов, на то, что в недалеком будущем Антарктика будет иметь важное стратегическое значение [Подорольский 1941: 53–55].

Советский Союз не мог оставаться равнодушным к тому, что «США все более активизировали свою деятельность по военному освоению Антарктики» [Алейнер 1949(а): 342]. В 1946 г. американцы начали готовить новую экспедицию, избрав районом ее проведения весь Антарктический континент. Экспедиция организовывалась Морским министерством США и, по сути дела, являлась специальной военно-морской операцией [Рябчук 1947: 116–117]. Очевидно учитывалось и то внимание, которое уделила третья экспедиция Р. Бэрда Земле Александра I.

В области внешней политики и дипломатии основным иницирующим фактором, заставившим СССР «вспомнить» об Антарктике, активно отстаивать, использовать и пропагандировать на

международной арене и внутри страны факт первооткрытия (правда, с точки зрения историографии вопроса, порой в весьма своеобразных, если не в странных формах) континента Антарктида русской экспедицией 1819–1821 гг., стало опубликованное в августе 1948 г. Государственным департаментом США сообщение о том, что им начаты неофициальные переговоры с Англией и ее доминионами, с Францией, Норвегией, Аргентиной и Чили о возможности «интернационализации» Антарктики.

Весь 1948 год прошел «под знаком» напряженной борьбы между Англией, с одной стороны, и Аргентиной и Чили – с другой, за районы Антарктики [Михайлов 1949: 67]. Когда этот спор, в общем длившийся уже десять лет, в 1949 г. внезапно затих, появились основания считать, что это произошло не без участия Соединенных Штатов, «стремящихся сколотить блок против Советского Союза в вопросе о режиме антарктического района» [Денисов 1950: 25–26].

Таким образом, Советский Союз, не имевший на континенте территориальных претензий, фактически не проводивший южнополярных научных исследований с момента первой экспедиции (антарктические научные наблюдения начались одновременно с началом работы советской китобойной флотилии «Слава»), был исключен из числа государств, определявших судьбу Антарктики [Овлащенко 2007: 245–259; 2009(б): 34–39].

В 1949 г. советский географ писал: «Как известно, все споры и переговоры по вопросам территориальных владений в Антарктике проводятся без участия Советского Союза и с явным намерением не допустить нашу страну к решению проблем режима Антарктики» [Калесник 1949(в): 568]. Конечно же, чтобы «принять участие» в упомянутых спорах, Советский Союз должен был хотя бы предъявить свои претензии, правопритязания, которые вошли бы в противоречие с аналогичными притязаниями других стран.

Сам же, стремительно набиравший внешнеполитическую мощь Советский Союз, одновременно, не имевший в то время (только что закончилась тяжелейшая для страны война и шел период восстановления народного хозяйства, экономики в целом) возможности осуществлять в Антарктике влиятельное морское и тем более континентальное присутствие, был склонен в качестве реального

компромисса к проведению международных переговоров, которые определили бы в конечном счете правовой статус и режим континента и окружающих его вод, а также находящихся там природных ресурсов.

Таким, весьма (если не единственно) желательным для Советского Союза на последующем этапе международным документом, стал Договор об Антарктике 1959 г. [Овлащенко 2007: 245–259; 2009(б): 34–39].

Полезно отметить, что собственно юридических, международно-правовых работ по антарктической проблематике с момента проведения Общего собрания Географического общества Союза ССР в феврале 1949 г. и до заключения 1 декабря 1959 г. в Нью-Йорке Договора об Антарктике, т. е. за десятилетие, в ведущих научных изданиях Советского Союза было опубликовано чрезвычайно мало, – только две! Это свидетельствует как об осторожности в освещении этих вопросов, так и о реальном отсутствии в стране выработанной доктринальной точки зрения на них (в этот период можно говорить лишь о своеобразной международно-правовой «протодоктрине» в этой области).

А ведь такие работы были тогда очень востребованы. Все в том же 1949 году, автор статьи в октябрьском номере журнала «Вопросы экономики» писал: «...Борьба вокруг Антарктики является одним из ярких примеров того, как... попирают международное право и стремятся урезать законные права Советского Союза... вытекающие из великих русских открытий в Антарктике» [Михайлов 1949: 71].

В конце материала подчеркивалось: «Историческая справедливость, благоговение перед памятью бесстрашных русских мореплавателей – первооткрывателей Антарктики обязывают самым решительным образом протестовать против попыток установления без Советского Союза какого-либо статута для Антарктиды» [Михайлов 1949: 73].

Кстати, в последующем, упоминая только что, подобная «осторожность» приняла совершенно гипертрофированные и вряд ли действительно оправданные интересами государства формы. Практически до 1991 года, без разрешения Отдела по проблемам атмосферы и Мирового океана Государственного комитета СССР по науке и технике или Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований (ВНИИСИ) Академии наук СССР запрещено было открытое опубликование материалов (а также оглашение на

международных зарубежных и открытых внутрисоюзных съездах, конференциях, совещаниях, симпозиумах, публичная защита диссертаций), в которых затрагивались проблемы, связанные с международно-правовыми вопросами изучения и освоения Антарктики (южнее 60-й параллели южной широты).

Причем даже в случае опубликования, ряд сведений в необходимых случаях требовал согласования ВНИИСИ АН СССР с Министерством иностранных дел СССР, Государственным комитетом СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды, другими министерствами (ведомствами) в части, их касающейся [Перечень 1987: 99].

Это обстоятельство, фактически исключающее научную дискуссию, конечно не могло не сказаться на числе и уровне публикаций в 60–80-е гг., поскольку у ряда юристов-международников («территориальщиков», специалистов по международному морскому праву) попросту «отбили охоту» заниматься проблемами эволюции Системы Договора об Антарктике [Овлащенко 2009(б): 39, сноска 25].

Глава VI. 2011 – 2013 годы

«...In 1949 a reassessment of the Imperial Russian Navy's Antarctic expedition of 1819–1821 was promulgated in the Soviet Union...»:

полемиические заметки на статью Рипа Балкли

«...The first person, however, to take the view that Bellingshausen had probably set eyes on the mainland in 1820, albeit on 17 February rather than on 28 January, was the director of the Scott Polar Research Institute in Cambridge, Frank Debenham, who published an English translation of Bellingshausen's narrative in 1945...»

R. Bulkeley (2011)

В 2011 году британский историк и историограф Рип Балкли (*Rip Bulkeley*) отправил автору (причем, с ремаркой от себя: «первому русскому читателю...») текст своей статьи «*Bellingshausen's first accounts of his Antarctic voyage of 1819–1821*», предназначенной для опубликования в журнале «*Polar Record*».

После изучения и анализа этой статьи (статья была опубликована в 2013 году [Bulkeley 2013: 9–25]), автор (тогда же, в ноябре 2011 года) отправил свои краткие ответные комментарии Рипу Балкли, которые и воспроизведены без каких-либо изменений, ниже.

В комментариях на статью Р. Балкли отмечено:

1. «*In 1949 a reassessment...*» (*Abstract, p. 1*):

На мой взгляд, переоценка была сделана не в 1949 году, а начала происходить уже начиная, по крайней мере, с 1940 года, с указанной у Вас работы Н. Введенского (*Vvedenskii, N. 1940*). На Общем собрании действительных членов Географического общества СССР в феврале 1949 года, такая переоценка получила лишь свое внешнее, яркое, эмоциональное, в значительной степени идеолого-пропагандистское наполнение. С точки зрения внутренних процессов в СССР в отношении результатов экспедиции – это лишь «верхушка айсберга». Например, Л.С. Берг, еще в 1929 г. описывая ход экспедиции упомянул: «...В феврале 1820 года были по близости Земли Эндерби (38° в. д.)» (Берг, 1929).

2. *«The contention was that Russian seamen had made the first discovery of the mainland of Antarctica, two or three days before the northern tip of the Antarctic Peninsula was sighted by a British expedition, under William Smith and Edward Bransfield...» (Abstract, p. 1):*

Дело в том, что, как само Общее собрание действительных членов Географического общества СССР в феврале 1949 года, так и его итоговая Резолюция, не были построены на оппонировании только что указанному факту. Этот факт вообще не упоминался и не рассматривался. А, поэтому, позволю себе осторожно заметить, что сама исходная точка (исходный посыл) всей статьи не совсем корректна. У западного читателя может сложиться впечатление, что весь смысл этого мероприятия укладывается в противодействие географическим заслугам Смита и Брансфилда. А это ведь далеко не так.

3. *«From 1949 onwards a reassessment of the Bellingshausen expedition took place in the Soviet Union. Scholars and officials now began to claim that its participants had been the first people in the world to discover the mainland of Antarctica, having done so on 28 January 1820. ...One or two people seem to have abstained or even dissented from the revision to begin with (Bulkeley 2011: 145–146), but it soon became the new orthodoxy and has remained so ever since» (p. 2):*

На самом деле, речь шла не о пересмотре результатов, а о более глубоком изучении материалов экспедиции, что сразу же позволило прийти к объективным, по действительным итогам самой экспедиции, результатам. Конечно же и ученые и даже официальные лица (чиновники) играли совершенно определенную роль в распространении действительных итогов экспедиции.

4. *«The first person, however, to take the view that Bellingshausen had probably set eyes on the mainland in 1820, albeit on 17 February rather than on 28 January, was the director of the Scott Polar Research Institute in Cambridge, Frank Debenham, who published an English translation of Bellingshausen's narrative in 1945» (p.2):*

То есть получается, что англичане в 1945 году помогли «открыть»

русским Антарктиду в 1949 году... Интригующая версия, но, все-таки, и советские специалисты – до 1945 года – обращали внимание на подходы кораблей экспедиции к материку 15 (27) января 1820 года и 5–6 (по старому стилю) февраля 1820 года. То, что Е.Е. Шведе цитирует *Debenham* в своем предисловии к «Двукратным изысканиям» (1949), по сути, мало что доказывает. В конце концов, Шведе соглашается с дебенхемовской версией о «нескольких часах хорошей погоды», но это, всего лишь личное мнение Шведе.

5. «...*had included the recognition, recording and announcement hat are the classic elements of geographical discovery...*» (p.2):

В 1954 году основатель советской океанологии профессор, контр-адмирал Н.Н. Зубов (отчасти полемизируя с И.П. Магидовичем) писал, что географическим открытием надо называть не только первое посещение, но и первое положение на карту на основании собственных наблюдений географических объектов, которые до того показаны на карте не были, а также и первое описание их. Так, пишет Н.Н. Зубов, Беллингаузен и Лазарев положили на карту часть берега (!) Антарктиды, о. Петра I, Землю Александра I, и «совершили этим величайшее географическое открытие XIX века» – открытие шестого материка – Антарктиды, «хотя они эти земли не посетили, а только видели» (Зубов, 1954) [Овлащенко А.В. Российские юристы-международники о приоритете открытия Антарктиды русской кругосветной экспедицией 1819-1821 гг. // Международное публичное и частное право. 2010. № 3. С. 19].

6. «*But he inclined to mention that, in between those two events, William Smith and Edward Bransfield had so discovered a nearby part of the Antarctic mainland (Trinity Land) on 30 January 1820*» (p.2):

Шведе мог просто и не знать об этом факте...

7. «*The statement that no Antarctic land was discovered in 1820...*» (p.3):

Да, но именно в том понимании, как тогда трактовалась «земля», именно как «*rock and dirt*» (p. 13), поскольку 15(27) 1820 года все признаки материка были налицо (и он был совершенно точно опознан и

классифицирован) – это «сплошные льды», которые «простираются от востока чрез юг на запад» (Ф.Ф. Беллинсгаузен), «сплошной лед» (П.М. Новосильский), «вечные, непроходимые льды» (И.М. Симонов), «матерой лед чрезвычайной высоты», который «простирался... так далеко, как могло только достигать зрение», наконец «...льдиный материк, не доходя 70° (М.П. Лазарев).

8. *«In the third edition he quoted the passage directly (Shvede 1960: 37). By then the Soviet Union had secured its immediate political goals in Antarctica through the Antarctic Treaty...» (p.8):*

Постановка вопроса с точки зрения международного права не совсем корректна. Дело в том, что Договор об Антарктике (*Antarctic Treaty*) был подписан в Вашингтоне 1 декабря 1959 года, вступил в силу 23 июня 1961 году. Книга «Двукратные изыскания...» (1960) с предисловием Шведе была подписана в печать 9 июня 1960 года, а Советский Союз ратифицировал Договор об Антарктике лишь 20 октября 1960 года (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1960 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1960, № 42)). Поэтому с 1960 г., формально-юридически с 1961 г. – могла идти речь об обеспечении политических интересов Советского Союза посредством *Antarctic Treaty*.

9. *«Belov appears to have felt that Bellingshausen's own modest account of 28 January 1820, which reduces to 'icebergs in an ice field', was not strong enough to support a claim to first discovery» (p. 8):*

Не совсем понятно о каких «айсбергах» идет речь, если, даже в версии «Двукратных изысканий...» (1949) (как известно, версия 1831 г. была «изуродована» Голенищевым-Кутузовым) на стр. 110 читаем: «16 генваря. Продолжая путь на юг, в полдень в широте 69°2'28", долготе 2°14'50", мы встретили льды, которые представились нам сквозь шедший тогда снег в виде белых облаков. ...Я привел в бейдевинд на *SO*, и, пройдя сим направлением две мили, мы увидели, что сплошные льды простираются от востока чрез юг на запад; путь наш вел прямо в сие лдяное поле, усеянное

буграми».

10. «*Lebedev liked to think of Bellingshausen's icebergs as 'ice mountains' at least, and perhaps as something more substantial*» (*Lebedev 1961:162*)(p.9):

Все записи экспедиции отчетливо дают понять, что ее участники отлично разбирались, когда они видели айсберги, а когда «сплошной лед», или «матерой лед» (были, конечно, и так называемые «сплотившиеся айсберги»).

11. «*In the text volume of the Soviet Antarctic Atlas Belov argued that Bellingshausen's remarks were only meant to underline his inability to confirm the existence of Cook's hypothetical 'Sandwich Land', and were not directed at his search for Antarctic land in general (Belov 1969: 39–40)*» (p. 9):

Это, действительно, одна из широко распространенных в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева точек зрения. Вопрос остается спорным и открытым. Соответственно, требует исследований.

12. «*Few visitors are likely to read through such an interrupted text. Should they read it, they do not meet the words 'I found no evidence anywhere for a great Southern land', which happen to fall in the overlapped part of page. Just as they were in the Dokumenty (Samarov 1952), they have been redacted*» (p. 9):

Пугаться этих слов, безусловно, никому не стоит, а, в первую очередь, советским (российским) исследователям. Как аргумент против открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева они вообще ничего не стоят. Хотя сказал их Беллинсгаузен, но, всем понятно, что под «*a great Southern land*» подразумевался континент в трактовке, существовавшей до второго кругосветного плавания Джеймса Кука – цветущий, с населением и пр. Беллинсгаузен лишь подтверждает здесь отсутствие «куковой земли», как ее называли в России, такого мифического материка (с изобилием растений, животных...).

13. «*...ascribe it to the insecure obsession with Russian superiority and priority in all things which was the cultural hallmark of late Stalinism, certain facts should be recalled....*»:

Действительно, углубленное изучение итогов экспедиции

Беллинсгаузена – Лазарева советскими историками и географами совпало по времени с проводимой после окончания Великой Отечественной войны (хотя определенные моменты начались уже раньше, еще, в ходе войны, в том числе и по отношению к Антарктике) кампанией «о приоритете русских» во всем и вся. И, все-таки, первичен здесь не политико-идеологический компонент, а постепенное повышение интереса к антарктической тематике в СССР на протяжении 20-х, а особенно 30-х годов.

14. *«And third, the Soviet Academy of Sciences did not receive an invitation to take part in the International Geophysical Year (IGY), which quickly became a far more effective vehicle for Soviet Antarctic policy than aggressive diplomacy, until the end of 1952 (Bulkeley 2008)» (p. 12):*

Значит, это был переход советской дипломатии в качественно иное состояние, а, факт того, что СССР смог участвовать в IGY говорит лишь об определенной победе советской дипломатии в «большой антарктической игре» (кстати, есть интересная статья: *Dodds K. The Great Game in Antarctica: Britain and the 1959 Antarctic Treaty // Contemporary British History. 2008. Vol. 22. No. 1. P. 43–66*; ссылку на это материал Клауса Доддса в Ваших работах не встречал, поэтому счел целесообразным сообщить).

15. *«Even if his views about 1820 had been fully and freely acknowledged the Soviet Union would have had, and Russia today still has, an indefeasible claim to political rights in Antarctica on two grounds: the Bellingshausen expedition taken as a whole, and her status as a permanent member of the UN Security Council» (p.12):*

Честно сознаюсь, что не могу проследить связь факта постоянного членства СССР/России в Совете Безопасности ООН с указанными Вами правами государств в Антарктиде... По самому факту членства в Совбезе такие права конечно же – *a priori* – не возникали. Что касается «...*the Bellingshausen expedition taken as a whole*...», то, зачем довольствоваться малым, если есть право первооткрывателя. С политической, межгосударственной повестки дня этот вопрос еще никто не снимал... Да и, в конце концов, остается же чисто исторический

интерес.

16. «...*part of the continent of Antarctica in a widely-used sense of the word, or the Antarctic Peninsula, which is part of the mainland of that continent (Balch 1902: 40–53). A more recent review of the archival evidence for early Dutch and Spanish voyages in the region concluded that we are unlikely ever to know exactly what was reported or by whom (Berguño 1991: 152; for a more sceptical view, see Headland 1989: 59–60). And for once, let history leave the matter there*» (p.13):

Очень интересный подход, очень интересные исследовательские находки. Однако, обратим внимание, что от прав первооткрывателя никто отказываться не спешит: русские и сегодня скажут, что Антарктиду открыли русские, англичане, что ее открыли – англичане, американцы – соответственно их соотечественники... Так что в этом смысле, такого рода *status quo* сохраняется и Ваша последняя статья еще раз в этом убеждает!

Вместо заключения: заблуждения, эклектизм или предумышленность советской историографии?

«...Однако странная судьба постигла книгу мичмана П.М. Новосильского..., которую мне удалось обнаружить летом 1948 года в одном из книгохранилищ Ленинграда. ...Ничего нет удивительного, что книга не привлекла внимания современников и прошла совершенно незамеченной... Книга Новосильского, ее судьба ни в какой мере не оправдали желания ее автора: широко популяризовать антарктическую экспедицию русских...»

Б.Г. Островский (1949)

При обобщении показанных в монографии оценок и трактовок, интерпретационных моделей, исследовательских подходов советских специалистов, представляющих, по мнению автора, для современной российской исторической и историко-географической науки несомненный интерес, вспоминается эпизод, приведенный в воспоминаниях генерал-адъютанта, адмирала, управляющего Морским министерством И.А. Шестакова (сына упомянутого во введении, адресата письма М.П. Лазарева), который описывая при каких обстоятельствах в Берлине скончался русский общественный деятель, философ, публицист, «честный боец за русские интересы» Ю.Ф. Самарин, в скобках сделал (имея в виду такие интересы) следующую ремарку: «В России нужно биться за них» [Шестаков 2006: 604].

Биться за них, отстаивая объективные факты, касающиеся открытия русской кругосветной экспедицией Антарктиды, приходилось и в 20-е – 40-е гг. в Советском Союзе.

Годы после окончания Великой Отечественной войны стали начальным периодом формирования советской антарктической политики. Для Советского Союза это был своего рода «антарктический ренессанс». Количество оценок факта первооткрытия Антарктиды русской экспедицией достигло своего пика в 1949 году, после того, как «решением ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 г. был признано целесообразным заявить, сначала в неофициальной форме, о заинтересованности Советского Союза в вопросе о режиме Антарктики»

[Докладная 1950]. Согласно с этим и состоялось посвященное Антарктике общее собрание действительных членов Географического общества Союза ССР.

Могущество СССР как геополитического преемника Российской Империи после Второй мировой войны возросло до невиданных размеров. Внутри же его правящей элиты по-прежнему шла смертельная борьба «националистов» и «космополитов» [Митрополит Иоанн (Снычев) 1995: 321].

Несомненно, что эта борьба нашла свое конкретное отражение в советской историографии итогов Первой русской антарктической экспедиции и ее главного достижения – открытия Антарктиды. Наиболее ярким проявлением такого отражения стал исследовательский эклектизм (вполне понятно, что, в первую очередь, со стороны «космополитического крыла») – отсутствие единства, целостности, последовательности в убеждениях, теориях, беспринципное сочетание разнородных, несовместимых, противоположных воззрений на итоги работы экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Таким образом, историю предвоенного, военного и, в еще большей степени, послевоенного роста интереса в Советском Союзе к проблемам Антарктики следует рассматривать двояко. С одной стороны такой интерес (именно в смысле объективизации исторического и собственно историко-географического знания) объясним в рамках народившегося национал-большевизма, с его поисками «русского следа» в истории. Как известно, этот период охватил военные годы, дальнейшее строительство советской империи, и завершился со смертью И.В. Сталина в 1953 году.

С другой стороны, безусловно важными являлись прикладные аспекты такого интереса: нарастающий учет геостратегического положения Антарктики, перспективы поиска и последующей добычи в Антарктиде урановой руды, возможность освоения окружающих Антарктиду и богатых морскими биологическими ресурсами (в частности, морскими млекопитающими) океанических и морских пространств.

Подводя итог непосредственному анализу «антарктических» работ советских географов и историков, написанных ими в 20-е – 40-е годы, стоит задаться вопросом: насколько вопросы Антарктики интересовали само государство?

На вопрос о том, существовала ли в России – с момента открытия в 1820 году Антарктиды, а затем и в Советском Союзе – до конца 40-х – начала 50-х годов – антарктическая политика, ответ может быть только один – нет. Такая политика на протяжении 130 лет не была сформирована и, естественно, исходя из этого, не реализовывалась. Это нашло свое выражение в предельном падении интереса (впрочем, в значительной степени инспирированном извне) к антарктической проблематике в научных кругах. По большому счету, вполне можно вести речь о «забытости» Антарктиды в российском, как теперь принято говорить, научном сообществе.

С другой стороны, можно говорить об интересе к Антарктике в широких кругах русского общества.

Через тридцать три года после окончания экспедиции, в 1854 году мичман П.М. Новосильский писал о своих книгах: «Издавая этот беглый очерк плаваний к южному полюсу, я надеялся, что при всей его краткости, он принесет некоторую пользу, потому что ни на отечественном, ни на иностранных языках нет еще особого сочинения о *южном континенте* (курсив в тексте П.М. Новосильского. – *А.О.*), первоначальное открытие которого, по всей справедливости, принадлежит Русским мореплавателям. Успех был выше моей надежды. В самое короткое время (! – *А.О.*), все экземпляры *шестого континента* и *южного полюса* были разобраны и отзывы о них в отечественных повременных сочинениях (периодических изданиях. – *А.О.*), так были снисходительны и благосклонны, что я предположил, со временем, издать *южный полюс* в более обширном объеме и с рисунками. Между тем, для удовлетворения поступающих на шестой континент в значительном количестве требований, напечатал эту книжку сначала вторым и потом ныне третьим (! – *А.О.*) изданием, с некоторыми пополнениями» [Шестой 1854: III–IV].

Так на что же рассчитывал советский фальсификатор (и, якобы «первооткрыватель», что он и подчеркивал буквально в каждой своей публикации) Б.Г. Островский, когда писал: «Однако странная судьба постигла книгу мичмана П.М. Новосильского..., которую мне удалось обнаружить летом 1948 года в одном из книгохранилищ Ленинграда. ...Вероятно, вследствие того, что книга появилась анонимно, под общим и весьма неопределенным названием «Южный полюс (куда уж

определеннее! – А.О.). Из записок бывшего морского офицера», никак нельзя было заключить, что речь идет о *русском* офицере, участнике *русской* (курсив в оригинале. – А.О.) антарктической экспедиции; вероятно, вводил в заблуждение и год издания книги – более чем через тридцать лет после окончания экспедиции (ну, совсем никаких шансов не хотел оставлять Б.Г. Островский русскому обществу тех лет, рисуя «интеллектуальный потенциал» последнего. – А.О.). Ничего нет удивительного, что книга не привлекла внимания современников и прошла совершенно незамеченной.

...Основным стимулом, побудившим Новосильского издать свою книгу, было желание возможно шире популяризовать поход, в котором ему довелось принять участие. ...Книга Новосильского, ее судьба ни в какой мере не оправдали желания ее автора: широко популяризовать антарктическую экспедицию русских» [Островский 1949(б): 97].

Приведенные в настоящем исследовании выдержки из целого ряда работ советских авторов, писавших об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, дают веские, как косвенные, так и прямые основания утверждать, что им (в первую очередь, тому же Л.С. Бергу) прекрасно были известны книги П.М. Новосильского, причем, известны они им стали гораздо раньше, чем произошло официальное «открытие» этих книг Б.Г. Островским.

Специалист по истории Французской революции А.В. Гордон для осмысления феномена советской исторической науки предложил термин «культура партийности». Такую «культуру» этот автор рассматривает в качестве специфического элемента советской историографии, пришедшего из «партийных кругов». А.В. Гордон полагает, что речь надо вести о глубоко «ритуализованном мышлении», о наличии свода предписаний, о хождении специального языка «для посвященных» (в этом смысле проведенный выше историографический анализ, практически оставляет «за скобками» историю самих, подобных идей. – А.О.).

«Ритуализовывались, – пишет А.В. Гордон, – и толкования цитат: не все из них и не всякому дано было использовать, важнейшие подлежали официальному апробированию» [Гордон 2009: 9].

Впрочем сам разработчик концепта «культуры партийности», А.В. Гордон указывает на известную автономию многих областей

исторического знания и признает, что на конкретно-описательном уровне влияние «культуры партийности» было не таким сильным [Гордон 2009: 10].

Более того, вполне можно говорить о том, что проведенный в монографии анализ убедительно продемонстрировал полную «историографическую разногласицу», в частности, уже после проведения «антарктического» общего собрания Географического общества – в вопросе об открытии Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, а это, в свою очередь, ставит под сомнение утверждение А.В. Гордона о том, что «...канонизированность советской историографии и советской культуры в целом... сближает ее с феноменом государственной религии» [Гордон 2009: 8].

Далеко не всегда, как, опять-таки, показывают результаты проведенного исследования, даже в условиях сталинского Советского Союза, «научная общественность» методично осуждала проявления исследовательской индивидуальности. На приведенных выше примерах видно, что подобная «исследовательская индивидуальность», чаще всего и в первую очередь вредила самой же исторической науке. Причем в случае с разработкой истории антарктических исследований и открытий, эта «исследовательская индивидуальность» никогда не подвергалась некоему осуждению, да еще и «методичному».

Многие из процитированных выше советских авторов – географов и историков, иных специалистов – оспаривали в скрытой (полускрытой) форме приоритет Первой русской антарктической экспедиции в открытии Антарктиды.

Можно полагать, что и другие области исторической науки, а не только история географии, ее историография могли бы дать материал для того, чтобы поставить под сомнение вывод А.В. Гордона. Или схожие выводы о том, что разномыслие в среде советских историков полностью отрицалось, но рассматривалось лишь как случайное или нетипичное явление. Или же, еще более крайний вывод, о некоем «всеобъемлющем контроле» над умами историков.

Как широко известно, профессор, доктор исторических наук Ю.Н. Афанасьев определил советскую историографию как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного

государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей» [Афанасьев 1996: 37].

И, тем самым, с «высоты» своего авторитета поставившего многих представителей «исторического ремесла» в своеобразный «интеллектуальный тупик». Правда, российские историки, особенно старшего поколения, пытаются возражать: де-мол, «не находит объяснения (в рамках «афанасьевской концепции». – А.О.) существовавшее разномыслие в среде историков», не ясны, мол, были «причины и мотивы их поступков» [Ипполитов 2012].

Возможно определение Ю.Н. Афанасьева и справедливо, если только не видеть очевидного: само, якобы «тоталитарное государство», обслуживало чьи-то иные, но, отнюдь не свои «идейно-политические потребности». Именно в этом убеждает нас советская историография Первой русской антарктической экспедиции. В то же время, нельзя не признать идеологическую ангажированность советской исторической науки, ее весомую роль в деле строительства «нового общества» и воспитания «нового человека».

Отмеченное выше «открытие» Б.Г. Островского стало официальным «брэндом» советской науки тех лет. Так, профессор С.В. Калесник, упоминая в одной из своих публикаций работу мичмана П.М. Новосильского добавляет, что «заслуга установления авторства Новосильского принадлежит Б.Г. Островскому» [Калесник 1949(б): 81, сноска 1].

Оценки и трактовки Б.Г. Островского сразу же подхватила чутко (точнее конформистски) настроенная советская историография. В сентябрьской, за 1949 год, книжке «Морского сборника» два советских военно-морских специалиста «бодро рапортовали»: «Даже отчет Беллинсгаузена об экспедиции..., изданный в 1831 г., был предан забвению. Труд другого участника экспедиции, П. Новосильского, – «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера» (1853 г.) – остался незамеченным» [Морозов, Никульченков 1949: 51]

Согласно иным, гораздо более реальным оценкам, опубликованная П.М. Новосильским анонимно книга воспоминаний «Южный полюс...» (1853), у современников имела «несомненный интерес», и, «в отличие от капитального труда Ф.Ф. Беллинсгаузена, давала живое описание и наблюдения очевидца и участника экспедиции» [Шилов] (в любом

случае, наиболее объективными представляются, приведенные выше, оценки самого П.М. Новосильского. – *А.О.*).

Несколько более осторожны в оценках были другие, современные российские авторы: «Историческое плавание Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в Антарктику, завершенное в 1821 г., понемногу стерлось (?! – *А.О.*) в памяти многих, затененное последующими мировыми и российскими событиями. И несмотря на это книга («Южный полюс...». – *А.О.*) привлекла внимание читателей, ибо просто и непосредственно рассказывала о походе к Южному полюсу, о героизме российских моряков» [Беллинсгаузен 2008: 965–966].

Эти же российские специалисты пишут о том, что «автор повествования был определен почти сразу – П.М. Новосильский, бывший во время правания под командой Ф.Ф. Беллинсгаузена мичманом на шлюпе «Восток» [Беллинсгаузен 2008: 966].

Правда, что в данном контексте означает «почти сразу», не до конца понятно – определение авторства П.М. Новосильского его же современниками, в частности, рецензентами его работы, или же советским «первооткрывателем» книг П.М. Новосильского Б.Г. Островским?

Последний писал: «...Автор нигде не называет своей фамилии, но просто говорит о себе в первом лице: «я». Раскрыть это «я» не представляет больших затруднений. На «Мирном» находилось 5 офицеров: трое лейтенантов, в числе их командир Лазарев, затем Обернибесов и Анненков и два мичмана: Куприянов и Новосильский. За исключением последнего, все четыре офицера упоминаются по фамилиям неоднократно, в различных комбинациях... Из этого можно было сделать вывод, что автором книги является никто иной, как неупомянутый мичман П.М. Новосильский» [Островский 1949(а): 242–243].

Вслед за этим, у Б.Г. Островского под его текстом шла сноска такого содержания: «Петр Новосильский, как находим у Симонова» [Островский 1949(а): 242, сноска 1]. Опять же непонятно, зачем надо было искать эти, к тому же неправильные сведения, «у Симонова»?

Следует подчеркнуть, что Б.Г. Островскому прекрасно была известна работа Ф.Ф. Беллинсгаузена которую сам, этот советский географ, охарактеризовал так: «Труд Беллинсгаузена – главный

источник по историческому плаванию «Востока» и «Мирного», но не единственный» [Островский 1949(а): 242]. А в самом этом, «главном источнике», среди команды шлюпа «Мирный» четко указан не «Петр», а мичман Павел Новосильский.

Позволительно предположить, что упомянутое современными российскими исследователями, узнавание П.М. Новосильского «почти сразу», все-таки подразумевает определение его авторства его же современниками. С другой стороны, в российском, «четвертом издании» книги Ф.Ф. Беллинсгаузена можно прочесть следующее: «Новосильский в 1854 г. под своим именем издал книгу «Шестой континент, или Краткое обозрение плаваний к югу от Кука до Росса с картою» (СПб., 1854), в которой отметил, что посчитал целесообразным издать отдельно от описания плавания исторический очерк исследования, зучения Южного полюса – Антарктиды» [Беллинсгаузен 2008: 966].

Если речь идет о книге П.М. Новосильского «Шестой континент...», изданной в 1854 году, то, это 3-е издание тоже вышло без указания авторства. Авторское предуведомление было подписано так: «бывший Морской Офицер» [Шестой 1854: IV]. Лишь в приложенной к этой книге карте с изображением южнополярных пространств, есть надпись: «Рисовал Гард. (гардемарин? – А.О.) Анд. Новосильский».

Автору настоящего исследования (не ставившего себе в качестве основной цели анализ русской дореволюционной историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева) удалось обнаружить только один источник, связанный с упомянутыми П.М. Новосильским, на его книги благосклонными отзывами в отечественных «повременных сочинениях» (т. е. периодических изданиях). Это процитированная выше, и опубликованная в 1855 году в одном из номеров журнала «Морской сборник» рецензия, подписанная «Н. М-н» [Н. М-н 1855].

Внутри этой рецензии есть ссылка на другую рецензию: «Эта брошюра («Шестой континент...». – А.О.) составляет необходимое дополнение к другой книжке того же автора (Новосильского): *Южный Полюс*, о которой мы говорили в Обзоре Русской Морской Литературы за предыдущее трехлетие [Н. М-н 1855: 8] (См. вторую ст. в 8 кн. «Морского Сборника» за 1854 год)» [Н. М-н 1855: 8, сноска].

В этой связи можно лишь высказать пожелание о поиске всех связанных с книгами П.М. Новосильского материалов (как и об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в целом) путем сплошного обследования многочисленных дореволюционных изданий и сборников, просмотра каталогов российских библиотек. Возможно, что в результате удастся обнаружить и ввести в научный оборот немало материала, представляющего ценность, но «забытого» и «затерянного».

По-своему интересна экспедиционная запись П.М. Новосильского от 1(13) февраля 1821 г.: «...В одиннадцать часов вечера... прошли мимо небольшого ледяного острова (айсберга. – *А.О.*) и навсегда с ним простились. Едва ли кто-нибудь из нас опять их увидит: путешествия к южному полюсу принадлежат к числу редко предпринимаемых» [Южный 1853: 86].

Едва ли сам П.М. Новосильский предполагал, что следующая, организованная Россией экспедиция в южные полярные моря, состоится через долгие 135 лет – это будет 1-я Советская антарктическая экспедиция 1956 г. А книги самого мичмана – одного из лучших представителей образованных русских моряков-патриотов XIX века – у себя на родине, действительно, в дальнейшем будут преданы забвению, точнее – подвергнуты замалчиванию со стороны отрабатывающих конкретный социальный заказ псевдоученых.

Помимо «забытости» книг (в смысле их непереиздания и замалчивания) П.М. Новосильского, уровень внимания государства к Антарктике наглядно демонстрирует следующий факт: второе издание фундаментальной книги Ф.Ф. Беллинсгаузена увидело свет в нашей стране только в 1949 г. [Беллинсгаузен 1949] – без малого через 130 лет! Книга вышла небольшим для Советского Союза тиражом – 20 000 экземпляров.

Кстати, в записках П.М. Новосильского «Южный полюс», им самим с сожалением было отмечено, что книга Ф.Ф. Беллинсгаузена – с немалыми перипетиями изданная только в 1831 году, т. е. через десять лет после окончания экспедиции (причем с чужим и далеко не всегда хорошим редактированием; согласно Е.Е. Шведе, «по вопросу о редактировании книги Беллинсгаузена в архивных делах существует целый том переписки» [Шведе 1949(а): 4]), «в настоящее время довольно уже редкая, так что многие из наших важнейших библиотек ее

не имеют» [Южный 1853: б/с]. В 1831 г. книга Ф.Ф. Беллинсгаузена была отпечатана в количестве 600 экземпляров.

Для сравнения: после посещения в 1823 г. антарктических вод Дж. Уэдделлом, уже в 1825 г. вышло «изящно изданное» (по словам француза В. Фонвиеля [Фонвиель 1896: 84]) описание его путешествия. Не затягивали с изданием отчетов о путешествиях своих соотечественников в Антарктику и в других странах. Да и книгу самого Ф.Ф. Беллинсгаузена, в XIX–XX веках, не один раз издавали в переводе за рубежом. Она была переведена на шведский, немецкий, голландский и английский языки.

Один из ведущих советских ученых в области историко-антарктических исследований, доктор исторических наук М.И. Белов писал в 60-х годах о том, что «высокая оценка (имелись в виду отдельные оценки, данные в первую очередь зарубежными учеными и специалистами. – *А.О.*) трудов и открытий Первой русской антарктической экспедиции продержалась до 30-х годов нашего (20-го. – *А.О.*) столетия, когда в Западной Европе и в США были извлечены из архивов и частных собраний неведомые никому документы, якобы способные доказать мнимый приоритет открытия Антарктиды западными мореплавателями» [Белов 1969: 42].

Это, действительно, так. В то же время, даже самый простой анализ картографического материала позволяет прийти к выводу, что подобную «ревизию» (а, возможно, и просто откровенное незнание; впрочем, последнее предположить гораздо сложнее) демонстрировали, к примеру, еще в 1929 году немецкие картографы (с которыми так широко общался Ю.М. Шокальский) и картографы Латвии. И в первом, и в последнем случае – в изданных в этих странах географических атласах – сразу обращает на себя внимание событийные «лакуны» между экспедициями Дж. Кука (1772–1775) и Дж. Уэдделла (1822–1823) [Südpolarländer 1929: 6; Antarktida 1929].

Обозначены были в этих двух атласах и последующие «главные» южнополярные экспедиции, но картографическая информация об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, как таковая отсутствует (как отсутствует и собственно упоминание этой экспедиции). Это тем более примечательно, что в немецком атласе на карте изображены остров Петра I и Земля Александра I.

С 40-х годов прошлого века все отчетливее стала проявляться тенденция предать забвению, замолчать, вообще поставить под сомнение открытие Антарктиды русской кругосветной экспедицией.

Анализ зарубежных оценок, как уже было отмечено, за небольшими исключениями не входил в число решаемых в настоящем исследовании задач. Что же касается оценок советских авторов, то, такие оценки, по крайней мере до конца 40-х годов XX века, не дают оснований считать, что результаты экспедиции были в Советском Союзе высоко оценены. В 30-е – 40-е годы радикально негативная часть из этих «первооценок» корреспондировалась из-за рубежа (в том числе путем опубликования их в зарубежной научной печати) и была благосклонно воспринята, несколько трансформирована и «пущена» в научный оборот советскими авторами.

В этом смысле нельзя говорить об однозначной, заведомо предопределенной «нацеленности» советской исторической науки на «борьбу с буржуазной историографией». Скорее действительно следует вести речь о том, что советская историография сформировалась как сочетание факторов внешнего и внутреннего влияния. Последнее положение особенно справедливо в приложении к советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Несмотря на то, что 7 июня 1950 года правительство СССР направило правительствам США, Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии – Меморандум по вопросу о режиме Антарктики [Меморандум 1950(б)] и мир, таким образом, был недвусмысленно оповещен о начале проведения нашей страной ее антарктической политики, о планируемом активном участии СССР в связанных с южнополярным континентом межгосударственных отношениях, до полноправного признания в Советском Союзе, а затем и в России факта открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, еще должно было пройти определенное время.

При этом взгляды, оценки, трактовки, позиции, исследовательские подходы и интерпретационные модели многих, из уже знакомых нам советских авторов, претерпевали зачастую интереснейшие метаморфозы. Очевидно в этом тоже заключается «феномен» советской историографии...

Библиография

- [Абанькин 1956] Абанькин П.С. М.Ю. Шокальский и гидрография / Географический сборник. XII. Научная сессия, посвященная памяти Ю.М. Шокальского (1856–1956) / Гл. ред. президент Географического общества СССР академик Е.Н. Павловский; отв. ред-ры члены Президиума Географического общества СССР профессора В.Х. Буйницкий и Е.Е. Шведе. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
- [Адамов 1949] Адамов А. Антарктида – русское открытие // Знание – сила. 1949. № 7.
- [Адмирал 1931] Адмирал М.П. Лазарев (3 ноября 1788 – 11 апреля 1851 г.) // Морской журнал. 1931. № 9(45).
- [Академик 1949(а)] Академик Л.С. Берг. Современный интерес к Антарктике // Звезда. 1949. № 2.
- [Академик 1949(б)] Академик Л.С. Берг. Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней // Вестник Академии наук СССР. 1949. № 3.
- [Алейнер 1948] Алейнер А.З. Антарктика в текущем десятилетии // Известия Всесоюзного географического общества. 1948. Том 80. Вып. 4.
- [Алейнер 1949(а)] Алейнер А.З. Новые данные по географии Антарктики // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. 81. Вып. 3.
- [Алейнер 1949(б)] Алейнер А.З. Географические представления об Антарктике с древнейших времен до 1-й Русской антарктической экспедиции и их отражение на картах // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. 81. Вып. 5.
- [Александров 1949] Александров И.Н. Антарктида // Природа. 1949. № 8.
- [Андреев 1947] Андреев А.И. Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XIX–XX вв. // Морской сборник. 1947. № 7.
- [Андреев 1949(а)] Андреев А.И. Русские в Антарктике в 1819–1821 гг. // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1949. Том VI. № 1.
- [Андреев 1949(б)] Андреев А.И. Экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена – М.М. Лазарева в Южный Ледовитый океан в 1819–1821 гг. и открытие русскими морями Антарктиды / Плавание шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах / Под ред., со вступ. стат. и примеч. доктора исторических наук А.И. Андреева. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1949.
- [Андреева 1956] Андреева Е. Ю.М. Шокальский. Океанограф, метеоролог, географ. 2-е издание / Под ред. члена-корреспондента АН СССР С.В. Калесника. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1956.
- [Андрюшин, Чернышев, Юдин 2003] Андрюшин И.А., Чернышев А.К., Юдин Ю.А. Угрошение ядра: страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР / Гл. ред. академик РАН Р.И. Ильяев. Саров, Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2003. URL : <http://npc.sarov.ru/issues/coretaming/coretaming.pdf>
- [Антарктида 1926] Антарктида, Антарктика, Антарктическая область / Большая Советская энциклопедия. Том третий / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1926.

- [Антарктика 1938] Антарктика 1 : 30 000 000 / Атлас командира РККА. М.: Генеральный штаб РККА; Издание 7-го Отдела Генерального штаба РККА, 1938.
- [Антарктика 1947] Антарктика 1 : 50 000 000 / Атлас офицера. Предс. Редакц. совета и отв. ред. генерал-лейтенант технических войск М.К. Кудрявцев. М.: Военно-топографическое управление, 1947.
- [Антарктические 1930] А. Л. Антарктические воздушные экспедиции 1928–1930 гг. // Морской сборник. 1930. № 7.
- [Арманд 1993] Арманд Давид Львович (14.4.1905–28.11.1976) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова. СПб.: б/и, 1993.
- [Арсеньев, Земский 1951] Арсеньев В.А., Земский В.А. В стране китов и пингвинов. Среди природы. Выпуск 42 / Под ред. В.И. Цалкина. М.: Издание Московского Общества испытателей природы, 1951.
- [Афанасьев 1996] Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии / Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
- [Афанасьев 2003] Афанасьев А.А. На гребне волны и в пучине сталинизма. Воспоминания. М.: РКонсульт, 2003.
- [Афонин 1949] Афонин М.Е. Борьба вокруг Антарктики // Летопись Севера. 1949. I / Под общ. редакцией проф. Андреева А.И., проф. Визе В.Ю. и проф. Ефимова А.В. М.: Издательство Главсевморпути, 1949.
- [Бабаян 1947] Бабаян К.Е. Китобойный промысел в Антарктике // Рыбное хозяйство. 1947. № 4.
- [Барков 1940] Барков А.С. Словарь-справочник по физической географии. Пособие для преподавателей географии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940.
- [Беллинсгаузен 1927] Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич (1779–1852) / Большая Советская энциклопедия. Том пятый / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1927.
- [Беллинсгаузен 1949] Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа «Восток», шлюпом «Мирный» командовал лейтенант Лазарев. Второе издание / Под ред., со вступ. стат. и коммент. доктора военно-морских наук Е.Е. Шведе. М.: Государственное издательство географической литературы, 1949.
- [Беллинсгаузен 1960] Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа «Востока», шлюпом «Мирным» начальствовал лейтенант Лазарев / Третье издание, печатается по изданию 1831 г. под редакцией, со вступительной стат и комментариями заслуженного деятеля наук РСФСР доктора

военно-морских наук Е.Е. Шведе. М.: Государственное издательство географической литературы, 1960.

[Беллинсгаузен 2008] Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света / Издание составили и подготовили Г.В. Карпук, Е.И. Харитонов. Автор предисловия В.С. Корякин. М.: ООО «Дрофа», 2008.

[Белов 1966] Белов М.И. Проект Первой советской экспедиции в Антарктику / Информационный бюллетень Советской Антарктической экспедиции № 58, 1966 / Отв. ред. Е.С. Короткевич. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1966.

[Белов 1969] Белов М.И. История открытия и исследования / Атлас Антарктики. Том II. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1969.

[Бендер 1948] Бендер Н.А. Имена русских людей на карте мира / Предисл. Ю. Саушкина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948.

[Берг 1929] Берг Л.С. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.). Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1929.

[Берг 1940] Берг Л.С. Памяти Ю.М. Шокальского (1856–1940) // Известия Всесоюзного географического общества. 1940. Том 72. Вып. 6.

[Берг 1945(а)] Берг Л.С. Столетие Географического общества (1845–1945) // Природа. 1945. № 6.

[Берг 1945(б)] Берг Л.С. М.С. Боднарский (К 75-летию со дня рождения) // Известия Всесоюзного географического общества. 1945. Том 77. Вып. 5.

[Берг 1946(а)] Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.

[Берг 1946(б)] Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет (1845–1945). М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.

[Берг 1946(в)] Берг Л.С. Летопись Географического общества за 1845–1945 годы // Известия Всесоюзного географического общества. 1946. Т. 78. Вып. 1.

[Берг 1946(г)] Берг Л.С. Работы Ю.М. Шокальского в области истории географической науки / Памяти Юлиа Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов. Часть первая / Под. ред. академика И.Ю. Крачковского. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.

[Берг 1947] Президент Всесоюзного географического общества Л.С. Берг. Столетний юбилей (1845–1945) // Вестник Академии наук СССР. 1947. № 2.

[Берг 1948(а)] Берг Л. Наука / Союз Советских Социалистических Республик / Под ред. С.И. Вавилова, К.Е. Ворошилова, А.Я. Вышинского, П.И. Лебедева-Полянского, А. Лозовского, Ф.Н. Петрова, Ф.А. Ротштейна, О.Ю. Шмидта. М.: Государственный научный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ СССР, 1948.

[Берг 1948(б)] Академик Л.С. Берг. Достижения советской географии (1917–1947). Стенограмма публичной лекции, прочитанной 15 декабря 1947 года в Ленинграде. Л.: Ленинградское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний; Лениздат, 1948.

- [Берг 1949(а)] Берг Л.С. Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1949.
- [Берг 1949(б)] Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. 2-е издание исправленное и дополненное. М., Л.: Издательство Академии наук СССР (Серия: «Итоги и проблемы современной науки»), 1949.
- [Берг 1949(в)] Берг Л.С. Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. 81. Вып. 2.
- [Берг 1950] Берг Л.С. Великие русские путешественники. М., Л.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1950.
- [Берг 1951] Берг Л.С. Беллинсгаузен и Пальмер (Из истории открытия Антарктиды) // Известия Всесоюзного географического общества. 1951. Т. 83. Вып. 1.
- [Берг 1993] Берг Лев Семенович (10.3.1876–24.12.1950) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова. СПб.: б/и, 1993.
- [Биография 2012] Биография. Алексей Дмитриевич Некрасов. URL : <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/219742/452602/452603>
- [Б. К. 1948] Б. К. Московский филиал Географического общества Союза ССР (Январь–июнь 1948 г.) / Вопросы географии. Сборник девятый. Ломоносовские чтения Географического факультета Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова / Отв. ред. девятого сборника: К.К. Марков и А.И. Соловьев. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1948.
- [Боднарский 1947] Боднарский М.С. Очерки по истории русского землеведения. I. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1947.
- [Бойко 2007] Бойко Л.Г. Виктор Харлампиевич Буйницкий в 1940 году (О первом уроженце Читы, ставшим Героем Советского Союза) // Читинское обозрение. 2007. 14 февр. URL : http://www.aari.nw.ru/projects/antarctic/persons/buinitsky/biografia2_ru.html
- [Буйницкий 1945(а)] Буйницкий В.Х. Основные итоги и перспективы научно-исследовательских работ Арктического института / Доклады юбилейной сессии (1920–1945). М., Л.: Издательство Главсевморпути, 1945.
- [Буйницкий 1945(б)] Буйницкий В.Х. 25 лет Арктического научно-исследовательского института // Известия Всесоюзного географического общества. 1945. Том 77. Вып. 6.
- [Бэрд 1935] Бэрд Р. Над Южным полюсом. Пер. с англ. В.Л. Дуговской. Л.: Издательство Главсевморпути, 1935.
- [Буйницкий 1945(в)] Буйницкий В.Х. 25 лет Арктического института / XXV лет научной деятельности Арктического института / Отв. ред. издания В.Х. Буйницкий. Л., М.: Издательство Главсевморпути, 1945.
- [Валло 1948] Валло К. Общая география морей / Пер. М.П. Потемкина. Под ред. проф. Н.Н. Зубова. М., Л.: Государственное Учебно-педагогическое Издательство Министерства просвещения РСФСР, 1948.

- [Введенский 1940] Введенский Н. В поисках Южного материка. Русская антарктическая экспедиция 1819–1821. Л., М.: Издательство Главсевморпути, 1940.
- [Введенский 1941] Введенский Н. К вопросу о русских открытиях в Антарктике в 1819–1821 годах, в свете новейших географических исследований // Известия Всесоюзного географического общества. 1941. Т. 73. Вып. 1.
- [В. И. 1881] В.И. Михаил Петрович Лазарев // Русский архив, издаваемый Петром Бартевым. 1881. Книга вторая.
- [Владимир 1959] Владимир Юльевич Визе (1886–1954) / Отечественные физико-географы и путешественники / Под. ред. Н.Н. Баранского, Н.Б. Дика, Ю.К. Ефремова, А.И. Соловьева, Н.А. Солнцева. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959.
- [Владимиров 1933] Владимиров В.Н. Джемс Кук / Под общей редакцией М. Горького, Мих. Кольцова, А.Н. Тихонова. М.: Журнально-газетное объединение, 1933.
- [В Москву... 1949] В Москву, на съезд! (Дружеские шаржи Е. Ведерникова) // Смена. 1949. № 3.
- [Военно-морской 1940] Военно-морской международно-правовой справочник. Книга вторая (Международно-правовые положения, имеющие отношение к Балтийскому, Северному, Черноморскому, Каспийскому и Дальневосточному морским театрам) / Сост. контр-адмирал В.А. Белли. М., Л.: Военно-Морское Издательство НКВМФ, 1940.
- [Военно-морской 1966] Военно-морской международно-правовой справочник / П.Д. Бараболя (руков. авт. колл.), А.С. Бахов, Л.А. Иванашенко и др. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1966.
- [Воробьев, Бусыгин, Юсупов 1949] Воробьев Н.И., Бусыгин Е.П., Юсупов Г.В. Этнографические наблюдения И.М. Симонова на островах Тихого океана // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Том 81. Вып. 5.
- [Воронин 1948] Воронин В.И. Первый поход советской флотилии «Слава» за китами в Антарктику // Известия Всесоюзного географического общества. 1948. Том 80. Вып. 3.
- [Гаккель 1945] Гаккель Я.Я. За четверть века. Обзор деятельности Арктического института Главсевморпути за 25 лет (с 1920 по 1945 год) / Отв. ред. В.Х. Буйницкий. М., Л.: Издательство Главсевморпути, 1945.
- [Гассерт 1912] Гассерт К. Исследование полярных стран. История путешествий к Северному и Южному полюсам с древнейших времен до настоящего времени / Пер. с нем., под редакцией и с дополнениями профессора Г.И. Танфильева. Одесса: Mathesis, 1912.
- [Гассерт 1923] Гассерт К. История полярных путешествий / Пер. Г. Ефрона. Под ред. приват-доцента К. Угринского. Берлин: Издательство И.П. Ладыженкова, 1923.
- [Географическое 1970] Географическое общество за 125 лет / Отв. ред. С.В. Калесник. Л.: Издательство «Наука»; Ленинградское отделение, 1970.

- [География 1968] География Антарктиды / К.К. Марков, В.И. Бардин, В.Л. Лебедев и др. М.: Издательство «Мысль», 1968.
- [Георгиев 1948] Георгиев А. Русские в Антарктике // Знание – сила. 1948. № 4.
- [Георгий 2011] Георгий Кублицкий. Биография. URL : <http://www.livelib.ru/author/199310>
- [Голубев 1949] Голубев Дм. Русские в Антарктике. М.: Государственное Издательство культурно-просветительной литературы, 1949.
- [Гордон 2009] Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009.
- [Григорьев 1906] Григорьев С. Вокруг южного полюса. М.: Типография И.Н. Холчев и К°, 1906.
- [Григорьев 1925] Григорьев С.Г. Шестая часть света (Антарктика). М., Л.: «Земля и фабрика», 1925.
- [Григорьев 1949] Григорьев А. Русские открытия в Антарктике // Смена. 1949. № 11.
- [Григорьев 1985] Григорьев Андрей Александрович (I.XI 1883 – 2.IX 1968) / Моляк Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г. Геологи и географы. Биографический справочник / Ответственные редакторы И.А. Федосеева, Е.Ф. Шнюков. Киев: Наукова думка, 1985.
- [Григорьев, Лебедев 1949] А.А. Григорьев, академик и Лебедев Д.М. Открытие Антарктического материка русской экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева 1819–1821 гг. // Известия Академии наук СССР. Серия географическая и геофизическая. Том XIII (№ 3) / Ред. академик О.Ю. Шмидт. М.: Издательство Академии наук СССР, 1949.
- [Грумм-Гржимайло 1947] Грумм-Гржимайло А.Г. Страницы из истории библиотеки Всесоюзного географического общества // Вестник Академии наук СССР. 1947. № 2.
- [Даниельсон, Дюрвик, Гренли, Хелли, Ховланн 2003] Даниельсон Р., Дюрвик С., Гренли Т., Хелли К., Ховланн Э. История Норвегии. От викингов до наших дней / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. Научн. ред. В.В. Рогинский, Т.Н. Джаксон. М.: Издательство «Весь Мир», 2003.
- [Два 1990] Два плавания вокруг Антарктиды / Предисл. А.Ф. Трешникова, сост. В.В. Аристов, рецензент Ш.Т. Хабибуллин. Казань: Издательство Казанского университета, 1990.
- [Денисов 1950] Денисов И. Антарктика (географические заметки) // Новое время. 1950. № 33.
- [День 1949] День Военно-Морского Флота великой Советской державы // Морской сборник. 1949. № 7.
- [Джонсон 2001] Джонсон П. Популярная история евреев. М.: Вече, 2001.
- [Дневник 1934] Дневник капитана Р. Скотта. Пересмотренный и дополненный перевод с английского З.А. Рогозиной. Л.: Издание Всесоюзного арктического института, 1934.
- [Дневник 1949] Дневник матроса Егора Киселева, участника Первой русской антарктической экспедиции // Наука и жизнь. 1949. № 3.

- [Докладная 1950] Докладная записка министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину по вопросу о меморандуме ряду правительств о режиме Антарктике. 20.02.1950. АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23а. П. 26. Д. 342. Л. 68–70. URL : <http://www.alexanderyakovlev.org/fondi/issues-doc/71711>
- [Домарев 1956] Домарев В.С. Геология урановых месторождений капиталистических стран. М.: Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр, 1956.
- [Донесение 1823] Донесение Капитана 2 ранга Биллинсгаузена из Порты Жаксона о своем плавании // Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским Департаментом, относящиеся к Мореплаванию, Наукам и Словесности. Часть пятая. В С. Петербурге, в Морской Типографии, 1823 года.
- [Дьяконов 1932] Дьяконов М.А. К двадцатой годовщине открытия Южного полюса Амундсеном (14 декабря 1911 г. – 14 декабря 1931 г.) // Морской сборник. 1932. № 1.
- [Дьяконов 1937] Дьяконов М. Амундсен. М.: Журнально-газетное объединение, 1937.
- [Ел. Б. 1949] Ел. Б. Русские мореходы и путешественники // Вокруг света. 1949. № 1.
- [Егоров 1949] Егоров О. Китоуби, говорит «Пассат»! // Вокруг света. 1949. № 3.
- [Есаков 1978] Есаков В.А. География в России в XIX – начале XX в. (открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). М.: Наука, 1978.
- [Ефимов 1949] Ефимов А.В. Великие русские географические открытия (в XVII и первой половине XVIII в.). Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества в Москве / Ред. М.С. Боднарский. М.: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний; Издательство «Правда», 1949.
- [Ефимов 1971] Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М.: Издательство «Наука», 1971.
- [Ефимов 1993] Ефимов Алексей Владимирович (30.1.1896–11.11.1971) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова. СПб.: б/и, 1993.
- [Е. А. 1949] Е. А. О приоритете русских в открытии Антарктики // Морской флот. 1949. № 4.
- [Забелин 1989] Забелин И.М. Очерки истории географической мысли в СССР (1917–1945) / Отв. ред.: доктор философских наук И.И. Мочалов, доктор географических наук И.А. Федосеев. М.: «Наука», 1989.
- [Запись 1939] Запись беседы полномочного представителя СССР в Норвегии В.А. Никонова с чрезвычайным и полномочным посланником Дании в Норвегии Х.Л.Х. Кауфманом, временным поверенным в делах Бельгии в Норвегии Улленс де Схоотеном и командующим морскими силами Норвегии Дисеном (Из дневника В.А. Никонова от 15 июня 1939 г.). URL : http://www.katyn-books.ru/year/God_krizisa_1t_2.t.htm

- [Зенкович 1947] Зенкович Б.А. Китобойный промысел СССР и перспективы его развития (окончание) // Рыбное хозяйство. 1947. № 12.
- [Зенкович 1948] Зенкович Б.А. Советский китобойный промысел в Антарктике (Сезон 1946/47 г.) // Рыбное хозяйство. 1948. № 5.
- [Знаменательные 1941(а)] Знаменательные даты истории русского флота // Краснофлотец. 1941. № 1.
- [Знаменательные 1941(б)] Знаменательные даты истории русского флота // Краснофлотец. 1941. № 2.
- [Зубов 1949] Зубов Н.Н. Русские в Антарктике // Огонек. 1949. № 12 (март).
- [Зубов 1954] Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954.
- [Известия 1949] Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Том 81. Вып. 2.
- [Из письма 1952] Из письма М.П. Лазарева А.А. Шестакову о плавании шлюпов «Восток» и «Мирный» из порта Джексон в Рио-де-Жанейро и Кронштадт и о сделанных географических открытиях / М.П. Лазарев. Документы. Т. I / Под ред. А.А. Самарова. М.: Военно-морское издательство Военно-Морского Министерства Союза ССР, 1952.
- [Ильинский 1944] Ильинский А.П. Столетие антарктической экспедиции Д.К. Росса // Природа. 1944. № 3.
- [Инглези, Фрадкина 1949] Инглези Р.М., Фрадкина З.Л. Тихомиров Г.С. Русская литература по истории географии. Выпуск первый. (А. Б. В.). М., МГУ, 1948. 124 стр. // Советская библиография. Сборник статей и материалов. Выпуск I (26). М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1949.
- [Ипполитов 2012] Ипполитов Г.М. Еще раз о феномене советской историографии / Материалы международной научно-практической конференции «Развитие отечественной исторической науки в XXI веке», г. Москва, 21.12.2012. URL : <http://www.nauteh.ru/index.php/conference-cnf-2012-03/107-a?tmpl>
- [История 1949] История естествознания. Библиографический указатель. Литература, опубликованная в СССР (1917–1947) / Библиография составлена: О.А. Старосельской-Никитиной (руководитель работы), О.В. Красноуховой и Ю.Д. Каценельсоном. Отв. ред: Д.Д. Иванов и Н.А. Фигуровский. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.
- [История 1955] История естествознания. Библиографический указатель. Литература, опубликованная в СССР (1948–1950) / Библиография составлена: О.А. Старосельской-Никитиной (руководитель работы), О.В. Красноуховой, В.И. Макаровой, Л.В. Каминер и П.В. Пильщиковой. Отв. ред: А.Т. Григорьян, Д.Д. Иванов, Н.А. Фигуровский. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955.
- [История 1980] История Норвегии / Отв. ред. А.С. Кан. М.: Издательство «Наука», 1980.
- [Ишков 1947(а)] Ишков А.А. Итоги 1946 г. и наши задачи в 1947 г. // Рыбное хозяйство. 1947. № 1.

- [Ишков 1947(б)] Ишков А.А. Все силы на досрочное выполнение годового плана! (Сокращенная стенограмма доклада на Всесоюзном совещании руководящих и инженерно-технических работников рыбной промышленности западных районов СССР 22 июля 1947 г.) // Рыбное хозяйство. 1947. № 8.
- [Капитан 2012] Капитан Джеймс Кук (1728–1779). URL : http://www.e-reading.org.ua/boOkreader.php/147371/Nekrasov_-_Kapitan-Kuk.html
- [Калесник 1947] Калесник С.В. Празднование столетия Географического общества Союза ССР и Второй Всесоюзный Географический съезд // Известия Всесоюзного Географического общества 1947. Т. 79. Вып. 2.
- [Калесник 1948] Калесник С.В. Географическое общество за советские годы // Известия Всесоюзного географического общества. 1948. Т. 80. Вып. 2.
- [Калесник 1949(а)] Калесник С. Русские открытия в Антарктике // Славяне. 1949. № 4.
- [Калесник 1949(б)] Калесник С.В. К 130-летию русской экспедиции в Антарктику // Природа. 1949. № 8.
- [Калесник 1949(в)] Калесник С.В. Природа Антарктики // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. 81 Вып. 6.
- [Калесник 1993] Калесник Станислав Викентьевич (23.1.1901–13.10.1977) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова. СПб.: б/и, 1993.
- [Карелин 1946] Карелин Д.Б. 25-летие Арктического института // Наука и жизнь. 1946. № 1.
- [Карелин 1947] Карелин Д.Б. Завоевание полюсов. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1947.
- [Карелин 1949] Карелин Д. Антарктика / Карты составлены и выполнены П. Померанцевым. М.: Деггиз, 1949.
- [Касименко 1948] Касименко В.А. Как люди открывали Землю / Научная редакция Д.Л. Арманда. М.: Государственная ордена Ленина Библиотека им. В.И. Ленина, 1948.
- [К вопросу 1947] К вопросу о Шпицбергене (Свальбардском архипелаге). ТАСС 15 января 1947 г. / Внешняя политика СССР. Сборник документов. Том VI (сентябрь 1945 г. – февраль 1947 г.) / Сост. А.С. Тисменец. М.: Типография Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), 1947.
- [Кириллов, Рыбников 1962] Кириллов И.Ф., Рыбников А.А. Первое кругосветное плавание советской китобойной флотилии «Слава» / В сб.: Советские экспедиции в 1959 году / Предс. ред. колл. академик Д.И. Щербаков. М.: Государственное издательство географической литературы, 1962.
- [Колосков 1948] Колосков А. Труды и слава русских путешественников // Правда. 21 марта.
- [Корякин 2008] Корякин В.С. Континент, открытый последним / Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света /

- Издание составили и подготовили Г.В. Карпюк, Е.И. Харитонова. Автор предисловия В.С. Корякин. М.: ООО «Дрофа», 2008.
- [Краснопольский 1993(а)] Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова. СПб.: б/и, 1993.
- [Краснопольский 1993(б)] Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 2. Л–Х / Под ред. профессора С.Б. Лаврова. СПб.: б/и, 1993.
- [Кронштадские 1821] Кронштадские новости. Прибытие Капитана Билленсгаузена и Лейтенанта Лазарева от Южного Полоса // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. 1821. Часть седьмая. № 16. Август.
- [Кругосветные 1937] Кругосветные плаванья / Большая Советская Энциклопедия. Том тридцать пятый / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: ОГИЗ РСФСР; Государственный институт «Советская энциклопедия», 1937.
- [Кублицкий 1949(а)] Кублицкий Г. Колумбы Антарктики // Вокруг света. 1949. № 4.
- [Кублицкий 1949(б)] Кублицкий Г. Открыватели Антарктиды / Отв. ред. В. Касименко. М., Л.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1949.
- [Кушнарев, Васильев 1950] Кушнарев Е.Г., Васильев А.В. Труд об открытии Антарктиды русскими моряками // Морской сборник. 1950. № 7.
- [Лазарев 1938] Лазарев, Михаил Петрович (1788–1851) / Большая Советская энциклопедия. Том тридцать пятый / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ РСФСР, 1938.
- [Лазарев 1952] Лазарев М.П. Документы. Т. I / Под ред. А.А. Самарова. М.: Военно-морское издательство Военно-Морского Министерства Союза ССР, 1952.
- [Лебедев 1923] Лебедев Н.К. Завоевание Земли. Популярная история географических открытий. Том I. Древнее время и средние века. М., Пг.: Государственное издательство, 1923.
- [Лебедев 1925] Лебедев Н.К. Завоевание Земли. Популярная история географических открытий и путешествий. Том I. Девятнадцатый век и наше время. М., Л.: Государственное издательство, 1925.
- [Лебедев 1947] Лебедев Н.К. Завоевание Земли. Популярная история географических открытий и путешествий. Том II. Новое время (XVI–XVIII вв.) / Под. ред. д. г. н., проф. М.С. Боднарского. М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1947.
- [Лебедев 1949(а)] Лебедев Д.В. Н.А. Бендер. Имена русских людей на карте мира. Географиз, М., 159 стр. с илл., 1948. Тираж 200 000 экз., Цена 3 руб. 45 коп. // Природа. 1949. № 7.
- [Лебедев 1949(б)] Лебедев Д.В. Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. С предисловием и вступительной статьей акад. С.И. Вавилова. Составитель и редактор И.В. Кузнецов. I. II. М. – Л., Гос. изд. техн.-

- теоретической литературы, 1948, 1196 стр. с илл. Цена 55 руб. за оба тома // Природа. 1949. № 8.
- [Литвинов] Литвинов Максим / КЕЭ. Том 4. Кол. 878–879. Электронная еврейская энциклопедия. URL : <http://www.eleven.co.il/article/12477>
- [Лукин 1999] Лукин В.В. Геополитические интересы государств в Антарктике / Мировой океан на пороге XXI века. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.П. Алхименко. СПб.: Русское географическое общество, 1999.
- [Лукин 2009] Лукин В.В. Политико-правовые условия организации натурных антарктических исследований / Геология полярных областей Земли. Т. 2. Материалы 42 Тектонического совещания, посвященного предварительным результатам исследований по программе 3-го Международного Полярного года. М.: ГЕОС, 2009.
- [Магидович 1948] Магидович И.П. Джеймс Кук, его действительные и мнимые открытия / Джеймс Кук. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света / Перевод с английского и комментарии Я.М. Света; под научной редакцией и со вступительной статьей И.П. Магидовича. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1948.
- [Магидович 1949] Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М.: Учпедгиз, 1949.
- [Максимов 1937] Максимов Ал. К географии и геологии Антарктики (Исследования Л. Гулда в секторе моря Росса) // Известия Государственного географического общества. 1937. Том 69. Вып. 3.
- [Марков 1944] Марков С.Н. Клады «колумбов российских». Документы о русской морской славе // Морской сборник. 1944. № 11.
- [Марков 1949] Марков С. Русские имена на карте мира // Новый мир. 1949. № 1.
- [Международная 1956] Международная конвенция по урегулированию китобойного промысла / Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIII. М.: Госполитиздат, 1956.
- [Международное 1947] Международное право (Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для юридических институтов и факультетов) / Под общ. ред. В.Н. Дурденевского и С.Б. Крылова. М.: Институт права Академии наук СССР; Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947.
- [Меморандум 1950(а)] Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики. 05.06.1950. АВП РФ. Ф. 7. Оп. 13. П. 9. Д. 167. Л. 21–23. URL : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/71734>
- [Меморандум 1950(б)] Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики (ТАСС) // Известия. 1950. 10 июня.
- [Митрополит Иоанн (Снычев) 1995] Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Издательство «Царское Дьло», 1995.
- [Михайлов 1949] Михайлов С. Империалистическая борьба за Антарктику // Вопросы экономики. 1949. № 10.

- [Молодцов 1954] Молодцов С.В. Современное международно-правовое положение Антарктики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954.
- [Моор 1939] Моор Г. Новая Антарктическая экспедиция Линкольна Ээльсворта // Известия Государственного географического общества. 1939. Том 71. Вып. 4.
- [Мордвинов 1949] Мордвинов Р.Н. Флотоводец Михаил Петрович Лазарев / Новаторы русского флота: Сборник статей. М.: Военное Издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1949.
- [Морозов, Никульченков 1946] Морозов П.Ф., Никульченков К.И. Адмирал М.П. Лазарев // Морской сборник. 1946. № 6.
- [Морозов, Никульченков 1949] Морозов П.Ф., Никульченков К.И. Экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена – М.П. Лазарева в Южный Ледовитый океан и открытие Антарктиды // Морской сборник. 1949. № 9.
- [Морской 1928] Морской журнал. 1928. № 6/7.
- [Московский 1949] Московский филиал Географического общества в 1948 г. (хроника) / Вопросы географии. Сборник одиннадцатый. Картография / Отв. ред. К.А. Салищев и А.М. Комков. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1949.
- [Мурзаев 1947] Мурзаев Э.М. Русское географическое общество // Природа. 1947. № 2.
- [Наше 1949] Наше море. Книга для чтения по русской морской литературе / Составила Е.Д. Вишневская. Б. м.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1949.
- [Мурзаев 1985] Мурзаев Эдуард Макарович (р. 1 VI 1908) / Молявко Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г. Геологи и географы. Биографический справочник / Ответственные редакторы И.А. Федосеева, Е.Ф. Шнюков. Киев: Наукова думка, 1985.
- [Муравейский 1948] Муравейский С. Труды Второго Всесоюзного географического съезда. Том I. Географгиз, М., 1948, цена 13 руб. 50 коп. / Вопросы географии. Сборник девятый. Ломоносовские чтения Географического факультета Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова / Отв. ред. девятого сборника: К.К. Марков и А.И. Соловьев. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1948.
- [Мурзаев 1949] Мурзаев Эд. Русские путешественники в Антарктике. «Плавание шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах». Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями А.И. Андреева. Географгиз, 1949 // Новый мир. 1949. № 11.
- [Некрасов 1941] Некрасов А.Д. В поисках Южного материка. Повесть о втором кругосветном путешествии капитана Кука в южном полушарии на судах «Решение» и «Предприятие». М., Л.: ЦК ВЛКСМ; Издательство детской литературы, 1941.
- [Никитин 2004] Никитин Е.Н. Корней Чуковский, Николай Чуковский. «Мы очень разные литераторы...». Переписка (1921–1963) / Вступительная заметка, подготовка текста и примечания Е.Н. Никитина // Знамя. 2004. № 1. URL : <http://magazines.russ.ru>

/znamia/2004/1/chu9.html

[Никитин 2009] Никитин Е. Неизвестный поэт – Николай Чуковский // Литературная учеба. 2009. № 3. URL : <http://lych.ru/online/0ainmenu-65/40--s32009/356----->

[Н. М-н 1855] Н. М-н. Шестой Континент или краткое обозрение плаваний к югу, от Кука до Росса. С двумя картами, 3-е издание // Морской сборник, издаваемый Морским ученым комитетом. 1855. Том XV. № 4 (Апрель).

[Нозиков 1941] Нозиков Н. Русские кругосветные мореплаватели / Под ред. и со вступит. ст. М.А. Сергеева. М., Л.: Государственное Военно-Морское издательство НКВМФ, 1941.

[Нозиков 1947] Нозиков Н. Русские кругосветные мореплаватели. Издание второе / Под ред. и со вступит. ст. М.А. Сергеева. М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1947.

[Общее 1949(а)] Общее собрание Географического общества СССР // Правда. 1949. 11 февр.

[Общее 1949(б)] Общее собрание Географического общества СССР от 10 февраля 1949 года // Вестник Академии наук СССР. 1949. № 3.

[Овлащенко 2007] Овлащенко А.В. Из истории формирования международно-правового режима Антарктики // Московский журнал международного права. 2007. № 4.

[Овлащенко 2009(а)] Овлащенко А.В. Заслуживает ли Антарктика внимания российских юристов-международников? // Международное право – International Law. 2009. № 3.

[Овлащенко 2009(б)] Овлащенко А.В. Малоисследованные вопросы правового обоснования и защиты интересов Советского Союза в Антарктике (до подписания Договора об Антарктике 1959 г.) // Международное публичное и частное право. 2009. № 6.

[Овлащенко 2010] Овлащенко А.В. Российские юристы-международники о приоритете открытия Антарктиды русской кругосветной экспедицией 1819–1821 гг. // Международное публичное и частное право. 2010. № 3.

[Орлов 1948] Орлов Б.П. Федор Петрович Литке, замечательный русский путешественник и ученый (к 150-летию со дня рождения). Стенограмма публичной лекции, прочитанной 8 апреля 1948 года в Центральной лектории Общества в Москве. М.: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний; Издательство «Правда», 1948.

[Орлов 1956] Орлов Б.П. Ю.М. Шокальский, его жизнь и деятельность (К столетию со дня рождения) / Серия III. № 48. М.: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний; Издательство «Знание», 1956.

[Осипов 1950] Осипов К. Как русские люди открыли Антарктиду / Ред. С.В. Узин. М.: Государственное издательство географической литературы, 1950.

[Островский 1941] Островский Б. Лазаревская школа // Краснофлотец. 1941. № 7.

- [Островский 1949(а)] Островский Б.Г. О позабытых источниках и участниках антарктической экспедиции Беллинсгаузена–Лазарева // Известия Всесоюзного Географического общества. 1949. Т. 81. Вып. 2.
- [Островский 1949(б)] Островский Б.Г. Новое об историческом походе Беллинсгаузена – Лазарева в Антарктику // Звезда. 1949. № 2.
- [Отлично 1937] Отлично знать географию // Правда. 1937. 10 сент.
- [Отчет 1940] Отчет о деятельности Географического общества при Академии наук СССР (в Ленинграде) за первую половину 1940 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1940. Том 72. Вып. 6.
- [Памяти 1950] Памяти Ю.М. Шокальского // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Том 82. Вып. 4.
- [Памятные 1928] Памятные дни из истории Российского Флота // Морской журнал. 1928. № 1.
- [Панов 1937] Панов Д.Г. Научные результаты транс-антарктического перелета Эльсворта в 1935 г. // Известия Государственного географического общества. 1937. Том 69. Вып. 6.
- [Панов 1993] Панов Дмитрий Геннадьевич (16.6.1909–24.7.1965) / Краснополский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова. СПб.: б/и, 1993.
- [Перевалов 1949] Перевалов В.А. Труды Второго Всесоюзного географического съезда, т. I, М., 1948, 390 стр.; т II, М., 1948, 474 стр. // Природа. 1949. № 8.
- [Перечень 1987] Перечень сведений, запрещенных к открытому опубликованию. Экз. № 014356. Инв. № 158-р. Секретно. М.: Главное Управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит СССР), 1987.
- [Персоналия 1959] Персоналия. Сергей Борисович Крылов (1888–1958 гг.) / Советский ежегодник международного права 1958. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959.
- [Персоналия 1960] Персоналия. Всеволод Николаевич Дурденевский (К 70-летию со дня рождения) / Советский ежегодник международного права 1959. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960.
- [Письмо 1925] Письмо Наркомата земледелия РСФСР представителю Правительства РСФСР в Правительстве СССР А.И. Свидерскому об оценке условий концессии на право боя тюленей при заключении торгового договора с Норвегией. 27.06.1925. URL : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1020905>
- [Плавания 1949] Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах / Под ред., со вступ. стат. и примеч. доктора исторических наук А.И. Андреева. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1949.
- [Подорольский 1941] Подорольский Н. Экспедиция Бэрда // Краснофлотец. 1941. № 11.
- [Покшишевский 1947] Покшишевский В. Мастер карт и лоций // Вокруг света. 1947. № 12.

- [Политическая 1939] Политическая карта мира 1 : 80 000 000 / Географические карты для 3-го и 4-го классов начальной школы (Из географического атласа для 3-го и 4-го классов начальной школы). Издание 1-е / Отв. ред. Е.М. Сидорова, техн. ред. И.Ф. Зинин. М.: Главное Управление Геодезии и Картографии при СНК СССР, 1939.
- [Полярные 1940] Полярные экспедиции / Большая Советская энциклопедия. Том сорок шестой / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ РСФСР, 1940.
- [Постановление 1949] Постановление Общего собрания Академии Наук СССР от 11 января 1949 года. URL : <http://www.ras.ru/Fstorage/download.aspx?id=ff2d64b5-bd3a-40d9-bed4-040118424948>
- [Потери 1981] Потери науки. Виктор Харлампиевич Буйницкий (некролог) // Известия Всесоюзного географического общества. 1981. Том 113. Вып. 2.
- [Почетный 1940] Почетный академик Юлий Михайлович Шокальский (17 X 1856–26 III 1940) // Природа. 1940. № 8.
- [Протокол] Протокол 1 заседания Президиума Академии наук СССР, посвященного открытию Музея М.В. Ломоносова при Институте этнографии АН СССР. http://www.kUnstkamera.ru/museums_structure/nauchnye_otdely/lomonosov/history.html
- [Протокол 1943] Протокол Совещания по урановым работам при Институте геологических наук Академии наук СССР от 25 декабря 1943 года. АРАН. Ф. 530с. Оп. 1с. Д. 222. Л. 5. URL : <http://www.ras.ru/atom/3ede864c-5275-417c-bce0-06c3008b3100.aspx?hidetoc=0#>
- [П. С. 1935] П. С. Материалы для истории полярных исследований XVIII–XX веков // Вестник Академии Наук СССР. 1935. № 7–8.
- [Райхенберг 1941] Райхенберг М. Открытие первой земли в Антарктике (К 120-летию окончания русской экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева) // Советская Арктика. 1941. № 2.
- [Ристе 2003] Ристе У. История внешней политики Норвегии / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. Науч. ред. В.В. Рогинский, А.И. Петренко. М.: Издательство «Весь Мир», 2003.
- [Рихтер 1947] Рихтер Г.Д. Краткая характеристика научно-исследовательской, научно-организационной и педагогической работы А.А. Григорьева / Андрей Александрович Григорьев. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия географических наук, вып. 1 / Ответственные редакторы: кандидат геолого-минералогических наук С.И. Набоко и О.В. Исакова; вступительная статья Г.Д. Рихтера; библиография составлена Е.Я. Михайловой.
- [Романов 1946] Романов Н.С. Статьи по вопросам рыбного хозяйства, опубликованные в сборниках и журналах за 1941–1943 гг. // Рыбное хозяйство. 1946. № 6.
- [Русские 1948] Русские географы и путешественники. Выпуск первый / Под. ред. академиков Л.С. Берга, А.А. Григорьева и члена-корреспондента Академии Наук СССР Н.Н. Баранского. М., Л.: Государственное издательство «Искусство», 1948.

- [Русские 1949(а)] Русские открытия в Антарктике. На общем собрании Всесоюзного географического общества // Известия. 1949. 11 февраля.
- [Русские 1949(б)] Русские открытия в Антарктике. На общем собрании Всесоюзного географического общества // Летопись Севера. 1949. I / Под общ. редакцией проф. Андреева А.И., проф. Визе В.Ю. и проф. Ефимова А.В. М.: Издательство Главсевморпути, 1949.
- [Русский 1949] Русский приоритет // Вокруг света. 1949. № 3.
- [Рябчук 1947] Рябчук В.Г. Освоение полярных районов Соединенными Штатами Америки и Канадой в военных целях // Морской сборник. 1947. № 11.
- [Салищев 1948] Салищев К.А. Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М.: Геодезиздат, 1948.
- [Самойлович 1933] Самойлович Р.Л. История полетов в Арктике и Антарктике / Воздушные пути Севера. Сборник статей, посвященных вопросам освоения Севера / Под ред. Я.Я. Анвельта и др. М.: Издательство Советская Азия, 1933.
- [Самойлович 1934] Самойлович Р.Л. Моя 18 экспедиция. Л.: Издание Всесоюзного Арктического Института, 1934.
- [Самойлович 1993] Самойлович Рудольф Лазаревич (13.9.1881–1940) / Калесник Станислав Викентьевич (23.1.1901–13.10.1977) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова. СПб.: б/и, 1993.
- [Саушкин 1948] Саушкин Ю. Предисловие / Бендер Н.А. Имена русских людей на карте мира / Предисл. Ю. Саушкина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948.
- [Семенов-Тянь-Шанский, Герасимов, Орлов 1946] Семенов-Тянь-Шанский В.П., Герасимов А.П., Орлов Б.П. Юлий Михайлович Шокальский и Всесоюзное Географическое общество / Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов. Часть первая / Под. ред. академика И.Ю. Крачковского. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.
- [Сергей 1959] Сергей Григорьевич Григорьев (1874–1931) / Отечественные физико-географы и путешественники / Под. ред. Н.Н. Баранского, Н.Б. Дика, Ю.К. Ефремова, А.И. Соловьева, Н.А. Солнцева. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959.
- [С. К. 1937] С. К. Международный Географический Конгресс // Известия Государственного географического общества. 1937. Том 69. Вып. 5.
- [Слевич 1968] Слевич С. Ледяной материк сегодня и завтра. Л.: Гидрометеиздат, 1968.
- [Словарь 1985] Словарь международного морского права / Отв. ред. Ю.Г. Барсегов. М.: Международные отношения, 1985.
- [Соколов 1950] Соколов А.В. Обзор деятельности Отделения истории географических знаний и исторической географии за период с октября 1947 г. по декабрь 1949 г. / Вопросы географии. Сборник семнадцатый. История географических знаний / Ответственные редакторы семнадцатого сборника Н.Н.

- Баранский и В.К. Яцунский. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1950.
- [Соловьев 1954] Соловьев А.И. Митрофан Степанович Боднарский (1870–1953) / Вопросы географии. Сборник тридцать четвертый. 1954. Картография / Отв ред. А.М. Комков и К.А. Салищев. М.: Государственное издательство географической литературы, 1954.
- [Таич 1944] Таич В.Д. Третья экспедиция адмирала Бэрда в Антарктиду // Известия Всесоюзного Географического общества. 1944. Т. 76. Вып. 1.
- [Тарнопольский 1941] Тарнопольский Я. Дневник матроса Егора Киселева // Вокруг света. 1941. № 4.
- [Таубер 1949] Таубер Г.М. Плавание в Антарктике в 1947–1948 гг. // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Том 81. Вып. 4.
- [Тимофеева 2012] Тимофеева Т.Ю. Советский человек в Германии. Предприятие «Висмут» в 1945–1991 гг. // Вопросы истории. 2012. № 9.
- [Тихий 1926] Тихий океан. Русские научные исследования. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1926.
- [Тихомиров 1946] Тихомиров И. Ю.М. Шокальский – библиотекарь Морского министерства / Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов. Часть первая / Под. ред. академика И.Ю. Крачковского. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.
- [Тихомиров 1947] Тихомиров Г.С. Заметки по истории географии / Отв. ред. к. г. н. А.И. Соловьев. М.: Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947.
- [Тихомиров (вкладка в книгу) 1947] Тихомиров Г.С. Вкладка в книгу «Заметки по истории географии». М.: Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947.
- [Тихомиров 1948] Тихомиров Г.С. Русская литература по истории географии. Выпуск первый (А,Б,В). М.: Издание МГУ, 1948.
- [Федоров, Злобин, Слободяник 2005] Федоров А.Ф., Злобин В.С., Слободяник В.А. Норвегия: суверенитет над Шпицбергом или нечто большее? // Рыбное хозяйство. 2005. № 6.
- [Фонвиель 1896] Фонвиель В. Южный полюс / Перевод Е. Костко. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1896.
- [Черноусько 1949] Черноусько Л.Д. Русские – первооткрыватели Антарктиды // Морской сборник. 1949. № 4.
- [Чуковский 1941] Чуковский Н. Водители фрегатов. Книга о великих мореплавателях / Отв. ред. Н. Струджюмов. М., Л.: Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ, 1941.
- [Шведе 1947] Шведе Е. Путешествие капитана Беллинсгаузена в антарктические моря 1819–1821. Перевод с русского под редакцией Франка Дибенхэма, директора Научно-исследовательского института им. Скотта в Кэмбридже. Изд. общества Хэклит, Лондон, 1945, т. 1, XXX+259 стр.; т. II, VIII+212 стр., с приложением

портретов Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, многочисленных иллюстраций и карт (The voyage of Captain Bellingshausen to the Antarctic Seas (1819–1821. Edited by Frank Debenham, London, Issued by the Hakluyt Society // Известия Всесоюзного географического общества. 1947. Том 79. Вып. 3.

[Шведе 1949(а)] Шведе Е.Е. Предисловие редактора / Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа «Восток», шлюпом «Мирный» командовал лейтенант Лазарев. Второе издание / Под ред., со вступ. стат и коммент. доктора военно-морских наук Е.Е. Шведе. М.: Государственное издательство географической литературы 1949.

[Шведе 1949(б)] Шведе Е.Е. Первая русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. / Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа «Восток», шлюпом «Мирный» командовал лейтенант Лазарев. Второе издание / Под ред., со вступ. стат и коммент. доктора военно-морских наук Е.Е. Шведе. М.: Государственное издательство географической литературы 1949.

[Шведе 1956(а)] Шведе Е.Е. К столетию со дня рождения Юлия Михайловича Шокальского (1856–1940) // Известия Всесоюзного географического общества. 1956. Том 88. Вып. 6.

[Шведе 1956(б)] Шведе Е.Е. Ю.М. Шокальский и Географическое общество / Географический сборник. XII. Научная сессия, посвященная памяти Ю.М. Шокальского (1856–1956) / Гл. ред. президент Географического общества СССР академик Е.Н. Павловский; отв. ред-ры члены Президиума Географического общества СССР профессора В.Х. Буйницкий и Е.Е. Шведе. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956.

[Шейнис 1987] Шейнис З.С. Путь к вершине: Страницы жизни А.М. Коллонтай. 2-е изд., дораб. и доп. / Рецензент Р.А. Лавров. М.: «Советская Россия», 1987.

[Шейнис 1989] Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Издательство политической литературы, 1989.

[Шестаков 2006] Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.) / Сост., предисл. и коммент. В.В. Козыря. СПб.: Судостроение, 2006.

[Шестой 1854] Шестой континент или Краткое обозрение плаваний к югу от Кука до Росса. С двумя картами и портретами. Издание третье, дополненное. СПб.: в Типографии Императорской Академии Наук, 1854.

[Шилов] Шилов Л.А. Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–3. Новосильский Павел Михайлович (1800 – 22.10.1862, Берлин), писатель, цензор, в ПБ – 1838. URL : http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=479

[Шистер 1947(а)] Шистер Е. Под созвездием Южного Креста (продолжение) // Вокруг света. 1947. № 11.

- [Шистер 1947(б)] Шистер Е. Под созвездием Южного Креста (окончание) // Вокруг света. 1947. № 12.
- [Шмидт 1934] Шмидт О.Ю. Исследования Арктики в Советском Союзе / Доклады Советской делегации на Международном географическом конгрессе в Варшаве. Б. м.: Издание Научно-исследовательского института Большого Советского атласа мира при ЦИКе СССР; Типография НКО им. Клина Ворошилова, 1934.
- [Шмидт 1985] Шмидт Отто Юльевич (30.IX 1891 – 7.IX 1956) / Молявко Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г. Геологи и географы. Биографический справочник / Ответственные редакторы И.А. Федосеева, Е.Ф. Шнюков. Киев: Наукова думка, 1985.
- [Шокальская 1946] Шокальская З.Ю. Жизненный путь Юлия Михайловича Шокальского / Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов. Часть первая / Под. ред. академика И.Ю. Крачковского. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.
- [Шокальская 1956] Шокальская З.Ю. Жизненный путь Ю.М. Шокальского / Географический сборник. XII. Научная сессия, посвященная памяти Ю.М. Шокальского (1856–1956) / Гл. ред. президент Географического общества СССР академик Е.Н. Павловский; отв. ред-ры члены Президиума Географического общества СССР профессора В.Х. Буйницкий и Е.Е. Шведе. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
- [Шокальская 1960] Шокальская З.Ю. Жизненный путь Шокальского / Отв. ред. Е.Е. Шведе. М.: Государственное издательство географической литературы, 1960.
- [Шокальский 1917] Шокальский Ю. Океанография. Пг.: б. и., 1917.
- [Шокальский 1926] Шокальский Ю. Из истории географии / Под ред. академика В.Л. Комарова. М., Л.: Государственное издательство, 1926.
- [Шокальский 1934] Шокальский Ю. Управление островами Бувэ и Петра I в Антарктических водах // Известия Государственного русского географического общества. 1933. Том 66. Вып. 5.
- [Шокальский 1937(а)] Шокальский Ю. Richard Evelyn Byrd rear-admiral. – Antarctic Discovery, the Story of the second Byrd Antarctic Expedition. – London. Putnam and Co, 1936. 18s: XXII+421 p.+47 plates // Известия Государственного географического общества. 1937. Том 69. Вып. 3.
- [Шокальский 1937(б)] Шокальский Ю. Новости об Антарктиде // Известия Государственного географического общества. 1937. Том 69. Вып. 4.
- [Шокальский 1939(а)] Шокальский Ю. Остров Петра I в восточной части Тихоокеанской Антарктиды, в море, по справедливости наименованном «морем Беллинсгаузена» // Известия Государственного географического общества. 1939. Том 71. Вып. 9.
- [Шокальский 1939(б)] Шокальский Ю. Lars Kristensen. Such is the Antarctic. Translated by E. Jayne. London: Hodder and Stouton, 1935. XIII + 265 p.; 44 фотографии и две карты // Известия Государственного географического общества. 1939. Том 71. Вып. 9.

- [Щербаков 1941] Щербаков Д.И. Проблема урана // Наука и жизнь. 1941. № 5.
- [Южно-Африканская] Южно-Африканская Республика / КЕЭ. Том 10. Кол. 813–815. Электронная Еврейская Энциклопедия. URL : <http://www.eleven.co.il/article/15157>
- [Южный 1853] Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера. С картой и двумя портретами. СПб.: В типографии Эдуарда Веймара, 1853.
- [Юлий 1940] Юлий Михайлович Шокальский (некролог) // Вестник Академии Наук СССР. 1940. № 6.
- [Юлий 1959] Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940) / Отечественные физико-географы и путешественники / Под. ред. Н.Н. Баранского, Н.Б. Дика, Ю.К. Ефремова, А.И. Соловьева, Н.А. Солнцева. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959.
- [Юнга 1941] Юнга Е. Под Южным крестом // Краснофлотец. 1941. № 7.
- [Юнга 1949] Юнга Е.С. Великие географические открытия русских мореплавателей / Новаторы русского флота: Сборник статей. М.: Военное Издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1949.
- [Ющенко 1956] Ющенко А.П. Роль Ю.М. Шокальского в развитии картографии / Географический сборник. XII. Научная сессия, посвященная памяти Ю.М. Шокальского (1856–1956) / Гл. ред. президент Географического общества СССР академик Е.Н. Павловский; отв. ред-ры члены Президиума Географического общества СССР профессора В.Х. Буйницкий и Е.Е. Шведе. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
- [Яковлев 1936] Яковлев А. Жизнь и приключения Роальда Амундсена (Серия: Жизнь замечательных людей). Для старшего возраста. Издание 3. М., Л.: Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ, 1936.
- [Якубович 1944] Якубович В.Я. Первые русские в Антарктике // Наука и жизнь. 1944. № 9.
- [Якубович 1948] Якубович Вл. Русские имена на карте мира // Вокруг света. 1948. № 1.
- [Bulkeley 2013] Bulkeley R. Bellingshausen's first accounts of his Antarctic voyage of 1819–1821 // Polar Record. 2013. Vol. 49. Issue 01. URL : http://journals.cambridge.org/article_S0032247411000544
- [Bush 1982] Bush W. Antarctica and International Law. A Collection of Inter-State and National Documents. Vol. 2. London: Ocean Publications, Inc., 1982.
- [Dodds 2008] Dodds K. The Great Game in Antarctica: Britain and the 1959 Antarctic Treaty // Contemporary British History. 2008. Vol. 22. No. 1.
- [Gan 2011] Gan I. «The first practical Soviet steps towards getting a foothold in the Antarctic»: the Soviet Antarctic whaling flotilla *Slava* // Polar Record. 2011. Vol. 47. No. 240. URL : http://journals.cambridge.org/download.php?file=%2FPOL%2FPOL47_01%2FS003224740999043Xa.pdf&code=7cb934644ae61a3e533e435a6523a1b7
- [Juske 2003] Juske A. Estonian-born Admiral F. v. Bellingshausen, the Discover of Antarctica. Tallinn: Kasmu, 2003.

[Antarktīda 1929] Antarktīda. Mērogs 1:73.000.000 / A. Ošiņa un P. Mantnieka ģeografiski-statistisks Pasaules atlants / Sakopojis P. Matnieks. Rīgā: A. Ošiņa un P. Mantnieka Kartografiskā Institūta Izdevums, 1929.

[Kubļickis 1953] Kubļickis G. Antarktīdas atklājēji / Tulk. N. Buse. Rīga: Latvijas Valsts izd., 1953.

[Südpolarländer 1929] Südpolarländer. Breiten-Maßstab 1:50 000 000 / Der Grosse Weltatlas / Auf grund neuesten materials herausgegeben und bearbeitet von Dr. Oswald Muris, Professor für Geographie an der Pädagogischen Akademie zu Hannover und Otto Wand, Kartograph im Reichsamt für Landesaufnahme. Berlin: Deutsche Buch-Gemeinschaft GMBH, 1929.

MoreBooks!
publishing

yes **i want morebooks!**

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

